

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

1 9 3 3

№ 6

П А Р Т И З Д А Т

Важнейшие исправления и опечатки в № 5

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
17	1 снизу	суть форма противоречия	суть лишь «отраженная форма» противоречия
19	20—18 св.	является ли это противоречие противоречием «самодвижения» техники, противоречием, имманентным развитию самой техники?	является ли это противоречием «самодвижения» техники?
23	7 сверху	оказываются выхожденными.	оказываются выхожденными и здесь.
25	(заголовок)	Первая пятилетка и закономерность технического развития	2. Первая пятилетка и закономерности технического развития
32	17 снизу	и постановления XV партийного съезда	и постановления XVI партийного съезда.
32	15 »	Колоссальный прирост продукции Кузнецкого каменноугольного бассейна в первой пятилетке ⁴⁹ нового каменноугольного района в Каргинде	Колоссальный прирост продукции Кузнецкого каменноугольного бассейна в первой пятилетке ⁴⁹ и создание нового каменноугольного района в Каргинде
33	сноска 51	} Бухарин, Техническая реконструкция и текущие проблемы научной-исследовательской работы.	} Бухарин, Техническая реконструкция и текущие проблемы научно-исследовательской работы, «Социалистическая реконструкция и техника» № 1 за 1933 г., стр. 7—8.
30	сноска 44		
37	18 снизу	Наконец отказ и полная отмена в советском хозяйстве производства для непосредственного эффекта в смысле, характерном для капитализма, в отличие от капитализма от производства только для непосредственного эффекта также является основой ускоренных темпов и нового типа технического развития.	Наконец отказ в советском хозяйстве в отличие от капитализма от производства только для непосредственного эффекта и полная отмена производства для непосредственного эффекта в смысле, характерном для капитализма, является основой ускоренных темпов и нового типа технического развития.
37	8 снизу	непосредственного эффекта технической реконструкции	непосредственного эффекта для технической реконструкции
38	12 сверху	гигантском общегосударственном (в известной мере и в интернациональном, мировом) масштабе.	гигантском общегосударственном (в известной мере и в интернациональном, мировом) масштабе» (Ленин).
39	18—20 св.	электропередачи, технически совершенные электроагрегаты	(электропередачи, технически совершенные агрегаты)
94	28 сверху	метафизиков	метафизика
97	15 снизу	Vc ₂	3.
97	11 »	V ₂ c	3.
97	4 »	Vu	3.
109	15 сверху	противоречия общественного производства при частнокапиталистическом присвоении	противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением
111	7 сверху	15 лет пролетарской революции и особенно	15 лет пролетарской революции и первым годом второй пятилетки и особенно
114	16 снизу	загибщиков	загибщиков и примиренцев к уклонам
114	7 снизу	года	года и плана 1933 г.
128	16 снизу	ликвидацией на базе сплошной коллективизации кулачества как класса	ликвидацией кулачества как класса на базе сплошной коллективизации

На странице 49, в строку 1 сверху ошибочно вставлен заголовок «Резолюция январского пленума ЦК и ЦКК».

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЗДАЙТЕ СЫ

ГОД
ИЗДАНИЯ
ПЯТЫЙ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Л
А
Р
Ж
Й
Н
Ы
Ч
Я
С
Т
М
Х
У
Д

ОРГАН
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

№ 6

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1933

Н. Я. Пекарь-Орлов — Итоги борьбы партии за большевистские колхозы в 1933 г.	3
Казбек Бутаев — Диктатура пролетариата как основа экономического развития советского хозяйства к социализму	33
Г. Косяченко — К постановке проблемы госпроизводства в хозяйстве СССР	61
М. Гольдберг, И. Окунева — О некоторых вопросах переходного периода	84
М. Смит — Экономические теории английских лейбористов	98
М. Юров — Электрозавод в борьбе за уплотненный рабочий день и высокую производительность труда	132

БИБЛИОГРАФИЯ

А. Казанский, А. Сидоров — Обнищание рабочего класса в капиталистических странах в свете марксо-ленинской теории	147
В. Балков — Экономическая «теория» германского фашизма	157
Экономическая программа и практика национал-социализма (обзор литературы)	173
Программа по теории советского хозяйства Экономического института красной профессуры на 1933/34 учебный год	187

ИТОГИ БОРЬБЫ ПАРТИИ ЗА БОЛЬШЕВИСТСКИЕ КОЛХОЗЫ В 1933 г.

Партия подходит к своему XVII съезду с историческими победами. Колхозный строй победил окончательно и бесповоротно. Распыленная мелкокрестьянская деревня переделяется на базе крупных социалистических предприятий с передовой современной техникой под непосредственным руководством крепких большевистских кадров, посланных партией в совхозы и колхозы.

«Теперь вопрос состоит уже не в том — быть или не быть колхозам, — этот вопрос уже решен положительно. Колхозы закреплены, и путь к старому, единоличному хозяйству закрыт окончательно. Теперь задача состоит в том, чтобы укрепить колхозы организационно, вышибить отсюда вредительские элементы, подобрать настоящие проверенные большевистские кадры для колхозов и сделать колхозы действительно большевистскими. В этом теперь главное» (С т а л и н). Так формулировал т. Сталин задачи партии в колхозном строительстве на январском пленуме ЦК и ЦКК.

Блестящий ленинский анализ недостатков в работе колхозов, данный т. Сталиным на январском пленуме ЦК и ЦКК, мобилизовал всю партию на борьбу за большевистские колхозы, за полную ликвидацию этих крупнейших недостатков. Политотделы — могучее орудие в этой борьбе за большевистские колхозы.

Организация политотделов и их укомплектование лучшими большевистскими кадрами, проверенными Центральным комитетом партии, обеспечили огромные производственные успехи и значительное укрепление колхозов в 1933 г. Политотделы действительно стали «важнейшим рычагом партии в деле организационного укрепления колхозов, очистки их от классово враждебных элементов, усиления организующей роли коммунистов и комсомольцев в колхозах и исправления недостатков работы деревенских партийных организаций» (постановление ЦК от 15 июня 1933 г.). Политотделы превратились в подлинные центры сплочения лучших, передовых элементов колхозной деревни.

В итоге борьбы за большевистские колхозы, за реализацию лозунга т. Сталина о превращении всех колхозников в зажиточных партия добилась значительного роста социалистической дисциплины и производительности колхозного труда во всех областях и республиках Союза.

Хлебопоставки этого года, завершенные на 2—3 мес. раньше, чем в прошлом году, свидетельствуют прежде всего о глубочайших сдвигах среди колхозного крестьянства. Колхозные массы под руководством рабочего класса поднялись на новую, более высокую ступень в понимании общегосударственных интересов, а это имеет громадное политическое значение. Это значит, что колхозы становятся действительно большевистскими, что крепнут пролетарские позиции, позиции социализма в деревне.

Партия одержала великие победы в сельском хозяйстве в борьбе с осколками контрреволюционного троцкизма и буржуазными вредителями, в борьбе с правым и «левым»-оппортунистической «теорией» и практикой. Неприми-

ривая борьба со всеми формами оппортунизма, особенно с правым оппортунизмом, является условием победоносного наступления социализма и строительства бесклассового общества.

Рост социалистических форм производства в деревне

Итоги с.х. года характеризуются дальнейшим укреплением социалистического сектора сельского хозяйства, свидетельствующим о возрастающем усилении позиций социализма в нашей стране.

Следующие данные характеризуют это положение:

Коллективизация за 1933 г.

	Вступило хозяйств в колхозы с 1 января 1933 г. по 1 сентября 1933 г. (в тысячах)	% коллективизированных хозяйств	
		на 1 января 1933 г.	на 1 сентября 1933 г.
По Союзу	748,4	61,8	65,5
В том числе:			
Московская обл.	162,7	53,3	65,5
Горьковский край	146,5	45,1	56,8
Ивановская обл.	94,2	46,5	68,2
Татарская АССР	37,8	58,8	67,5
Ленинградская обл.	33,9	45,3	52,5
ЦЧО	127,3	67,9	74,4
Западная Сибирь	68,2	63,9	71,5
Украина	75,9	69,9	70,1

Вступило в колхозы за 8 мес. 1933 г. 748 ты с. единоличных трудящихся крестьян. Процент коллективизации вырос с 61,8 до 65,5, или в среднем по Союзу на 3,7. Наиболее крупный рост коллективизации дали Московская область, где процент коллективизации увеличился на 12,3, Горьковский край — 11,7 и Ивановская область — 21,7.

Факт дальнейшего значительного роста колхозов имеет огромное политическое значение. Рост этот происходит на базе укрепления существующих колхозов. Единоличные трудящиеся крестьяне с каждым днем все более убеждаются в том, что единственный правильный путь для них — это колхоз. Рост благосостояния колхозников, значительно большая доходность колхозника по сравнению с единоличником, — все это является стимулом для колеблющихся еще единоличных трудящихся крестьян и побуждает их решать вопрос в пользу колхоза.

Задачей партийных организаций, политотделов МТС, колхозных ячеек является всемерное руководство этими процессами роста коллективизации. Важнейшая обязанность каждого коммуниста, каждого колхозника — помочь трудящимся единоличникам быстрее изжить свои колебания в деле вступления в колхоз.

Не менее ярким показателем роста позиций социализма в нашей стране является возросший удельный вес посевных площадей социалистического сектора (в проц. ко всей площади посева):

	Посев яровых		Посев озимых	
	1932 г.	1933 г.	1932 г.	1933 г.
Совхозы	11,4	11,8	6,8	9,0
Колхозы	69,1	74,6	69,0	73,2
Единоличники	19,5	13,6	24,2	17,8
	100,0	100,0	100,0	100,0

Удельный вес социалистических форм производства в посевных площадях по яровым в 1933 г. составляет 86,4%, а по озимым — 82,2%. Против 1932 г. удельный вес посевных площадей совхозов и колхозов возрос по яровым на 4,9%, а по озимым — на 6,2%.

«Подводя итоги, мы можем теперь сказать, что позиции единоличного хозяйства уже преодолены во всех основных районах СССР и полная победа колхозного строя в деревне обеспечена»¹.

Укрепление пролетарских позиций в деревне за этот год характеризуется дальнейшим усилением руководящей роли МТС в колхозном производстве, дальнейшим расширением его индустриальной базы.

Число МТС выросло с 2 115 до 2 769 на 1 октября 1933 г. Количество колхозов, обслуживаемых МТС, увеличилось на 3 700 единиц. Сейчас МТС охватывают уже около 8 млн., или больше половины, колхозных хозяйств и 40% всех колхозов. Тот факт, что МТС охватывает 40% колхозов и больше половины колхозных хозяйств, свидетельствует о том, что в основных зерновых районах, где колхозы крупнее, чем в нечерноземной полосе, МТС занимают основные позиции. Вместе с тем за этот год значительно выросли МТС и в так называемой потребляющей полосе. Достижения МТС в отношении охвата колхозных посевных площадей характеризуются следующими данными:

	Озимые и яровые посевы			
	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Площадь в колхозах, обслуживаемых МТС (в тыс. га)	2 428	21 068	45 131	54 627
В % ко всей колхозной площади	6,4	26,4	48,6	58,4

Удельный вес посевных площадей МТС в общей колхозной площади повысился за один 1933 год с 48,6 до 58,4%. Поднято значительно больше паров, чем в прошлом году (8 964 против 6 614 тыс. га). Зяби МТС подняли в 1933 г. на 6 400 тыс. га больше, чем в 1932 г. (17 848 против 11 446).

Эти данные служат блестящей иллюстрацией того, что МТС стали основным рычагом социалистической реконструкции сельского хозяйства. Они поднялись

¹ Из постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о подъеме паров и организации уборки зерновых от 24 мая 1933 г.

на новую, более высокую ступень как орудие пролетарского руководства колхозамп.

Натуральная оплата с доли урожая колхозов вносит принципиально новые моменты во взаимоотношения между МТС и колхозамп, делает МТС более ответственными за состояние колхозного производства.

Во-первых, МТС становятся одним из важнейших каналов поступления хлеба пролетарскому государству, что имеет первостепенное политическое значение. По мере дальнейшего развития МТС, охвата ими все большего числа колхозов, посевных площадей и всех процессов обработки роль МТС как канала поступления хлеба государству будет все больше возрастать. Принципиальное политическое значение такого перехода чрезвычайно велико. Этим объясняется тот факт, что решением ЦК партии и Совнаркома договорам МТС с колхозамп придана сила закона, нарушение которых рассматривается как нарушение законов советской власти. Отсюда и то внимание, которое партия уделяет поступлению натуроплаты.

Во-вторых, МТС становятся непосредственно заинтересованными в размерах урожая колхоза. От этого зависит их собственное материальное благополучие, более быстрое организационное укрепление. Вместе с ростом урожая растет и доля, получаемая МТС, растет и мощь МТС. Это приводит к улучшению руководства со стороны МТС всеми процессами колхозного производства.

В-третьих, договоры и дополнительные производственные соглашения МТС с колхозамп направлены на улучшение качества с.-х. работ, проведение необходимых агротехнических мероприятий, обеспечивающих высокий урожай. Борьба за выполнение договора между МТС и колхозом превращается в борьбу всей колхозной массы под руководством МТС за высокую производительность колхозного труда, повышение урожайности, за большевистские колхозы и обеспечение зажиточной жизни колхозников.

Следовательно решение партии о натуроплате имеет крупнейшее политическое значение, поднимая организаторскую роль МТС в колхозах, усиливая их мощь как рычагов партии по социалистическому перевоспитанию колхозников.

За этот год социалистическое сельское хозяйство получило мощное пополнение своей индустриальной базы. Огромный рост механизации социалистического сельского хозяйства является одним из наиболее замечательных достижений нашей партии, нашей страны. Известно, какое значение придавал Ленин слджной машине, трактору для сельского хозяйства, какое значение машине придают и т. Сталин и наша партия в целом. Большевики никогда не рассматривали машину в руках пролетарского государства только лишь как средство технического перевооружения с.-х. производства.

Тракторы и сложные машины партия рассматривала как орудие социалистической переделки мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства, как орудие строительства социализма в нашей стране. Правильное руководство крестьянством и индустриализация страны, давшая возможность подвести новую техническую базу под сельское хозяйство, обеспечили нам исторический поворот основных масс крестьянства к социализму.

Социалистическое перевоспитание колхозника — длительный процесс; в колхозах еще сильны остатки мелкобуржуазной идеологии, навыки, привычки вчерашнего дня, унаследованные от единоличного крестьянского хозяйства. Вытравить остатки старых традиций, переделать навыки и привычки, оставшиеся от капитализма, можно только на основе новой техни-

ческой базы, которую партия и советское государство подводят под сельское хозяйство, усиливая ее из года в год.

«Полная коллективизация сельского хозяйства, — говорится в резолюции XVII партконференции, — рост крупных государственных с.-х. предприятий и вооружение совхозов и колхозов передовой машинной техникой, на деле превращающей сельскохозяйственный труд в разновидность индустриального труда, и значительное укрепление транспортной связи и товарооборота между промышленностью и сельским хозяйством создают условия для полного устранения противоположности между городом и деревней»².

Сотни тысяч трактористов в МТС, десятки и сотни тысяч колхозников, работающих в качестве комбайнеров, штурвальных на комбайнах, на тракторных сноповязалках, пикерах и других сложных машинах, — это уже сейчас огромная армия колхозников, труд которых представляет разновидность индустриального труда. Работая на сложной машине или в сочетании со сложной машиной, колхозник становится другим человеком: он порывает со старыми привычками и навыками, связанными с работой ручным способом или на простейшей машине. Колхозники приобретают технические квалификации, овладевают машиной, становятся более грамотными, более культурными в широчайшем смысле этого слова.

Пролетарское руководство колхозами в лице МТС и политотделов плюс новая техническая база помогают колхознику политически подняться на небывалую высоту. Он начинает смотреть дальше своей деревни и своего колхоза, видеть интересы не только свои собственные и своего колхоза, но и общие интересы пролетарского государства в целом.

Механизация сельского хозяйства

Обратимся к росту механизации сельского хозяйства.

Рост вооружения сельского хозяйства тракторами характеризуется следующими данными:

	На 1 января 1933 г.	На 1 января 1934 г.	Рост в %	В лошадиных силах		
				на 1 января 1933 г.	на 1 января 1934 г.	Рост в %
По Союзу	145 845	212 970	146,1	2 246 635	3 281 694	146,1

За один лишь год тракторный парк в сельском хозяйстве увеличился на 77 155 тракторов, или на 46,1%. Пуск Челябинского завода, образцовая работа Харьковского и Сталинградского тракторных заводов обеспечивают в 1934 г. еще более быстрый рост механизации социалистического сельского хозяйства. Тракторы нашего отечественного производства (СТЗ, ХТЗ, ЧТЗ) занимают решающее место в общем тракторном парке Союза. Это имеет большое значение и с точки зрения правильной организации труда, подготовки кадров, ухода за машинами, ремонта, производства запчастей и т. д.

Лошадь в сельском хозяйстве еще долго будет играть важную роль. Однако значительный удельный вес механической тяги в общем балансе

² Разрядка наша — П. О.

тягловых ресурсов страны имеет уже сегодня для многих районов то значение, что трактор по существу решает и вопрос темпов проведения с.-х. кампаний, выполнения планов, качества работы и т. д. Особенно это относится к таким районам, как Северный Кавказ, Нижняя Волга, УССР, и другим зерновым районам.

Наряду с ростом тракторного парка растет и вооруженность нашего сельского хозяйства комбайнами и автомашинами.

	Комбайны			Автомашинны		
	в с е г о			на 1 ян- варя 1933 г.	на 1 ян- варя 1934 г.	Рост в %
	на 1 ян- варя 1933 г.	на 1 ян- варя 1934 г.	Рост в %			
По системе НКЗ	8 905	19 889	223,3	2 244	12 389	552,1
По системе НКСовхоз	6 618	12 771	193,0	11 886	13 973	117,5
По Союзу	15 523	32 660	210,0	17 635	28 000	158,8

Впервые в этом году комбайн стал массовой уборочной машиной и в машинно-тракторных станциях. Являясь сложнейшей с.-х. машиной, комбайн внедрялся в течение ряда лет в наши совхозы. В первые годы организации совхозов значительную часть комбайнов мы закупали за границей и ввозили для вооружения совхозов. Но, освоив в полной мере производство этой сложнейшей машины, социалистическая промышленность сумела дать уже в 1932 и особенно в 1933 г. огромный рост производства комбайнов, позволивший нам двинуть комбайн широким потоком через МТС на колхозные поля. Если в прошлом году МТС имели всего каких-нибудь 2 тыс. комбайнов, и машина эта являлась гостем в колхозах, то в этом году МТС имеют уже более 10 тыс. комбайнов, причем есть немало МТС, в которых уже в текущем году работало по 10—15 комбайнов, сыгравших большую роль в проведении уборочной кампании.

Колоссально выросло количество автомашин в сельском хозяйстве. За один 1933 год совхозы и МТС получили примерно 18 тыс. легковых и грузовых автомашин. Если в 1931 и отчасти в 1932 г. автомашины в МТС обслуживали главным образом работу тракторного парка (подвозка горючего, вода, ремонт и т. д.), то в этом году автомашины являются уже крупнейшим видом транспорта, используемого для перевозки зерна к элеваторам и сыпным пунктам и всяких других товаров как в деревню, так и из деревни в город. Сама организация автотранспорта резко изменилась — вместо распыленного использования по 2—3 машины в ряде МТС созданы автоколонны по 10 и больше автомашин, дающие возможность более производительнее использовать автопарк, лучше поставить техническую эксплуатацию, уход и ремонт машин. Следовательно не только увеличилось количество автомашин, но изменилась организация этого хозяйства, что имеет большое значение для дальнейших процессов механизации с.-х. производства.

Наряду со столь значительными успехами в отношении вооружения сельского хозяйства новейшей техникой необходимо отметить в качестве отрицательного фактора то, что совхозы, МТС и колхозы не научились еще владеть как следует этой техникой, использовать

всю ее мощь, все ее преимущества. В этом отношении 1933 год не дал еще ощутительных результатов.

В своем докладе на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) об итогах первой пятилетки т. Сталин говорил, что если в первой пятилетке «мы сумели организовать энтузиазм, пафос нового строительства и добились решающих успехов, то теперь это недостаточно, теперь это должны мы дополнить энтузиазмом, пафосом освоения новых заводов и новой техники, серьезным поднятием производительности труда, серьезным сокращением себестоимости. В этом теперь главное» (Сталин).

Лозунг об освоении техники как главной задачи второй пятилетки имеет в сельском хозяйстве не менее актуальное значение, чем в промышленности. Что дело обстоит еще плохо с использованием техники, мы покажем на нескольких примерах. Следующая таблица, составленная на основе данных Зернотрактороцентра, показывает, как обстоит дело с использованием тракторов:

	Апрель	Май	Июнь	Июль
Количество тракторов, по которым даны сведения	14 258	794	20 509	19 663
Процент отработанных часов к запасу тракторочасов (% использования)	35,8	46,5	27,8	26,2
Часов чистой работы на один трактор в месяц	203	342	200	195
Характер простоев тракторов (все простои приняты за 100%)				
а) по неисправности трактора	30,6	52,3	50,7	50,4
б) по неисправности прицепных орудий	1,3	2,3	1,0	3,1
в) из-за отсутствия горючего	1,8	1,6	6,5	6,6
г) из-за непогоды	44,5	19,8	26,6	18,4
д) по прочим причинам	21,8	24,5	15,2	21,5

Бросается в глаза прежде всего низкий процент полезной работы тракторов: мы получаем примерно 50—60% того, что должен дать трактор при двух сменной работе, если даже исключить в среднем 20% календарного времени, падающего на непогоду³. Характер простоев объясняет причины низкой производительности тракторов. Основная причина — не исправность трактора и прицепных орудий. За этим кроется плохой уход за трактором, неумение, а часто и нежелание во время исправить неполадки в тракторе, неумение как следует управлять трактором, что связано с недостаточной еще квалификацией кадров. Простои из-за отсутствия горючего связаны не столько с действительным отсутствием горючего (такие случаи иногда бывают), сколько колоссальным пережогом топлива, отсутствием учета и контроля в этом деле. Редко можно найти МТС, где процент перерасхода топлива не превышал бы 10—15. Вообще же перерасход топлива составляет значительно больший процент. Заправка трактора, как правило, производится кустарно (без леек, прямо из ведра), заправочный, механизированный инвентарь не используется (насосы, альвейеры и др.) и наряду с этим немало фактов воровства керосина.

Основные причины плохой работы тракторов сводятся к крайне низкому уровню трактористов, плохому техническому руководству со стороны МТС, неорганизованности в работе. Этими причинами объясняется низкая производительность тракторов.

³ Кроме мая, когда тракторы работают в общем удовлетворительно.

Приведем другой пример о работе комбайнов (по 16 агрегатам):

Работа комбайнов на уборочной кампании 1933 г.

С о в х о з ы	Производи- тельность в один час брутто по норме (в га)	Фактпечск. производ. в один час брутто (в га)	% выпол- нения нормы
«Амовец» (Нижняя Волга)	{0,68 {0,92	0,38 0,09	56,0 9,7
Им. Электрозавода (Средняя Волга)	{1,10 {0,97	0,98 0,42	0,89 44,3
«Серп и молот» (Нижняя Волга)	{0,95 {0,67	0,69 0,20	72,0 30,0
Погроминский (Средняя Волга)	{0,74 {1,25	0,85 0,67	115,0 53,5
Опытно-учебный № 1 Им. Голошекина (Ка- закстан)	{0,87 {1,10	0,39 0,36	45,0 32,8
Опытно-учебный № 2 (Северный Кавказ) .	{1,03 {1,9	0,42 0,39	38,5 19,8

В одном и том же совхозе один комбайн выполняет норму на 56%, другой — только на 9,7% («Амовец») или 0,89 и 44,3% (совхоз им. Электрозавода). За исключением 4 агрегатов остальные дают ниже половинны своей мощности. Здесь в основе лежат те же причины с той лишь разницей, что при работе на комбайне мы имеем дело и с трактором, который тянет комбайн, и с комбайном, представляющим собой очень сложную машину.

Разумеется, у нас есть ряд совхозов и МТС, давших прекрасные показатели освоения техники, но таких еще мало. Использование тракторов и комбайнов остается еще неудовлетворительным.

Проблема кадров — одно из решающих условий овладения техникой. Сюда должно быть направлено внимание земельных и совхозных органов, внимание политотделов. Правительство уже приняло решение о коренной перестройке системы подготовки механиков, бригадиров, трактористов. Вместо краткосрочных курсов организуются школы бригадиров с 8-месячным и механиков с годичным сроком обучения, трактористов — с 4-месячным сроком обучения. Проверка всего состава работающих трактористов специальными квалификационными комиссиями, установление двух категорий трактористов, выдача каждому специального удостоверения о его квалификации, ряд мер улучшения материально-бытовых условий трактористов, — все это обеспечивает разрешение вопроса о кадрах.

Овладение техникой огромной механической базы, созданной партией в социалистическом сельском хозяйстве, остается главной задачей.

Борьба за урожайность

Для правильной и более полной оценки пройденного этапа в 1933 г. нужно прежде всего проанализировать ход основных с.-х. кампаний. Это убедительнее всего покажет, насколько мы шагнули вперед за этот год. Начнем с весеннего сева.

Один из коренных вопросов борьбы за урожайность — это сроки, а ранние сроки сева. Ранние сроки сева обычно дают более высокие урожаи — от 10—15 до 35—40% против поздних сроков. Вот почему борьба за ранние сроки сева с такой силой развернулась особенно в этом году в колхозах, МТС и совхозах.

В этом году мы провели решающую часть сева в значительно более ранние сроки: против 237 тыс. га в 1931 г. и 845 тыс. га в 1932 г. мы имели на 1 апреля 1933 г. 1 867 тыс. га; на 1 мая против 13 652 тыс. га в 1931 г. и 14 986 тыс. га в 1932 г. мы имели 25 320 тыс. га в 1933 г. На 1 июня также мы имели еще значительный перевес количества засеянной площади против 1931 и 1932 гг. Темпы сева в 1933 г. также значительно выше 1931 и 1932 гг.

Следующая таблица характеризует прирост посевной площади за декаду в течение 3 лет (в тыс. га):

	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1933 г. в % к 1931 г. (1931 г. = = 100%)	1933 г. в % к 1932 г. (1932 г. = = 100%)
1-я декада апреля	913	1 244	4 930	480,8	396,3
2-я » »	2 168	4 354	7 024	323,9	161,3
3-я » »	10 334	8 533	11 469	110,9	134,4
1-я » мая	22 108	16 751	17 178	77,7	102,5
2-я » »	20 831	23 064	20 622	98,9	89,4
3-я » »	19 368	20 341	15 744	81,2	77,4

До второй декады мая темпы сева 1933 г. за каждую пятидневку и декаду были значительно выше 1932 г. Затем темпы снижаются, но к этому сроку более $\frac{2}{3}$ плана сева по Союзу уже было выполнено.

Чрезвычайно большой интерес с точки зрения качества и сроков сева представляет анализ сроков посева ранних зерновых культур (пшеница, ячмень, овес), поскольку урожайность этих культур, как правило, снижается по мере запоздания с посевами. Соответственно особенностям весны по району в 1932 и 1933 гг. мы условно разделили сроки сева на ранние, средние и поздние. В результате получается следующая картина хода посевов (в тыс. га):

	В ранние и поздние сроки посеяно			
	1932 г.	%	1933 г.	%
Северный край	337	67,1	387	76,2
Ленинградская обл.	132	20,7	457	73,2
Западная обл.	420	38,5	503	46,2
Московская обл.	968	70,4	1 396	100,1
Ивановская обл.	175	28,8	452	70,1
Горьковский край	1 130	50,8	2 062	92,1
Средневолжский край	3 081	68,5	3 798	96,8
Татарская АССР	567	59,4	1 000	111,1
Башкирская АССР	781	41,0	1 213	78,1
Западная обл.	2 492	41,0	4 235	80,4
Казакская АССР	1 216	34,6	1 540	55,8
ДВК	151	19,4	406	52,2
БССР	244	24,4	750	75,0

В этом году мы добились громадных успехов в деле проведения посевов колосовых культур в более ранние сроки.

Ведущими по срокам сева являются Т а т р е с п у б л и к а, засеявшая весь клин колосовых с превышением в ранние сроки, М о с к о в с к а я о б л а с т ь, засеявшая все 100% в ранние и средние сроки, С р е д н я я В о л г а — 96,8%, Г о р ь к о в с к и й к р а й — 92%. По сравнению с прошлым годом Ленинградская область посеяла в три с половиной раза больше, БССР — в три раза, Ивановская область — больше чем в два раза. Западная Сибирь и Башреспублика почти удвоили площадь в эти сроки.

Таким образом в целом надо отметить огромные сдвиги в сроках сева. Основным условием, обеспечившим эту победу, являются большая организованность колхозов и совхозов против прошлого года, лучшая подготовка к посевной кампании, поворот широких колхозных масс к делу улучшения качества с.-х. работ.

Особенностью этого года является проведение сверххранного сева в значительно больших размерах, чем в прошлом году. В 1932 г. одна лишь Средняя Волга проводила сверххранный сев в больших размерах (примерно 480 тыс. га). В 1933 году по Союзу было засеяно 3 527 тыс. га, или 733% по отношению к прошлому году. Средняя Волга против 480 тыс. га засеяла в этом году 1 320 тыс. га, Нижняя Волга — 850 тыс. га, Украина — 317 тыс. га, Северный Кавказ — 240 тыс. га, ЦЧО — 281 тыс. га, Казакстан — 162 тыс. га и т. д.

Сверххранный сев обеспечил Средневолжскому краю одно из первых мест в деле окончания весенне-посевной кампании. Являясь одним из серьезных агротехнических мероприятий по повышению урожайности, сверххранный сев тем выгоден, что дает возможность выиграть время, «урвать» лишние несколько дней у весны. А весною каждый день решает судьбу урожая. Недаром до сих пор гуляет пословица «день год кормит». К уборке сверххранные посевы поспевают раньше на 5—10 дней обычных посевов. Разница в пользу сверххранного сева выражена в урожае, который примерно на 20—25% выше против посева, произведенного в нормальные сроки. Приведем несколько примеров: колхозы «Нацмен» и «Путь к социализму», Большеглушицкого района, дали увеличение урожайности в 1933 г. по сверххранному севу против посевов обычных сроков на 40%, колхоз «Отрада» — на 50%, колхоз им. Ленина — на 22%, колхоз «Искра» — на 60% (Чапаевский район). В Оренбургском районе Дмитровский колхоз дал увеличение урожая на 100%, колхоз «Зерновая фабрика» — на 75%, колхоз «Правда» — на 75% и т. д. В 34 колхозах Средней Волги, по которым у нас имеются данные, повышение урожая от сверххранного сева против сева в нормальные сроки составляет от 22 до 100%. Разумеется, такого урожая можно добиться лишь в том случае, если сверххранный сев проводить на чистых и хорошо обработанных землях, правильно установить нормы высева (как правило, несколько повышенные), если заделка семян производится в 2—3 следа и своевременно (при первой возможности выезда в поле с бороной и т. д.).

Данные об урожайности уже 1933 года по Нижней Волге, ЦЧО и другим областям подтверждают огромное значение сверххранного сева в поднятии урожайности. Так например, в колхозе «Вперед», Нижневолжского края, сверххранный сев дал 9 ц урожая против 3 обычным посевом, колхоз «Правильный путь» — 12,5 ц против 8,5 и т. д.

В засушливых и полузасушливых районах сверххранный сев является одним из важнейших мероприятий, обеспечивающих высокий урожай.

Значительны также сдвиги в проведении ряда агротехнических меро-

приятий, связанных с подготовкой и проведением весенне-посевной кампании.

Агротехника при подготовке к весенней посевной кампании

	1932 г.	1933 г.	Рост в %
Очистка семян	31 012 т.ц.	45 603 т.ц.	147,0
Протравливание семян	2 167,4 т.ц.	2 936,4 т.ц.	135,0
Снегозадержание	5 912	6 215	105,8
Вывезено на поля навоза (к весне)	64 397 т.в.	112 141 т.в.	174,1

Мы еще не добились очистки и протравливания всего семенного материала, но в текущем году сделан большой шаг вперед: очистка повысилась на 47% и протравливание — на 35%. Значительно возросла вывозка навоза на поля к весне. Вместо 64 377 тыс. возов, вывезенных весной прошлого года, мы вывезли в текущем году 112 141 тыс. возов, или 174,1%.

Особенно больших успехов в очистке семян добились Татарская АССР, давшая рост против прошлого года на 61%, Московская область — на 66,8% и Украина — на 51,8%.

По снегозадержанию особенно большие достижения имеет Татария, которая провела снегозадержание на 481 тыс. га против 191 тыс. в прошлом году. ЦЧО соответственно — 392 тыс. га против 119 тыс. Нижняя Волга — 775 тыс. га против 654 тыс., Западносибирский край — 706 тыс. га против 635 тыс. и Горьковский край — 67 тыс. га против 9 тыс. в прошлом году.

По количеству вывезенного на поля навоза к весне наибольших успехов добились Московская область, обеспечившая вывоз на поля 17 626 тыс. возов навоза против 3 003 тыс. в прошлом году, или 586,9%, Горьковский край — 6 776 тыс. возов против 1 977 тыс., или 322%, Ивановская область — 3 213 тыс. возов против 1 465 тыс., или 219,3%, Урал — 7 890 тыс. возов против 4 006 тыс., или 196,9%, ЦЧО — 12 354 тыс. возов против 5 665 тыс., или 218,1%, Украина — 16 479 тыс. возов против 12 662, или 130,1%.

Влияние всех этих агротехнических факторов на подъем урожайности исключительно велико. Достаточно указать, что одно навозное удобрение, во-время вывезенное на поля и разделанное в соответствии с требованиями агротехники, дает, по данным ряда опытных станций, прибавку урожая от 15% и больше.

Борьба с сорняками, впервые развернувшаяся в форме массового похода широких колхозных масс, является одним из важнейших мероприятий весенне-посевной кампании 1933 г.

1932 год с точки зрения засоренности совхозных и колхозных полей является одним из наиболее неблагоприятных. Раскрытие контрреволюционной вредительской организации, орудовавшей в сельском хозяйстве, выявило, что контрреволюционные вредители сосредоточивали свой удар по колхозам и совхозам по линии засорения полей.

Кулацкие, контрреволюционные элементы, засевшие в ряде колхозов, делали все, для того чтобы сорвать сроки с.-х. работ — прополку и уборку как колосовых, так и особенно пропашных и технических культур и подорвать стремление колхозов и колхозников к введению правильных севооборотов, они вредили в деле обработки почвы (мелкая вспашка, пахота с огрехами, посев с пропусками и т. д.). И все это направлено было на то,

чтобы привести колхозные и совхозные поля в непроходимые джунгли сорняков. Ликвидировать наследие кулацкого саботажа, разгромить сопротивленческие классового врага на этом участке и обеспечить укрепление колхозов и совхозов явилось одной из центральных задач партийных организаций во время весенне-посевной кампании текущего года. И в этом направлении миллионы колхозников, рабочие МТС и совхозов провели исключительно гигантскую работу. Десятки миллионов гектаров были очищены от сорняков.

Огромный интерес представляет полка зерновых и колосовых культур, впервые применявшаяся в этом году в массовых размерах. По Союзу пропололо, по данным НКЗ, 34 669 тыс. га, или 37,5% площади колосовых культур. Отдельные районы добились в этом отношении огромных успехов. Средняя Волга прополола 4 854 тыс. га, или 63,7% площади колосовых, Северный Кавказ — 4 703 тыс. га, или 66,1%, Нижняя Волга — 2800 тыс. га, или 40,3%, ЦЧО — 2 219 тыс. га, или 30,4%, Московская область — 1 281 тыс. га, или 36,6%, Татария — 1 812 тыс. га, или 73,9%, Украина — 6 316 тыс. га, или 37,5%. Полка колосовых в таких размерах обеспечила значительное уменьшение сорняков на колхозных полях и более высокий урожай.

В текущем году мы достигли огромного сдвига в деле повышения качества посевных работ и в улучшении обработки почвы. Большую роль в этом деле сыграло решение 3-й сессии ЦИК, обязавшее «обеспечить улучшение агрономического обслуживания колхозов со стороны МТС, в особенности по линии качества обработки земли, где роль МТС уже очень велика, давая отпор вредной теории преимущества мелкой вспашки».

Глубина вспашки имеет огромное значение для уничтожения сорняков и повышения урожайности. В каждом отдельном случае очень важно определить глубину вспашки и провести соответствующую обработку почвы с учетом при этом характера почвы, засоренности полей и требований культуры. Легкие почвы (песчаные, подзолистые) требуют одну глубину вспашки; чернозем и структурные почвы, наоборот, требуют другой, более глубокой вспашки; чистые от сорняков земли допускают несколько более мелкую пахоту, засоренные — более глубокую, а ряд культур требует безусловно глубокой вспашки (18 см и более) — сахарная свекла, махорка, конопля, хлопчатник и др. Между тем контрреволюционные вредители, пользуясь классовой слепотой ряда коммунистов отдельных звеньев земельной системы, старались ориентировать колхозы и совхозы сплошь на мелкую вспашку, показывая ее преимущество. Обратной стороной этой «теории» была линия вредителей на повсеместную замену глубокопахотных орудий (плуги) мелкопахотными орудиями и особенно пшеничными плугами, завозившимися даже в районы, где применение пшеничного плуга вообще невозможно. Этим вредители добивались повсеместного засорения полей, снижения урожайности и создания в стране продовольственных трудностей.

Партия разгромила контрреволюционное вредительство в сельском хозяйстве, нанесла беспощадный удар теории преимущества мелкой вспашки и, мобилизовав широкие массы колхозников, добилась значительного улучшения в обработке почвы, более глубокой пахоты, как правило, во всех районах. Разумеется, еще были и есть немало случаев, когда необходимая глубокая вспашка не соблюдается, когда пахут еще с огрехами, сеют еще не так, как надо. Таких фактов можно привести еще очень много. Тем не

менее нынешняя весенняя посевная кампания является поворотным пунктом в деле коренного улучшения качества с.-х. работ. Это общепризнано и доказано.

Систематический контроль со стороны партийных и советских органов над качеством работ, привлечение к работе инспекций и комиссий по качеству, колхозного актива, ударников, стариков, имеющих большой производственный опыт, взаимная проверка работы соседними колхозами, мобилизация масс колхозников на борьбу с сорняками, — все это обеспечило резкое повышение качества с.-х. работ. Мы имеем образцы работы инспекций по качеству (Татария и другие районы), вскрывших много случаев небрежного отношения к пахоте и посеву, причем эти инспекции добивались исправления всех намеченных недостатков. Так например, по Кукморскому району Татарии инспекции по качеству выявили и добились исправления в процессе работы следующего: ликвидированы огрехи при вспашке на площади в 32 га, перепахано по причинам мелкой или неровной вспашки 229 га, заделаны огрехи при бороньбе 39 га, переборонено вследствие плохой заделки семян, недостаточной бороньбы 673 га, пересеяно по причинам несоблюдения норм высева 73 га, а всего до — 1 000 га.

В итоге всех этих мероприятий весенняя посевная кампания прошла значительно лучше прошлого года, что нашло свое подтверждение в размерах урожая этого года, значительно превышающего урожай ряда последних лет в СССР.

Перейдем к характеристике кампаний по поднятию паров. Значение паров как средства борьбы с сорняками, накопления влаги в почве, как важнейшего средства борьбы за высокую урожайность исключительно велико. Большевистская борьба за полное выполнение паровой кампании текущего года явилась важнейшей составной частью программы наших работ по обеспечению высокого урожая следующего, 1934 года.

Результаты подъема паров характеризуются следующей таблицей (в тыс. га):

	Подъем паров				
	1932 г.	1933 г.	в % к плану		1933 г. к 1932 г. (1932 г. = =100%)
			1932 г.	1933 г.	
Вспахано на:					
30 мая	453	2 374	1,88	9,93	524,0
15 июня	1 621	8 907	6,7	37,3	549,4
1 июля	6 199	16 518	25,8	69,1	266,4
15 июля	11 902	20 450	49,6	85,6	171,8
1 августа	16 309	22 804	67,9	95,4	139,8
В с е г о	19 197	23 598	80,0	98,8	122,9

Таблица показывает, что в этом году мы выполнили программу подъема паров почти на 100%, тогда как в прошлом году было выполнено только 80% плана. Паров поднято больше против прошлого года на 4 с лишним миллиона гектаров. Но не только это главное в характеристике паровой кампании. Главное заключается в том, что в этом году

мы добились выполнения программы подъема паров в значительно более короткие сроки: на 15 июня мы имели до 9 млн. га паров против 1 621 тыс. га в прошлом году, или в 5½ раз больше. Можно считать, что в этом году более 50% паров поднято в ранние, наиболее урожайные сроки против примерно 20% плана на это же время в 1932 г.

Это замечательная победа, обеспечивающая нам дальнейшие сдвиги в завоевании высокого урожая в 1934 г.

Значение ранних паров для борьбы за урожай можно видеть на примере ряда показателей опытных станций. Приведем для характеристики лишь данные нескольких станций:

Влияние паров на урожай

Опытное учреждение	Растения	Число лет опытов	Урожай зерна (в ц)			Относит. урожай зерна		
			ранний	средний	поздний	ранний	средний	поздний
Шатилловская опытная станция (ЦЧО)	оз. рожь	11	14,0	12,6	10,0	140	126	100
Харьковская	оз. пшен.	5	15,8	—	11,7	135	—	100
Полтавская	оз. рожь	12	21,4	20,1	15,7	136	128	100
Западносибирская	» »	2	13,7	11,4	10,1	135	113	100
Безенчукская опытная стан. (Средняя Волга)	» »	5	17,1	15,8	11,5	149	138	100
Саратовская	» »	12	17,4	16,7	14,0	124	119	100

Данные совхозов и колхозов подтверждают, что ранние пары при условии надлежащей их обработки обеспечивают рост урожайности против поздних сроков от 25 до 40% и выше. К сожалению надо отметить, что обработка паров в этом году прошла в ряде районов неудовлетворительно. Это особенно относится к Нижней Волге, Северному Кавказу и отчасти Украине, где во многих районах и колхозах пары к осенней посевной кампании оказались заросшими и их пришлось по сути заново перепаживать. В таких колхозах и совхозах пары превратились из средства повышения урожайности в средство, способствующее росту сорняков.

Уборочная кампания текущего года имела для нас особенное значение. Известно, что наибольшее количество недостатков и прорывов в прошлом году мы имели в период уборочной кампании. Наибольшую активность кулацкие и контрреволюционные элементы проявили в период уборочной кампании, чтобы свести на-нет огромный труд, затраченный в борьбе за урожай. Саботаж полевых работ, массовые хищения и воровство, ломка уборочных машин и всякие другие вредительские действия — все было мобилизовано кулацкими элементами, для того чтобы погнотить и уничтожить урожай. Кулацкие элементы, используя отсталые настроения части колхозников, питающиеся не изжитой еще мелкобуржуазной идеологией, добились в некоторых районах уничтожения значительной части урожая.

В своем постановлении о подъеме паров и организации уборки зерновых СНК и ЦК партии указали:

«В настоящую уборочную кампанию должны быть повсеместно устранены коренные недостатки косовицы прошлого года, из которых наиболее вредным оказалась совершенно нетерпимая затяжка срезки хлеба».

В соответствии с этим СНК и ЦК поставили жесткие сроки косовицы зерновых колосовых хлебов, они указали на необходимость начать уборку, не ожидая общего созревания хлебов, а производить скашивание каждого участка по мере созревания на нем хлебов. Внимание всех партийных и советских органов колхозов, рабочих совхозов и МТС было сосредоточено на борьбе с потерями — на обязательном сгребании колосьев конными и ручными граблями, скашивании углов, приспособлении к уборочным машинам зерноуловителей, сборе колосьев и т. д.

«Центральной задачей уборочной кампании настоящего года является организация быстрейшего обмолота, — говорилось в постановлении ЦК и СНК об уборке зерновых. — В настоящем году должны быть безусловно полностью устранены ошибки прошлого года в деле организации обмолота, которые заключались в недопустимой растяжке молотбы, в плохом качестве молотбы, отсутствии контроля над работой молотилок, в особенности в первый период молотбы, плохом учете хлеба, поступающего с молотилок, что привело к затяжке посева озимых и к большим потерям и хищению хлеба на Нижней Волге, Северном Кавказе и в степной части Украины».

Эта директива ЦК партии и правительства обязывала все партийные организации сосредоточить внимание на разрешении центральной задачи уборочной кампании — на большевистской организации молотбы в колхозах, с тем чтобы не допустить ни в коем случае недостатков и извращений в этой работе. В отличие от прошлого года разрешение этой задачи обеспечивалось, прежде всего тем, что молотба началась одновременно со скирдованием и лишь примерно через 10—15 дней после начала молотбы должны были переходить на обмолот со скирд.

В прошлом году мы имели две крайности и двоякого рода извращения политики партии в вопросах скирдования и молотбы. Первое извращение заключалось в том, что в ряде мест не только замедляли молотбу, для того чтобы скирдовать хлеб, но под предлогом скирдования совершенно прекращали молотбу на известное время. В Шевченковской МТС и по некоторым районам Одесской области в 1932 г. совершенно прекращали молотбу примерно на 6—10 дней, чтобы все скирдовать, а потом молотить. Попытка установить такую «очередность» имела место и в ряде других мест, в частности на Северном Кавказе и на Волге.

Нечего говорить, что подобная «очередность» выгодна была только классовому врагу, который пытался затянуть молотбу, с тем чтобы сорвать выполнение колхозами своих обязательств перед государством по сдаче хлеба и растащить хлеб. В этом состоял стратегический план кулацких и контрреволюционных элементов.

Второе извращение состояло в том, что, несмотря на все директивы партии о необходимости заскирдовать хлеб, в ряде колхозов и совхозов упорно сопротивлялись этим директивам партии под видом якобы «ускорения» темпов молотбы. На самом деле и эта вторая линия являлась кулацкой, так как нежелание скирдовать приводило к тому, что хлеб оставался в лучшем случае в копнах, а иногда даже в валках, разбросанный по полям, портился от дождей, ветров, а главное — это создавало благоприятную обстановку для массового воровства и расхищения совхозного и колхозного хлеба.

В этом году партия решительно ударила по этим извращениям и установила такой порядок, при котором и скирдование и молотба начались одновременно. Это значительно ускорило ход молотбы, быстрое и дружное, как правило, выполнение обязательств колхозами по

хлебопоставкам, что имеет исключительное хозяйственно-политическое значение как для государства, так и для укрепления колхозов.

Далее, важнейшей особенностью уборочной кампании 1933 года является решение ЦК и СНК о том, чтобы «взять весовщиков и машинистов на всех молотилках, принадлежащих МТС, на полное содержание за счет МТС. Возложить на директоров МТС и начальников политотделов непосредственную ответственность за их подбор и подготовку».

Что означает это решение? То, что при всех молотилках должны быть поставлены государственные служащие — весовщики и машинисты, которые обязаны обеспечить как строжайший учет хлеба, поступающего на молотилку, так и правильное направление хлеба от молотилки. В этом политический смысл решения ЦК и СНК. Весовщик — важнейшая фигура на молотилке, от него зависит правильный учет обмолачиваемого хлеба, всякого рода отходов, правильный учет, куда сколько хлеба уходит от молотилки; он держит в своих руках все нити учета и распределения хлеба. От весовщика зависит, куда пойдет хлеб: будет ли он разбазариваться по всякого рода каналам или пойдет в первую очередь для выполнения обязательств перед государством и одновременно законная часть его (10, а в лучших колхозах — 15% фактического обмолота) — на распределение среди колхозников по трудодням в качестве авансов. От машиниста зависят организация бесперебойной работы молотилки, качество и чистота обмолота. Следовательно оба эти работника как государственные работники являются важнейшим звеном в деле организации уборочной и особенно молотбы.

Косовицу в текущем году в ряде районов мы начали значительно позже, чем в прошлом году. Затяжная весна, более низкие температурные условия, чем в прошлом году, в южных районах задержали вызревание хлебов и начало косьбы. Несмотря на это, мы шли в этом году все время значительно выше 1932 года.

Значительный интерес представляет ход скирдования в 1933 году. До сентября скирдование несколько отставало от прошлого года (34 272 тыс. га против 39 794), но уже с первой декады сентября скирдование резко идет вверх, и на 1 октября было заскирдовано больше на 13 млн. га, а на 10 октября — свыше 14 млн. га. Более медленные темпы скирдования в первый период уборочной кампании отчасти объясняются одновременным разворотом обмолотов, а главное — конечно тем, что в ряде районов не сумели сочетать косовицу, обмолот и скирдование одновременно.

Наибольший интерес представляют данные о ходе обмолота. Здесь мы добились огромных успехов. На 1 сентября обмолочено хлеба с 26 412 тыс. га на 7 млн. га больше 1932 года, или на 35,9%. На 15 октября обмолочено хлеба с 60 571 тыс. га против 43 399 тыс. га в прошлом году, и больше на 17 млн. га. Эти темпы обмолота — результат большевистской борьбы за устранение коренных недостатков, имевших место в организации молотбы в прошлом году. Особенно отрадно то, что Украина покончила с отставанием и стала выходить в шеренгу передовых районов Союза.

Таковы факты, характеризующие ход уборочной кампании.

Дело однако не только в этих цифрах и фактах, а в самом качестве уборки. С этой точки зрения нынешний год является несомненно переломным. Все же можно было бы привести еще немало примеров плохой работы колхозов и совхозов, случаи расхищения и кулацкой порчи хлеба, плохой охраны урожая и пр.

Эти факты подтверждают, что не все колхозы еще окрепли, что еще не

вышиблены окончательно кулацко-вредительские элементы из колхозов, что еще имеется много не порядков, которые надо устранить. Мы не должны закрывать глаза на эти недостатки, отмахиваться от них: зазнайство, казенный оптимизм — плохие друзья для колхозного строя. Партия решительно борется против оппортунистических попыток успокоиться на достигнутых успехах и тем самым прекратить борьбу за создание зажиточной жизни колхозников, за то, чтобы сделать все колхозы большевистскими.

Однако ход уборочной кампании этого года характерен главным образом не этими недостатками, а тем, что произошел коренной перелом в среде миллионных масс колхозников в их отношении к колхозному труду, к общественной, социалистической собственности, обозначившийся с огромной силой после речи т. Сталина на съезде ударников-колхозников и закрепленный в период уборочной.

Главное заключается в том, что в уборочную кампанию 1933 года впервые была развернута широчайшая борьба с потерями при участии десятков миллионов колхозников, колхозниц и пионеров, давшая в ряде районов и областей дополнительно пролетарскому государству и колхозному крестьянству большие ресурсы хлеба.

Блестящим примером в этом отношении являются Татария, ряд районов Средней Волги и других краев страны. Колхозники в этом году в ряде районов не только скашивали углы, приспособливали зерноуловители к уборочным машинам, проходили по скошенному полю с конными граблями, но организовали в широких размерах сгребку ручными граблями, сбор колосков, назначали специальные комиссии, которые обходили поле и, если где-либо замечали малейшие остатки хлеба, заставляли бригады дополнительно собирать колоски.

Мы имеем в этом году массу фактов тщательной проверки чистоты обмола путем проверки отходов на молотье, пробного переобмолота соломы, проверки отрегулированности машин, проведения пробной специальной молотьбы, чтобы правильно установить и отрегулировать работу барабана.

Далее, главное заключается в том, что в 1933 году, как никогда, была организована охрана колхозного урожая, причем в отличие от прошлого года к делу охраны были привлечены не только объездчики, сторожа, выделяемые, как правило, из лучших колхозников-ударников, преданных колхозному делу, но и живая колхозная масса. Коллективная ответственность бригады, персональная ответственность бригадира создала условия значительно лучшей организации охраны, чем в прошлые годы. Мы имели движение (именно движение) широких пионерских масс колхозников за создание пионерских бригад по охране урожая, особенно на Северном Кавказе. Мы знаем блестящие примеры, как пионеры ловили кулацких агентов, воровавших колхозный хлеб, и как много они сделали для сохранения общественной социалистической собственности. Гигантский рост активности колхозных масс, нашедший свое выражение в подъеме соцсоревнования и ударничества, в том, что соревнование приняло новые формы, поднялось на новую, более высокую ступень как контроль и проверка выполненных работ между отдельными колхозами и районами и т. д., является блестящим выражением того перелома, который мы наблюдали в период весенней посевной кампании и особенно уборки.

Вот в этом главное уборочной кампании 1933 г., и это именно является замечательным завоеванием нашей партии.]

Ход осенней посевной кампании 1933 г. явился еще одним подтверждением гигантских успехов, достигнутых нашей партией за этот год. Приведем некоторые данные о сроках проведения осенней посевной кампании (в тыс. га):

	Посев озимых		
	1932 г.	1933 г.	1933 г. в % к 1932 г. (1932 г. = 100)
По Союзу			
На 15 августа	96	1 078	1122,9
» 1 сентября	6 633	11 764	177,3
» 15 сентября	18 258	20 516	112,3
» 1 октября	26 476	27 054	102,1

На 1 сентября мы имели 11 764 тыс. га озимых против 6 633 тыс. га в 1932 году, или 177,3 %. Это значит, что значительная часть осеннего сева проведена в более ранние сроки, чем в 1932 г., что обеспечивает и большую урожайность в будущем году. Из наиболее важных районов отстают Северный Кавказ и Нижняя Волга.

Украина в этом году закончила осенний сев значительно раньше, чем в прошлом году, обеспечив и более высокое качество его. Следует указать, что осень текущего года была менее благоприятна, чем осень 1932 года: большое количество дождей, особенно в центральной полосе Союза и отчасти районов ЦЧО и южных областей Союза, сильно мешало ходу сева. Примером является Московская область, где в течение почти всего сентября стояла исключительно неблагоприятная погода. Тем не менее и Московская область и значительная часть других районов окончили озимый сев раньше, чем в прошлом году. В этом сказались прежде всего организзованности колхозов, влияние созданных партией политотделов МТС и совхозов.

Нужно особенно отметить явление, имеющее исключительное народно-хозяйственное значение, — это огромный скачок в росте посева озимой пшеницы в северных районах. Проблема продвижения пшеницы на Север сейчас ставится нашей партией как одна из важнейших в деле превращения бывшей потребляющей полосы в производящую. Известно, что в настоящий момент наш Советский союз базирует свое производство пшеницы в основном на трех следующих районах:

- 1) Украина, Северный Кавказ и ЦЧО (в основном озимая пшеница),
- 2) Сибирье,
- 3) Сибирь и Казакстан (в основном яровая пшеница).

Последние две базы находятся в полосе частых засух, снижающих урожай пшеницы. Пшеничная база на Украине, Северном Кавказе и ЦЧО насыщена озимыми посевами в таких размерах, что дальнейшее расширение этой культуры требует в то же время и общего значительного расширения посевной площади, без которого озимые культуры не будут обеспечены необходимыми предшественниками.

Изучение вопроса продвижения пшеницы на Север, массовые хозяйственные посева в колхозах и совхозах северных районов в течение последних лет показывают, что в таких областях, как Московская, Ленинградская, Ивановская, Западная, ЦЧО, как Татария, БССР, Горьковский край, возможно создание новой пшеничной базы в Союзе, базы устойчивого земледелия, гарантирующего

стране достаточно высокие урожаи пшеницы как основной продовольственной культуры.

Данные об урожайности как отдельных колхозов, районов, так и средние по РСФСР показывают, что в нечерноземных районах урожай пшеницы, во-первых, устойчивый из года в год и, во-вторых, как правило, выше, озимой ржи. Приведем для характеристики следующие данные об урожайности пшеницы.

Средний урожай с гектара за 1928—1932 гг. (в центнер-х)

	Озимая рожь	Озимая пшеница	Яровая пшеница
Северный край	9,5	—	7,6
Ленинградская область	8,8	9,2	8,4
Западная »	8,3	8,9	8,5
Московская »	8,7	10,2	8,1
Ивановская »	9,3	9,6	7,7
Горьковский край	8,2	8,9	7,9

Замечательно то, что урожай озимой пшеницы по всем областям выше, чем озимой ржи — основной продовольственной культуры этих районов. Надо при этом отметить, что в данный момент агротехника посева пшеницы в северных районах далеко не на высоте. При соответствующем внимании этой культуре и проведении необходимых агротехнических мероприятий мы можем добиться значительно более высокого урожая. Что это так, показывает пример многих колхозов и районов. Так, по Юрьевопольскому району (Ивановская область) урожай яровой пшеницы составляет в среднем: в 1929 г. — 10,3, в 1930 г. — 10,2, в 1931 г. — 10,4 ц на гектар.

Отдельные колхозы в 1932 г. получили рекордно высокие урожаи яровой пшеницы: например «Красный путь» (Юрьевопольский район) — 29,0 ц, «Ударник» (Ермаковский район) и «Двигатель» (Солигалический район) — по 20 ц.; по лесным гарям в этих колхозах получили урожай 52,4 ц.

Аналогичных примеров по Ивановской и Ленинградской областям можно привести огромное количество. Каждый колхоз может добиться таких урожаев.

Правительство установило план посева озимой пшеницы в северных районах в 400 тыс. га против 175 тыс. фактических в прошлом году. Правительственный план посевов озимой пшеницы в северных районах значительно перевыполнен, о чем говорит следующая таблица (в тыс. га).

	1932 г.	1933 г.	1933 г. в % к 1932 г.	% к плану
Северный край	—	3	—	100,0
Ленинградская обл.	20,7	74	357,4	148,0
Западная »	30,2	79	261,5	131,6
Московская »	56,5	222	392,9	222,0
Ивановская »	40,3	132	327,5	165,0
Горьковский край	12,0	40	333,3	133,3
Татарская АССР	1,5	16	1066,6	94,1
БССР	13,8	60	434,7	100,0
	175,0	626,0	357,7	156,5

Такие районы, как Московская область, сделали скачок с 56,5 тыс. до 222 тыс. га, т. е. увеличили посевную площадь озимой пшеницы почти в четыре раза. Огромный скачок сделала Ивановская область, засеявшая 132 тыс. га против 40 тыс., или увеличившая площадь пшеницы в три с лишним раза. Татария увеличила площадь пшеницы в десять раз, БССР почти в четыре с половиной раза. Огромный энтузиазм, с которым колхозники встречают продвижение пшеницы на Север, обеспечивает нам создание новой мощной пшеничной базы в течение ближайших нескольких лет.

Наконец необходимо отметить в характеристике осенней посевной кампании то, что ряд районов вследствие значительного роста паров против прошлого года добился большого повышения процента обеспеченности парами озимого клина.

Все эти факты свидетельствуют прежде всего о том, что колхозники не успокоились на успехах этого года, что они борются под руководством партии за более высокий урожай в 1934 г.

Зяблевая вспашка имеет то же значение для урожая яровых культур, что пары для озимых. Являясь прекрасным средством борьбы с сорняками, накопления влаги в почве, средством разрядки весеннего напряжения с.-х. работ, зяблевая вспашка обеспечивает более высокие урожаи.

Данные колхозов, совхозов и опытных станций показывают, что зяблевая пахота дает от 7—10 до 25—30 и даже 40% урожая выше против весновспашки. Особенно ценна ранняя зябь. С этой точки зрения ход вспашки под зябь дает значительный сдвиг против прошлого года. Следующая таблица характеризует это положение:

	Вспахано под зябь (в тыс. га)		
	1932 г.	1933 г.	1933 г. в % к 1932 г.
По Союзу			
На 15 августа	219	318	145,2
» 1 сентября	794	1 075	135,3
» 15 сентября	2 198	3 917	178,2
» 1 октября	5 886	8 670	147,2
» 15 октября	11 619	14 657	126,1
» 1 ноября	17 827	21 978	123,2
» 15 ноября	20 162	24 844	123,2
» 30 ноября	24 313	29 608	121,8

Эти данные показывают, что зяби поднято больше, чем в 1932 году, и в более ранние сроки.

Значительно лучше прошлого года поднимают зябь Украина и Нижняя Волга. Как правило, качество зяблевой вспашки лучше прошлого года. Ход зяблевой вспашки — еще одно из важнейших условий подготовки высокого урожая в 1934 г.

Введение севооборота

1933 год является переломным в области введения севооборота в социалистическое сельское хозяйство.

В решении СНК и ЦК от 29 сентября 1932 г. о мероприятиях по повышению урожайности поручено НКЗемлю СССР:

«В течение 1933 г. ввести во всех совхозах и колхозах севооборот как одно из лучших средств повышения урожайности, с тем однако, чтобы введение севооборота было связано с соответствующим расширением в известных областях и краях площадей под зерновыми колосовыми культурами».

Следовательно СНК и ЦК считают, что севооборот является одним из лучших средств к повышению урожайности, а эта задача, т. е. задача повышения урожайности, поставлена в качестве центральной в области сельского хозяйства во второй пятилетке. Большевистское разрешение этой задачи требует применения ряда важнейших агротехнических мероприятий и достижений агронауки. Земля, составляющая священную и неприкосновенную собственность пролетарского государства, должна иметь достойную социалистического хозяйства культурную обработку. Хищническое отношение к земле, отсталое применение обработки, отказ от применения основных агротехнических приемов, в числе которых севооборот является главнейшим, — все это является по существу делом классово враждебных элементов, и к этому мы должны относиться, как к расхищению социалистической собственности. Но нам, разумеется, необходим не всякий севооборот. Севооборот должен удовлетворять основным требованиям пролетарского государства, вытекающим из народнохозяйственных интересов страны. Каким требованиям должен соответствовать вводимый севооборот в колхозах и совхозах?

1. Прежде всего вводимый севооборот должен обеспечивать плановое задание пролетарского государства в деле развития сельского хозяйства. Это плановое задание дается, исходя из учета общегосударственных интересов; поэтому безусловное выполнение при введении севооборота планового задания государства является первейшей обязанностью каждого колхоза и совхоза. Севообороты, которые не отвечают плановому заданию пролетарского государства, являются кулацкими и должны быть решительно отвергнуты.

2. Повышение урожайности, особенно ведущих товарных культур. В связи с этим должно быть установлено такое чередование культур, которое обеспечивало бы борьбу с засоренностью полей и которое устраняло бы повторение одной и той же культуры на одном месте подряд в течение нескольких лет, как это имело место до 1933 г. в ряде колхозов и совхозов.

3. Расширение по сравнению с 1932 г. в известных районах посевов колосовых зерновых культур.

4. Обеспечение кормами колхозного животноводства (обобщественного и необобщественного).

5. Более равномерное напряжение в течение всего периода с.-х. работ затраты труда и тяги.

Обеспечение этих условий превращает севооборот в одно из могучих средств повышения урожайности, правильной организации колхозного производства.

Именно учитывая эти условия, 3-я сессия ЦИК и решила, что «вводимые севообороты должны обеспечить обязательное сохранение в существующих размерах зернового клина, а в ряде районов рост зернового клина, посевов хороших предшественников перед зерновыми, пропуск засоренных земель через пар, рост кормовой базы для животноводства, уменьшение нагрузки техническими и пропашными культурами в зерновых областях и одновременно рост их урожайности».

Практика колхозов, уже имеющих правильный севооборот, показывает огромную их эффективность. Мы укажем лишь на несколько примеров эффективности севооборота по ряду колхозов.

По данным Шатиловской опытной станции (ЦЧО) при четырехпольном севообороте, при правильном чередовании культур урожайность против обычной трехпольки повышается до 35%.

Коммуна им. Ленина (Кирсановский район, ЦЧО) в 1922 г. получила из госфонда землю, запущенную и заросшую сорняками. Введением правильного севооборота и применением агротехники коммунары добились урожая ржи в среднем за 1927—1931 гг. 17 ц с гектара против 8,2 ц с гектара в среднем по району.

Колхоз «Добрец» (Черновецкий район) добился урожая ржи 18,7 ц, а в районе—в среднем только 9,9 ц. Введено шестиполье, в том числе два поля клевера.

Колхоз «Северное сияние» (Кирилловский район, Ленинградская область) ввел семиполье, в 1933 г. яровая пшеница после картофеля дает 19,5 ц с гектара.

Как сейчас обстоит дело с ходом введения севооборота? Данные НКЗема СССР показывают следующее: на 1 октября 1933 г. утвержден севооборот райзо по 157 тыс. колхозов, или 73,8% всех колхозов; нарезан севооборот в натуре в 142 тыс. колхозов, или 66,8% всех колхозов; нарезаны бригадные участки в 138 тыс. колхозов, или 64,6% всех колхозов.

Конечно к этим цифрам НКЗема нужно подходить критически. Тем не менее эти данные интересны как показатель огромного сдвига в области внедрения севооборота.

В чем недостаток всей работы по введению севооборотов? К севооборотам в ряде мест (Средняя Волга, Крым и др.) подошли только как к а г р о т е х н и ч е с к о м у м е р о п р и я т и ю и недооценили политического значения этой работы. В результате недостаточная мобилизация внимания руководителей парторганизаций, партячеек на борьбу с возможными в деле севооборота кулацкими вылазками, с правооппортунистическими извращениями и потребительскими тенденциями колхозников, такие факты имеются. Например в колхозе им. Молотова (Чапаевский район) при проведении работы по севообороту один агроном-коммунист заявил, что «животноводством выгоднее заниматься, чем зерном, а потому нужно расширять травы». Отпор этому заявлению и подобным дан не был. Мы имеем в ряде мест прямые попытки сократить клин колосовых зерновых культур. Этим попыткам отпора должного часто не дается. Дело разработки и введения севооборота в ряде колхозов и районов передоверено агроперсоналу. Руководители районных организаций и МТС за это дело по-настоящему еще не взялись. Колхозники в ряде районов (Чапаевский, Бугурусланская МТС — Средняя Волга, Джанкойский район— Крым и др.) плохо привлекаются к обсуждению и разрешению вопросов о наиболее подходящем типе севооборота для их колхозов, работа часто проводится кабинетным, бюрократическим путем, а между тем опыт колхозников в этом важнейшем народнохозяйственном и агротехническом мероприятии, каким является севооборот, наиболее важен. Неправильным является у р а в н и т е л ь н ы й, м е х а н и ч е с к и й подход, какой мы наблюдаем в отдельных краях к районам, а в районах — к колхозам. Типовые схемы севооборотов иногда распространяются на целые районы, а в районе на группы колхозов. Нет д и ф ф е р е н ц и р о в а н н о г о подхода, учитывающего особенности и возможности каждого района и каждого колхоза.

Задача состоит в том, чтобы, используя уже сделанную огромную работу колхозов и совхозов в текущем году, движение колхозников на борьбу за введение севооборотов как одно из важнейших средств повышения уро-

жайности, конкретно подойти к условиям каждого колхоза и совхоза и в соответствии с этими условиями обеспечить на деле проведение таких севооборотов, которые ликвидировали бы все ошибки, уже сейчас допущенные в этом важнейшем деле в ряде мест. Надо, чтобы за дело севооборотов взялись миллионные массы колхозников и внесли свой ценнейший производственно-хозяйственный опыт в это дело. Лишь в этом случае мы обеспечим введение таких севооборотов, которые дадут нам невиданно высокие урожаи, достойные социалистических полей.

Организация труда в колхозах

Социалистический путь развития сельского хозяйства открывает гигантские возможности роста производительности труда и повышения материального уровня колхозных масс.

Создание новой, более высокой производительности труда — это и означает в условиях господства колхозов обучение крестьян соцстроительству, воспитание в них социалистической дисциплины.

3-я сессия ЦИК в январе 1933 г. отметила:

«Еще не создана и не укреплена новая общественно-трудовая дисциплина в колхозах».

Вот почему вопрос создания социалистической дисциплины в колхозах стоял в центре внимания всей партии. Мы имеем здесь колоссальные сдвиги.

Отмеченные выше успехи являются прежде всего выражением того огромного перелома, которого партия добилась в деле создания новой общественной дисциплины в колхозах. Как правило, колхозники выходили на работу более дружно, а в ряде районов поголовно. На самой работе было больше дисциплины, порядка и организованности. Сами колхозники, как правило, вели беспощадную борьбу с лодырями и прогульщиками.

Значительно выросла производительность труда, что нашло свое выражение как в улучшении качества работы, так и в более быстром выполнении с.-х. работ.

Ярким показателем перелома в отношении к колхозному труду является тот факт, что сейчас, как правило, наиболее почетным человеком на селе является колхозник, имеющий наибольшее количество трудодней, особенно ударник, ударница.

Рост и укрепление социалистической дисциплины в колхозах являются одним из наиболее замечательных достижений партии за этот год.

Вторым наиболее замечательным явлением этого года является решительное улучшение качества с.-х. работ.

Разгром кулацкого саботажа, лозунги т. Сталина о превращении колхозов в большевистские, а колхозников — в зажиточных, переход от хлебзаготовок к хлебопоставкам, создание политотделов, — все это обеспечило коренной перелом в отношении к колхозному хозяйству со стороны широчайших колхозных масс и нашло свое наиболее яркое выражение в резком повышении качества с.-х. работ в текущем году.

Замечательно то, что в этом году сами колхозники взялись за лучшую обработку почвы, за повышение качества с.-х. работ. Инспекции по качеству в Татарии и в ряде других районов, комиссии по качеству на Украине, инспектора по качеству на Северном Кавказе (старики), — все это характеризует глубокий сдвиг, происшедший в этом году среди широчайших колхозных масс.

Уже в уборочной и осенней посевной кампаниях старики-инспектора, или старая колхозная гвардия, как их называют, сыграли огромную положительную роль в деле улучшения качества с.-х. работ.

Подъем соцсоревнования и ударничества, выделение в колхозах комиссии для проверки качества работ — одна бригада проверяет работу другой, один колхоз — работу другого, взаимная проверка районов и даже областей (Татария, Средняя Волга), — все это свидетельствует о громадном сдвиге в отношении к колхозному хозяйству со стороны широчайших колхозных масс. На этой основе значительно укрепилась постоянная колхозная бригада, являющаяся «важнейшим звеном в организации труда в колхозах»⁴.

Постоянная колхозная бригада дает возможность четко расставить рабочую силу, правильно распределить и использовать средства производства, тягло, ликвидировать обезличку на средства производства и в работе вообще. Прикрепление производственных участков к бригаде обеспечивает ликвидацию обезлички на колхозных землях и действительное проведение необходимых агротехнических мероприятий для подъема урожайности.

Если 1932 год являлся годом борьбы за создание постоянной бригады как основной формы организации колхозного труда в колхозах, если были еще сильны и не изжиты настроения создания бригадодворок, сезонных бригад, организации совершенно ненужных производственных участков как средостение между правлением колхоза и бригадой, то 1933 год является годом значительного укрепления постоянной производственной бригады.

Партия и правительство приняли ряд решений, направленных на укрепление постоянной колхозной бригады как основной формы организации колхозного труда. Красной нитью через все эти решения партии и правительства проходят коллективная ответственность бригады за работу, ответственность бригадира за свою бригаду, непосредственная заинтересованность бригады в результатах труда и т. д., что в общей сложности поднимает бригаду на новую, более высокую ступень.

Решение 3-й сессии ЦИК о прикреплении, как правило, к бригадам участков в полях севооборота на срок ведения севооборота имеет огромное хозяйственно-политическое значение, создавая непосредственную заинтересованность колхозных бригад в проведении севооборотов до конца, проведении всех агротехнических мероприятий по поднятию урожайности. Это решение ликвидирует обезличку на колхозных землях, создавая заинтересованность бригадиров и бригад в целом в хорошей обработке земли.

Внимание партии к делу укрепления постоянной бригады как основной формы организации колхозного труда обеспечило в этом году новые сдвиги, которых мы не наблюдали в прошлом году.

В ряде районов были созданы полевые станы для постоянной полеводческой бригады с помещениями для людей, лошадей и даже семян. Застрельщиками в этом деле являются Средняя Волга и Днепропетровская область. Организация таких стационарных полевых станов создает ряд условий для роста производительности колхозного труда — использование каждого благоприятного часа для работы бригады в условиях неблагоприятной погоды — обеспечивает теплые помещения для рабочего скота, непрерывное наблюдение и тщательный уход как за лошадьми, так и за машинами. Здесь также значительно облегчаются ведение массово-политической работы, развертывание соцсоревнования и ударничества и т. д.

⁴ Из решения ЦК ВКП(б) от 4 февраля 1932 г. 1

В ряде районов колхозники перешли к устройству крытых токов, чтобы свести до минимума зависимость бригады от неблагоприятной погоды при молотье. Опыт Днепропетровщины и других районов показывает, что в тех колхозах, где были организованы крытые токи, молотья была окончена значительно раньше. Проведение молотьи в более короткие сроки имеет, разумеется, исключительное значение как для колхозников, так и для государства в целом, ускоряя выполнение колхозом своих обязательств перед государством, окончание уборочных работ, освобождая тягло для переключения на другие осенние с.-х. работы. Следовательно крытый ток становится одним из важнейших условий для улучшения работы колхозных бригад и поднятия их производительности.

Звеньевая организация труда внутри бригады выдвинулась в этом году как одна из форм правильной организации работы, заслуживающей всяческого внимания. Особенно это относится к колхозам, производящим технические культуры (свекла).

Практика этого года показывает, что и в зерновых колхозах звенья получили особенно широкое распространение во время уборки, причем, как правило, они давали более высокую производительность, лучшее качество работы, чем колхозы, в которых работа не была организована по принципу звеньев.

Дальнейшее изучение опыта работы звеньев и укрепления этой формы внутри бригадной организации труда являются важнейшими нашими задачами.

В настоящий момент уже не стоит вопрос, за или против постоянной бригады. Вопрос этот разрешен окончательно, и преимущества постоянной колхозной бригады доказаны. Сейчас главное заключается в том, чтобы устранить имеющиеся еще крупные недостатки в укреплении постоянной колхозной бригады, а недостатков этих у нас еще много.

Во многих колхозах широкое распространение имеет еще механический подход к формированию бригад, уравнительное распределение инвентаря, площадей посева и лошадей без учета особенностей местности, количества культур и условий работы каждой бригады. Бригады построены в большинстве случаев не по производственному, а в значительной мере по территориальному принципу. Для каждой бригады отведено известное количество дворов, и живущие в этих дворах колхозники составляют бригаду. Отсюда имеют место такого рода нелепости, что при равномерном распределении инвентаря и лошадей во всех бригадах мы имеем совершенно различное количество колхозников в бригадах.

Крупными недостатками являются механический подход к установлению норм выработки, отсутствие учета конкретных особенностей работы бригад, состояния тягла, характера почвы и т. д. Это можно иллюстрировать примером. В колхозе им. Марти (Вознесенский район, УССР) установлена была норма пахоты мягких земель 0,75 га, твердых—0,50, боронование—2 га в два следа независимо от глубины вспашки, без учета состояния тягловой силы. Пашут ли на чистых землях на 10—12 см, а на засоренных—13—15 см,—все равно одна норма. Поэтому в колхозах бывают такие курьезы, когда передовые бригады, считавшиеся все время одними из лучших и выполнявших нормы, вдруг становятся одними из самых отсталых, когда переходят работать на засоренные пыреем участки, где требуется более глубокая пахота и где выполнить установленные нормы по колхозу уже невозможно.

Весьма существенным недостатком является то, что расценка работ и распределение колхозников по категориям, установленным НКЗ, еще в ряде колхозов производится неправильно. Особенно это относится к оплате колхозников, находящихся на постоянной работе и в управленческом аппарате. Некоторые думают, что ликвидировать уравниловку в колхозе возможно только на базе распределения доходов по трудодням. Это верно, но только отчасти, ибо уравниловка часто вытекает из не правильного проведения сделки, из неправильной расценки отдельных категорий работ в трудоднях. Мы имеем много фактов, когда сторожа, уборщики, письмоносы и посыльные, а также другие колхозники, работающие на малоквалифицированной, но постоянной работе, вырабатывают и сейчас еще огромное количество трудодней и получают иногда в 1,5—2 раза больше, чем колхозники, работающие на производстве.

Имеется немало фактов, когда в результате неправильной расценки работы в трудоднях колхозники, работающие на неквалифицированной работе, получают такое же количество трудодней, как и колхозники, работающие на более квалифицированной работе, а ведь это предопределяет уравнительное распределение доходов, хотя сами доходы делятся строго по трудодням.

Вот почему ликвидация уравниловки невозможна без ликвидации недостатков в организации труда, без ликвидации всех извращений в проведении сделки и правильной расценки отдельных категорий работ в трудоднях.

Наконец вопрос о колхозном бригадире. В решении ЦК ВКП (б) от 4 февраля 1932 г. вопросу о колхозном бригадире уделено особое внимание.

«Подбор бригадиров, — говорится в этом решении, — устранение текущих их состава и действительная помощь бригадирам в деле повышения их хозяйственной и политической квалификации должны стать важнейшей задачей партийной организации».

Во многих колхозах недооценивается роль бригадира как организатора производства бригады, смазывается ответственность бригадира за работу бригады, во многих колхозах правления без ведома бригадира вмешиваются в оперативную работу бригады, отменяют распоряжения бригадира, перемещают колхозников с одной работы на другую и т. д.

Далее факты показывают, что оплата бригадиров, как правило, производится уравнильно, независимо от их стажа и качества работы бригады, что является совершенно неправильным. Следовательно поднятие и укрепление роли бригадира как действительного организатора колхозного производства, отвечающего за работу своей бригады, является одним из важнейших условий дальнейшего укрепления постоянной производственной бригады, и эта задача должна быть поставлена в центре внимания земельных органов, МТС и политотделов.

Борьба за зажиточную жизнь колхозников

Лозунг т. Сталина о превращении колхозов в большевистские, а колхозников — в зажиточных стал величайшим рычагом укрепления колхозов, подъема производительности труда и создания новой, социалистической дисциплины. Лозунг этот сейчас один из наиболее популярных в нашей стране, и о нем знают буквально каждый колхозник, каждая колхозница и каждый пионер.

Он охватил широчайшие массы колхозников, ставших активными участниками борьбы за создание зажиточной жизни. Блестяще подтвердилось известное указание Маркса о том, что, когда идея охватывает массы, она становится материальной силой.

Лозунг т. Сталина, отразивший действительные потребности современного этапа колхозного движения, стал гигантской материальной силой, ибо миллионы колхозников стали работать лучше, больше заботиться о своем социалистическом хозяйстве, на деле творить новую, социалистическую зажиточную жизнь.

Совершенно ясно коренное, принципиальное различие между зажиточными, выращенными на базе частного хозяйства, и лозунгом партии о создании зажиточной жизни колхозников на иной социальной базе, на базе социалистического хозяйства. Там из зажиточных вырастали кулаки — эксплуататоры миллионных масс бедняков, крепили корни капитализма. В условиях колхозов, т. е. социалистического хозяйства, создание зажиточной жизни колхозников означает огромный рост материального и культурного уровня колхозников, и бывших середняков и бывших бедняков, на базе расширенного воспроизводства социалистических отношений. Это означает гигантский рост и укрепление позиций социализма в нашей стране.

Артильная форма колхозов, которая является основной и главной формой, господствующей на данной стадии, предполагает, что у колхозников остается свой добавочный кусок индивидуального хозяйства, а стало быть и добавочный доход к его основному общественному, колхозному доходу.

Процесс перехода теперешних колхозов на более высокую ступень социалистического хозяйства будет происходить по мере того, как колхозы в ходе механизации производства будут крепнуть как социалистическое хозяйство, по мере роста общественного, колхозного животноводства, по мере роста политической сознательности и социалистического перевоспитания колхозников.

Лишь леваки могут противопоставлять индивидуальную часть хозяйства колхозника его общественному хозяйству — колхозу. Партия не только не делает такого противопоставления, а рассматривает единоличную часть хозяйства колхозника как подсобную в деле создания зажиточной жизни колхозника. Но мы не можем допустить ни в коем случае, чтобы добавочное и подсобное хозяйство колхозника в какой бы то ни было мере перерастало в основное, что имело место в некоторых районах Белоруссии и было отмечено специальным решением ЦК. В ряде колхозов БССР приусадебные участки колхозов составляли иногда 1,5—2 и больше гектаров. Имели место незаконные прирезки колхозной земли в личное пользование колхозникам и даже были случаи самовольного захвата земли для своих приусадебных участков.

Факты, имевшие место в некоторых колхозах Белоруссии, нельзя квалифицировать иначе, как кулацкую практику, против которой необходимо решительно бороться.

Мы должны исходить из того, что основой создания зажиточной жизни колхозника является его общественное, коллективное хозяйство. Индивидуальная часть хозяйства колхоза является лишь подсобной и следовательно только помогает в создании зажиточной жизни колхозников. Там, где из роли подсобного индивидуальная часть хозяйства колхозника превращается в главный и основной источник создания зажиточной жизни, там колхозы существовать не будут, там они неизбежно развалятся. Вот почему против этих кулацких

тенденций в отдельных местах, направленных на перерастание подсобного хозяйства в основное, партия решительно и беспощадно борется.

Много колхозов уже в этом году наряду с укреплением общественного стада, особенно товарных колхозных ферм, ликвидирует бескоровность среди колхозников.

Как изменяется обеспеченность колхозников коровами после проведения в жизнь решений партии, можно видеть на примере отдельных районов Нижней Волги (в проц.):

	До решения ЦК и СНК	После решения ЦК и СНК
Блаковский район	67,4	104,0
Ершовский »	72,0	106,0
Руднянский »	64,0	100,0
Новоанненский »	76,0	100,0
Ленинский »	46,0	105,7
Н.-Чирский »	62,9	97,8
Кумылженский »	78,0	86,3
Михайловский »	—	82,6

Мы выше говорили, что основой создания зажиточной жизни колхозников является их общественное, социалистическое хозяйство — колхоз, поэтому наиболее интересными представляются результат распределения доходов в этом году и сдвиг по сравнению с прошлым годом. На примерах роста колхозных доходов ярче всего сказывается преимущество социалистических форм хозяйства. У нас нет еще данных в масштабе областей, но зато можно уже привести данные по целому ряду районов об отдельных колхозах, ярко рисующие процесс роста благосостояния колхозников.

Количество зерновых (в кг) на один трудодень по колхозам Татарской АССР

Наименование районов и колхозов	1923 г.	1933 г.	1933 г. в % к 1923 г.
Агрызовский район	7,2	10,0	138,8
Нурлатский »	5,5	10,0	181,8
В.-Услонский »	4,0	8,0	200,0
Буинский »	6,0	7,6	126,6
Первомайский »	6,0	7,0	116,6
Дубьязский »	5,0	7,0	140,0
Казанский »	3,4	7,0	206,0
Ашинский »	4,9	7,5	153,1
Колхозы			
«Кзыл. Алан», Нурлатского района	5,4	18,6	344,4
«Иченче»	5,2	18,0	345,1
«Новый Крылай», Арского района	6,5	16,5	253,8
«Пятилетка», Агрызского »	10,8	24,3	225,0
«Крзный Терси», Агрызского района	7,8	16,5	211,5
«Бахта», Чистопольского района	6,0	11,8	196,6
«К. Маркс», Р. Слободского района	5,0	9,0	180,0
«Горняк», Дрожжановского »	8,1	13,0	160,5

Таблица представляет огромный интерес. 8 районов дают в среднем рост натуральной части дохода колхозника от 16 до 106% против прошлого года.

Из приведенных 8 колхозов только 3 имеют доход ниже пуда на трудодень, все остальные — от одного до 1,5 пуда на трудодень. Отдельные хозяйства, добросовестно участвовавшие в колхозной работе, получили по 200—550 пудов хлеба по своим трудодням—цифра, какую не только бедняк, но и середняк никогда не имел в своем единоличном хозяйстве.

Вот где сила колхоза, сила социалистического земледелия!

Количество зерновых (в кг) на один трудодень по колхозам Северного Кавказа

Название колхозов и МТС	1933 г.
Им. Балицкого, Красноармейская МТС . . .	15,9
«Путь Ильича», » . . .	9,7
«Красный путиловец», Ленинградская МТС .	7,1
«Веселая жизнь», Павловская МТС	8,8
«Красный борец», Ахтарская »	7,6
«Красный партизан» »	6,5
«Идея большевика», Куберлеевская МТС . .	22,6
«Путь Сталина» »	17,7
«Ударник полей», Благодарненская » . . .	7,8
«Красный партизан» »	17,2
«Звезда пятилетки», Н.-Величковская МТС .	7,5
Им. Калинина, Пячкинская МТС	8,8
Им. Ленина »	11,4

Уборочная кампания на Северном Кавказе, как и посевная, прошла хуже, чем на Украине и в ряде других районов страны, но многие колхозы сумели уже в этом году крепко стать на ноги, добиться высоких доходов, о чем свидетельствуют вышеприведенные данные.

Все эти факты свидетельствуют о громадных завоеваниях колхозов в этом году, о том, что лозунг вождя партии т. Сталина о создании зажиточной жизни колхознику претворяется в жизнь.

Большой интерес представляют данные о росте доходов колхозника по Московской области, одной из передовых областей нашей страны.

В колхозах «Путь к социализму» (Сапожниковский район, Московская область) выдача зерна на трудодень увеличивается почти в пять раз. «Первое мая»—в четыре раза, «На страх капиталу» и «Центральный»—в три с лишним раза и т. д.

В обращении слета передовых колхозников Днепропетровщины указывается, что в этом году колхозники получают от 5 до 15 и выше килограммов на трудодень, в среднем по области 9 кг. Многие колхозные хозяйства получают по выработанным трудодням по 500—600 и больше пудов хлеба.

Приведенные данные (которые можно бы было значительно расширить) ярко рисуют те огромные победы в колхозном строительстве, которых партия добилась в этом году.

Рост материального уровня колхозных масс, укрепление социалистического хозяйства обусловили гигантский рост культуры в деревне. Крупное социалистическое хозяйство, механическая база в лице МТС с ее системой машин подняли на небывалую высоту культурные запросы колхозников. Совершенно правильно пишут колхозницы района деятельности Советской МТС (Георгиевский район, Северный Кавказ) т. Сталину:

«Мы должны учиться общей грамоте и политической грамоте и агротехнике. Давайте нам больше книг, больше тетрадей, потому что жажда учения среди женщин очень большая. Вот например Головченко Фекла — наша активистка, ей уже скоро 50 лет, но и она с охотой взялась за учение. «Без жоршей грамотности, — говорит она, — не смогу управиться с бригадой».

Так говорят все—молодые и старые. Как подошли мы к управлению общественной жизнью и хозяйством, то образование стало для нас не как роскошь, а как необходимая потребность, все равно, что вода жаждущему человеку».

Эти колхозницы прекрасно выразили общее настроение колхозников, их культурные потребности в связи с организацией общественного крупного хозяйства, в связи с ростом их материального уровня.

Мы наблюдаем сейчас среди колхозников огромное стремление, невиданное до сих пор, к культурной жизни, к грамотности, к технике, к всякого рода знаниям и т. д.

Данные специального подворного опроса в селе Натальевке (Кирпотинская МТС, Днепропетровщина), где колхозник получает от 12 до 16 кг зерна на один трудодень и от 2 до 4 руб. деньгами, также свидетельствуют об исключительном сдвиге в культурном развитии села, который мы сейчас наблюдаем. Вот данные из отчета т. Кучинского, начальника политотдела Кирпотинской МТС:

«В 79% дворов есть часы. А что это значит? Это значит, что начинают жить по часам и беречь время.

В 43% дворов наряду с глиняной появилась фаянсовая и эмалированная посуда. Уже не из одной миски хлебают щи.

В 75% дворов есть железные кровати. На смену деревянным нарам, на смену клопам идет металлическая кровать.

В 62% дворов имеются утюги. Это опрятность, культурное обращение с одеждой.

В 53% дворов—швейные машины. Женщина начала обшивать свою семью не иглой, а машинной.

В 42% дворов—бритвы.

В 40% дворов — благоустроенные уборные».

Правильно замечает т. Кучинский, что все это как будто бы мелочи, а между тем «каждый утюг, каждая эмалированная миска, каждая пара часов — показатели того, как расцветает, поднимается колхозная жизнь». Колхоз идет уже сейчас к культурной, зажиточной жизни.

В своей статье о кооперации Владимир Ильич говорил, что «культурная работа в крестьянстве как экономическую цель преследует именно кооперирование. При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве. Но это условие полного кооперирования включает в себе такую культурность крестьянства (именно крестьянства как грамотной массы), что это полное кооперирование невозможно без целой культурной революции».

Разве не ясно, что такая культурная революция в деревне, о которой говорит Ленин, происходит на наших глазах и базой ее являются новая общественная форма хозяйства, именно социалистическая форма сельского хозяйства, господство колхозов и совхозов вместо разпыленных мелких и мельчайших крестьянских хозяйств, базой этой культурной революции являются рост производительности труда, рост социалистической дисциплины в колхозах, создание большевистских колхозов и зажиточных колхозников? Эта культурная революция, как и ее экономическая база стали возможны лишь под руководством нашего героического рабочего класса, его ленинской партии во главе смудрым вождем т. Сталиным.

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА КАК ОСНОВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА К СОЦИАЛИЗМУ

Эта тема чрезвычайно богата по своему содержанию. Мы остановимся только на трех вопросах:

1. Диктатура пролетариата как основное, коренное содержание пролетарской революции.

2. Диктатура пролетариата как основа экономического развития в переходный период или как основа движения хозяйства к социализму.

3. Экономический закон движения советского хозяйства в связи с вопросом об экономической сущности и экономической роли диктатуры пролетариата.

1. Диктатура пролетариата как коренное содержание пролетарской революции

Первый вопрос, на котором надо прежде всего остановиться при исследовании значения и роли диктатуры пролетариата в экономическом развитии в переходный период, — это вопрос об экономическом законе движения капитализма и его отношении к проблеме диктатуры пролетариата. Такая постановка необходима и закономерна, ибо, говоря о социалистической революции, Ленин указывал, что «неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества»¹. Это значит, что «у Маркса, — говорит Ленин в другом месте, — нет ни капельки утопизма в том смысле, чтобы он сочинял, сфантазировал «новое общество». Нет, он изучает, как естественно-исторический процесс, рождение нового общества из старого — переходные формы от второго к первому»².

Эти положения Ленина говорят о том, что правильное понимание экономического закона движения капитализма необходимо для правильного понимания экономической роли диктатуры пролетариата как основы движения переходной экономики.

«Капитал» Маркса есть исследование и обоснование экономического закона развития капиталистического общества. «Конечной целью этой работы, — говорит Маркс, — является раскрытие закона экономического развития современного общества»³. Конкретно это раскрытие привело Маркса к тому, что он создал учение о законе стоимости как законе движения товарного производства.

Когда речь идет об экономическом законе движения капитализма, то здесь закон стоимости как закон движения не может быть ничем иным, как законом прибавочной стоимости. Прибавочная стоимость —

¹ Ленин, т. XVIII, стр. 25.

² Ленин, т. XXI, стр. 402.

³ Предисловие к I-му изданию «Капитала».

краеугольный камень политической экономии капитализма. Прибавочная стоимость — содержание капиталистического производства, основа существования, развития и движения капитализма.

Поэтому закон стоимости в условиях капитализма есть прежде всего и главным образом закон прибавочной стоимости. Энгельс на могиле Маркса говорил: «Маркс открыл также специальный закон движения современного капиталистического способа производства и порожденного им буржуазного общества; с открытием прибавочной стоимости в эту область сразу была внесена ясность». Энгельс, так же как и Маркс, понимал прибавочную стоимость именно как закон движения капитализма, как с у т ь и с о д е р ж а н и е закона стоимости в условиях капитализма. Иная постановка вопроса была бы неправильна. Если бы мы говорили просто «закон стоимости — закон движения капитализма», не разъясняя и не выявляя его содержания в сказанном смысле, то мы не дошли бы до того вывода, до которого дошел Ленин, говоря, что превращение капитализма в социализм Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения капитализма. Нет другого такого основного закона капитализма, из которого можно вывести неизбежность превращения капитализма в социализм, неизбежность диктатуры пролетариата, кроме закона прибавочной стоимости, являющейся основным абсолютным законом движения капитализма.

Этот закон обуславливает огромное развитие производительных сил при капитализме.

Это развитие обусловлено жаждой капитала все большего и большего производства и присвоения прибавочной стоимости. Прибавочная стоимость является вместе с тем экономическим выражением всех противоречий капитализма: между капиталистическими производственными отношениями и производительными силами, между капиталистами и рабочими, между общественным характером производства и частной формой присвоения.

Законом движения и обострения этих противоречий вплоть до их взрыва и разрешения в пролетарской революции является закон прибавочной стоимости. Этот же закон прибавочной стоимости обуславливает громадное обобществление труда в условиях капитализма, именно капиталистического обобществления труда.

«О б о б щ е с т в л е н и е т р у д а, — говорил Ленин, — в тысячах форм идущее вперед все более и более быстро и проявляющееся за те полвека, которые прошли со смерти Маркса, особенно наглядно в росте крупного производства, картелей, синдикатов и трестов капиталистов, а равно в гигантском возрастании размеров и мощи финансового капитала, — вот главная материальная основа неизбежного наступления социализма»⁴.

Закон прибавочной стоимости обуславливает концентрацию производства и рост и концентрацию рабочего класса. Эта концентрация и рост его эксплуатации обуславливают рост «возмущения рабочего класса, непрерывно увеличивающегося, вышколенного, объединенного и организованного самим механизмом капиталистического процесса производства» (Маркс), являющегося процессом производства прибавочной стоимости. Прибавочная стоимость — основа всеобщего закона капиталистического накопления, роста богатства на одном полюсе и нищеты на другом. Она обуславливает развитие и обострение противоречий капитализма, в том числе основного и главного противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения. Все противоречия капитализма, их борьба и их движение и неизбежность их уничтожения находят свое выра-

⁴ Ленин, т. XVIII, стр. 25; (подчеркнуто мной).

жение в законе прибавочной стоимости. Ибо этот последний обуславливает неизбежный крах, неизбежную экспроприацию экспроприаторов. «Эта экспроприация осуществляется действием имманентных законов самого капиталистического производства, централизацией капиталов»⁵, централизацией рабочего класса, ростом его эксплуатации и возмущения. «Централизация средств производства и обобществление труда достигают уровня, при котором они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Последняя разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности — экспроприаторов экспроприируют»⁶. Отсюда неизбежность пролетарской революции, отсюда неизбежность диктатуры пролетариата.

«Диктатура пролетариата возникает не на основе буржуазных порядков, а в ходе их ломки, после свержения буржуазии, в ходе экспроприации помещиков и капиталистов, в ходе социализации основных орудий и средств производства, в ходе насильственной революции пролетариата»⁷.

Таким образом экономический закон развития обуславливает неизбежность пролетарской революции, неизбежность диктатуры пролетариата, неизбежность превращения капитализма в социализм путем пролетарской революции.

«Капитал» Маркса и «Империализм» Ленина являются научным обоснованием неизбежности диктатуры пролетариата. Учение о прибавочной стоимости как абсолютном законе движения капитализма есть таким образом необходимое введение к учению о диктатуре пролетариата, составляя с последним единое целое, осто́в, основное содержание марксизма-ленинизма.

Диктатура пролетариата возникает в процессе социалистической пролетарской революции и является ее коренным, основным содержанием. Чтобы выяснить это положение, необходимо прежде всего понять, к чему стремится пролетариат, осуществляя пролетарскую революцию, иначе говоря, представить себе ясно программу социалистической революции. В этом отношении сошлемся на «Устав союза коммунистов», где Маркс и Энгельс писали в первой его статье:

«Целью союза является свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов буржуазного общества, и основание нового общества без классов и без частной собственности»⁸.

В этих словах кратко дана вся программа пролетарской революции. Еще в «Уставе союза коммунистов» Маркс и Энгельс установили, что уничтожение классов, уничтожение старого буржуазного общества, уничтожение эксплуатации человека человеком и построение бесклассового общества — содержание пролетарской революции, ее программа. До пролетарской революции история человечества есть история эксплуатации человека человеком, история классовой борьбы за исключением периода раннего, первобытного коммунизма. Пролетарская революция, основным содержанием, основной задачей которой является уничтожение всякой возможности эксплуатации человека человеком, уничтожение классов, частной собственности на средства производства и построение на основе

⁵ Маркс, Капитал, т. I, стр. 756.

⁶ Там же.

⁷ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 31.

⁸ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. V, стр. 579.

общественной собственности на средства производства нового, социалистического, бесклассового общества, является последним этапом этой истории борьбы классов — этой предыстории человечества.

В процессе пролетарской революции пролетариат должен осуществить крупнейшие задачи.

Первая крупнейшая задача — это свержение политического господства буржуазии, захват политической власти пролетариатом и тем самым закрепление политической базы социалистического строительства. Это — первое необходимое условие для решения всех остальных задач.

Но чтобы быть политически господствующим классом, пролетариат должен не только захватить власть, но и обеспечить экономическую базу этой власти. Значит вторая непосредственная задача революции заключается в экономической экспроприации буржуазии, в национализации крупных средств производства, средств сообщения, банков и т. д. Нельзя господствовать политически, если это политическое господство не опирается на экономическую силу или, вернее сказать, если политическое господство не есть в то же время выражение экономической силы, экономического могущества. Ибо политическое господство в конечном счете определяется экономическим могуществом.

На основе политического господства пролетариат осуществляет социалистическое обобществление. Это социалистическое обобществление не есть только превращение существующих в момент начала пролетарской революции крупных средств производства в общественную собственность. Социалистическое обобществление охватывает и строительство новых средств производства, новых фабрик, заводов, развитие производительных сил на основе закрепления общественной собственности. Оно охватывает и революционную переделку мелкого производства в стране, в особенности в сельском хозяйстве. Социалистическая переделка мелкого товарного производителя включает ликвидацию его капиталистической тенденции особыми формами классовой борьбы. Пролетарская революция включает далее в свое содержание расширенное воспроизводство социалистических отношений и в промышленности и в сельском хозяйстве. Социалистическая революция — это и техническая реконструкция всего народного хозяйства. Вместе с этим она означает социалистическую организацию труда и развитие социалистических форм труда. Пролетарская революция означает далее уничтожение классов и построение бесклассового общества. Таким образом переход от капитализма к социализму требует от пролетариата решения многих сложных и трудных задач. Переход этот не совершается мгновенно. Социалистическая революция — не одновременный акт, а процесс революционной ломки старых отношений и порядков во всех областях жизни общества и построения нового общества. Переход от капитализма к социализму — длительный этап — эпоха диктатуры пролетариата.

Каково основное средство, основное орудие этого преобразования капитализма в социализм?

Главным и основным средством для этого является политическое господство пролетариата.

Энгельс в одной из своих речей, опубликованной в прошлом году в «Правде», говорил: «Мы хотим уничтожения классов. Каково средство для того, чтобы добиться этой цели? Политическое господство пролетариата. И вот, когда это стало яснее ясного, со всех сторон от нас требуют невмешательства в политику! Все проповедники воздержания от политики именуют себя революционерами и даже превосходными революционерами. Но революция есть высший акт политики. Тот, кто это знает, тот должен стремиться к таким средствам, которые готовят революцию, которые воспитывают рабочих для ре-

волюции...» Революция — это высший акт политики, а политическое господство пролетариата — основное средство осуществления перехода от капитализма к социализму.

Политика — это отношение и борьба классов. Но важна не констатация этого бесспорного положения; важно, кто именно руководит политикой в стране, какой класс осуществляет политику, какой класс и с какой целью и как устанавливает свои отношения с другими классами общества. В условиях капитализма политика тоже есть отношение и борьба классов, но ведет эту политику в государственном масштабе буржуазия, господствующий класс. Для осуществления социалистической революции прежде всего необходимо, чтобы политическое господство находилось в руках пролетариата. Первым актом пролетарской революции поэтому является свержение политического господства буржуазии и организация диктатуры пролетариата. Диктатура пролетариата — это прежде всего политическое господство пролетариата. И в этом смысле мы говорим о диктатуре пролетариата как о коренном содержании пролетарской революции.

Но этим не исчерпывается весь вопрос о содержании пролетарской революции. Захватив власть, пролетариат становится господствующим классом и овладевает политикой как основным средством перехода от капитализма к социализму. Но это не все. Политика играет первенствующую роль в подходе к задачам экономическим. Ленин говорил о том, что при решении своих экономических задач пролетариату нужен правильный политический подход. Ибо пролетариат осуществляет свои задачи, свои цели в условиях ожесточенной классовой борьбы, и в этих условиях правильная политика с точки зрения интересов и целей пролетариата, с точки зрения соотношения классов, с точки зрения уничтожения классов есть необходимое условие решения всех других задач революции. Но не только в этом значение и роль политики. «Политика есть, — как говорил Ленин, — самое концентрированное выражение экономики, ее обобщение и завершение». И когда пролетариат обладает политическим господством, тогда по сути дела обладает и экономическим могуществом. Государственная власть есть в то же время экономическая мощь, экономическое могущество.

Политическое господство, т. е. государственная власть, есть «концентрированное и организованное общественное насилие...» А «само насилие есть экономическая потенция»⁹. Уже по этому одному политическое господство пролетариата есть само по себе и экономическая мощь. Государственная власть пролетариата как политическое господство последнего обусловливает таким образом экономическую мощь пролетариата, ибо политика — концентрированное выражение, обобщение и завершение экономики. Следовательно когда речь идет о том, что диктатура пролетариата является прежде всего политическим господством последнего, то одновременно с этим речь должна идти и о том, что диктатура пролетариата в то же время есть экономическое могущество пролетариата, направленное на экономическое преобразование капитализма в социализм.

Когда Ленин и Сталин говорят о диктатуре пролетариата, то тем самым они говорят о переходе от капитализма к социализму. Само понятие диктатуры пролетариата включает в себя переход от капитализма к социализму. Переход же не может являться только переходом в области политики — от буржуазной к пролетарской, к социалистической. Переход этот есть в то же время революционное преобразование капиталистической экономики в социалистическую.

«Диктатуру пролетариата, — говорит т. Сталин, — переход от

капитализма к социализму... можно рассматривать как целую историческую эпоху, полную гражданских войн и внешних столкновений, упорной организационной работы и хозяйственного строительства, наступлений и отступлений, побед и поражений»¹⁰.

Ленин пишет, что «Маркс говорит о целом периоде диктатуры пролетариата, как периоде перехода от капитализма к социализму»¹¹. Переход этот может быть осуществлен экономическим преобразованием капитализма в социализм. Политическая революция — первый акт социалистической революции — необходимое условие социалистической революции в области экономики. Социалистическая революция не кончается и не может кончиться захватом политической власти, как это имеет место при буржуазной революции, когда последняя экономически подготавливается в недрах старого феодального способа производства и завершается политической революцией. Пролетарская революция начинается захватом власти, она может кончиться только тогда, когда уничтожены последние остатки классов, последние остатки старой, капиталистической экономики, когда следовательно завершен переход от капитализма к социализму. А это означает завершение социалистического обобществления, завершение реконструкции всего народного хозяйства, социалистической переделки мелкого и мельчайшего производства в стране в крупное социалистическое и т. д.

Ленин говорил об экономической сути диктатуры пролетариата следующее: «Диктатура пролетариата... не есть только насилие над эксплуататорами и даже не главным образом насилие. Экономической основой этого революционного насилия, залогом его жизненности и успеха является то, что пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда по сравнению с капитализмом. В этом суть. В этом источник силы и залог неизбежной, полной победы коммунизма»¹².

И дальше: «Главная суть ее (т. е. диктатуры пролетариата — К. Б.) в организованности и дисциплинированности передового отряда трудящихся, его авангарда, его единственного руководителя — пролетариата. Его цель — создать социализм, уничтожить деление общества на классы, сделать всех членов общества трудящимися, отнять почву у всякой эксплуатации человека человеком»¹³.

«Диктатура означает не только насилие, хотя она невозможна без насилия, она означает также организацию труда более высокую, чем предыдущая организация»¹⁴.

Таким образом диктатура пролетариата есть также экономическое могущество пролетариата, революционное экономическое преобразование капитализма в социализм. Если диктатура пролетариата осуществляет более высокий общественный тип организации труда по сравнению с капитализмом, то это означает, что только диктатура пролетариата может обеспечить построение экономического базиса социализма, его экономического фундамента и полного социалистического общества. Поэтому диктатура пролетариата есть основное содержание пролетарской революции и в области экономики, ибо только она обеспечивает построение экономической базы социализма.

¹⁰ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 30.

¹¹ Ленин, т. XXIV, стр. 314.

¹² Там же, стр. 335—336.

¹³ Там же, стр. 314.

¹⁴ Там же, стр. 305.

«Вопрос о пролетарской диктатуре, — говорит т. Сталин, — есть прежде всего вопрос об основном содержании пролетарской революции. Пролетарская революция, ее движение, ее размах, ее достижения облекаются в плоть и кровь лишь через диктатуру пролетариата. Диктатура пролетариата есть орудие пролетарской революции, ее орган, ее важнейший опорный пункт, вызванный к жизни для того, чтобы, во-первых, подавить сопротивление свергнутых эксплуататоров и закрепить свои достижения, во-вторых, довести до конца пролетарскую революцию, довести революцию до полной победы социализма»¹⁵.

Это не только политические задачи, это и экономические задачи. Довести революцию до полной победы социализма означает организацию более высокого типа труда, организацию более высокого типа общественного хозяйства, построение социалистического общества, социалистических форм хозяйства во всей стране.

Поэтому и в смысле экономических задач революции диктатура пролетариата является основным содержанием пролетарской революции, ибо без нее неосуществимо и немыслимо революционное преобразование капитализма в социализм.

Три основные черты диктатуры пролетариата, охарактеризованные т. Сталиным, мы должны всегда иметь в виду, когда говорим об экономической сути ее. Каковы эти основные черты? «Диктатура пролетариата есть: 1) неограниченное законом насилие в отношении капиталистов и помещиков, 2) руководство пролетариата в отношении крестьянства и 3) строительство социализма в отношении всего общества. Ни одна из этих трех сторон диктатуры не может быть исключена без ущерба исказить понятие диктатуры пролетариата. Только все эти три стороны, взятые вместе, дают нам полное и законченное понятие диктатуры пролетариата»¹⁶. Если эти три стороны являются необходимыми и существеннейшими сторонами диктатуры пролетариата, то экономическая революция составляет ее экономическую суть. Социалистическое строительство как революционное преобразование капитализма в социализм включается в содержание диктатуры пролетариата.

Критикуя «левых» коммунистов во главе с т. Бухариным, Ленин отмечал: «Крайне характерно, что у авторов тезисов (тезисы «левых» коммунистов в 1918 г. — К. Б.) нет ни звука о значении диктатуры пролетариата в экономической области жизни. Они говорят только «об организованности» и т. д. Но это признает и мелкий буржуа, чурающийся именно диктатуры рабочих в экономических отношениях. Пролетарский революционер никогда не мог бы в такой момент «забыть» об этом «гвозде» пролетарской революции, направленной против хозяйственных основ капитализма»¹⁷.

Социалистической революции нет без диктатуры пролетариата. А политика диктатуры пролетариата как концентрированное выражение экономики, ее обобщение и завершение есть политика построения социализма. Политика пролетариата в условиях переходного периода, закономерности экономической социалистической реконструкции всего народного хозяйства определяются и осуществляются диктатурой пролетариата. В этом смысле диктатура пролетариата — основное содержание социалистической

¹⁵ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 28.

¹⁶ Там же, стр. 164.

¹⁷ Ленин, т. XXII, стр. 526; последняя разрядка моя.

революции, основное орудие пролетариата для достижения своей конечной цели — коммунизма.

«В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д... разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения»¹⁸.

Диктатура пролетариата — это все необходимое и достаточное для построения социализма. Если правильно понимать диктатуру пролетариата, если вести правильную линию политики диктатуры пролетариата, то последняя обеспечивает все необходимые условия для полного построения социализма. И в этом смысле мы можем и должны говорить, что диктатура пролетариата — «коренное содержание пролетарской революции»¹⁹.

2. Диктатура пролетариата как основа экономического развития советской экономики к социализму

Известно, что основа движения — это противоречия и их борьба. Но противоречия бывают разного характера. Они бывают антагонистические и неантагонистические.

Каковы основные противоречия переходной экономики? Первое основное противоречие переходной экономики, переходного общества — это противоречие между социализмом и капитализмом.

«Экономика России, — говорит Ленин, — в эпоху диктатуры пролетариата представляет из себя борьбу первых шагов коммунистически объединенного в едином масштабе громадного государства — труда с мелко-товарным производством и сохранившимся, а равно возрождающимся на его базе капитализмом». «Переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом»²⁰.

Противоречия между социализмом и капитализмом, между пролетариатом и буржуазией являются противоречиями антагонистическими. Условия развития социализма отрицают условия развития капитализма и наоборот. Поэтому эти противоречия в условиях диктатуры пролетариата, в условиях переходного периода могут иметь движение только по линии борьбы и только борьбы социализма с капитализмом, по линии победы социализма над капитализмом. Диктатура пролетариата эту победу обуславливает и обеспечивает. Это — противоречие «кто — кого» и внутри СССР и вовне, между социалистическим хозяйством в СССР и капиталистическим окружением. Когда Ленин ставил вопрос «кто — кого», то он имел в виду борьбу социализма с капитализмом и необходимость решения этой задачи в пользу социализма.

Когда т. Сталин давал классическое определение нэпа как «особой политики пролетарского государства, рассчитанной на допущение капитализма при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанной на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанной на возрастание роли социалистических элементов в ущерб эле-

¹⁸ Ленин, т. XXII, стр. 392.

¹⁹ Ленин, т. XXIII, стр. 337.

²⁰ Ленин, т. XXIV, стр. 508 и 507.

ментам капиталистическим, рассчитанной на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанной на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики²¹, то он имел в виду основное противоречие переходной экономики, противоречие между капитализмом и социализмом и необходимость разрешения его в пользу социализма диктатурой пролетариата.

Базой существования указанного основного противоречия переходного периода является противоречие между социализмом и мелкотоварным производством, между пролетариатом и крестьянством. Это противоречие другого порядка.

«Наша страна представляет две группы противоречий. Одна группа противоречий — это внутренние противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством»²².

«Два основных класса стоят перед нами — класс пролетариев и класс частных собственников, т. е. крестьянства. Отсюда неизбежность противоречий между ними. Весь вопрос в том, можем ли мы своими собственными силами преодолеть эти противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством. Когда говорят: можно ли построить социализм своими собственными силами? — то этим хотят сказать: преодолимы ли противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством в нашей стране или непреодолимы?»²³. Эти противоречия преодолимы, ибо общность интересов рабочих и крестьян как тружеников является более сильным фактором в их взаимоотношениях, чем противоречия между рабочим классом и крестьянством, хотя эти последние обуславливают классовую борьбу между этими двумя классами. «Если речь идет вообще о классовой борьбе в деревне, то она ведется пролетариатом не только против кулака. А противоречия между пролетариатом и крестьянством в целом, — чем это не классовая борьба, хотя она имеет довольно необычную форму?»²⁴. Мы имеем следовательно борьбу между этими двумя классами, мы имеем и союз между ними под руководством пролетариата. Общность интересов есть основа их союза, и в то же время союз их есть особая форма их борьбы.

Интересам крестьянина как труженика не противоречит социализм. Наоборот, только социализм может эти интересы обеспечить полностью. Поэтому крестьянин-труженик стремится к социализму и в то же время он как частный собственник, как товаропродавец стремится идти по линии капиталистического развития. Противоречия между этими двумя классами, порождаемые частной собственностью крестьянина и его капиталистической тенденцией развития, разрешимы и преодолимы в условиях пролетарской диктатуры путем руководства крестьянством со стороны пролетариата и преобразования его мелкого, индивидуального хозяйства в крупное, коллективное.

Поскольку существуют эти два основных класса в условиях переходного периода, постольку вопрос о противоречиях между крестьянством и рабочим классом является одним из основных вопросов социалистической революции. Поэтому «вопрос о взаимоотношении промышленности и сельского хозяйства, вопрос о взаимоотношении пролетариата и крестьянства составляет основной вопрос проблемы построения социалистического хозяйства»²⁵.

²¹ Стенографический отчет XIV съезда ВКП(б), стр. 493.

²² Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 120.

²³ Там же, стр. 120.

²⁴ Там же, стр. 156.

²⁵ Там же, стр. 172; подчеркнуто мной.

Указанные противоречия проявляются в переходный период и в форме других противоречий. Это прежде всего противоречие между социалистическими отношениями как формой развития производительных сил и самими производительными силами на каждой данной стадии развития в условиях переходного периода. Это — не «странное» противоречие, как любят многие от него отмахиваться. Это — не антагонистическое противоречие, как в условиях капитализма. В условиях капитализма мы имеем противоречие между производственными отношениями и производительными силами, иным выражением которого является противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения. В условиях же социалистического хозяйства переходного периода, в условиях диктатуры пролетариата, когда процесс социалистического преобразования капиталистической экономики, социалистического обобществления средств производства и организации социалистического производства еще не закончен, — в этих условиях уровень развития и освоение производительных сил, а следовательно содержание самого социалистического производства еще не полностью соответствуют социалистической форме, социалистическим отношениям. В этом именно смысле нужно понимать противоречие между социалистическими отношениями и уровнем развития производительных сил в переходный период. Оно отражает в себе противоречия между социализмом и капитализмом, между социализмом и мелкотоварным производством. Социалистическое разрешение этих последних противоречий не создает еще сразу такого уровня производительных сил, который был бы адекватен социалистическим отношениям.

Возьмем наши промышленные последовательно социалистические предприятия. Тут полностью господствуют социалистические отношения. Тут средства производства принадлежат пролетарскому государству. На этой основе существуют и развиваются социалистические отношения производства. Но, несмотря на это, само содержание социалистического производства в смысле уровня развития производительных сил как по линии технического уровня развития средств производства, так и по линии культурно-производственного качества рабочих, — в смысле всего этого положение дел не соответствует еще социалистическим отношениям в полной мере. Поэтому известное противоречие между социалистическими отношениями и уровнем развития производительных сил на этапе перехода от капитализма к социализму, на этапе переделки мелкотоварного производства в крупное, социалистическое мы имеем и не можем не иметь. Оно не является и не может являться противоречием антагонистическим. Оно обуславливает высокие темпы развития производительных сил, высокие темпы развития технических условий производства. Социалистические отношения являются формой развития производительных сил, способствуют развитию средств производства, технических условий производства и культурно-производственного уровня самих рабочих и кадров руководителей производства.

Субъективный фактор — кадры и рабочая сила — в отношении того, чего мы уже достигли на сегодня в области переоборудования наших средств производства и техники производства, еще отстает в смысле культурно-производственного развития. Отсюда необходимые лозунги: овладения техникой, подготовки кадров и подъема культурного уровня наших социалистических строителей.

Ленин, говоря о кооперации при владении пролетарским государством всеми средствами производства, указывал, что из одной только кооперации мы можем построить социализм, ибо мы имеем все необходимые и достаточные условия для этого. Чего только не хватает? Ленин говорил, что не хватает культурности. Социализм требует высокого уровня производственной культуры масс, культуры умения овладевать техникой,

умения организовать производство, культуры социалистического отношения к общественной собственности.

Мы имеем далее социалистический уклад, социалистические формы производства в сельском хозяйстве. Колхозы — социалистическая форма производства, социалистическая форма организации производства. Можно ли сказать, что эта форма социалистической организации производства уже имеет полное социалистическое содержание? Мы этого сказать еще не можем по отношению ко всей массе колхозов. «Колхоз есть социалистическая форма хозяйственной организации, так же как советы являются социалистической формой политической организации... Но колхозы и совхозы представляют лишь форму организации, правда, социалистическую, но все же форму организации. Все зависит от того, какое содержание будет влито в эту форму»²⁷. Эта социалистическая форма организации производства в деревне не заполнена еще социалистическим содержанием на данном этапе. Это содержание будет обеспечено, если руководство этими колхозами будет в большевистских руках, если колхозные массы под руководством рабочего класса изгонят классово враждебные элементы из своей среды и будут по-социалистически работать. В противном случае эта форма может наполниться и капиталистическим содержанием. Это говорит об известном противоречии между социалистической формой организации и самым содержанием колхозов как таковых.

Таким образом на различных этапах развития переходного периода указанное выше противоречие имеет место и проявляется в различных формах. Социалистическая форма организации производства в колхозах еще не обеспечивает сама по себе социалистического содержания. Нужно в эту форму влить социалистическое содержание, а это зависит от людей, от нас, от пролетариата, партии, диктатуры пролетариата.

Указанные выше противоречия проявляются и обуславливают известное противоречие между социалистической формой организации производства и дисциплиной социалистического труда и самодисциплиной трудящихся. В условиях социалистических отношений не должно быть мелкобуржуазного отношения к труду, не должно быть лентяев, лодырей, прогульщиков и т. д. Но мы еще имеем мелкобуржуазное отношение к труду, имеем в определенных прослойках рабочих и прогульщиков и лентяев и т. д. Это говорит об определенном уровне развития рабочих как главной производительной силы и о влиянии на них мелкобуржуазной среды, которая окружает еще социалистические предприятия в условиях СССР. Это говорит о том, что между социалистической формой организации труда в государственных предприятиях и уровнем самодисциплины трудящихся имеется известное преходящее противоречие. Социалистическая организация труда у нас сейчас главное звено для подъема производства и производительности труда. У нас есть все условия для быстрого движения вперед социалистического производства. У нас уже есть новая техника, обуславливающая высокий уровень развития производства и производительных сил, дающая могучую базу для этого высокого уровня. А на самом деле мы не везде, а в большинстве случаев не в достаточной степени используем полностью эти условия. Почему? Потому что мы хромаем часто в области организации труда и дисциплины труда, и в этом отношении безусловно имеет у нас место известное противоречие между возможностями, обуславливающимися социалистической формой организации труда, и отношением к труду, дисциплиной труда и самодисциплиной трудящихся. Отсюда необходимость борьбы за эту дисциплину и самодисциплину.

²⁷ Сталин, О работе в деревне, стр. 10.

Ленин о задачах суда в пролетарском государстве говорил: «Это — задача обеспечить строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины трудящихся. Мы были бы смешными утопистами, если бы воображали себе, что подобная задача осуществима на другой день после падения власти буржуазии, т. е. в первой стадии перехода от капитализма к социализму, или без принуждения. Без принуждения такая задача совершенно невыполнима»²⁸.

С этими ленинскими положениями связаны или скорее из них вытекают закон о прогулах в социалистических предприятиях, закон о социалистической собственности и ее охране, такое отношение к труду у передовиков социалистической стройки, как героизм и самоотверженный труд, как социалистическое соревнование и ударничество.

В условиях диктатуры пролетариата, в условиях революционного преобразования капитализма в социализм и строительства социализма из капиталистического наследия эти противоречия имеют еще место, и диктатура пролетариата должна их преодолеть. Без их преодоления и постоянной борьбы с ними за полную их ликвидацию нельзя наладить социалистическое отношение к труду, социалистическую ответственность за порученное дело. Для этого необходимо, как говорил Ленин, «установление строжайшей ответственности за исполнительные функции и безусловно трудовое, дисциплинированное, добровольное исполнение предписаний и распоряжений, необходимых для того, чтобы хозяйственный механизм работал действительно так, как работают часы»²⁹.

Если мы возьмем совхозы и транспорт, то там мы имели и имеем все необходимые условия для социализма — и социалистические отношения, и обобществленные средства производства, и социалистическая организация труда, и т. д. Не хватает еще полного социалистического содержания, социалистической дисциплины труда и самодисциплины трудящихся, использования обобществленных средств производства полностью. Организация политотделов — это обеспечение большевистского руководства совхозами и транспортом, обеспечение преодоления мелкобуржуазного отношения к труду и действительно социалистической организации труда, обеспечение настоящей большевистской борьбы против классово враждебных элементов, сохранившихся еще в той или иной мере в порах нашей великой социалистической стройки, с целью полной ликвидации их.

Это все говорит об известных противоречиях, в которых мы двигаемся вперед, к социализму, и задачи ликвидации которых входят в содержание диктатуры пролетариата.

Если взять все указанные выше противоречия и попытаться выразить их суммарно, то мы будем иметь противоречия между окончательно уничтожаемым капитализмом и стремительно растущим социализмом, следовательно между старым, эксплуататорским, стихийным, мелкобуржуазным в нашей стране и новым, которое выражает собой отсутствие эксплуатации, плановое руководство, социалистические отношения, действительно пролетарское отношение к труду, к социалистической собственности, священной и неприкосновенной. Это противоречие и борьба между новым и старым существуют на каждом шагу в переходный период не только в масштабах страны, которая строит социализм, не только в условиях одного предприятия, одной области, но даже и в условиях жизни каждого рабочего.

Охарактеризованные противоречия являются основой движения переходной экономики. Как организация господствующего класса — пролетариата, диктатура пролетариата является необходимым условием уничтожения

²⁸ Ленин, т. XXII, стр. 425.

²⁹ Там же, стр. 419.

классов и построения полного социалистического общества. И в этом отношении диктатура пролетариата является основой движения и развития переходной экономики к социализму.

Диктатура пролетариата уничтожает противоречия между пролетариатом и буржуазией, она является условием, необходимым орудием для ликвидации этого противоречия. Диктатура пролетариата — организация пролетариата как господствующего класса, поэтому она — классовое господство пролетариата над буржуазией. «Диктатура пролетариата... неограниченная, опирающаяся на силу, а не на закон — власть». Она — «насилие над эксплуататорами»³⁰ с целью их уничтожения. В этом суть диктатуры пролетариата в отношении этого противоречия.

Известно, что экономическим выражением противоречия между пролетариатом и капиталистами в условиях капиталистического производства является прибавочная стоимость. Прибавочная стоимость — условие существования класса капиталистов и в то же время условие существования рабочих как наемных и эксплуатируемых. Прибавочная стоимость как абсолютный закон капитализма выражает эти противоречия в условиях господства капитала. Поэтому прибавочная стоимость является абсолютным законом существования, развития и гибели капитализма. Диктатура же пролетариата как политическое господство и как экономическое могущество пролетариата направлена на экспроприацию и уничтожение буржуазии, уничтожение капиталистического уклада в экономике переходного периода и на развитие социалистического уклада. Диктатура пролетариата — это уничтожение эксплуататорских классов, буржуазии как класса. Она есть уничтожение помещиков, капиталистов, кулаков, буржуазных элементов в стране. Построить социализм в одной стране — это значит преодолеть и уничтожить свою собственную буржуазию своими собственными силами. Диктатура пролетариата как основное условие социалистического строительства есть поэтому преодоление буржуазии, ее уничтожение, а следовательно уничтожение противоречия между социализмом и капитализмом в ущерб капитализму, между пролетариатом и буржуазией в ущерб буржуазии. Это противоречие сформулировано было Лениным в проблеме «кто — кого». Диктатура пролетариата есть разрешение проблемы «кто — кого» в пользу социализма, в пользу пролетариата, ибо диктатура пролетариата есть условие, рычаг, орудие для решения этого вопроса в пользу социализма, в ущерб капитализму. Мы имеем уже решение этого вопроса — бесповоротное и окончательное — в пользу социализма.

Уничтожением буржуазии и капитализма диктатура пролетариата преодолевает противоречие, движением которого в направлении к социализму она является.

Уничтожение капитализма и буржуазии происходит в порядке обострения борьбы, ибо умирающий класс сопротивляется отчаянно, у умирающего класса, как говорит Ленин, удесятерится сила сопротивления. Поэтому путем обострения классовой борьбы происходит уничтожение буржуазии как класса, а следовательно и уничтожение указанного выше основного противоречия. Условием успешности этого уничтожения является поэтому укрепление диктатуры пролетариата, а не ослабление ее. Ибо только через усиление и укрепление диктатуры пролетариата могут быть решены полностью классовые задачи пролетариата.

Из сказанного вытекает, что диктатура пролетариата является основой движения переходной экономики, направляющей движение противоречия между пролетариатом и буржуазией, между социализмом и капитализмом на преодоление, на основе уничтожения буржуазии, капитализма.

³⁰ Ленин, т. XXV, стр. 436.

Если перейти к противоречию между рабочим классом и крестьянством, то диктатура пролетариата есть также разрешение этого противоречия в пользу социализма.

Ленин говорил, что «диктатура пролетариата есть особая форма классового союза между пролетариатом — авангардом трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция или большинство их), союза против капитала, в целях полного свержения капитала... в целях окончательного создания социализма... Это союз особого вида... союз твердых сторонников социализма с колеблющимися его союзниками, союз между неодинаковыми экономически, политически, социально и духовно классами»³¹.

Союз этот предполагает борьбу, ибо это союз между разными классами. И диктатура пролетариата, являясь особой формой этого классового союза, предполагает борьбу между рабочим классом и крестьянством, протекающую в особых формах. Но в то же время союз этот основан на общих интересах обоих классов как тружеников. Союз этот предполагает руководство пролетариата. Это руководство обеспечивается диктатурой пролетариата. Она же обеспечивает победу общих интересов и преодоление классовых интересов мелких производителей как частных собственников. В этом смысле диктатура пролетариата есть движение этого противоречия, направленное на его уничтожение.

«Высший принцип диктатуры, — говорил Ленин, — это сохранение союза пролетариата и крестьянства, дабы пролетариат мог удерживать руководящую роль и государственную власть»³². А удерживая руководящую роль и государственную власть, пролетариат может, должен завершить и завершает на деле социалистическую революцию до конца, до уничтожения классов и построения социалистического общества.

В содержание диктатуры пролетариата включается поэтому руководство пролетариата и его партии крестьянством на всех этапах переходного периода — и на этапе преобладания мелкого индивидуального хозяйства в деревне, и на этапе реконструкции, преобразования и переделки, и на этапе крупного колхозного сельского хозяйства — до тех пор, пока противоречия, которые существуют еще между пролетариатом и крестьянством, не будут полностью уничтожены и сняты. Противоречия эти имеют особый характер на этапе преобладания в деревне колхозного крестьянства. Противоречия между индивидуальным крестьянином-средняком и рабочим нельзя ставить на одну плоскость с противоречиями между крестьянином-колхозником и рабочим. Уже на стадии колхозной формы социалистического труда эти противоречия начинают изживаться. Изживание это происходит в порядке классовой борьбы против кулачества для его полного уничтожения как вне, так и внутри колхоза, в порядке борьбы против мелкобуржуазных частнособственнических тенденций колхозников, в порядке большевистского руководства колхозами, в порядке приобщения их к социалистическим формам труда и преодоления их частнособственнической психологии, в порядке организации их коллективного, социалистического труда и социалистической их переделки на основе технического вооружения колхозов и их организационно-хозяйственного укрепления.

Диктатура пролетариата предполагает поэтому борьбу против частнособственнических интересов и капиталистических тенденций мелких крестьян-товаропроизводителей, борьбу против частнособственнических тенденций колхозников и борьбу за социалистическое содержание колхозов,

³¹ Ленин, т. XXIV, стр. 311.

³² Ленин, т. XXVI, стр. 450.

за превращение всех колхозов в большевистские колхозы, а колхозников — в зажиточных работников социалистического земледелия.

Диктатура пролетариата есть поэтому движение и преодоление указанных противоречий, для того чтобы изжить полностью классовые различия между рабочим классом и крестьянством. Они еще не изживаются и не могут быть изжиты на этапе преобладания колхозного производства в сельском хозяйстве, поскольку между колхозниками и пролетариатом классовые различия еще существуют. Колхозники — это еще класс, и класс потому, что они еще крестьяне, они еще имеют частную собственность на своих усадьбах, они имеют, далее, коллективную, общественную собственность в пределах колхозов и не могут еще на этой стадии быть свободными от мелкособственнических пережитков и частнособственнической психологии. Поэтому колхоз и социалистическое предприятие в промышленности, а равно и совхоз в социально-экономическом отношении еще различные. В то время как предприятия в нашей промышленности и совхозы являются последовательно социалистическими предприятиями, колхозная форма производства хотя и является социалистической формой, но она еще не последовательно социалистическая форма производства, поскольку в колхозах еще не все средства производства составляют собственность всего общества.

Диктатура пролетариата обеспечивает превращение колхозников в социалистических работников и колхозов — в последовательно социалистические предприятия. Это превращение уже происходит и произойдет окончательно путем подведения по линии МТС высокой социалистической технической базы под колхозы и на этой основе обобществления всех средств производства в колхозах как собственности всего общества (государства). Это произойдет окончательно путем обобществления производства на деле и социалистического развития производительных сил в колхозах, путем политического и организационно-хозяйственного руководства со стороны пролетариата, его партии. Коллективизация — это не только вовлечение крестьян в колхозы, но и организационно-хозяйственное и политическое руководство колхозом вплоть до превращения колхоза в последовательно социалистическое предприятие, вплоть до превращения сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального труда и полного уничтожения на этой основе противоположности между городом и деревней.

Поэтому диктатура пролетариата предполагает и осуществляет социалистическое сочетание, или, вернее, социалистическую смычку промышленности и сельского хозяйства. Это означает организацию социалистического производства и там и здесь на основе крупного производства, на основе социалистического соединения сельского хозяйства с промышленностью. Это — одна из основных проблем социалистической революции, которую осуществляет диктатура пролетариата. «Проблема построения социализма, — говорит т. Сталин, — означает проблему правильного сочетания и я индустрии и сельского хозяйства»⁸³. Диктатура пролетариата есть та сила, которая обеспечивает эту организацию, это социалистическое сочетание индустрии и сельского хозяйства на основе разрешения противоречия между пролетариатом и крестьянством. Разрешение этого противоречия означает решение самой трудной и важной задачи социалистической революции, заключающееся в осуществлении реконструкции мелкотоварного крестьянского хозяйства в социалистическое, крупное, в ликвидации его капиталистического развития, а следовательно и корней капи-

⁸³ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 172.

тализма в стране, в организации социалистического хозяйства в земледелии в сочетании с социалистической промышленностью.

В этом отношении мы можем говорить, что диктатура пролетариата является основным и главным рычагом, главным орудием социалистического развития советского хозяйства, главным рычагом, главным орудием социалистического преобразования и развития сельского хозяйства.

Мы уже отмечали выше, что диктатура пролетариата есть не только насилие; она осуществляет более высокую организацию труда по сравнению с тем, что мы имеем в условиях капитализма. Это означает, что диктатура пролетариата есть движение и в то же время разрешение того противоречия, о котором мы говорили выше, т. е. противоречия между социалистическими отношениями, социалистической формой организации труда и уровнем развития производительных сил. Задача диктатуры пролетариата заключается и в преодолении этого противоречия.

Возьмем хотя бы такую проблему, как проблема формы выражения и учета общественного труда. Ленин говорил, что деньги как форму выражения и учета общественного труда уничтожить нельзя сразу, что для этого нужно очень много технических и организационных завоеваний. Деньги выражают общественный труд. Для уничтожения денег нужно перейти от учета общественного труда в денежной форме, от формы денежного учета—к натуральной социалистической форме учета общественного труда, к подлинно социалистической форме учета, выражающейся непосредственно в единицах рабочего времени—этого имманентного мерила общественного труда в социалистических условиях. Для этого перехода необходимы два условия: во-первых, такой переход возможен только в условиях социалистической формы организации производства, в условиях социалистических производственных отношений; во-вторых, для этого перехода необходимы высокий уровень техники производства, высокий уровень социалистической организации труда и высокий производственно-культурный уровень работников, осуществляющих социалистическое производство. У нас социалистическая форма производства преобладает. Но еще имеется налицо и мелкотоварное производство. Колхозная, социалистическая форма производства не является еще последовательно социалистической формой. Для своих экономических связей со всем народным хозяйством она требует еще товарной формы связи и отношений. Это—с одной стороны. С другой стороны, мы еще не можем сказать, что технические и организационные завоевания в последовательно социалистических предприятиях в области промышленности достаточны для перехода к учету труда в рабочем времени. Вместе с тем наша социалистическая промышленность должна иметь тесные экономические связи с совхозным, колхозным и мелкотоварными секторами сельского хозяйства. Все это говорит о том, что выражение затрат труда на производство отдельных продуктов не может еще происходить в социалистической форме рабочего времени. Выражает это обстоятельство какое-нибудь противоречие? Безусловно. Оно есть проявление того противоречия, о котором мы говорили выше, а именно противоречия между социалистической формой организации хозяйства и содержанием самого процесса производства, которое зависит от уровня технических и организационных завоеваний, следовательно от нас, от людей, от уровня развития производительных сил и прежде всего рабочего класса как главной производительной силы. Диктатура пролетариата есть движение этого противоречия, направленное на его ликвидацию.

Диктатура пролетариата—насилие над эксплуататорами, уничтожение классов, переделка мелкотоварного хозяйства, социалистическое строительство. Но если классы уничтожим окончательно, социалистическую переделку мелкотоварного хозяйства завершим, завершим также техническую

реконструкцию всего народного хозяйства, одним словом, завершим переходный период, — исчезнет ли диктатура пролетариата как сила, направленная на преодоление известных противоречий, свойственных социализму? Нет, не исчезнет. В условиях полного социализма государство остается, еще не отмирает. Это государство, если рассматривать вопрос вне учета внешних противоречий с капитализмом, не будет уже насильем над эксплуататорами, оно не будет уже уничтожением классов, ибо эксплуататоры и классы будут уничтожены. Главной функцией этого государства при полном социализме будет уже не уничтожение классов и не социалистическая переделка мелкотоварного производства в стране, а развитие социалистических форм хозяйства, развитие их социалистического содержания, развитие новой социалистической дисциплины труда, охрана «равенства труда и равенства дележа продуктов» (Ленин). Раз функции государства изменятся, то изменится и характер государства. Оно остается еще организацией пролетариата, руководящей, планирующей и управляющей социалистическим хозяйством и социалистическим распределением на основе принципа «мера труда — мера потребления», потому, что будут известные противоречия, потому, что «остается охрана «буржуазного права», освящающего фактическое неравенство. «Для полного отмирания государства нужен полный коммунизм»³⁴. Государство есть классовая организация господствующего класса в условиях классового общества. Но в условиях первой фазы коммунизма государство в смысле классовой организации господствующего класса уже отмирает. «Государство отмирает, поскольку капиталистов уже нет, классов уже нет, подавлять поэтому какой бы то ни было класс нельзя»³⁵.

В условиях социалистического хозяйства, где нет уже классов, следовательно и нет классового господства, государство остается не потому, что оно будет выражать классовые противоречия, а потому, что оно будет выражать противоречия, свойственные социалистическому хозяйству как хозяйству первой фазы коммунизма. Эти противоречия будут определяться и вытекать из недостаточного еще уровня развития производительных сил. Они не будут носить антагонистического характера. Является общепризнанным, что в условиях социализма сохраняется противоречие между умственным и физическим трудом и общественное разделение труда. В условиях социализма труд не является еще первой жизненной потребностью, а является средством к жизни и только начинает становиться первой жизненной потребностью. В условиях социализма распределение продуктов будет осуществляться по труду, по качеству и количеству труда, следовательно принцип «мера труда — мера потребления» будет являться основным принципом социалистического распределения и социалистической организации хозяйства. О чем все это говорит? Это говорит об известных противоречиях социалистического хозяйства. Социалистические отношения никогда не вступают и не могут вступить в антагонистические противоречия с производительными силами. Социалистические отношения основаны на общественной собственности на средства производства — это основное их качество. Направление же развития производительных сил идет по линии обобществления труда. Процесс обобществления имеет место и при капитализме, где огромные фабрики и заводы сосредоточивают крупные средства производства, требующие огромного количества людей. Соединение и тех и других для производства капиталистическим способом означает обобществление труда

³⁴ Ленин, Собр. соч., т. XXI, стр. 435.

³⁵ Там же.

в самом процессе производства в условиях капитализма. Но здесь это развитие производительных сил и обобществление труда происходят в антагонистических противоречиях, которые обуславливаются капиталистическими производственными отношениями, основанными на частной собственности и на эксплуатации. В условиях социализма нет этого противоречия, ибо направление развития самих производительных сил и форма развития их, т. е. социалистические отношения, базируются на одном и том же принципе — на обобществлении средств производства, а следовательно при отсутствии эксплуатации — и на социалистическом обобществлении труда. Поэтому антагонистического противоречия между ними не может быть. Наоборот, социалистические производственные отношения являются всегда формой развития производительных сил, обуславливают их ускоренное развитие. Но между уровнем развития производительных сил и социалистическими отношениями может быть несоответствие в смысле неполного адекватного развития первых по отношению ко вторым. Речь идет здесь об этом характере противоречия при социализме, которые имеют там место и которые обуславливают государство при социализме.

Диктатура пролетариата в условиях переходного периода есть борьба за развитие, социалистическое содержание новых, социалистических форм производства. Это означает, что диктатура пролетариата есть условие и борьба за социалистическое развитие производительных сил, за высокое качество технических условий производства, за высокое качество и развитие рабочей силы и кадров социалистического производства. Это означает, что диктатура пролетариата должна осуществить и культурную революцию. Культурная революция—это прежде всего задача экономического преобразования капитализма в социализм, а следовательно также экономическая задача, ибо подъем и развитие культурно-производственного уровня рабочих масс это есть решение вопроса о субъективных факторах производства, вопроса о развитии главной производительной силы — производственного работника. Поэтому диктатура пролетариата осуществляет и должна осуществить культурную революцию наряду с революцией социальной и технической, ибо в содержание социалистической революции входит и культурная революция.

Пролетарское государство организует в государственном масштабе труд миллионов трудящихся в преобладающих социалистических формах производства и направляет этот труд. Оно организует колхозное производство, социалистическое производство в промышленности. Оно осуществляет социалистическую революцию в области производства, социалистическую революцию в области производительных сил, социалистическую революцию в области отношений людей к средствам производства, к труду. Система пролетарской диктатуры и социалистические отношения являются базой социализма и ударничества. Эти социалистические формы труда невозможны в условиях господства буржуазии. Они возможны только в условиях пролетарского господства. Социализм и ударничество являются формами ликвидации тех противоречий, о которых мы говорили выше. Социалистическое соревнование обусловлено социалистическими отношениями, социалистическим отношением к труду и к средствам производства и направлено на подъем и развитие производительных сил и укрепление социалистических отношений.

Диктатура пролетариата устанавливает ответственность каждого работника за порученное ему дело, устанавливает строжайший контроль над мерой труда и мерой потребления. Она ликвидирует обезличенные отношения к труду, к средствам производства и т. д.

Следовательно диктатура пролетариата и по линии организации труда является борьбой за ликвидацию этих противоречий, за их социали-

стическое преодоление. Противоречия и борьба — основа всякого движения. Противоречия и борьба в условиях переходного периода — основа движения советского хозяйства. Диктатура пролетариата есть борьба за социалистическое разрешение этих противоречий, следовательно она — основа движения. Диктатура пролетариата — это борьба между старым и новым и носитель нового: новой организации труда, нового отношения к труду, новой, социалистической дисциплины труда, новых отношений производства, новой, социалистической культуры.

«Диктатура пролетариата, — говорил Ленин, — есть самая беззаветная и самая беспощадная война нового класса против более могущественного врага, против буржуазии, сопротивление которой удешевит ее свержением»³⁶.

«Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная, против сил и традиций старого общества»³⁷. Даже борьба за искоренение всяких буржуазных теорий, всякого буржуазного отношения к труду, всякой буржуазной установки в науке есть одно из звеньев диктатуры пролетариата как борьбы против сил и традиций старого общества.

Борьба эта — основа движения, основа развития советского хозяйства в направлении социалистического развития. Ибо эту борьбу осуществляет диктатура пролетариата, самого революционного класса, самой главной производительной силы, класса, основной конечной целью которого является построение коммунизма.

«Наше продвижение, — говорит т. Сталин, — протекает в порядке борьбы, в порядке развития противоречий, в порядке преодоления этих противоречий, в порядке выявления и ликвидации этих противоречий... Всегда у нас рождается что-либо новое в жизни и отстаивает свое право на существование... Борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся — вот основа нашего развития»³⁸.

Диктатура пролетариата есть олицетворение этой борьбы. Следовательно она есть основа нашего развития в социалистическом направлении.

3. Об экономическом законе движения советской экономики

Для того чтобы ответить на вопрос о том, что является экономическим законом развития советского хозяйства, нужно прежде всего уяснить себе, что мы должны понимать под экономическим законом движения. Ленин говорит, что закон — это «прочное (остающееся в явлении), спокойное отражение явления», что закон — это «существенное явления, отражение существенного в движении»³⁹.

Закон таким образом есть то, что лежит в основе, в центре движения, в основе и центре явления, что обуславливает движение. Закон есть прочное, основное содержание явления, основное содержание и основное условие всякого движения.

Исходя из этого общего понятия о законе вообще, под экономическим законом движения и развития мы должны понимать такой закон, который,

³⁶ Ленин, Собр. соч., т. XXV, стр. 173.

³⁷ Там же, стр. 190.

³⁸ Стенографический отчет XV съезда партии. Заключительное слово.

³⁹ «Ленинский сборник» IX, стр. 147.

в о-п е р в ы х, зиждется на противоречиях, являющихся основой движения и развития в том или ином направлении. В о-в т о р ы х, экономический закон должен быть условием движения противоречий. Экономический закон должен выражать борьбу этих противоречий и форму этой борьбы, ибо движение обусловлено борьбой противоречий в определенной форме. В-т р е т ь и х, экономический закон должен выражать самое существенное и самое важное с точки зрения движения и развития — это общественный труд, ибо труд есть процесс движения, и без труда, без производства нет движения вообще. Но общественный труд должен выражаться в экономическом законе в особой исторической форме. Без труда, без производства вообще не существовало бы человеческого общества, не было бы следовательно его движения и развития. Экономический закон развития поэтому должен выражать общественный труд в определенной форме.

Если мы возьмем закон стоимости как закон движения товарного производства, то легко обнаружим, что в этом законе находят свое выражение все три указанные условия. Закон стоимости выражает противоречия товарного производства и прежде всего противоречия между частным и общественным трудом. Закон стоимости есть вместе с тем форма движения противоречий товарного производства, в частности он является формой движения противоречий товара. Наконец закон стоимости выражает общественный труд в его исторически определенной общественной форме — в форме абстрактного общественно-необходимого труда, ибо без субстанции стоимости — абстрактного труда — нет и стоимости вообще.

Основным содержанием закона стоимости в условиях капитализма является прибавочная стоимость. Если мы проанализируем закон прибавочной стоимости как закон движения капитализма, то обнаружим, что он выражает и противоречия капитализма и общественный труд в форме труда наемных рабочих. Стоимость выражает противоречия товарного производства, прибавочная стоимость выражает противоречия капитализма и борьбу этих противоречий в движении. В явлениях капиталистического способа производства закон прибавочной стоимости остается прочным, основным содержанием. Он является основным содержанием и прибыли, и процента, и ренты. Прибавочная стоимость следовательно — основа борьбы отдельных капиталистических предприятий друг с другом, конкуренции, наконец борьбы между капиталистическими державами. Основным, главным в этих явлениях капитализма остается прибавочная стоимость. Борьба империалистических государств друг с другом происходит в конечном счете за долю общественной прибавочной стоимости. Противоречия между разными капиталистическими группами основаны на прибавочной стоимости. Борьба между капиталистами и рабочими происходит, с одной стороны (капиталисты), за увеличение прибавочной стоимости, за увеличение нормы эксплуатации, с другой (рабочие) — за уменьшение этой нормы и за полное устранение этой эксплуатации.

Как же стоит вопрос относительно экономического закона развития переходной экономики?

Экономический закон развития переходной экономики должен обусловить, во-первых, такое движение противоречий переходной экономики, которое в д-т к уничтожению, преодолению этих противоречий. Во-вторых, экономический закон движения переходной экономики должен обеспечить форму движения противоречий, и такую именно форму, которая не увеличивалась бы их, а обусловила их изживание, их преодоление. Поскольку далее речь идет об экономическом законе движения, то он должен выражать также труд миллионов строителей социализма, направленный на социалистическую реконструкцию народного хо-

Заявления, направленный на борьбу против остатков капитализма с целью их полного искоренения, направленный на социалистическую передилку миллионов мелких производителей. Без целесообразно направленного труда, без борьбы, — а труд есть борьба, — нет социалистического строительства, нет дальнейшего развития социализма, нет реконструкции народного хозяйства. Экономический закон должен выражать поэтому труд миллионов, направленный на социалистическое строительство, иначе он не является законом движения. Закон этот должен следовательно выражать, поскольку он закон переходного периода, революционное преобразование всей экономики капитализма в экономику социализма.

Наконец этот закон должен выражать сознательное, плановое, самими людьми регулируемое отношение общества к отдельным членам общества и каждого отдельного индивидуума к обществу.

В условиях социалистического преобразования не отношения должны господствовать над людьми, а люди над отношениями. Следовательно экономический закон движения должен выражать, что люди господствуют над отношениями и отношения являются продуктом деятельности людей, ибо последние сознательно осуществляют социалистическую реконструкцию, сознательно строят социализм.

При социализме «строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства, сбросит с себя мистическое, туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободно обобщившихся людей и будет находиться под их сознательным и планомерным контролем»⁴⁰. Социализм и социалистическое строительство предполагают, что не «процесс производства господствует над людьми», а «человек над процессом производства»⁴¹. То же самое, в несколько другой формулировке, говорил и Энгельс: «Жизненные условия, окружающие человечество и до сих пор над ним господствовавшие, подпадут под власть и контроль людей, которые впервые станут действительными и сознательными повелителями природы и именно в той мере, в какой они станут господами своих собственных общественных отношений»⁴². В другом месте Энгельс еще резче подчеркивает эту мысль: «Законы их собственных общественных действий, противостоящие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними, законы природы будут тогда вполне сознательно применяться ими и следовательно подчиняться их господству»⁴³.

Таким образом строй материального жизненного процесса производства, отношения людей в этом производстве, законы общественных действий людей, закон движения их отношений должны находиться под непосредственным контролем людей и должны быть продуктом воли людей, коллектива, общества производителей, а в переходный период — пролетариата, системы его диктатуры. Закон движения экономики переходного периода является законом социалистического строительства, социалистического преобразования. Он не может поэтому быть законом, господствующим над волей пролетариата. Наоборот, он является и должен являться продуктом деятельности пролетариата, продуктом его диктатуры, ибо социалистическое строительство пролетариат осуществляет вполне сознательно, и законы общественных отношений и преобразований им сознательно и планомерно применяются и регулируются.

⁴⁰ Маркс, Капитал, т. I, стр. 47.

⁴¹ Там же, стр. 49.

⁴² Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, изд. 1931 г., стр. 74.

⁴³ Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 268.

«Для организации крупного производства без предпринимателей, — говорил Ленин, — нужно, во-первых, уничтожение товарной организации общественного хозяйства и замена ее организацией общинной, коммунистической, когда бы регулятором производства был не рынок, как теперь, а сами производители, само общество рабочих, когда бы средства производства принадлежали не частным лицам, а всему обществу. Такая замена частной формы присвоения общинной требует, очевидно, предварительного образования форм производства, требует слияния разрозненных, мелких, обособленных процессов производства мелких производителей в один общественный производственный процесс»⁴⁴.

Здесь подчеркивается та же основная мысль, что при социализме не производство и отношения производства господствуют над людьми, а люди господствуют над ними и сознательно и планомерно направляют свое производство в интересах всего общества производителей, рабочих. Таким образом процесс производства и отношения людей являются продуктом свободно обобществившихся людей. Экономический закон движения должен выражать в себе этот момент, если он является законом развития переходной экономики, основным содержанием которого является сознательное и планомерное социалистическое строительство.

С точки зрения этого понимания экономического закона движения переходной экономики можно ли сказать, что все, что мы хотим знать о законе экономического движения переходной экономики, все это обуславливается диктатурой пролетариата? Проанализируем все указанные моменты по отношению к диктатуре пролетариата. Выражает ли диктатура пролетариата борьбу противоречий переходной экономики и направление этой борьбы по линии уничтожения и продолжения противоречий, следовательно является ли диктатура пролетариата поэтому основой движения? Выше мы показали, что диктатура пролетариата является основой движения советского хозяйства. Следовательно она есть и форма движения этих противоречий, причем такая именно форма, которая не увековечивает эти противоречия, а обуславливает их преодоление. Таким образом первому условию диктатура пролетариата удовлетворяет полностью.

Выражает ли, далее, диктатура пролетариата труд миллионов строителей социализма, направленный планомерно на социалистическое строительство и осуществляющий это строительство в борьбе, в противоречиях? Да, выражает. Диктатура пролетариата есть диктатура самого производительного класса, т. е. главной производительной силы общества — рабочего класса. Поэтому в функции этой диктатуры входят функции распределения и планирования труда в направлении обеспечения и достижения целей пролетариата — осуществления построения социализма.

«Труд, — говорил Ленин, — объединен в России коммунистически, поскольку, во-первых, отменена частная собственность на средства производства, поскольку, во-вторых, пролетарская государственная власть организует в общенациональном масштабе крупное производство на государственной земле и в государственных предприятиях, распределяет рабочую силу между разными отраслями хозяйства и предприятиями, распределяет массовое количество принадлежащих государству продуктов потребления между трудящимися»⁴⁵.

⁴⁴ Ленин, т. 1, стр. 151.

⁴⁵ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 508.

Эти функции государства в условиях переходной экономики — функции диктатуры пролетариата. Нельзя представить себе диктатуру пролетариата без этих функций, без этого ее содержания в области регулирования и планирования труда миллионов. Но это та самая функция, без которой не бывает закона движения.

Диктатура пролетариата — это борьба социализма с капитализмом для уничтожения последнего и торжества социализма. А всякая борьба есть труд, целесообразно направленный на объект борьбы с целью достижения своей цели. Поэтому диктатура пролетариата — это организованное действие рабочего класса — главной производительной силы общества — это труд миллионов рабочих, направленный на искоренение капитализма и построение социализма, это труд на себя, на свой класс. Нет борьбы без труда. Поэтому диктатура пролетариата как основа движения советской экономики включает в себя организованный общественный труд миллионов строителей социализма, без которого нет движения, нет реконструкции, нет и самой переходной экономики как таковой.

Законом движения капитализма, как мы говорили выше, является прибавочная стоимость. «Правильно, — говорит т. Сталин, — что основным двигателем капиталистического хозяйства является извлечение прибыли. Верно также и то, что извлечение прибыли не является ни целью, ни двигателем нашей социалистической промышленности. Что же в таком случае является двигателем нашей индустрии?

Прежде всего то обстоятельство, что фабрики и заводы принадлежат у нас всему народу, а не капиталистам, что фабриками и заводами управляют не ставленники капиталистов, а представители рабочего класса. Сознание того, что рабочие работают не на капиталиста, а на свое собственное государство, на свой собственный класс, — это сознание является громадной двигательной силой в деле развития и усовершенствования нашей промышленности...

... это новое отношение рабочих к предприятию, это чувство близости рабочих к предприятию является величайшей двигательной силой всей нашей промышленности...

Во-вторых, то обстоятельство, что доходы от промышленности идут у нас не на обогащение отдельных лиц, а на дальнейшее расширение промышленности, на улучшение материального и культурного положения рабочего класса, на удешевление промышленных товаров, необходимых как для рабочих, так и для крестьян, т. е. опять-таки на улучшение материального положения трудящихся масс.

...Наконец то обстоятельство, что факт национализации промышленности облегчает плановое ведение всего промышленного хозяйства в целом.

Будут ли эти стимулы и двигатели нашей промышленности постоянными факторами? Могут ли они быть постоянно действующими факторами? Да, они безусловно будут постоянно действующими стимулами и двигателями. И чем больше будет развиваться наша индустрия, тем больше будет нарастать сила и значение этих факторов»⁴⁶.

Из этих положений т. Сталина наглядно видно, что он конкретно противопоставляет в наших условиях закону извлечения прибыли при

⁴⁶ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 278—280.

капитализме. Когда средства производства обобществлены, когда национализированы фабрики и заводы и следовательно «строй общественного жизненного процесса» является «продуктом свободно обобществившихся людей» и находится под их сознательным и планомерным контролем, тогда законы движения производства, стимулы и двигатели хозяйства меняются коренным образом. Тогда господствует над производством и над отношениями людей друг к другу общество производителей, рабочих. Тогда целесообразно и планомерно организованный труд миллионов, труд на себя, на свой класс, на всех трудящихся и сознание того, что этот труд идет исключительно на себя, на свое государство, являются основными и решающими двигателями производства и развития хозяйства. «Разве тот факт, что во главе производства будут стоять не тупящцы, а сами производители, — разве этот факт не является величайшим фактором того, что социалистическая система хозяйства будет иметь все шансы для того, чтобы двинуть вперед хозяйство семимильными шагами и доказать свое превосходство над капиталистической системой хозяйства в более короткий срок? Разве тот факт, что социалистическое хозяйство является наиболее объединенным хозяйством, что социалистическое хозяйство ведется в планомерном порядке, — разве этот факт не говорит за то, что социалистическое хозяйство будет иметь все плюсы для того, чтобы доказать свое превосходство в сравнительно короткий срок над капиталистической системой хозяйства?..»⁴⁷.

Вся сила, которую дают и социалистическое объединенное хозяйство, и рабочий класс, и все трудящиеся массы, их общественный труд и их борьба, вся та сила, которую дают отмеченные выше стимулы и двигатели социалистической индустрии, — вся эта сила концентрируется в диктатуре пролетариата. Ибо диктатура пролетариата — это концентрированная экономика, это воля к труду миллионов масс трудящихся, это концентрированная сила главной производительной силы общества — рабочего класса, — это та сила и та организация, которая обуславливает и формирует и национализацию фабрик и заводов, и плановое ведение хозяйства, и социалистическую реконструкцию всего народного хозяйства, и расширенное воспроизводство социалистических отношений, как отношений, над которыми господствуют люди, — непосредственные производители, — и наконец уничтожение классов и построение бесклассового общества. Ибо «государство — это мы, это — пролетариат, это — авангард рабочего класса»⁴⁸. Ибо диктатура пролетариата — это рабочий класс, это союз рабочего класса с крестьянством, это сознание того, что рабочие и крестьяне работают на себя, на свой собственный класс для постоянного и систематического улучшения своего материального благосостояния. Когда диктатура пролетариата отомрет, то двигательной силой производства останутся общество производителей, их общественный труд на себя, их сознание работы на себя, их планомерно организованная воля к труду.

Таким образом экономический закон движения переходной экономики не может быть независимым от диктатуры пролетариата. Наоборот, этот закон формируется и обуславливается диктатурой пролетариата. Поэтому вне диктатуры пролетариата нет экономического закона движения переходной экономики. Диктатура пролетариата — это переход от капитализма к социализму, это построение социализма, социалистическая реконструкция всего народного хозяйства. Значит основная линия движения переходной экономики обуславливается диктатурой пролетариата.

⁴⁷ Сталин, Об оппозиции, стр. 537—538.

⁴⁸ Ленин, т. XXVII, стр. 237.

Процесс движения к социализму, процесс строительства социализма не осуществляется стихийно, самотеком. Только мелкобуржуазные теоретики думают, что социализм обеспечивается самотеком, только правые оппортунисты думают и предполагают, что самотеком все решается, раз дано политическое господство пролетариата. Самотек и социализм — несовместимы. Диктатура пролетариата только тогда обеспечивает построение социализма, когда осуществляет в борьбе те задачи, которые перед ней ставит пролетариат. Диктатура пролетариата сознательно создает — и это нужно особо подчеркнуть — планы строительства социализма на отдельных этапах развития, осуществляет эти планы строительства социализма, создает пятилетние планы и выполняет их.

Диктатура пролетариата регулирует отношения людей друг к другу, уничтожает классы, формирует социалистические производственные отношения. Уничтожение классов есть изменение отношения людей к средствам производства, есть расширенное воспроизводство социалистических отношений. Диктатура пролетариата распределяет средства производства и рабочие силы страны, строит Урало-кузнецкий комбинат, механизмирует Донбасс, строит железные дороги — Турксиб, Донбасс — Москва, строит крупнейшие гиганты металлургии, машиностроения, химизации страны и т. д. Это все означает изменение отношения людей, перераспределение рабочей силы страны соответственно тем задачам и той политике, которые ставит перед собой и ведет пролетариат.

Диктатура пролетариата обеспечивает все объективные условия для полной победы социализма в стране. Тов. Сталин ярко охарактеризовал эти условия в своей речи на конференции работников промышленности. Он говорил, что к объективным условиям и возможностям относятся и природные богатства Советской страны и советская власть, т. е. диктатура пролетариата. К объективным условиям он относил и партию как руководящую и направляющую силу пролетарской диктатуры. К объективным условиям он относил и наш советский строй хозяйства, который обуславливается диктатурой пролетариата.

Ленин указывал, что «вполне достаточно у нас средств для победы в напе: и политических и экономических. Вопрос «только» в культурности»⁴⁹. Поэтому «не в учреждениях, не в переорганизациях, не в новых декретах «гвоздь», а в людях и в проверке исполнения»⁵⁰.

Гвоздь в людях, в культурности этих людей, в умении и использовать объективные возможности. Наличие диктатуры пролетариата создает эти объективные возможности. «Нехватает только умения использовать эти возможности по-настоящему»⁵¹, а это зависит от людей, от нас. «Т о л ь к о от нас» (Сталин). Закон движения советской экономики таким образом зависит от нас, от людей. Люди господствуют над своими отношениями. Люди обеспечивают движение вперед. Все зависит от нас, от рабочего класса, от партии, от трудящихся. А государство — диктатура пролетариата, — это мы, это пролетариат, это авангард рабочего класса, это союз пролетариата с многомиллионным крестьянством под руководством первого. В условиях, когда люди обладают средствами производства, экономическая сила сосредоточена в их руках. В этих условиях регулирующим началом движения, основным фактором и законом, определяющим это движение, являются люди, в данном случае рабочий класс, организация рабочего класса, диктатура пролетариата. Диктатура пролетариата — это целая система, которая цементируется авангардом рабочего класса — партией, руководителем диктатуры пролетариата. «Партия есть основ-

⁴⁹ Ленин, т. XXVII, стр. 214.

⁵⁰ Там же, стр. 217.

⁵¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 585.

ная, руководящая сила в системе диктатуры пролетариата» (Сталин), без нее нет диктатуры пролетариата. «Направляющая сила, — это передовой отряд пролетариата, это — его авангард, являющийся основной руководящей силой диктатуры пролетариата»⁵². Диктатура пролетариата включает в свою систему кроме этого профсоюзы, советы, союз молодежи, Красную армию и т. д. Все это — организации пролетариата, все это — диктатура пролетариата. Это организация людей, от которых зависит все. Диктатура пролетариата поэтому — определяющая сила социалистического развития, определяющий рычаг экономического движения. Это — главная сила, главный рычаг, главное орудие социалистического преобразования и развития. Следовательно в условиях диктатуры пролетариата люди сами регулируют свои отношения, люди сами направляют движение своих отношений. Историю делают люди сами, правда, не при свободно выбранных условиях. Но кто делает историю социалистического строительства в наших условиях? Пролетариат и его партия, диктатура пролетариата.

В качестве иллюстрации к тому, что в условиях диктатуры пролетариата люди сами делают историю, возьмем задачи первой пятилетки и их осуществление. Каковы были основные задачи первой пятилетки? Задачи эти состояли в том, чтобы: 1) «перевести нашу страну с ее отсталой, подчас средневековой техникой на рельсы новой, современной техники»; 2) «превратить СССР из страны аграрной и немощной в страну индустриальную и могучую»; 3) «вытеснить до конца капиталистические элементы, расширить фронт социалистической формы хозяйства и создать экономическую базу для уничтожения классов, для построения социалистического общества»; 4) «создать в нашей стране такую индустрию, которая была бы способна перевооружить и реорганизовать не только промышленность в целом, но и транспорт, но и сельское хозяйство на базе социализма»; 5) «перевести с мелкого раздробленного сельского хозяйства на рельсы крупного коллективного хозяйства»; 6) «обеспечить экономическую базу социализма в деревне и ликвидировать... возможность восстановления капитализма в СССР»; 7) «создать в стране все необходимые технические и экономические предпосылки для максимального поднятия обороноспособности страны»⁵³.

Осуществляли ли мы эти задачи? Да, осуществляли и осуществили, мы — пролетарская диктатура, пролетариат, партия. «Мы уже выполнили в основном ее (пятилетки — К. Б.) главную задачу подведения базы новой, современной техники под нашу промышленность, транспорт, сельское хозяйство» (Сталин). Мы перевыполнили план коллективизации в три раза. Мы уже завершили в основном коллективизацию в ведущих районах СССР. «Мы свергли капитализм. Мы взяли власть. Мы построили крупнейшую социалистическую индустрию. Мы повернули середняка на путь коллективизации, самое важное с точки зрения строительства мы уже сделали»⁵⁴. «Мы утвердили во всех сферах народного хозяйства принцип социализма, изгнав оттуда капиталистические элементы... Мы добились того, что вышибли вконец последние остатки враждебных классов из их производственных позиций, разгромили кулачество и подготовили почву для его уничтожения»⁵⁵.

Кто это мы? Это — рабочий класс, это — партия, это — диктатура пролетариата.

⁵² Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 585.

⁵³ Сталин, Итоги первой пятилетки.

⁵⁴ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 585.

⁵⁵ Сталин, Итоги первой пятилетки.

Какие основные силы обеспечили нам эти исторические победы? На это т. Сталин дает ясный ответ: «Это прежде всего — активность и самоотверженность, энтузиазм и инициатива миллионов масс рабочих и колхозников, развивших вместе с инженерно-техническими силами колоссальную энергию по разворачиванию соцсоревнования и ударничества. Не может быть сомнения, что без этого обстоятельства мы не могли бы добиться цели, не могли бы двинуться вперед ни на шаг».

Затем «это — твердое руководство партии и правительства, звавших массы вперед и преодолевавших все и всякие трудности на пути к цели».

В-третьих, это — «особые достоинства и преимущества советской системы хозяйства, таящей в себе колоссальные возможности, необходимые для преодоления всех и всяких трудностей»⁵⁶.

Эти силы обеспечены диктатурой пролетариата. Они — конкретное проявление диктатуры пролетариата как определяющей силы экономического развития в переходный период. Эти победы обеспечили люди, рабочий класс, партия. От них зависело все: и успехи, и недостатки, и победы, и поражения.

Когда т. Сталин анализировал недостатки нашей работы в сельском хозяйстве, то он говорил: «Никто не мешает и не может помешать нам вести дело колхозов так, как требуют этого интересы колхозов, интересы государства... И если нам не всегда удастся вести дело колхозов так, как требует этого ленинизм... то виноваты в этом мы и только мы... Ибо мы стоим у власти, мы располагаем средствами государства, мы призваны руководить колхозами, и мы должны нести полную ответственность за работу в деревне»⁵⁷.

В этих словах сказано все о той силе, которая определяет движение экономики СССР. Мы определяем это движение. А мы — это диктатура пролетариата. Кто двигает и направляет развитие колхозов, кто двигает и направляет развитие всего народного хозяйства? Пролетарская диктатура, ибо пролетарская диктатура — это мы, люди, пролетариат, партия, союз пролетариата с крестьянством, с колхозниками.

Таким образом диктатура пролетариата является главной определяющей силой экономического развития и в этом смысле законом движения. Это положение не противоречит тому, что политика партии направляет движение, ибо партия — это главная направляющая сила пролетарской диктатуры, и без этой силы и ее политики нет и диктатуры пролетариата. Когда говорят, что план есть закон движения, то этот план социалистического строительства у сторонников этого положения повисает в воздухе, ибо нет плана социалистического строительства без диктатуры пролетариата, без партии, без рабочего класса. План создается и осуществляется диктатурой пролетариата. Если правильно понимать план как практическую деятельность миллионов масс, как их борьбу за осуществление целей пролетариата, то в этом смысле план составляет неотъемлемую часть диктатуры пролетариата как борьбы за социализм, за уничтожение классов.

Предпосылкой плана является диктатура пролетариата. Плана не было бы, если бы не было диктатуры пролетариата. Когда говорят, что обобществление есть основной закон движения нашего хозяйства, то тут смешивается процесс социалистического строительства с рычагом, с силой, обуславливающей это обобществление. А силой этой является диктатура пролетариата. Обобществление средств производства, обобществление всего

⁵⁶ Сталин, Итоги первой пятилетки.

⁵⁷ Сталин, О работе в деревне.

народного хозяйства обуславливаются главным рычагом — людьми, пролетариатом, его партией — этой руководящей силой диктатуры.

Когда говорят, что расширенное социалистическое воспроизводство есть закон движения, то и тут смешивается основное содержание социалистического строительства с той силой, которая направляет движение по линии расширенного социалистического производства. А этой силой являются рабочий класс, партия, диктатура пролетариата. Это — главная решающая сила, обуславливающая движение переходной экономики в направлении социалистической экономики. Поэтому законом ее движения, законом в смысле главной, определяющей, организующей и направляющей силы экономического развития является диктатура пролетариата.

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА В ХОЗЯЙСТВЕ СССР

Проблемы воспроизводства являются важнейшими частями закономерностей развития всякого общественного хозяйства, в том числе переходной экономики.

«Какова бы ни была общественная форма процесса производства, — говорит Маркс, — он во всяком случае должен быть непрерывным, т. е. должен периодически все снова и снова пробегать одни и те же стадии. Общество не может перестать производить, как не может оно перестать потреблять»¹.

Успехи социалистического строительства требуют теоретической разработки проблем воспроизводства. Не случайно т. Сталин в своей речи на конференции аграрников-марксистов, противопоставляя марксистскую теорию воспроизводства пресловутой теории «равновесия» указывал на необходимость разработки вопросов движения нашей экономики с точки зрения марксистской теории расширенного воспроизводства, а также поставил и конкретную задачу перед марксистами-экономистами — разработку схем народнохозяйственного баланса. Понятно, что разработать схемы народнохозяйственного баланса возможно лишь на основе теоретической разработки закономерностей воспроизводства нашего хозяйства.

Практика социалистического строительства выдвигает перед теоретической мыслью целый ряд сложнейших проблем воспроизводства. Итоги первой пятилетки дают богатейший материал для теоретического обобщения опыта социалистического строительства. Вместе с тем исторические решения январского пленума, а также директивные указания партии о составлении плана второй пятилетки дают глубокую методологическую основу и указывают направление этой теоретической разработки. Теоретическое обобщение итоговых материалов первой пятилетки, а также перспективных наметок второй пятилетки является основным содержанием и центральной задачей в разработке закономерностей воспроизводства в СССР.

Несомненно, что при подходе к теоретическому осмысливанию закономерностей воспроизводства в хозяйстве СССР и к выяснению их принципиального отличия от законов воспроизводства при капитализме необходимо исходить не только из теории реализации, освещенной Марксом во II томе «Капитала», но из всей марксовой теории воспроизводства при капитализме, исследуемой Марксом на протяжении всех трех томов «Капитала».

Совершенно верно указывалось в нашей печати на неправильность подхода тех авторов, которые выхватывают схемы II тома «Капитала» из всей марксовой теоретической системы и сводят дело лишь к вопросу о так называемой «применимости» марксовых схем в условиях СССР.

Во II томе «Капитала» Маркс теоретически вскрыл и проиллюстрировал на схемах абстрактные условия реализации, которые в конкретной капиталистической действительности «осуществляются путем неосуществления». Эти законы реализации являются специфическими, при-

¹ Маркс, Капитал, т. I.

сущими лишь капиталистическому способу производства. Марксовы схемы иллюстрируют не просто возмещение общественного продукта, но продукта определенной формы производства с присущими ему специфическими законами. Проблема реализации в том виде, как она изложена во II томе «Капитала», существует лишь для капитализма. При капитализме реализация продукта является самым критическим моментом в движении капитала. «Как т о в а р вообще капитал разделяет судьбу товара; делом случая является, будет ли товар обменян на деньги или нет, будет ли реализована его ц е н а или нет».

«В рамках процесса производства увеличение стоимости... не знало иных г р а н и ц помимо тех, которые в рамках самого этого процесса были отчасти предположены, а отчасти положены, но которые таким образом всегда положены как п р е д е л ы, которые следует преодолеть. Теперь выступают пределы последнего, лежащие в н е п о с л е д н е г о»². И здесь, как говорит Маркс, «все противоречия обращения опять оживают в новой форме», причем оживают они в н о в о й форме и на новой основе, потому что речь идет здесь не просто о противоречии товара и денег как абстрактного условия кризиса, что заложено уже в простом товарном хозяйстве, н о о п р о т и в о р е ч и и к а п и т а л а.

Основное противоречие капиталистической системы — противоречие, между общественным характером производства и частной формой присвоения — в абстрактной теории реализации дано как основание, которое с привлечением к анализу более конкретных условий капиталистической действительности находит свое дальнейшее развитие и периодическое разрешение в кризисе, цикле и т. д. В частности антагонистическое противоречие между производством и потреблением «совершенно ясно показано Марксом в его схемах» (Л е н и н).

Марксовы схемы воспроизводства при капитализме как по форме, так и по содержанию отличаются от схем воспроизводства при социализме в СССР. В схемах II тома «Капитала» отображена анархия производства — между подразделениями в форме стихийного обмена; схемы отображают отношение двух главных классов капиталистического производства и их противоречия. Достаточно указать на антагонистическое деление вновь созданной стоимости на $U + M$, на деление второго подразделения на производство предметов широкого потребления и предметов роскоши, которое, по словам Маркса, «имеет коренное значение для характера и количественных отношений производства и является моментом в существенных чертах, определяющих весь его строй и т. д.»³.

Накопление капитала, иллюстрируемое в схемах, означает в то же время и усиление основного противоречия — противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения.

Развивая марксово учение о противоречии между производством и потреблением, Ленин пишет:

«Теория реализации Маркса именно потому, между прочим, представляет громадную научную ценность, что она показывает, как осуществляется это противоречие, что она выставляет это противоречие на первый план»⁴.

«Из этой теории следует, что даже при идеально гладком и пропорциональном производстве и обращении всего общественного капитала неизбежно противоречие между ростом производства и ограниченными размерами потребления» (стр. 491).

² К. М а р к с, Подготовительная работа к «К критике политэкономии», см. сборник Института мирового хозяйства и мировой политики при Комкадемии «К пятидесятилетию со дня смерти К. Маркса», стр. 69.

³ М а р к с, Капитал, т. II, стр. 386.

⁴ Л е н и н, т. II, стр. 489.

Это противоречие, которое было предметом горячих споров еще между классиками и скептиками, впервые диалектически было разрешено Марксом и развито потом Лениным. Именно Ленин, развивая марксову теорию воспроизводства, вскрыл всю глубину этого противоречия и научно обосновал место и значение этого противоречия в системе основного противоречия капиталистического производства—противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения.

Марксова теоретическая система, изложенная в 3 томах «Капитала», вскрывает закономерности исторического процесса возникновения, развития и гибели капиталистического способа производства. Начав с анализа законов простого товарного хозяйства как исторического рiuca хозяйства капиталистического, Маркс показывает в логическом аспекте исторический ход развития капиталистической системы и вскрывает вместе с тем у л о в и я, подготавливаемые этой системой для перехода к новой, социалистической форме общественного производства.

Какие выводы следует сделать из марксова метода анализа при подходе к изучению закономерностей воспроизводства советского хозяйства?

Ленин говорил, что метод, применяемый в «Капитале», есть единственно правильный метод исследования природы и общества вообще. Последовательность изучения советского хозяйства должна отобразить историю возникновения и развития социалистической системы. Историческое первое должно быть и логически первым.

Отсюда вывод, что самый исходный пункт анализа советской экономики—экономики периода соцстроительства, должен быть также принципиально иным по сравнению с капитализмом. Всякие попытки, направленные на отыскание «элементарной клеточки» в нашем хозяйстве наподобие «клеточки» буржуазного общества, являются попытками игнорирования этой принципиально иной природы нашего хозяйства или просто попытками механического применения аналогии к совершенно различным объектам изучения. Если можно говорить об «анalogии» в смысле последовательности изучения капиталистического и советского хозяйства, то эта аналогия ограничивается лишь самыми абстрактными моментами. Маркс указывал, что всякое общественное производство включает в себя самые абстрактные моменты, присущие любому обществу. Но если мы ограничимся лишь отысканием только этих абстрактных моментов и дальше не пойдем, то мы ровно ничего не сможем сказать об общественных законах развития советской экономики.

Способ производства определяется характером соединения средств производства и рабочей силы в процессе производства. Характер производства определяет собой распределение и потребление. Мы должны поэтому исходить из уяснения принципиально нового характера соединения средств производства и рабочей силы в нашем социалистическом секторе, созданном в результате Октябрьской революции. Но этого мало. Нужно подобно Марксу в «Капитале» показать предпосылки возникновения и исторический процесс строительства нового способа производства. Однако поскольку строительство социалистического способа производства неидентично возникновению капитализма, постольку здесь же и заканчивается эта «анalogия».

Энгельс пишет: «... способ отрицания определяется... во-первых, общей, а, во-вторых, особенной природой всякого процесса... Для каждой категории предметов, как и представлений и понятий, существует, следовательно, своеобразный способ подвергнуться отрицанию так, чтобы отсюда получилось развитие»⁵. Это замечание Энгельса имеет огромное методологическое

⁵ Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 162—163.

значение при уяснении различия в способе отрицания того или иного способа производства. Отрицание феодализма происходит анархическим путем, и капиталистический способ производства возникает еще в недрах феодализма. Возникновение капитализма представляет собой лишь смену одной формы частной собственности и эксплуатации другой формой, между тем как социализм представляет собой уничтожение всякой формы эксплуатации и частной собственности. Пролетарская революция и установление диктатуры пролетариата — исходный исторический пункт возникновения социалистического способа производства и тем самым исходный логический пункт исследования. Диктатура пролетариата с ее экономическими командными высотами и планом социалистического строительства есть то основное, с которого необходимо начинать анализ закономерностей воспроизводства советской экономики.

Переходный период есть историческая ступень насильственного уничтожения капитализма и сознательного строительства социализма. В социалистической революции рабочий класс уничтожает капитализм и создает принципиально иной характер соединения рабочей силы и средств производства, создает социалистические отношения. Но эти новые, социалистические отношения создаются не во всем хозяйстве, а лишь в решающей части его, которая выступает в переходном периоде как социалистический сектор. Кроме социалистического сектора в переходной экономике имеется еще простое товарное хозяйство как база капитализма, которая ежечасно рождает капитализм, остается еще и частнохозяйственный капитализм. Следовательно капитализм выступает еще и как противоположность социалистического сектора, с которым ведет борьбу по принципу «кто — кого». Однако само это единство противоположностей в переходном периоде приобретает новые специфические черты. Рабочий класс выступает по отношению к капиталистам (города и деревни уже не как угнетенный класс, а как хозяин командных высот, как политически и экономически господствующий класс. Крестьянство принадлежит к классу трудящихся. Его социальная природа двойственна. «Ему десятилетиями приходилось с величайшим трудом отстаивать свое положение, он испытывал на себе эксплуатацию помещиков и капиталистов, он вынес все и в то же время он — собственник»⁶

Его отношение к рабочему классу иное, чем к буржуазии. Противоречие, существующее между рабочим классом и крестьянством, не может стоять в одной плоскости с противоречием, существующим между рабочим классом и буржуазией.

В борьбе внутри специфического единства противоположностей советской экономики преобладает социалистическому сектору как ведущему и господствующему, а на современном этапе и преобладающему. Рабочий класс, опираясь на всю систему своей диктатуры, ведет борьбу за окончательную переделку простого товарного хозяйства по своему образу и подобию и за окончательное уничтожение на этой основе капиталистического класса в городе и деревне. Но достигнув этого, пролетариат тем самым отрицает и себя как класс. Иными словами, задачей пролетариата в переходный период является уничтожение этого специфического единства противоположностей, присущего переходному периоду, т. е. уничтожение классов и всех причин, порождающих классы и эксплуатацию.

«Экономика России в эпоху диктатуры пролетариата, — пишет Ленин, — представляет из себя борьбу первых шагов коммунистически объединенного, — в едином масштабе громадного государства — труда с мелким товарным

⁶ Ленин, т. XVI, стр. 147.

производством, сохраняющимся, а равно и возрождающимся на его базе капитализмом»⁷. Этот процесс борьбы и уничтожения происходит путем усиления технической основы социализма, переделки простого товарного хозяйства через коллективизацию и на базе последней окончательной ликвидации капитализма. Массовая коллективизация крестьянского хозяйства при ведущей, а ныне преобладающей роли промышленности означает окончательный «... отход мелкотоварного крестьянского хозяйства от капиталистического пути... и переход на новый путь развития, на путь социалистического строительства»⁸. Здесь происходит скачок, переход на другую основу, на основу социалистическую. Завершение сплошной коллективизации в решающих зерновых районах и окончательное решение вопроса «кто — кого» во всем народном хозяйстве означают, что из двух возможных путей развития крестьянства в условиях СССР один путь — социалистический — превратился уже в действительность, тем самым второй путь — капиталистический — уже исключен. Это означает в то же время, что одно из основных противоречий нашей экономики, вытекающее из наличия двух разных основ в нашем хозяйстве, уже в основном преодолено.

Отсюда вывод, что исходным пунктом анализа процесса воспроизводства в СССР должно являться отношение всех трех секторов нашей экономики при ведущей, а ныне абсолютно преобладающей роли социалистического сектора, ибо основная закономерность, лежащая в основе воспроизводственного процесса нашего хозяйства, есть закономерность расширенного воспроизводства социалистических производственных отношений, переделки простого товарного хозяйства и ограничения, вытеснения и наконец ликвидации частнокапиталистического сектора. Короче, это — закономерность социально-технической реконструкции всего народного хозяйства, завершение которой является основной хозяйственной и политической задачей второй пятилетки. Из всего этого вытекает также, что нельзя понять процесса воспроизводства нашего хозяйства, не поняв специфического характера единства противоположностей, лежащего в основе этого процесса, не поняв расстановки и характера взаимоотношений классов этого хозяйства.

Это специфическое единство противоположностей секторов, характеризующее отношение основных классов по производству, определяет также специфический характер обращения и распределения как моментов воспроизводства.

Правые оппортунисты, а также контрреволюционные троцкисты при изучении нашего хозяйства исходили не из диалектического закона единства противоположностей, а из пресловутой теории равновесия, поэтому они пришли к разрыву нашего единого хозяйства, к метафизическому разделению его на отдельные «ящики», секторы вне их единства. Причем если у правых эти параллельно катящиеся «ящики» должны были по какому-то чуду сойтись путем мирного вращающегося кулака и середняка в социализм через обращение, то у троцкистов эти «ящики» — частный и социалистический — разбиваются по двум самостоятельным законам: закону стоимости и так называемому закону «первоначального социалистического накопления», согласно которому должно происходить пожирание мелкокрестьянского хозяйства путем «перекачки» его продукции в социалистический сектор⁹.

⁷ Ленин, Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата;

⁸ Сталин, Основы ленинизма, стр. 288.

⁹ К этому разрыву единства нашей экономики приходит И. Бялый, который считает также, что процесс воспроизводства в нашем хозяйстве идет по двум путям воспроизводства: по капиталистическому и социалистическому, а простой товарный сектор служит питательной почвой и объектом воздействия со стороны их обоих (И. Бялый, Проблема воспроизводства в СССР).

Переходный характер нашей экономики усложняет реальный процесс воспроизводства и создает особые трудности в его анализе.

Основные движущие противоречия лежат здесь не внутри уже сложившейся общественной формации, а между уничтожаемым, но не уничтоженным еще окончательно капитализмом и развивающимся социализмом. Лишь на основе правильного уяснения этого основного противоречия можно правильно решить проблемы воспроизводства нашей переходной экономики.

Некоторые авторы, исходя из переходного характера экономики СССР, отрицают возможность применения самого понятия «воспроизводства» в нашем хозяйстве и приходят по существу к отрицанию единства этого хозяйства. Так например, т. Роках считает «по меньшей мере сомнительным, что наша хозяйственная система должна себя воспроизводить». Переходная система, пишет он, «не стремится сама себя возобновить. Смысл и содержание ее не в воспроизводстве, а в переходе от ныне существующей временной системы к социалистической»¹⁰. К этой мысли присоединяется по существу и т. Выткуп.

Здесь ярко выражены механистический подход и грубое противопоставление процесса возобновления данной экономической системы процессу ее изменения. Конечно данная форма производства есть в то же время и форма ее воспроизводства. «Если производство имеет капиталистическую форму, то и воспроизводство имеет такую же форму» (Маркс). Однако нужно стоять на точке зрения «постулата равновесия» секторов, чтобы прийти к выводу, что признание наличия воспроизводства в хозяйстве СССР означает неизменное возобновление наличных секторов, т. е. их увековечивание. С этой точки зрения, если быть последовательным, нельзя применить понятия воспроизводства к однотипным отношениям, например к «чистому» капитализму, поскольку и там воспроизводство протекает не в виде простого повторения по неизменному кругу, а по спирали, т. е. представляет собой развитие.

Некоторые авторы утверждают далее, что в переходной экономике проблема возмещения общественного продукта не имеет существенного значения, что при анализе взаимосвязи отдельных элементов воспроизводственного процесса в условиях СССР решающее значение имеет не соотношение первого и второго подразделений общественного производства, а соотношение промышленности и сельского хозяйства и что у нас не стоит в анализе проблем воспроизводства вопрос о возмещении всего общественного продукта в той постановке, в какой этот вопрос ставился Марксом по отношению к капитализму¹¹.

Авторы грубо механистически противопоставляют процесс социально-технической реконструкции нашего хозяйства процессу возмещения общественного продукта. Если при капитализме центральной проблемой воспроизводства является проблема возмещения, то у нас — проблема реконструкции; если там возмещение продукта прослеживается в плоскости двух подразделений, то у нас решающее — взаимосвязь промышленности и сельского хозяйства. Одним словом, раз происходит социалистическая реконструкция, то тем самым, по мнению этих авторов, исключается необходимость возмещения общественного продукта, исключается необходимость деления общественного производства на два подразделения, отпадает также необходимость отличать простую амортизацию и восстановление оборотных фондов от собственно накопления.

На основе этой теории нельзя дать научного анализа народного дохода и распределения его на части, потребляемую и накапливаемую, не прибегая

¹⁰ «За индустриализацию», апрель 1929 г.

¹¹ «Проблемы экономики» № 8 за 1932 г., статья гг. Файна и Цалюка, стр. 53—54, 57.

к делению общественного производства на два подразделения. Вместо того чтобы сказать, что все эти проблемы разрешаются в нашем советском хозяйстве на основе принципиально иных социально-экономических законов, авторы их просто отбрасывают, объявляя несовместимыми с процессом социально-технической реконструкции.

По вопросу о возмещении общественного продукта в нашей экономике эти же авторы заявляют, что при исследовании воспроизводства у нас уже не стоит непосредственный вопрос, который стоял перед Марксом по отношению к капитализму и был гениально им разрешен, — вопрос о том, как вообще возможно возмещение всего общественного продукта в определенных пропорциях. «Нам важно, — продолжают эти авторы, — определить... какую именно пропорцию между обоими подразделениями и внутри них необходимо установить и организовать для успешного продвижения вперед социалистического строительства»¹².

Такая постановка вопроса применительно к переходному хозяйству совершенно неправильна. Именно этот вопрос требует у нас своего теоретического осмысления. И именно этот вопрос поставил т. Сталин перед марксистами-экономистами, когда он говорил о необходимости разработки схемы народнохозяйственного баланса. Именно потому, что наше хозяйство по своей природе принципиально отлично от капитализма, перед нами стоит проблема возмещения общественного продукта в ее общей постановке. Прежде чем определять конкретные соотношения и пропорции между отдельными элементами производственного процесса нашей экономики, о которых говорят авторы, необходимо вскрыть общие законы, лежащие в основе взаимосвязи этих элементов, ибо в советском хозяйстве соотношение и взаимообусловленность этих элементов принципиально иные, чем при капитализме.

Авторы указывают на исторически преходящий характер капиталистической формы возмещения и пропорциональности. Но именно потому, что проблема возмещения не есть нечто самодовлеющее, а определяется она исторически преходящими законами, присущими той или иной форме производства, именно поэтому нужно вскрыть внутренние законы, присущие и а ш е м у переходному хозяйству, вскрыть взаимоотношения классов и классовых сил, которые определяют конкретные соотношения и возмещение составных частей общественного продукта.

И партийные решения по этому вопросу исходят именно из анализа внутренней природы нашей экономики, а также из теоретических высказываний классиков марксизма-ленинизма о переходной и социалистической экономике. Эти высказывания Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина не только дают методологическое направление в разработке этой проблемы, но также решают ее в ее общей постановке.

Классики марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали, что все основные проблемы воспроизводства — проблема возмещения общественного продукта в соответствующих пропорциях, проблема народного дохода и его распределения, проблема накопления и потребления, проблема источников накопления, темпов и т. д., — все они сохраняют свое значение в любом обществе, в том числе и в нашем переходном хозяйстве. Различие же заключается в том, что все эти проблемы в разных обществах имеют принципиально различное социально-экономическое содержание, находятся в различном сочетании, имеют различные общественные методы своего разрешения и т. д. Достаточно лишь сопоставить схемы II тома «Капитала» и схему воспроизводства при социализме, данную Марксом в «Критике Готской программы», чтобы убедиться в этом. Раз дан иной характер соединения средств про-

¹² «Проблемы экономики» № 8 за 1932 г., статья тт. Файна и Цалюка, стр. 57

изводства и рабочей силы, то тем самым и даны иные законы возмещения и распределения общественного продукта.

* * *

Неудовлетворительное освещение постановки проблемы воспроизводства в СССР и в частности проблемы пропорциональности дает также т. Власов (см. его статью в «Проблемах экономики» № 10—12 за 1931 г.). Тов. Власов в отличие от предыдущих авторов сделал попытку вскрыть особенности возмещения общественного продукта в СССР, а также осветить вопрос о «применимости» схем II тома «Капитала» в нашем хозяйстве. Однако эта попытка оказалась крайне неудачной.

Тов. Власов в начале своей статьи предостерегает против двух крайностей: против механического перенесения марксовых схем в условия СССР, а также против тех товарищей, которые «недоценивают возможности применения категорий воспроизводства к нашему переходному периоду». Поэтому т. Власов, чтобы избежать этих обеих крайностей, избрал золотую середину, которая, как известно, кроме эклектизма, ни к чему иному не может привести.

Здесь мы узнаем, что одно из самых «принципиальных» отличий нашей экономики от экономики капиталистической заключается в том, что мы не связаны эквивалентностью обмена между двумя подразделениями, что встречные потоки, идущие из одного подразделения в другое, как правило, не совпадают: первое подразделение обычно отдает второму подразделению больше, чем от него получает. Эта неэквивалентность обмена между подразделениями «представляет собой,—по мнению т. Власова,—огромное преимущество и принципиальное отличие пролетарского государства...» (стр. 123).

Это положение уже было высказано раньше в экономической литературе. «Новое», что прибавляет т. Власов к этому положению, это то, что наличие неэквивалентного обмена между подразделениями не означает, что наша экономика не обязана считаться ни с какими материальными предпосылками, что здесь «теряется всякая основа для обязательной пропорциональности между первым и вторым подразделениями» (стр. 122).

Какова же эта материальная основа, определяющая пропорции обмена между подразделениями при социализме, и в чем ее социально-экономическая особенность?

Тов. Власов пишет, что «сумма средств, идущих из первого подразделения во второе, определяется совершенно точной величиной... потребностью второго подразделения в средствах производства, равной ее $C + \Delta c$. Отсюда вытекает и совершенная определенность соотношения между первым и вторым подразделениями и для социалистического общества». Тов. Власов сам чувствует, что эта формулировка весьма неопределенная. Поэтому он делает попытку точнее «установить, от каких величин зависит пропорция между первым и вторым подразделениями» при социализме.

Величины эти, оказываются, следующие:

Первая — рост продукции и повышение уровня техники, под которыми он понимает соотношение мертвого труда и живого, предполагает повышение удельного веса первого подразделения. Отсюда открытие: «Удельный вес первого подразделения прямо пропорционален темпу роста продукции и высоте уровня техники следующего цикла». Причем эту прямую пропорциональность между темпом роста продукции и удельным весом первого подразделения он почему-то понимает в смысле обязательного точного совпадения этих величин. «Каждое увеличение темпа роста продукции, скажем, на 10%, требует,—пишет он,—увеличения в такой же степени на те же 10%, и

удельного веса первого подразделения, — иначе повышение темпа не произойдет фактически» (стр. 125). Здесь очевидно допускается ничем не оправданное предположение, что рост продукции должен происходить лишь за счет повышения производительности труда без увеличения объема производства вширь.

Вторая особенность, или вторая величина, определяющая эту пропорциональность при социализме, заключается якобы в том, что при социализме происходит большое капитальное строительство новых гигантов, что связано с известным периодом времени, необходимым для этого строительства, прежде чем новые предприятия войдут в строй и начнут давать продукцию. «Поэтому продукция первого подразделения данного года (цикла) в наших условиях (а не в наших условиях?—Г. К.) не может быть полностью найдена в форме мертвого труда в продукции всего народного хозяйства следующего года (или цикла), а будет превышать в какое-то число раз, которое явится коэффициентом напряженности многолетних капитальных вложений».

Вот эти две особенности и определяют, по мнению т. Власова, пропорциональность двух подразделений при социализме. Это особенности «принципиального» порядка. Но есть еще особенности, которые также вносят в схему осложнение. «Конечно осложнения, но не принципиального порядка в формулу должны внести введение различий в скорости оборотов в разных отраслях народного хозяйства и несовпадение их во времени» (стр. 126). Вот и все.

Присмотримся поближе к этим «особенностям» в той последовательности, как их преподнес нам т. Власов.

Прежде всего, откуда взял т. Власов, что при капитализме встречные потоки между подразделениями обязательно должны совпадать? Ведь т. Власов отлично знает, что марксовы схемы иллюстрируют а б с т р а к т н ы е условия возмещения общественного продукта по стоимости и в натуральной форме, знает он также и то, что в конкретной капиталистической действительности этот обмен происходит по ценам, тяготеющим к ценам производства, но не к стоимости. Наконец коль скоро речь зашла о схемах и конкретной действительности, нужно вспомнить также и о таком мощном орудии перераспределения капитала, как капиталистический кредит и т. д. А все это означает, что нельзя подходить к марксовым схемам по примеру Р. Люксембург и сопоставлять их непосредственно с конкретной, хотя бы и советской, действительностью.

Игнорирование ступеней абстрактного анализа вообще ни к чему хорошему не приводит. Это видно было на примере Тугана, Р. Люксембург, Гроссмана, Преображенского и др. Так и в данном случае. По мнению т. Власова, выходит, что особенности капитализма в отличие от нашей экономики заключаются в том, что там в силу необходимости эквивалентности обмена и совпадения встречных потоков не обеспечивается достаточный рост первого подразделения. В этом, надо полагать, и заключается одно из основных противоречий капитализма, ибо т. Власов именно в этом признаке видит «принципиальное отличие пролетарского государства от капитализма. Но как же тогда увязать это со следующим положением Ленина? «Известно, что закон развития капитализма (закон, а не случайное конъюнктурное явление — Г. К.) состоит в том, что постоянный капитал возрастает быстрее переменного, т. е. все большая часть вновь образуемых капиталов обращается к тому отделу общественного хозяйства, который изготавливает средства производства»¹³.

¹³ Ленин, т. II, стр. 27; подчеркнуто нами.

И в этом, как известно, Ленин видел одно из основных противоречий капитализма, заключающееся в том, что рядом с ростом нищеты растут производительные силы.

Верно, что у нас не действует капиталистический закон эквивалентного обмена между подразделениями и внутри каждого из них. Но это выражается не в том, что у нас не совпадают встречные потоки между подразделениями, а в том, что обмен между подразделениями происходит по плану. Но план совершенно не предполагает необходимости постоянного одностороннего в известной своей доле потока из второго подразделения в первое. В отдельные же моменты, на отдельных этапах может по плану происходить даже обратное явление: второе подразделение получит больше средств производства, чем отдаст предметов потребления в первое. Во всяком случае принципиально такая возможность вполне допустима, да и практически легко себе ее представить. Следовательно отличие между капитализмом и нашей экономикой заключается не в том, что в первом случае необходимо совпадение встречных потоков, — а у нас эта необходимость отпадает, — а в том, что при капитализме рост первого подразделения, которое связано со вторым, должен в конечном счете столкнуться с узким базисом потребления трудящихся, что ведет, как известно, к кризису. А у нас нет антагонизма между производством и потреблением, рост производства у нас не натывается на узкий базис потребления, но ведет в конечном счете к росту потребления трудящихся, а это последнее в свою очередь стимулирует рост производства и т. д. С анализа этого качественного отличия нашего хозяйства, а также с анализа особенностей социалистического строительства на отдельных этапах нужно было бы и начинать. Но т. Власов от всего этого отделался фразой, а все принципиальное отличие нашей пропорциональности он свел к несовпадению встречных потоков.

Неменьшей «принципиальностью» отличаются и другие признаки, по которым т. Власов «отличал» нашу экономику от капиталистической. Здесь не нужно доказывать, а достаточно лишь пальцем показать, что нелепо видеть п р и н ц и п а л ь н о е отличие нашего хозяйства и присущей ему пропорциональности в том, что интенсивное развитие производительных сил предполагает рост удельного веса первого подразделения. Не менее нелепо видеть это отличие и в том, что строительство новых гигантов требует иногда нескольких лет, прежде чем они начнут давать новую продукцию. И все это называется у него «отысканием» подходов к решению одного из важнейших вопросов, входящих в проблему воспроизводства в СССР. «Мы считаем, — заключает автор, — что, только сделав ряд таких попыток, мы сможем подойти к решению огромной проблемы научного построения системы расширенного воспроизводства в нашей стране». Лучше уже не делать больше таких попыток, ибо они, кроме механистической натурализации и вульгаризации проблемы воспроизводства в СССР, ни к чему иному не приведут. Подход к решению этой проблемы нужно искать в трудах основоположников марксизма-ленинизма — Маркса, Ленина, Сталина, а также в практике социалистического строительства и в партийных решениях, обобщающих эту практику и ее этапы. Лишь идя этим путем, мы сможем построить правильные схемы воспроизводства, отображающие объективную закономерность нашего хозяйства, а не схоластическую конструкцию, состряпанную на основе вульгарно-натуралистической методологии.

* * *

При подходе к изучению закономерностей воспроизводства в СССР мы недостаточно опираемся на высказывания классиков марксизма о воспроизводстве при социализме.

В трудах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина имеются глубокие теоретические замечания, вскрывающие основные закономерности воспроизводства социалистической экономики. Эти высказывания классиков марксизма, а также опыт социалистического строительства, обобщенный в трудах Ленина, Сталина и в партийных решениях, должны быть положены в основу изучения воспроизводства нашей переходной экономики. В этом отношении особый интерес представляют высказывания Маркса в «Критике Готской программы», специально посвященные выяснению закономерностей воспроизводства социалистической экономики.

В «Критике Готской программы» Маркс дает в сжатой формулировке основные закономерности воспроизводства при социализме. Подобно классическим схемам II тома «Капитала», иллюстрирующим в наглядной форме все основные моменты воспроизводства капиталистической системы, Маркс в «Критике Готской программы» дает схему структуры общественного продукта при расширенном воспроизводстве социалистической системы как первой фазы коммунизма. Эта схема имеет огромное методологическое значение при изучении закономерностей воспроизводства в советском хозяйстве. В этой схеме подобно схемам II тома «Капитала» представлен весь общественный продукт в своей определенной общественной значимости и вещественной форме.

Совокупный общественный продукт Маркс делит на средства производства—продукция первого подразделения—и предметы потребления—продукция второго подразделения. Из продукции первого подразделения Маркс выделяет прежде всего часть, идущую на «покрытие расходов по восстановлению потребленных средств производства». Эта часть продукта представляет собой простое возмещение потребленных средств производства, т. е. момент простого воспроизводства, которое всегда представляет собой значительную часть всякого годового воспроизводства в расширенном масштабе.

Кроме того из этой же продукции первого подразделения Маркс выделяет «добавочную часть для расширения производства». Следовательно эта часть продукта представляет собой вновь созданный продукт, имеющий вещественную форму средств производства, который служит для расширения основных и оборотных материальных фондов первого и второго подразделений.

Наконец последняя часть продукции первого подразделения должна представлять собой «резервный или страховой фонд для страхования от несчастных случаев, стихийных бедствий и пр.».

Все эти «вычеты» из совокупного общественного продукта обусловлены, говорит Маркс, экономической необходимостью, и «размеры их должны быть определены в зависимости от наличных сил и средств, отчасти же на основании теории вероятности».

Из совокупной продукции второго подразделения, имеющей вещественную форму средств потребления, Маркс выделяет, во-первых, общие, к производству не относящиеся издержки управления. Причем здесь же Маркс поясняет, что «эта доля сразу же весьма значительно сократится по сравнению с тем, что она представляет собой в современном обществе, и будет последовательно уменьшаться по мере развития нового общества». Во-вторых, выделяется фонд, предназначенный «для удовлетворения общественных потребностей, как школы, санитарные учреждения и пр.». Эта доля, по замечанию Маркса, «сразу же возрастает по сравнению с тем, что мы имеем в современном обществе, и будет возрастать по мере развития нового общества».

«В-третьих, фонд для нетрудоспособных и пр.,—короче, то, что теперь относится к так называемому официальному призрению бедных».

Наконец оставшаяся часть общего фонда предметов потребления подлежит распределению между непосредственными работниками социалистического общества соответственно участию каждого из них в общественном труде.

Какие методологические выводы следует сделать при анализе этой схемы?

Прежде всего мы видим, что эта схема совокупного общественного продукта как по форме, так и по содержанию отличается от схемы воспроизводства при капитализме, разработанной Марксом во II томе «Капитала». Основное, определяющее отличие заключается в том, что при социализме средства производства обобществлены, отсутствует класс эксплуататоров и «прибавочный продукт идет не классу собственников, а всем трудящимся и только им»¹⁴. Здесь сам характер соотношения составных частей общественного продукта, их социально-экономическое содержание, удельный вес и т. д. принципиально иные, чем при капитализме. Даже деление общественного производства на два подразделения имеет здесь совершенно иное значение. Если при капитализме первое подразделение производит капитал, а второе — доходы антагонистических классов общества, то при социализме первое подразделение производит основные и оборотные материальные фонды, планомерно распределяемые между различными сферами социалистического производства, а второе подразделение производит предметы личного потребления, которые также планомерно распределяются на различные общественные нужды и потребление самих трудящихся в соответствии с количеством и качеством затраченного труда. Схема иллюстрирует следовательно не абстрактные условия стихийного процесса реализации общественного продукта через обращение, но планомерное распределение совокупного продукта, «идущего на общественное потребление не через рынок» (Л е н и н)

«Внутри товарищеского общества, основанного на общественном владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов. Столь же мало выступает здесь труд, затраченный на производство продуктов как стоимость этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд существует как составная часть совокупного труда уже не каким-то окольным путем, но непосредственно»¹⁵.

Непосредственно общественный труд создает продукт, который также имеет непосредственно общественный характер. «Чтобы определить... количество общественного труда, заключающегося в продукте, нет надобности теперь прибегать к косвенному пути; ежедневный опыт непосредственно указывает, какое количество его необходимо в среднем»¹⁶. Здесь не может быть и речи о каком-либо денежном выражении этого продукта.

«При общественном производстве денежный капитал отпадает. Общество распределяет рабочую силу и средства производства между различными отраслями труда. Производители могут, пожалуй, получать бумажные удостоверения, по которым они, извлекая из общественных потребительных запасов то количество продуктов, которое соответствует их рабочему времени. Эти удостоверения не деньги. Они не совершают обращения»¹⁷.

Планомерное распределение материальных производительных сил и рабочей силы между различными сферами общественного производства заранее определяет вещественную структуру общественного продукта, его распределение и форму его потребления. Социалистическое общество «...должно будет сообразовать свой производственный план со средствами производ-

¹⁴ «Ленинский сборник» XI, стр. 382.

¹⁵ Маркс, Критика Готской программы, стр. 25.

¹⁶ Энгельс Анти-Дюринг, изд. 1923 г., стр. 349.

¹⁷ Маркс, Капитал, т. II, изд. 1925 г., стр. 392.

ства, к которым в частности принадлежат также и рабочие силы. Полезные действия различных предметов потребления, взаимно взвешенные и сопоставленные с необходимым для их изготовления количеством труда, определяют окончательно этот план»¹⁸.

Следовательно этот производственный план охватывает не только производство, но и соответствующее распределение (и возмещение) всех составных частей общественного продукта. В отношении распределения продукции первого подразделения Маркс говорит: «Если бы производство было общественным, а не капиталистическим, то ясно, что продукты подразделения первого в целях воспроизводства не с меньшим постоянством распределялись бы как средства производства между отраслями производства этого подразделения: одна часть непосредственно оставалась бы в той сфере производства, из которой она вышла как продукт, напротив другая переходила бы в другие места производства, и таким образом между различными местами производства этого подразделения установилось бы постоянное движение в противоположных направлениях»¹⁹.

Очень ценные методологические замечания Маркс дает также по вопросу о плановом восстановлении изношенных основных фондов во всех отраслях социалистического производства.

«Если устранить капиталистическую форму воспроизводства, то дело сведется к тому, что размеры отмирающей и потому подлежащей возмещению *in natura* части основного капитала в различные последовательные годы изменяются. Если в одном году эта часть очень велика (превышает среднюю смертность, подобно тому как это бывает со смертностью людей), тем меньше будет она в следующем году. Напротив,—предполагая, что прочие условия не изменились,—количество сырых материалов, полуфабрикатов и вспомогательных материалов, необходимое для годовичного производства средств потребления, не изменяется от этого; следовательно, все производство средств производства должно бы в одном случае расшириться, в другом сократиться. Этому можно было бы помочь лишь постоянным относительным перепроизводством: с одной стороны, производится основного капитала на известное количество больше, чем непосредственно необходимо; с другой стороны, и в особенности запас сырого материала и т. д. превосходит непосредственные годовичные потребности (это в особенности относится к средствам существования). Такой вид перепроизводства равнозначен контролю общества над вещественными средствами его воспроизводства. Но в капиталистическом обществе перепроизводство представляет элемент анархии»²⁰.

Эти высказывания Маркса представляют собой сжатую формулировку основных закономерностей воспроизводства при социализме. Они как бы развивают и теоретически обосновывают данную им схему воспроизводства при социализме.

Схема воспроизводства, данная в «Критике Готской программы», иллюстрирует безантагонистическое единство составных частей совокупного общественного продукта; она показывает их новое социально-экономическое содержание и взаимное их соотношение, а также дает основной контур пропорциональности социалистического производства. Особенно наглядно это видно на примере распределения вновь созданного продукта на потребляемую и накапливаемую части. Вместо антагонистического деления вновь созданного продукта на $V + M$ здесь имеет место безантагонистическое единство этого продукта, которое в зависимости от исторической ступени развития социалистического общества и конкретно исторических обстоятельств де-

¹⁸ Э н г е л ь с, Анти-Дюринг, стр. 349.

¹⁹ М а р к с, Капитал, т. II, стр. 400.

²⁰ Т а м ж е, стр. 445.

лится в определенном соотношении на часть потребляемую и часть накапливаемую, а также идущую на удовлетворение других общественных нужд в интересах всех трудящихся. Так как функцию накопления несет здесь не класс эксплуататоров, а сами трудящиеся, то накапливаемая часть продукта сопоставляется здесь не с массой прибавочного продукта, а с массой всего вновь созданного продукта.

Социализм, уничтожая основное противоречие капитализма между общественным характером производства и частным характером присвоения, уничтожает тем самым и специфическое антагонистическое противоречие между производством, потреблением и накоплением. При социализме расширение производства происходит ради удовлетворения общественно производственных и индивидуальных потребностей самих трудящихся. Потребление не выступает конечной границей производства вследствие ограничения потребления масс, но, само порождаясь производством, стимулирует это производство. «Социалистическое общество есть производственно-потребительское товарищество работников индустрии и сельского хозяйства»²¹.

Это принципиальное отличие между капитализмом и социализмом заключается не только и не столько в том, что при капитализме удовлетворение потребности происходит в конечном счете, а при социализме производство имеет непосредственной своей целью якобы удовлетворение лишь личных потребностей трудящихся. Маркс всегда подчеркивал, что в основе расширения производства в социалистическом обществе будет лежать не только необходимость непосредственного удовлетворения все растущих потребностей трудящихся, но не менее важной задачей будет также создание более высокой технической основы, без которой немислим переход в высшую фазу коммунизма.

Примат производства над потреблением и ведущая роль первого подразделения последовательно проведены Марксом также и в его схемах воспроизводства не только во II томе «Капитала», но и в «Критике Готской программы». Роза Люксембург считала, что с точки зрения социалистического общества «мы должны подойти к делу не с подразделением первым, а с подразделением вторым». Однако Маркс применительно к условиям социалистического общества подходит к делу с подразделением первым, но не вторым. Из всей совокупной продукции он выделяет прежде всего часть, идущую на восстановление изношенных средств производства и на дальнейшее расширение их, т. е. накопление. Но прежде чем расширить производство во втором подразделении, необходимо соответствующее расширение производства в первом подразделении, следовательно «производство подразделения первого должно получить возможность создавать менее элементов постоянного капитала для второго, но в той же мере более для первого»²². Эти условия перехода к расширенному воспроизводству, вскрытые Марксом во II томе «Капитала», соблюдены также и в набросанной им схеме в «Критике Готской программы». Здесь же именно в связи с этой схемой Маркс формулирует историческую задачу первой фазы коммунизма—необходимость развития производительных сил и создания экономических условий для изживания «родимых пятен» и перехода к высшей фазе коммунизма.

Марксовы схемы воспроизводства как во II томе «Капитала», так и в «Критике Готской программы» иллюстрируют теоретически обоснованные им экономические законы. «Схемы сами по себе ничего доказывать не могут, они могут только иллюстрировать процесс, если его отдельные элементы

²¹ Сталин, Основы ленинизма, стр. 313.

²² Маркс, Капитал, т. II, стр. 473.

выведены теоретически»²³. Но из этого не вытекает, что схемы не имеют никакой методологической ценности. Именно потому, что Маркс, прежде чем составить схемы, теоретически вывел и научно доказал те посылки, которые он положил в основу схем, именно поэтому марксовы схемы имеют огромное методологическое значение, ибо содержимое этих схем не есть нечто произвольное, привнесенное исследователем, но оно отображает реальную закономерность, присущую самой действительности. Из этого явствует, насколько абсурдны попытки тех авторов, которые пытаются механически переносить схемы воспроизводства капиталистической системы в условия социализма или хозяйства СССР. По существу это означает механическое перенесение законов капитализма в условия СССР. Набросанная Марксом схема воспроизводства в «Критике Готской программы» не есть копирование схем II тома «Капитала», но она выведена на основе теоретического анализа имманентных закономерностей социализма.

Из этого следует и другой очень важный методологический вывод.

Конкретное применение метода исследования определяется природой внутренней взаимосвязи самого объекта исследования. Марксовы схемы во II томе «Капитала» иллюстрируют абстрактные условия реализации общественного продукта при капитализме. Законы воспроизводства, иллюстрируемые в этих схемах, есть абстрактные законы, которые находят свое дальнейшее развитие и модификацию в III томе «Капитала», где законы эти приобретают более конкретную форму своего движения, именно форму цикла. Теория цикла и кризисов, изложенная главным образом в III томе «Капитала», тоже имеет дело с известным абстрактным капитализмом. Вскрытые Марксом внутренние причины кризисов остаются в общем и целом теми же на всем протяжении существования капитализма. Конкретный исторический материал Маркс привлекает преимущественно лишь для иллюстрации своих теоретических выводов. Для изучения конкретного своеобразия каждого данного исторического кризиса необходимо привлекать целый ряд дополнительных, в том числе и случайных моментов, модифицирующих в известной мере абстрактные закономерности воспроизводства кризиса и цикла.

Между тем в схеме, набросанной Марксом в «Критике Готской программы», иллюстрируются основные закономерности воспроизводства, которые реализуются п л а н о в о. Следовательно здесь не может быть и речи о какой-либо модификации этих законов на основе стихийного процесса развития. Конкретизация этих законов может сразу же происходить лишь в форме учета конкретного своеобразия каждого данного исторического этапа социалистического развития.

Например речь может идти лишь об определении конкретного соотношения между накапливаемой и потребляемой долями народного дохода, о распределении предметов потребления между работающими и еще не работающими и т. д., которое зависит прежде всего от достигнутого уровня развития производительных сил и от конкретных условий каждого данного этапа развития социализма. Кроме того конкретизация эта может происходить в плоскости детализации схемы воспроизводства (разработка отдельных таблиц баланса и т. д.), а также в плоскости анализа обмена между подразделениями, который в схеме Маркса в «Критике Готской программы» специально не прослежен.

Маркс прямо говорит, что определенные размеры накопления, а также отчисления в страховой фонд и т. д. «должны быть определены в зависимости от наличных сил и средств, отчасти же на основании теорий вероятностей»²⁴.

²³ Ленин, т. II, изд. 1-е, стр. 447.

²⁴ Маркс, Критика Готской программы, стр. 24.

Это имеет огромное методологическое значение при изучении воспроизводства в СССР. Переходная экономика СССР—первая историческая ступень возникновения социализма и окончательного уничтожения корней капитализма. Закономерности, сформулированные в «Критике Готской программы», лежат в основе развития нашей экономики. Дальнейшая конкретизация этих закономерностей состоит в том, чтобы проанализировать развитие их в условиях переходной экономики с учетом конкретного своеобразия каждого данного этапа социалистического строительства.

Что особенное вносится в этот процесс воспроизводства применительно к нашей переходной экономике?

Закономерности, лежащие в основе воспроизводственного процесса в нашей Советской стране, являются в главной своей части типичными и для всех стран после установления в них диктатуры пролетариата. Теоретическое обобщение опыта социалистического строительства в нашей стране есть вместе с тем теоретическая разработка экономики переходного периода вообще.

Мы уже указывали, что определяющим моментом нашей переходной экономики является борьба между капитализмом и социализмом, за направление развития крестьянского хозяйства, борьба диктатуры пролетариата за окончательное уничтожение всех корней капитализма. Это есть главное противоречие, оно определяет собою и все остальные проблемы воспроизводственного процесса переходной экономики. Здесь исходный пункт анализа—соотношение трех секторов и классов при ведущей, а ныне абсолютно преобладающей роли социалистического сектора. Закономерность воспроизводства выступает здесь как закономерность самого перехода от капитализма к социализму, т. е. закономерность социально-технической реконструкции всего народного хозяйства. В этих условиях основные моменты воспроизводства, сформулированные Марксом в «Критике Готской программы», приобретают специфические особенности, свойственные лишь переходной экономике. Особенность эта заключается в том, что здесь имеет место не только расширенное воспроизводство социалистического сектора в его адекватной форме, но и воспроизводство всего народного хозяйства происходит в форме, адекватной характеру переходной экономики в целом: вытеснение и ликвидация частнокапиталистических элементов и пределка простого товарного хозяйства. Это есть процесс ломки и уничтожения старых пропорций и соотношений и установление новых соотношений, свойственных социалистической экономике. Проблема пропорциональности например (как и все другие моменты производства) сохраняет свое значение. Но эта пропорциональность осуществляется в форме уничтожения старых пропорций и установления новых на основе определенного плана социалистического строительства. Из этого вытекает, что такая важная проблема воспроизводства, как например возмещение общественного продукта в определенной пропорции, включает в себя и плановый процесс перераспределения общественных производительных сил и продукта между отраслями и секторами, т. е. процесс изменения социально-экономической формы, процесс социалистической реконструкции.

«Характерная черта нашей индустриализации состоит в том, что она есть индустриализация социалистическая, индустриализация, обеспечивающая победу обобществленного сектора промышленности над сектором частнохозяйственным и капиталистическим» (Сталин). Эта характеристика, данная т. Сталиным, относится не только к развитию промышленности, но также всего народного хозяйства. В условиях переходной экономики даже простое воспроизводство включает в себя социалистическую реконструкцию—перераспределение между секторами, а также

возмещение изношенной части основного капитала более высокой техникой. Если в завершенном социалистическом обществе воспроизводство происходит на основе обобщественных уже средств производства во всем обществе при наличии однотипных отношений в стране и дальнейшее развитие идет в направлении изживания «родимых пятен», то в переходной экономике основным содержанием воспроизводства являются социалистическое обобществление средств производства, перевод мелкокрестьянских хозяйств на общественную собственность на новой технической основе и окончательная ликвидация капиталистических элементов, т. е. процесс социально-технической реконструкции. Эта основная черта переходной экономики подчиняет себе все остальное. Под этим углом зрения необходимо рассматривать все частные проблемы воспроизводства: проблему пропорциональности, темпов, проблему накопления и потребления и т. д., — все они являются подчиненными моментами этой основной задачи переходной экономики.

Из этой основной черты переходной экономики вытекает и вторая ее особенность — особое значение этапов социалистического строительства.

Экономика переходного периода как исторический скачок отличается особой динамичностью, особой революционностью, быстротой смены форм и изменения соотношения секторов и классовых сил. Сам этот скачок от капитализма к коммунизму включает в себя, как говорит Ленин, целый ряд малых скачков и переходов. Отсюда особо важное значение приобретает анализ по этапам социалистического строительства. Даже при исследовании общих закономерностей воспроизводства нашей экономики необходимо глубокое изучение особенностей каждого отдельного этапа, ибо соотношение секторов, соотношение классов, соотношение плана и стихийных тенденций на разных этапах совершенно различно. Все основные моменты воспроизводства — проблема темпов, пропорций, накопления и потребления, источников накопления и т. д. — на каждом этапе социалистического строительства приобретают особенное, специфическое значение, а также имеют специфические методы своего разрешения. Поэтому мало указать на основные особенности переходной экономики вообще, нужно схватить особенное, специфическое в каждом этапе социалистического строительства и показать развитие закономерностей социалистического воспроизводства²⁵.

Маркс в своем анализе капиталистического воспроизводства «взял посылкой и идеальное развитое капиталистическое общество» (Ленин). Однако если взять всю марксову экономическую систему, то в ней тоже даны основные исторические этапы развития капиталистической формации, ибо у него логическое изложение не представляет мистического «самодвижения категорий», движения «чистого мышления», как толковал это идеалист Рубин, а отображает исторический процесс развития капитализма в его идеальной форме. Достаточно указать например на такие качественные переходы, как развитие форм стоимости, возникновение капитала, историческое объяснение которого дано в теории первоначального капиталистического накопления, возникновение мануфактуры и переход к машинному способу производства, развитие закона цен производства и т. д. Однако все эти переходы означают развитие закономерностей однотипных отношений товарного и товарнокапиталистического общества. Это — закономерности становления, развития и гибели капиталистической формации. В отношении же переходного периода речь идет не столько о за-

²⁵ Анализ воспроизводства в СССР по этапам будет дан в следующей статье.

²⁶ Резолюция XVII партконференции.

кономерностях тех или иных секторов, отдельно взятых, сколько о закономерностях переходного хозяйства в целом. Это есть закономерности уничтожения многоукладности в нашем хозяйстве, осуществляемого диктатурой пролетариата, закономерности построения бесклассового, социалистического общества. Поэтому при анализе закономерностей переходного периода особое значение приобретает исследование отдельных его этапов. В противном случае это означало бы игнорирование тех качественных сдвигов и переходов, которые существенно отличают отдельные этапы друг от друга.

Задача исследования переходной экономики заключается не в установлении тощих абстрактных положений, а в необходимости вскрыть развитие этих закономерностей на основе конкретного анализа процесса социалистического строительства, направленного к построению полного социалистического общества. Через восстановление промышленности и сельского хозяйства — к индустриализации, через индустриализацию — к насаждению и развитию совхозов и колхозов, через ограничение роста и вытеснение кулачества — к его ликвидации на основе сплошной коллективизации — вот основные звенья цепи, приведшие партию к окончательному разрешению вопроса «кто — кого» во всем народном хозяйстве и к завершению построения фундамента социалистической экономики. Не забегая вперед через непройденные этапы, не ориентация на пройденный уже этап и отрицание достигнутого нового, а умение на каждом этапе найти основное звено, ухватившись за которое подготовить прочный переход к последующему и во-время его совершать — в этом одна из основных черт ленинской революционной диалектики. Эти качественные переходы — живое воплощение ленинской диалектики — должны найти полное выражение в анализе воспроизводства нашей экономики.

Весь период социалистического строительства с момента перехода к нэпу можно разбить таким образом на три основных исторических этапа: восстановительный период, период первой пятилетки с особым выделением момента вступления в период социализма и завершения фундамента социалистической экономики и наконец перспективный план завершения социально-технической реконструкции всего народного хозяйства, изложенный пока что в директивных указаниях XVII партконференции и январского пленума ЦК и ЦКК ВКП (б). Каждый из этих трех основных периодов отличается специфическими особенностями производственного процесса во всех его основных моментах. Анализ этих переломных этапов может в полной мере вскрыть закономерности воспроизводства нашей экономики в их развитии и выявить характерные особенности этого воспроизводства, свойственные каждому из этих этапов.

Последний этап нэпа и период завершения фундамента социалистической экономики ставят все основные проблемы переходной экономики совершенно по-новому. Социалистический сектор стал не только ведущим в системе народного хозяйства, каким он был на всех предыдущих этапах, но абсолютно преобладающим. Наша страна уже превратилась из технически отсталой аграрно-промышленной в передовую промышленную страну. «Наша тяжелая промышленность поставлена твердо на ноги, и тем самым создана собственная база для завершения реконструкции всего народного хозяйства, база социалистической крупной машинной индустрии»²⁶.

«Из старой, мелкокрестьянской страны, какой была старая Россия, СССР выдвинулся в первые ряды наиболее развитых в технико-экономическом отношении стран»²⁷.

В области сельского хозяйства «решена историческая задача перевода

²⁶ Резолюция XVII партконференции о второй пятилетке.

²⁷ Резолюция январского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б).

мелкого, индивидуального раздробленного крестьянского хозяйства на рельсы социалистического крупного земледелия, и СССР из страны мелко-крестьянской превратился в страну самого крупного земледелия»²⁸.

«В результате осуществления пятилетки мы добились того, что вышибли вконец последние остатки враждебных классов из их производственных позиций, разгромили кулачество и подготовили почву для его уничтожения. Таков итог пятилетки в области борьбы с последними отрядами буржуазии»²⁹.

Теперь уже нельзя говорить о социалистическом секторе нашего хозяйства в прежнем его смысле, когда наряду с ведущим социалистическим сектором абсолютно преобладало простое товарное хозяйство и капитализм имел более прочную экономическую базу, чем коммунизм. Социалистические формы производства уже окончательно утвердились не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. В области обращения мы также окончательно вытеснили капиталистические элементы и развертываем плановую советскую торговлю.

Эти огромные успехи социалистического обобществления, этот гигантский количественный рост социалистического сектора и резкое повышение его удельного веса в народном хозяйстве перешли теперь в новое качество.

Социалистический сектор приобрел теперь особую качественную характеристику в системе народного хозяйства. Поэтому совершенно правильно отмечает т. Молотов, что теперь точнее было бы говорить не о «социалистическом секторе» в прежнем его смысле, а о социалистических формах хозяйства. Теперь основными отношениями в нашей стране являются отношения между рабочим классом и колхозным крестьянством. Отсюда вытекает в частности одна из важнейших задач данного этапа социалистического строительства — организационно-хозяйственное и политическое укрепление колхозов и перевоспитание колхозника, чтобы превратить его в сознательного труженика социалистического общества.

* * *

Следующая особенность в анализе воспроизводства переходной экономики вытекает из наличия товарно-денежной формы в нашем хозяйстве. При социализме, как уже было указано, товарно-денежная форма исчезает, там нет обращения, общественный продукт там непосредственно распределяется на основе социалистических законов воспроизводства. В нашей же переходной экономике общественный продукт имеет пока еще товарно-денежную форму. Распределение как посредствующее звено между производством и потреблением имеет здесь специфическую форму обращения. Здесь нет реализации в капиталистическом смысле, но нет также и прямого распределения. В этом заключается особая трудность анализа переходной экономики, о которой мы говорили выше.

Эту проблему нужно также решать по этапам социалистического строительства. К этому вопросу мы надеемся возвратиться в специальной статье, здесь же отметим лишь следующие основные моменты.

При анализе товарно-денежной формы в нашем хозяйстве нужно исходить из принципиально иного характера общественного труда в нашем социалистическом секторе в сравнении с капитализмом и тем самым из принципиально иного содержания этой товарно-денежной формы.

Советские деньги не являются чем-то внешним, играющим чисто техническую роль наподобие талонов. Они также представляют собой воплоще-

²⁸ Резолюция январского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б).

²⁹ Сталин, Доклад на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б).

ние общественного труда. Однако принципиальная разница заключается в том, что сам общественный труд в обобществленном, ведущем, ныне абсолютно преобладающем секторе нашей экономики имеет принципиально иной характер. В развитом социалистическом обществе деньги не нужны. Однако было бы совершенно ошибочно брать социалистический сектор как завершенный тип социалистического хозяйства, вне конкретно-исторических условий его развития. Государственный сектор является последовательно социалистическим в том смысле, что он по типу производственных отношений ничем принципиально не отличается от отношений социалистического общества, ибо в нем средства производства обобществлены в масштабе всего пролетарского государства. Но эти социалистические отношения, возникшие на основе экспроприации капиталистов, еще используют и сознательно овладевают методами и орудиями капиталистической экономики для борьбы против капиталистических элементов и тем самым готовят условия и создают свои «методы», адекватные их социалистической природе.

Поэтому когда говорят, что товарно-денежная форма является для социалистического сектора совершенно внешней и чуждой ему, что она навязана ему исключительно наличием частного хозяйственного сектора, то это принципиально неверно. Этим, во-первых, переоценивается значение частного сектора, который «навязывает» социалистическому сектору чуждую ему форму, а, во-вторых, сам социалистический сектор берется здесь вне конкретно-исторических условий его возникновения и развития.

Конечно наличие частного сектора предполагает только товарно-денежную форму связи между секторами. Но вместе с тем и сам социалистический сектор неизбежно на первых порах должен использовать товарно-денежную форму, именно до тех пор, пока общество не создаст всех необходимых условий для того, чтобы непосредственно в рабочем времени учитывать общественный труд и соответственным образом его распределять.

Решающим для анализа товарно-денежной формы при наличии частного сектора является вопрос о том, в какой мере план подчиняет себе товарно-денежную форму и не может ли она приобретать порой самостоятельное, в известной мере, так сказать, стихийного порядка движение.

На первом этапе нэпа, когда происходило развертывание товарооборота, известное допущение и рост частного, в условиях еще не оправившихся командных высот, опасность усиления стихийных тенденций была весьма велика.

«В период, непосредственно последовавший за введением нэпа, командные высоты пролетариата были крайне ослаблены, частный капитал находился в периоде своего первоначального накопления, и, наступая, мелкобуржуазная стихия представляла крупнейшую угрозу для дела социалистического строительства»³⁰.

В настоящий момент гигантские успехи, достигнутые партией в области коллективизации, окончательный подрыв базы роста капиталистических элементов, развертывание плановой советской торговли с вовлечением в нее колхозников и единоличных трудовых крестьян,—все это подводит прочную базу под укрепление плановой цены и устойчивости советского рубля.

Советская торговля по природе своей является **п л а н о в о й** торговлей. Это в основной и подавляющей своей части—торговля социалистических предприятий, она принципиально исключает частного торговца и перекупщика-спекулянта.

Успехи обобществления народного хозяйства и развертывание советской торговли создают возможность планового, сознательно предусмотренного

³⁰ Резолюция XV съезда партии о работе в деревне.

и целесообразного с точки зрения всего народного хозяйства распределения средств производства и предметов личного потребления в специфической товарно-денежной форме. Товарно-денежная форма является рычагом планового учета и распределения общественного продукта.

Использование товарно-денежной формы в интересах социалистического плана, учета и распределения предполагает, что процесс возмещения общественного продукта должен быть отображен как в вещественной форме этого продукта, так и в денежной.

Хозяйственный расчет и контроль рублем как основная форма социалистического учета и контроля на данном этапе предполагают, что каждое предприятие должно иметь не только свой производственный план, но и финансовый план, т. е. денежное выражение и исчисление всех его операций; оно должно также получать извстную прибыль как показатель качества его работы. Но все это представляет собой специфический способ, специфическую форму планового учета работы предприятия.

Денежное выражение возмещения и перераспределения вещественного продукта между предприятиями и отраслями является лишь формой планового учета и синтетическим показателем обобщенного, т. е. в плановом порядке распределенного, общественного труда. Поэтому в наших условиях использование товарно-денежной формы и плановая природа ценов принципиально исключают случай невозможности превратить продукт предприятия или отрасли в деньги, т. е. принципиально исключают возможность кризиса, ибо цены, по которым предприятие «реализует» свою продукцию, увязаны в системе всего народнохозяйственного плана. Сама эта цена вытекает из плана соответствующего распределения и перераспределения материальных ресурсов между отраслями и предприятиями; она является лишь одним из способов и рычагов этого распределения, предусмотренного планом.

В настоящее время у нас созданы все условия для того, чтобы результат хозяйственного года получался такой, как это предусмотрено планом. Но для этого необходимо строгое выполнение не только производственного, но и финансового плана.

Движение денег у нас должно сопровождаться соответствующим движением продукта, ибо денежное выражение в наших условиях есть плановое выражение, где финансовый план рассчитан на движение продукта. Нарушение финансового плана, нарушение финансовой дисциплины влечет за собой нарушение материально-производственного плана, а также нарушение распределения материального продукта, предусмотренного планом. Потски денежных масс, которые не связаны в конечном счете с соответствующим потоком материального продукта, приводят к нарушению соответствия между финансовой и материально-производственной сторонами плана и создают вместе с тем опасность подрыва финансовой системы. В финансовом плане находят свое выражение количественные и качественные показатели выполнения производственного плана, поэтому борьба за финансовый план должна быть столь же настойчивой и упорной, как борьба за производственный план.

«Без строгого выполнения финансового плана невозможно осуществление намеченного хозяйственного плана»⁸¹.

Внедряя хозяйственный расчет, развортывая советскую торговлю и укрепляя нашу финансовую систему, мы тем самым подготавливаем также условия для перехода к непосредственному социалистическому учету и распределению в будущем.

Из сказанного выше о товарно-денежной форме в СССР и природе совет-

⁸¹ Декабрьский пленум ЦК ВКП (б)

ской торговли вытекает, что при анализе воспроизводства в СССР было бы далеко не достаточно ограничиваться лишь суммарно-ценовым выражением производства и распределения продукции между секторами и отраслями. Это привело бы к игнорированию одной из существенных черт нашей плановой цены — ее прераспределительской роли, обусловленной экономической политикой пролетарского государства. Необходим специальный анализ структуры и динамики цен на отдельные основные продукты, регулируемой экономической политикой партии.

Баланс воспроизводства народного хозяйства СССР должен отобразить конкретно законмерность воспроизводственного процесса нашего хозяйства. Маркс в своих схемах воспроизводства во II томе «Капитала» по характеру той проблемы, которую он там поставил, мог абстрагироваться от динамики цен, кредита как активных факторов воспроизводственного процесса и привлечь их лишь при анализе цикла. Мы не говорим уже о том, что в условиях капитализма сама постановка проблемы баланса совершенно иная, поскольку он реализуется лишь как тенденция на основе стихийных капиталистических законов. В наших же условиях, в условиях планового хозяйства, задача анализа воспроизводства и баланса — отобразить конкретную законмерность воспроизводства на определенном этапе социалистического строительства со всеми его специфическими особенностями. Баланс должен показать не только конечный результат производства и распределения общественного материального продукта, но и показать, какими конкретными путями и способами достигнут данный результат. Поэтому роль финансовой системы как активного фактора, стимулирующего производственный процесс, должна быть отображена в народнохозяйственном балансе в полной мере.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Марксова теория капиталистического общества превратила социализм из утопии в науку именно тем, что доказала неизбежность социалистического переворота, неизбежность превращения капитализма в коммунизм, выяснив, какой именно класс призван совершить этот революционный переворот, выяснив историческую роль пролетариата.

И уничтожение капитализма и становление коммунизма нельзя осознать вне понимания роли пролетариата как творца, создателя нового общества, как фактического исполнителя приговора, который история вынесла капитализму.

Говоря о «естественно-историческом» характере процесса рождения нового общества, Ленин имеет в виду именно эту непреложность борьбы рабочего класса за социализм, неизбежность установления определенной переходной ступени к социализму — периода диктатуры пролетариата, неминуемость острейшей классовой борьбы в этот переходный период с постановкой вопроса «кто — кого» и т. д. В марксо-ленинской постановке вопроса нет и не может быть ни ста грубо механистическому представлению о мирном, плавном, самотечном процессе социалистического преобразования мира, представлению, отличающему оппортунистов всех мастей.

Своим образом превращения капитализма в коммунизм состоит в необходимости особого переходного периода — периода диктатуры пролетариата. Капитализм стихийно созрел в недрах феодализма, задача буржуазной революции сводилась к тому, чтобы облегчить, ускорить буржуазное развитие, привести политический строй в соответствие с уже складывающейся и сложившейся в основных своих чертах буржуазной экономикой. Пролетариат же должен создавать, «строить» коммунизм. Пролетариат должен, захватив власть, создавать новый тип общественных связей, должен организовать новую экономику, ибо он «готовых отношений не получает»¹.

Именно этого не понимает т. Бухарин. Тов. Бухарин пишет в «Экономике переходного периода»: «Необходимо искать элементы нового общества в производственных отношениях старого, вопрос необходимо поставить так: какой вид производственных отношений капиталистического общества вообще может лечь в основу новой производственной структуры». Там же он пишет: «При диктатуре пролетариата необходимо перегруппировать производственные отношения». Если Маркс говорит об элементах нового общества, уже созрвших в недрах старого, то конечно не в производственных отношениях капиталистического общества он ищет эти элементы. Производственные отношения капитализма — это именно то, что должно быть разрушено до основания.

Пролетариат только на основе своей диктатуры может выполнить исключительно грандиозную задачу «налаживания чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений»², только на основе дикта-

¹ Ленин, т. XXII, стр. 316.

² Там же, стр. 440.

туры пролетариат может обеспечить подавление сопротивления эксплуататоров.

Социалистическая революция в противовес буржуазной революции направлена не только против собственности монополистов, но и против монополии собственников. Пролетариат уничтожает всякую частную собственность на средства производства, а не только меняет форму ее, как это происходит во время буржуазной революции. Следовательно здесь речь идет об уничтожении экономических основ всякой эксплуатации, об уничтожении экономических корней всякого деления общества на классы.

В этом именно и кроются корни исключительно острого сопротивления ранее господствовавшего класса, который на каждом этапе победоносного социалистического строительства и по мере этого строительства все ожесточеннее борется за свои потресанные и трясые позиции.

Такого сопротивления не знала и не могла знать буржуазия во время своей революции. Буржуазия ликвидирует монополию землевладельцев, но, с одной стороны, землевладельцы персплетаются к моменту буржуазной революции с классом буржуа, у них остается к тому же спасательный грифель — буржуазная частная собственность и возможность в дальнейшем жить и существовать за счет эксплуатации, изменив лишь ее форму; с другой стороны, борьба с рабочим классом принуждает ее ко всяким компромиссам с землевладельцами (что частично объясняет живучесть феодаловых пережитков) и т. д.

Во время пролетарской революции, которая вообще уничтожает «монополию собственников», положение свергаемого класса совершенно иное. Для него по сути дела речь идет о жизни и смерти в буквальном смысле этого слова — существовать или не существовать (ему как эксплуататорскому классу, поэтому его сопротивление неизбежно удесятрется. Нужен целый переходный период, чтобы его окончательно уничтожить. Поэтому революция пролетариата, как писал Маркс, «грозит во всяком случае быть более решительной и кровавой, чем все, предшествовавшие ей».

Выполнить свою историческую миссию пролетариат может только на основе жесткой организации своих рядов, на основе беспощадного подавления эксплуататоров, сопротивляющихся, как уже сказано, неизбежно с особой свирепостью; на основе революционного насилия, которое «есть средство управления» (Маркс, Заметки о книге Бакунина), одним словом, только на основе своей диктатуры. Именно поэтому т. Сталин писал: «Диктатура пролетариата есть власть революционная, опирающаяся на насилие над буржуазией» (Сталин, Об основах ленинизма).

Маркс смеется над теми, «кто думает чистым мышлением избавиться от хозяйв и практического унижения. Пролетариат знает, — пишет Маркс, — что собственность, капитал, деньги, наемный труд и т. п. представляют собой далеко не призраки воображения и что все они должны быть уничтожены тоже практическим и конкретным образом» (Маркс, сб. Литературное наследство).

Для Маркса и Ленина проблема перехода от капитализма к коммунизму есть важнейшая проблема революционной практики и теории пролетариата. Выяснив неизбежность социалистического переворота, подготавливаемого всем ходом капиталистического развития, конкретно анализируя условия этого переворота, движущего совершить, ускорить и облегчить рождение нового общества, Маркс и Ленин особенно тщательно останавливаются на вопросе о путях перехода от капитализма к социализму.

Первым актом пролетарской революции после свержения эксплуататоров должно быть установление государственной собственности пролетариата

на основные средства производства. Этой революцией способа производства, созданием социалистических производственных отношений пролетариат подводит материальную базу под свою диктатуру, укрепляет ее и обеспечивает себе материальную возможность руководства — переделки мелко-товарного хозяйства.

Но экспроприацией основных средств производства (крупная промышленность, транспорт и т. д.) не решается еще задача полного уничтожения старого общественного строя, ибо остается многомиллионная малая буржуазия, в отношении которой невозможна политика массовой экспроприации, так как мы отличаем и не можем не отличать «собственность трудовую от собственности буржуазной» (программа ИККИ).

А это значит, что нельзя сразу уничтожить экономическую основу, на которой покоится существование классов.

«Социализм есть уничтожение классов, но сразу уничтожить классы нельзя» — подчеркивал Ленин в статье «Экономика и политика». Именно в этой последовательной, настойчивой, решительной работе по уничтожению классов и основ их возникновения, по революционному подавлению сопротивления этому эксплуататоров, их уничтожению лежит суть революционной деятельности пролетариата в переходный период, назначение диктатуры пролетариата. «Рабочий класс, — говорит Энгельс, — должен сначала захватить организованную политическую власть государства, сломить с ее помощью сопротивление класса капиталистов и наново организовать общество» (подчеркнуто нами — О. и Г.).

Совершенно понятно, что обе эти основные задачи пролетарской революции — «сломить сопротивление капиталистов и наново организовать общество» — не представляют собой двух отдельных, во времени разделенных задач. Решая вторую задачу, пролетариат решает первую, и решая первую задачу, он решает вторую. Этому-то не понимает т. Крицман, который полагает, что период укрепления и построения новых общественных отношений не является «уже революцией в действительном смысле этого слова» (Крицман, Героический период революции, стр. 5). Самый процесс «организации общества по-новому» это и есть революционная деятельность пролетариата, совершаемая им на основе упорной классовой борьбы, на основе решительного подавления классового противника.

Характеризуя в целом задачи переходного периода, Маркс писал: «Классовая диктатура пролетариата есть необходимая переходная ступень к отмене всяких классовых различий, отмене производственных отношений, на которых покоятся эти различия, общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, перевороту всех идей, вытекающих из этих производственных отношений»³ (подчеркнуто нами — О. и Г.).

Уже в этом определении Марксом задач диктатуры видно, насколько широк ее фронт: переделка производственных отношений, переделка общественных отношений в целом, переделка сознания или, как выражается Маркс, «переворот идей». Только решая все эти задачи, мы ломаем окончательно сопротивление классового врага. Только последовательно громя классового врага, мы можем решить и действительно решаем все указанные задачи. Решение вопроса «кто — кого» партия совершила на основе построения фундамента социалистической экономики. Только на основе классовой борьбы и диктатуры пролетариата как «орудия пролетарской революции» (Сталин) возможно совершить то революционное преобразование капи-

³ Маркс, Классовая борьба во Франции, т. VIII, стр. 81.

тализма в коммунизм, которое Маркс рассматривает как «естественно-исторический процесс». Но вместе с тем только последовательная политика в направлении революционного преобразования капитализма в коммунизм сохраняет диктатуру пролетариата, наполняет ее содержанием, укрепляет ее, а значит обеспечивает конечную победу коммунизма.

Современная история служит неопровержимым доказательством того, что так и только так должно действовать пролетариату в борьбе за социализм.

В то время как мы в СССР под знаменем диктатуры пролетариата уже во второй пятилетке окончательно уничтожаем классы и причины, порождающие классовые различия и эксплуатацию, в это же время там, где управляла рука социал-фашистов, исключительно выросли, увеличились антагонизмы, составляющие содержание современного капиталистического общества и никак неустранимые без того, чтобы не было вырвано «зло с корнем» (Маркс).

Фашистский переворот в Германии, фашизация других стран, являющийся продуктом именно этого обострения противоречий современного капитализма, представляет собой чрезвычайно наглядное подтверждение предсказаний Маркса, что без диктатуры пролетариата, единственно способной вырвать «зло с корнем», капиталистические противоречия неустранимы, неизбежно будут расти и обостряться. Именно поэтому Ленин и Сталин, классики марксизма-ленинизма, неоднократно подчеркивали, что диктатура пролетариата — не только насилие, что хотя она невозможна без насилия, но в то же время означает «организацию труда, более высокую, чем предыдущая организация»⁴.

Конечно, неоднократно писал Ленин, можно применять насилие, не изменяя «экономических корней», но тогда это насилие неизбежно обречено на гибель. Экономической основой революционного насилия является то, что пролетариат осуществляет «более высокий тип общественной организации труда по сравнению с капитализмом».

Ленин критиковал «левых» коммунистов⁵ именно за то, что они в своих тезисах «ни звука не проронили о значении диктатуры пролетариата в экономической области жизни», что характеризует их как мелких буржуа, «чурающийся как раз диктатуры рабочих в экономическом отношении». «Пролетарские революционеры не могли забыть, о том гвозде пролетарской революции, направленном против основ капитала», — писал там же Ленин.

Сам акт экспроприации средств производства у буржуазии это и есть революционное насилие в экономической области. Только на основе этого акта пролетариат мог обеспечить себе победу по всему экономическому фронту. Это революционное насилие, исторический предшественник нового, социалистического способа производства, — его постоянная, пока существуют классы и классовая борьба, основа. Именно поэтому Маркс и Энгельс еще в «Коммунистическом манифесте» подчеркивали, что пролетариат может шаг за шагом вырвать у буржуазии весь капитал «сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения, т.е. при помощи средств, которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают самих себя и неизбежны как средство для переворота во всем способе производства» (подчеркнуто нами — О. и Г.).

Таким образом революционное насилие пролетариата над буржуазией — это органическая задача пролетариата, строящего социализм. Но этим еще не исчерпываются задачи пролетариата. Он должен создать новый обще-

⁴ Ленин, т. XVI, стр. 247.

⁵ Примечание к статье «О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности».

ственный уклад, новую дисциплину труда, перевоспитать мелкотоварного производителя, должен сам освободиться в процессе руководства и борьбы от «грязи и накипи прошлого».

Этот же вопрос неоднократно развивает и т. Сталин в своих работах. «Насилием, конечно, не исчерпывается диктатура пролетариата, хотя без насилия не бывает диктатуры» — пишет т. Сталин в своей работе «Вопросы ленинизма», и далее т. Сталин следующим образом характеризует три основные стороны диктатуры пролетариата:

1) Использование власти пролетариата для подавления эксплуататоров, для обороны страны, для упрочения связей с пролетариями других стран, для развития и победы революции во всех странах.

2) Использование власти пролетариата для окончательного отрыва трудящихся и эксплуатируемых масс от буржуазии, для упрочения союза пролетариата с этими массами...

3) Использование власти пролетариата для организации социализма, для уничтожения классов, для перехода в общество без классов, в общество без государства».

Только будучи одновременно первым, вторым и третьим, диктатура пролетариата может осуществить построение бесклассового, социалистического общества, может обеспечить уничтожение классов и основ, на которых покоится их возникновение.

* * *

Пролетариат ко времени, когда он становится классом для себя, когда он начинает в сти классовую борьбу за свержение капитализма, должен определить свое отношение ко всей той массе трудящихся, которая составляет огромную часть населения, которая не может по самому характеру процесса капиталистического развития в силу закона неравномерного развития империализма до конца размыться, дифференцироваться.

Партия, готовя пролетариат к власти, обязана тем самым разрешить вопрос об отношении ко всей массе мелких собственников, вопрос об использовании до конца революционных возможностей, которые таятся в недрах широких трудящихся масс крестьянства, в целях привлечения их к делу пролетарской революции.

Отсталость сельского хозяйства, разрыв между городом и деревней, подготовленный всем ходом докапиталистического развития, получивший свое яркое развитие при капитализме, получает свое наиболее вопиющее выражение в эпоху загнивания капитализма.

«Несоответствие в развитии земледелия и промышленности, — говорит Ленин в брошюре «Империализм как высшая стадия капитализма» (стр. 27), — характерное для капитализма вообще, становится еще больше на его последней стадии».

Империализм с его господством монополий, способствуя концентрации земельной собственности, ведет к повышению земельной ренты. В этом отношении эпоха господства монополий характеризуется ростом цены земли, следовательно еще более препятствует прогрессу земледелия. В империалистическую эпоху «особенно прибыльной операцией финансового капитала является спекуляция земельными участками⁶, причем характерным моментом в этом отношении является то, что земельная рента, заключающая в себе «элемент монополии, элемент монополийной цены» (Ленин), сливается с монополией банков, с монополией транспорта. Ведь рост земельной ренты зависит также от выгоды расположения земельных участков в отношении путей сообщения, поэтому интересы транспорт-

⁶ Ленин, Империализм как высшая стадия капитализма, стр. 56.

ного капитала тесно переплетаются с интересами спекулянтов — продавцов земельных участков, с интересами землевладельцев. Таким образом в руках монополистического капитала создается могучее орудие эксплуатации масс. Ленин приводит очень много данных спекуляции финансового капитала земельными участками, спекуляций, имевших своим следствием «разделение мелких хозяев и рабочих, ничего не получивших от дутых строительных фирм»⁷.

В эпоху монополистического капитализма еще больше усиливается экономическая эксплуатация деревни через монопольные цены на сельскохозяйственные орудия, на предметы широкого потребления, через вздутые тарифы на железнодорожный транспорт, через разрыв цен на сельскохозяйственные продукты и промышленные изделия. Финансовый капитал разоряет фермеров, подчиняет их себе через систему банков, кредита, сельскохозяйственных пошлин и пр.

Буржуазный экономист Э. Норс, отнюдь не заинтересованный в том, чтобы обрисовать в мрачных красках судьбы капиталистического земледелия, вынужден все же писать: «Если бы мановением волшебного жезла можно было возвратить одному штату Айова все богатство, которое было выкачано из него в последовавшие за войной годы обманщиками промотерами (грюндерами), продавцами нефтяных акций и ловкачами, которые забрали миллионы долларов в облигациях займа свободы из тесных касс сельских банков, куда фермеры отдали их на сохранение, то это весьма значительно помогло бы фермерам обзавестись оборудованием и использовать возможности более успешного производства, представляемые техническим прогрессом»⁸.

Неравномерность развития получает свое лучшее выражение в империалистическом грабеже колоний и полуколоний. Вывезенный в колонии капитал применяется для превращения их в аграрные придатки метрополий. Тем самым задерживается развитие колоний. С другой стороны, этот грабеж колоний, возможность выкачивать из них богатства в свою очередь являются большим тормозом подъема техники в сельском хозяйстве передовых промышленных стран. Этот вывоз капитала в отсталые страны обусловлен тем, что капиталистические производственные отношения не дают возможности правильного приложения капитала в передовых странах, обусловлен тем, что накоплению капиталов соответствуют накопление нищеты пролетариата и разорение мелких собственников деревни. Если бы это было не так, «капитализм не был бы капитализмом» (Л е н и н).

Пока капитализм остается капитализмом, избыток капитала обращается не на повышение уровня жизни масс в данной стране, ибо это было бы понижением прибыли капиталистов, а на повышение прибыли путем вывоза капитала в отсталые страны.

В этих отсталых странах прибыль обычно высока, ибо капиталов мало, цена земли сравнительно невелика, заработная плата низка, сырые материалы дешевы⁹. В империалистическую эпоху капитализма погоня капиталистов за источниками сырья во всем мире и «отчаянная» (Л е н и н) борьба за колонии, за капиталистическое использование новых земель приводит таким образом к еще большему разрыву города и деревни, к еще большему углублению противоречий между ними. Весь мир поделен между крупнейшими капиталистическими государствами. Отсталые аграрные страны вовлечены в орбиту капиталистического развития путем превращения этих стран в дешевые источники сырья, источники капиталистической эксплуатации, в аграрные придатки капиталистического развития, обрекающие колонии на вырождение и деградацию. Эксплуатация колоний, возможность выкачи-

⁷ Л е н и н, Империализм как высшая стадия капитализма, стр. 56.

⁸ Э. Н о р с, Новейшие изменения в экономике САСШ, стр. 186.

⁹ Л е н и н, Империализм..., стр. 62.

вания из них сверхприбыли приводят к тому, что все большая часть земли «отнимается от сельскохозяйственного производства и идет под спорт, под забаву богачей»¹⁰.

Это отставание капиталистического развития колоний, искусственно культивируемое капитализмом на его империалистической стадии, обусловливает наличие колоссальной мелкотоварной подпочвы, которая эксплуатируется капитализмом жесточайшим образом.

Таким образом при изучении особенностей развития капитализма в земледелии необходимо принять во внимание, что отсталость сельского хозяйства является продуктом этого капиталистического развития, причем это отставание сельского хозяйства является не результатом слабого развития капитализма, как это думает Каутский, а результатом его сильного развития.

Ленин в своих работах, направленных против тех оппортунистов, которые пытались на фактах измельчания посевных площадей, на фактах сохранения мелкого крестьянского хозяйства в системе капитализма доказать «живучесть» и «устойчивость» мелкого хозяйства и опрокинуть тем самым учение Маркса о крахе капитализма, показал на анализе обширного материала развития капитализма в земледелии в различных странах, что сама эта «устойчивость», «живучесть» есть форма проявления отчаянной эксплуатации проникшим в земледелие капиталом мелкого крестьянского хозяйства, что наделение крестьян-батраков мелкими клочками земли является своеобразной формой жесточайшей капиталистической эксплуатации мелкого крестьянина.

Из ленинского понимания сущности империалистической системы, из самого понимания той громадной взаимосвязи, взаимозависимостей отдельных частей хозяйства, которые создает капитализм на высшей ступени своего развития, следует, что при крушении империализма, при разрушении всех связей должна обнаружиться вся «подпочва» (Ленин) старого капитализма.

Достаточно себе представить процесс краха империализма в современной наиболее развитой стране — Америке, где финансовый капитал тысячами нитей опутал фермера, связанного по рукам и ногам монополистическим капиталом, чтобы видеть, что при первом же акте крушения империализма обнаружатся разоренные фермерские хозяйства со всеми их докапиталистическими чертами.

Ленин на примере пышного расцвета мещничества во время революции в Германии показывает, что это мещничество, будучи атрибутом мелкотоварного хозяйства, появилось и должно появиться в период крушения империалистической системы неизбежно, ибо оно, это мелкотоварное хозяйство, не уничтожается империализмом до конца, а увязывается им на основе всеобъемлющей связи в единую систему монополистического капитализма. Когда начинают рваться все связи империализма, тогда обнажается и начинает действовать по-своему докапиталистическая подпочва империализма — мелкое товарное хозяйство.

Правильное марксистско-ленинское понимание сущности империализма и его основного закона неравномерного развития имеет решающее значение при анализе сущности переходной экономики, ибо пролетариат получает в наследство «не чистый», цельный капитализм, а конкретный капитализм со всеми его докапиталистическими остатками и с той «подпочвой», той питательной средой, которая рождает «ежечасно, ежеминутно» капитализм.

Только абстрактно-схоластическое понимание может себе представить процесс революционного преобразования капиталистического общества.

¹⁰ Ленин, Империализм... стр. 104.

в общество коммунистическое таким образом, что пролетариат будет иметь перед собой к моменту прихода к власти созревшее и «дозревшее» для социализма общество, причем степень этой зрелости представляется сугубо механистически: сами производительные силы, перезрев, разрывают производственные отношения, оболочка капиталистического общества лопается, и пролетариат получает «готовенький» социалистический строй.

Это оппортунистическое представление о процессе пролетарской революции ничего общего не имеет конечно с марксизмом, не имеет и иметь не может, ибо цель носителей этих представлений заключается не в свержении капитализма, а в приспособлении к нему и укреплении его.

В этом понимании процесса капиталистического развития—главнейшее обоснование оппортунистических «учений» переходного периода или, вернее, отрицание ими этого переходного периода. Капитализм сам «созревает» для социализма, сама степень зрелости определяется именно тем, что такое капиталистическое развитие уничтожает до конца все прошлое, все до-капиталистическое, что мелкобуржуазная среда размывается, разъедается до конца, без остатка этим процессом капиталистического развития. Пролетариат не имеет таким образом дела ни с какой мелкобуржуазной стихией, ни с какими докапиталистическими формациями.

Этот вопрос ярко освещен Лениным в его споре с Бухариным на VIII съезде нашей партии по вопросу о программе. Ленин, отстаивая ту точку зрения, что «коренные вопросы можно рассмотреть только с точки зрения империализма», что «старый капитализм в целом ряде областей дорос до империализма», что «его тенденции только империалистические», вместе с тем со всей яростью набрасывается на Бухарина, который хочет дать «цельную» картину империализма.

Ленин сказал, что программа, построенная на таком представлении империализма, на представлении сплошного, «цельного», «чистого» развития империализма, будет неверна. «Она будет в лучшем случае воспроизводить лучшее, что сказано о финансовом капитализме и империализме, но не воспроизведет действительности, потому что в этой действительности как раз такой цельности нет».

Ленин далее говорит: «На самом деле, откуда может взяться средний крестьянин в эпоху чисто империалистического капитализма? Если мы будем решать вопрос о нашем отношении к этому чуть ли не средневековому явлению (к среднему крестьянству), стоя исключительно на точке зрения империализма и диктатуры пролетариата, у нас совершенно не сойдутся концы с концами и мы много набьем себе шишек»¹¹.

Эта установка Ленина основана именно на том, что он показал, что, несмотря на то, что империализм собрал и сконцентрировал производство, он сохраняет и докапиталистические формы, т. е. что даже в самых развитых капиталистических странах нельзя найти капитализм исключительно в наиболее совершенной форме, и далее: «В капиталистическом государстве, где капитализм находится во всем своем развитии, продолжают существовать мелкие крестьянские хозяйства с мелкой свободной продажей, с мелкой спекуляцией»¹².

Ленин показал в этих своих спорах с Бухариным, что «цельный» империализм, «чистый» империализм без основной базы капитализма «никогда не существовал, нигде не существует и никогда существовать не будет»¹³.

Вопрос о докапиталистических остатках в системе империализма имеет чрезвычайно важное значение не только для понимания сущности империализма, но и для понимания процесса его разрушения. Ленин в этом смысле

¹¹ Ленин. т. XXIV, изд. 2-е, стр. 134.

¹² Там же, стр. 152.

¹³ Там же, стр. 131.

называет империализм «надстройкой» над старым капитализмом. Если разрушить верхушку, обнажается весь старый капитализм.

Конечно для пролетариата, говорит Ленин, было бы очень приятно прийти и снять верхушку и получить полностью общественное производство, но «этого нет в действительности. В действительности развитие таково, что приходится поступать совершенно иначе... в действительности существует громадная подпочва старого капитализма, которая и обнажается при этом разрушении капиталистической системы»¹⁴.

Эта работа Ленина имеет, на наш взгляд, кардинальное значение для понимания задач переходного периода, которые встают перед рабочим классом после захвата власти в странах не только отсталых, но и развитых. Отсюда между прочим вытекает установка Ленина, данная им на III конгр.сс: Коминтерна, что нэп должен будет проводиться в той или иной форме во всех странах, ибо это вопрос о мелкой буржуазии, которую пролетариат должен переделывать через ряд ступеней и переходов, это план построения фундамента социалистической экономики.

С этой точки зрения чрезвычайно интересна та сила гнева и возмущения, с которой Маркс и Энгельс обрушились на составителей Готской программы, рассматривавших всю остальную массу трудящихся, кроме пролетариата, как «реакционную» массу. Маркс и Энгельс постоянно указывали, что только оппортунисты могут думать, что пролетариат начнет свое революционное, свое социальное преобразование, после того как «исчезнет последний крестьянин» (Энгельс). В письме к Бернштейну от 2 ноября 1882 г. Энгельс пишет: «Ребячеством является положение о том, что величайшая революция должна начаться с того, что... весь мир распадется на две армии, на одной стороне мы, а на другой стороне все объединенные реакционные массы; это значит, что революция должна начаться с п я т о г о действия, а не с первого». Это же положение очень подробно развивал Ленин, разрабатывая проблему диктатуры пролетариата в разрезе колониального и национального вопроса: «Думать, что мыслима социальная революция без восстания мелких наций в колониях и в Европе, без революционного взрыва части мелкой буржуазии со всеми ее п р е д р а с с у д к а м и, без движения несостоятельных пролетарских и полупролетарских масс... значит отречься от социальной революции. Должно выстроиться на одном месте одно войско и сказать: мы за социализм, а в другом — другое и сказать: мы за империализм, это будет с о ц и а л ь н а я р е в о л ю ц и я... кто ждет чистой социальной революции, тот никогда не дожидется ее, тот революционер на словах, не понимающий действительную революцию... социалистическая революция в Европе н е м о ж е т б ы т ь ничем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных»¹⁵.

Именно исходя из этого анализа конкретного, а не из «чистого» и «цельного» империализма, наша партия смогла понять и повести за собой середняка, смогла разрешить проблему использования резервов для диктатуры пролетариата, смогла разрешить проблему союзника и успешно разрешить задачу построения фундамента социалистической экономики; именно поэтому ленинское учение о рабоче-крестьянском союзе, будучи вопросом, производным в ленинской теории диктатуры пролетариата, является органической частью ленинизма как марксизма «эпохи империализма и пролетарской революции... как теории и тактики пролетарской революции вообще... диктатуры пролетариата в особенности» (Сталин).

То обстоятельство, что коренные интересы не эксплуатирующего чужой

¹⁴ Ленин, т. XXIV, стр. 134.

¹⁵ Ленин, т. XIX, стр. 269.

труд крестьянства лежат также по линии социалистического переустройства общества, ибо капитализм ходом своего развития неизбежно ухудшает, все более и более разоряет основные массы крестьянства, — это обстоятельство дает материальное обоснование возможности союза пролетариата и крестьянства и вместе с тем обнаруживает основное содержание, назначение этого союза. Совершенно ясно, что оно лежит в достижении «коренного» интереса, т. е. в уничтожении классов, а значит частной собственности на средства производства как основы их возникновения. И если только на основе союза со средним крестьянством пролетариат может сохранить, укрепить диктатуру, может разрешить основную задачу переходной экономики — уничтожение классов, построение основ нового общества, то вместе с тем только при том условии он может разрешить эту свою основную задачу, если именно эта задача (уничтожение классов) будет являться тем стержнем, на котором покоится союз рабочего класса с крестьянством.

Тов. Сталин в своей статье «На хлебном фронте» следующим образом определяет содержание союза пролетариата с крестьянством: «Союз рабочих и крестьян в условиях диктатуры пролетариата не есть простой союз, это есть особая форма классового союза рабочего класса и трудящихся масс крестьянства, ставящая своей целью: а) усиление позиций рабочего класса, б) обеспечение руководящей роли рабочего класса внутри этого союза, в) уничтожение классов и классового общества. Всякое иное понимание союза рабочих и крестьян есть оппортунизм, меньшевизм, эсерство, — все, что угодно, только не марксизм, только не ленинизм». И в другом месте, характеризуя тот же вопрос, т. е. основной смысл, содержание союза пролетариата с крестьянством, т. Сталин с особой силой обрушивается на правых именно за то, что ими совершенно отброшено, забыто то положение марксизма, что этот союз нужен нам «не для того, чтобы сохранить и увековечить классы», а нужен он пролетариату для того, «чтобы приблизить крестьянство к рабочему классу, перевоспитать крестьянство, переделать его психологию индивидуалиста, переработать его в духе коллективизма и подготовить таким образом уничтожение классов на базе социалистического общества» (С т а л и н).

В свете этих задач совершенно ясно, какую огромную, решающую роль играют индустриализация страны, проблема темпов. Вне правильного решения этих вопросов пролетариат не сумел бы сохранить свою руководящую роль в этом союзе, не сумел бы действительно повести массы крестьянства на путь широкого социалистического строительства. Рост промышленной продукции в первой пятилетке на 219% в сравнении с 1928 г. и на 334% в сравнении с довоенным уровнем при том положении, когда все машиностроение выросло в сравнении с 1928 г. в 4,5 раза, с довоенным уровнем в 10 раз, сказался прежде всего в том, что наша страна из страны аграрной превратилась в страну индустриальную. При неизменном росте сельского хозяйства удельный вес промышленной продукции вырос до 70%, создана собственная индустриальная база реконструкции промышленности, транспорта и сельского хозяйства. Удельный вес тяжелой индустрии в общем объеме всей промышленности повысился до 53%. Совхозами и колхозами уже в первую пятилетку охвачено 80% всех посевных площадей.

Но если «линию определяет пролетариат» (Л е н и н), единственный класс, идущий за социалистической революцией «всерьез» (Л е н и н), не колеблясь, то пути и переходы, которыми пролетариат решает свою задачу, устанавливаются им, исходя из того, что решить «лобовой атакой» проблему переделки мелкого производителя нельзя, что для этого нужна со стороны пролетариата как гегемона «целая система сложных переходных мер» (Л е н и н),

ибо крестьянин и трудящийся и собственник имеет еще такие интересы, такие привычки, которые, довлея над ним сегодня, не лежат по линии «общих» интересов (социализма). Именно в этом состоит обоснование необходимости особой тактики пролетариата в отношении мелкого производителя, тактики, рассчитывающей на его обязательное привлечение, но только на такой основе, которая обеспечивает руководство пролетариата, неуклонный и последовательный рост социализма.

Тов. Ленин и т. Сталин в своих работах, посвященных данному вопросу, неоднократно возвращались к тому, чтобы еще и еще раз подчеркнуть и наличие общности интересов пролетариата и крестьянства по коренным вопросам развития, обуславливающей союз рабочего класса с крестьянством, и наличие противоречий интересов рабочего класса и крестьянства по вопросам текущих противоречий, обуславливающих борьбу внутри этого союза, борьбу, «которая покрывается по своему удельному весу общностью интересов и которая должна исчезнуть в будущем, когда рабочие и крестьяне перестанут быть классами» (С т а л и н).

В подходе к крестьянству, пока оно существует как крестьянство, пролетариат должен на каждом этапе своей борьбы находить такое звено, которое, удовлетворяя в известной степени «частный», «текущий» интерес крестьянина, в то же время обеспечивало бы на основе последовательной борьбы пролетариата за социалистическую переделку сельского хозяйства победу «общего» интереса, уничтожение классов, построение социализма.

Ничего общего такая постановка вопроса не имеет с так называемой «теорией уступок». Пролетариат, руководящая сила в союзе рабочего класса и крестьянства, организованный в диктатуру, на основе своей диктатуры неуклонно добивается главной своей цели — победы социализма, помня, что «общие интересы по коренным вопросам развития являются базой, основой союза рабочих и крестьян» (С т а л и н), помня, что руководство пролетариата крестьянством в том и заключается, что пролетариат «держит линию на уничтожение классов» (Л е н и н) и что, применяя ряд переходных мер с целью овладения, переделки мелкого производителя, идет ему на уступки (в случаях, когда «затрагиваются его жизненные интересы») лишь в «определении способа проведения социалистических преобразований»¹⁶.

Свершено ясно, что только на основе укрепления своей диктатуры пролетариат может сохранить ту ведущую, руководящую роль, которую он должен играть в союзе рабочего класса с крестьянством и без которой невозможно выполнение основного назначения этого союза — построение бесклассового, социалистического общества.

В свете всего сказанного видно, насколько гениально глубока, всеохватывающа ленинская характеристика диктатуры пролетариата как «особой формы классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся, большинством их, союз против капитала, союз в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союз в целях окончательного создания и упрочения социализма», насколько решающе важна политика социалистической индустриализации.

Характеризуя новую экономическую политику, Ленин в свое время писал о ней, что она есть «удобное для крестьян как переход к социализму, привычное»¹⁷. И далее, писал Ленин, если звеном в цепи (построе-

¹⁶ «Ленинский сборник» XIII, Программа ВКП(б); подчеркнуто нами.

¹⁷ Там же, стр. 10; подчеркнуто нами.

ния социализма) для 1921 г. являлся «экономический подход к крестьянству»¹⁹, то именно новой экономической политикой партия нашла это звено. Для ленинской партии новая экономическая политика всегда была политической, «рассчитанной на победу социализма» (Сталин), политикой, дающей пролетариату возможность выполнения плана его великих работ.

Говоря об основном содержании своего кооперативного плана, Ленин подчеркивает, что этот план есть план союзный перделки мелкого собственника диктатурой пролетариата на тех путях, которые близки этому собственнику, что главное, основное в плане, от чего не может быть отступлений, — это социализм, это построение бесклассового, социалистического общества. Ленин в статье о кооперации писал: «В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая составляла раньше камень преткновения для многих и многих социалистов» (подчеркнуто нами—О. и Г.). Ленинский кооперативный план не существует вне диктатуры пролетариата, он проводится и может быть проведен только диктатурой, — это план диктатуры пролетариата, укрепляющего свою гегемонию на основе государственной собственности на средства производства, на основе политики социалистической индустриализации, развития и укрепления в первую очередь тяжелой индустрии как ведущего звена всей социалистической реконструкции.

Последние постановления партии и правительства в отношении сельского хозяйства (о натуральном, о ликвидации бедности, об организационно-хозяйственном укреплении колхозов, о хлебозаготовках и т. д.) построены на тех же основах. Соединение государственного и частного интереса в них происходит тоже таким образом, что, с одной стороны, создается личная заинтересованность каждого колхозника, а с другой стороны, одновременно обеспечивается первоочередность государственного интереса, обеспечивается неуклонная победа социализма, «общего» интереса.

Потому-то правый уклон и представляет собой главную опасность на данном этапе, что он, стоя на позиции всякого союза с крестьянством, пусть это даже будет ценой победы «частного» интереса и в сущности империалистической победы «частного», «текущего» интереса, отражает контррволюционные элементы основных элементов отживающих классов (Сталин) выкорчевыванию корней капитализма, активно хочет помочь капиталисту, кулаку, спекулянту решать вопрос «или—или», вопрос овладения многомиллионными массами трудящегося крестьянства в их пользу.

Но все же нетрудно видеть, что в настоящее время в самой постановке вопроса имеются уже и коренные качественные сдвиги. Если торговая смывка только подводила крестьянство к решению главной проблемы, то в настоящее время на основе правильной политики партии социализм уже победил, вчерашний мелкий собственник превратился в колхозника. И хотя колхозники еще представляют собой класс — крестьянство, ибо их перделка еще не закончена, однако коренной и решающей перелом уже сделан. В крестьянине победил труженик. Ленинская политика разграничения в крестьянине трудящегося от собственника — разграничения с целью обеспечения победы трудящегося. (Ленин видел в этом разграничении суть социализма), — эта политика,

¹⁹ «Ленинский сборник» XIII, стр. 17.

последовательно проводимая партией, и дала ей столь решающую победу. Однако этой победой мелкий «собственник» в колхознике окончательно не уничтожен. Кулак, удерживая по мере наших успехов свое сопротивление социалистическому строительству, всемерно старается оживить, укрепить во вчерашнем собственнике остатки именно его «мелкособственнической души», мешая организационно-хозяйственному укреплению колхоза, пролезая в колхоз, всемерно развивая рвачество, воровство, вредительство, антигосударственность во всех ее видах и т. д. Именно поэтому классовая борьба в деревне не только не уничтожается с победой колхозной формы, а продолжается в новых формах, на отдельных участках обостряется. Только на основе укрепления диктатуры пролетариата, укрепления его ведущей роли возможна окончательная переделка вчерашнего мелкого собственника в работника бесклассового, социалистического общества. Думать, что окончательным подрывом корней капитализма уничтожается и классовая борьба, могут только люди, сознательно или бессознательно предающие интересы пролетарской революции.

«Тот факт, что колхозник пошел в колхоз, означает, что общественная его сторона преобладает у него над частнособственнической. Правильной организацией колхоза и борьбой с ворами и вредителями мы развиваем эту общественную сторону, а ту сторону, за которую цепляется классовый враг, частнособственническую, рваческую, подрываем, — говорит т. Каганович на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), — только в этой борьбе с кулаком, подкулачником, в борьбе с их антисоветскими поползновениями, в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхоза, за государственника в колхознике может совершаться и совершается социалистическая переделка мелкого собственника»

Декрет о продналоге, о колхозной торговле, исторический лозунг т. Сталина о превращении каждого колхозника в зажиточного, директива об обеспечении каждого колхозника коровой и др., — все это, как в фокусе, отражает диалектику руководства пролетариата крестьянством.

«Частный» интерес каждого колхозника, бывшего собственника, не может быть решен вне зависимости от успехов всего коллектива. Плохая работа колхоза, плохой посев, плохая, несвоевременная уборка колхозного поля ударяют по личным интересам каждого колхозника, уменьшая его трудодни, и, наоборот, высокая урожайность, высокая производительность труда, большавистская борьба за организационно-хозяйственное укрепление колхозов, борьба с лодырями и рвачами повышают зажиточность колхозника.

Основным рычагом социалистической переделки мелкокрестьянского хозяйства является, как неустанно подчеркивал Ленин «крупная промышленность, способная реорганизовать земледелие. В этой ведущей, решающей роли крупной, социалистической промышленности воплощается материальное содержание руководящей роли пролетариата крестьянством.

Строить социализм значит скомкнуть индустрию с сельским хозяйством, значит ликвидировать одно из глубочайших противоречий капиталистического общества — противоречие между городом и деревней.

Именно потому, что пролетариат строит социалистическое общество, именно потому, что он должен поставить эти производительные силы на службу принципиально другим задачам, он не может возродить эти производительные силы «по-старому» (Ленин), ибо для пролетариата необходимо «перевести (подаркнуто нами — О. и Г.) Россию на настоящую хозяйственную базу, необходимую для коммунизма»¹⁹.

¹⁹ Ленин, т. XXVI, стр. 45.

Помимо создания единого планового хозяйства для пролетариата встанет ряд задач, которые требуют качественных сдвигов самой техники. Сюда относятся в первую очередь проблема механизации производства, создание механизмов, сберегающих в огромном масштабе труд человека, проблема стандартизации, специализации предприятий, массового производства и пр.

В этом отношении в деле создания новой материальной базы, необходимой для коммунизма, мы имеем колоссальные успехи.

В СССР создана целая сеть электрических скольцованных систем напряжением в 100 тыс. вольт, причем, как это и следовало ожидать, «достигнут гораздо более высокий коэффициент использования электростанций.

Для СССР он составляет 3570 в 1932 г. против 3000 в САСШ (1929 г.), 1800 для центральных электростанций и 2200 для электростанций предприятий Германии (1931 г.) и 1700 для Англии»²⁰.

Мы имеем уже такую степень электрификации нашей промышленности, которая колоссально облегчает труд и вместе с тем совершенно недостижима для капитализма. В результате «энерговооруженность рабочего СССР уже в 1930 г. составила 2,8 лош. сил, тогда как в Англии она составляла 2,46 лош. сил (в 1929 г.)».

Именно вследствие социалистического характера той материальной базы, которую строит пролетариат, сама структура производства качественно отличается от структуры производства в капиталистических странах; так например, мы выпускаем колоссальной мощности электродвигатели: «от первых 7 турбогенераторов средней мощности в 1,3 тыс. *квт*, выпущенных в 1929 г., генераторостроение перешло в 1931 г. к производству турбогенераторов мощностью в 50 тыс. *квт*. В 1932 г. заводом «Электросила» выпущен крупнейший в мире гидрогенератор в 62 тыс. *квт* для Днепро-строя»²¹.

Далее, наше машиностроение перестроилось за годы первой пятилетки на началах массового, стандартизированного и крупного серийного производства на основе развернутой плановой кооперации заводов.

В итоге пятилетки мы получили от заводов массового производства 48,6% продукции.

В условиях капитализма пролетариат не заинтересован в развитии производительных сил, в повышении производительности труда; в переходный период пролетариат должен, освободившись от всей накипи капитализма, научиться подлинно коммунистическому труду. Это очищение пролетариата от всей скверны старого общества происходит не в виде «мирного» процесса, а в ожесточенной классовой борьбе. Достаточно под этим углом зрения проанализировать ту ожесточенную борьбу, которую приходится вести нашей партии и всем сознательным пролетариям с прогулами, браком, обезличкой, уравниловкой, рвачеством и пр. Пролетариат в процессе революции, в процессе переделки старой экономики переделывает свое сознание, которое в условиях капитализма отравлено мелкобуржуазными, анархическими тенденциями. Капитализм не был бы капитализмом, если бы он в среде рабочего класса, в некоторых слоях его, не воспитывал мелкобуржуазных привычек; освободиться от них пролетариат может только в огне самого строительства, в борьбе за генеральную линию партии, в борьбе за высокую производительность труда, в борьбе за новые, социалистические формы труда.

«Человечество ставит себе только разрешимые задачи» (Маркс), проле-

²⁰ «Пятилетка», стр. 18.

²¹ Там же, стр. 71.

тариат, придя к власти, должен строить новое общество, но это построение нового общества происходит, несмотря на то, что буржуазия уже свергнута, или, вернее, именно потому, что она свергнута, в ожесточенной классовой борьбе, причем сама эта ожесточенность борьбы в переходный период есть закономерное явление.

Партия как высшая форма «классовой организации пролетариата» сплачивает пролетариат, организует его на укрепление диктатуры пролетариата и таким образом обеспечивает построение бесклассового, социалистического общества. Отступить от генеральной линии нашей партии — это значит отступить от «главного», это значит подорвать диктатуру пролетариата и таким образом реставрировать капитализм. А в этом суть, основное содержание всех и всяческих уклонов от генеральной линии партии, и это дает ключ к пониманию того, насколько решающе актуальна для действительной победы социализма борьба на два фронта, а на данном этапе борьба с правым уклоном как главной опасностью.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ АНГЛИЙСКИХ ЛЕЙБОРИСТОВ

(Из серии работ по экономической теории социал-фашизма, подготовляемых к печати Институтом экономики Комкадемии)

I. Социальные корни английского лейборизма

Международный социал-фашизм имеет конечно определенные социальные корни во всех странах. В эпоху загнивания капитализма и в особенности в эпоху всеобщего кризиса капитализма фашизация международной социал-демократии — явление вполне четкое и социально определенное. Но в то же время оно имеет в каждой стране свою специфику. Социальные корни крупнейшего отряда английского социал-фашизма — так называемой лейбористской партии — выражены настолько отчетливо и выпукло, что особо легко поддаются анализу. В доминирующей над миром империалистической Англии конца XIX в. образование так называемой «рабочей аристократии» выступает перед исследователем с полной наглядностью.

О наличии «рабочей аристократии» в Англии во второй половине XIX в. упоминают уже Маркс в «Капитале» и Энгельс в своих письмах и статьях, но подробно обосновывает условия зарождения и образования «рабочей аристократии» Ленин в своем «Империализме».

В конце XIX в. Англия из передовой промышленной страны превратилась в страну-кредитора. Экспорт капитала становится важнейшим моментом экономической жизни, а доходы от заграничных инвестиций — важнейшей статьёй ее международного платежного баланса. Торговый баланс Англии становится дефицитным уже во второй половине XIX в.; доходы же от экспорта капитала с лихвой покрывают дефицит от экспорта и импорта товаров. Природу британского паразитизма определяют политика колониального грабежа, с одной стороны, и экспорт капитала — с другой.

Но этим же определяется и образование «рабочей аристократии». «Государство-рантье, — говорит Ленин, — есть государство паразитического, загнивающего капитализма, и это обстоятельство не может не отразиться как на всеобщесоциально-политических условиях данных стран вообще, так и на двух основных течениях в рабочем движении в особенности. Чтобы показать это возможно нагляднее, предоставим слово Гобсону... Гобсон писал: «Направителями этой определенно паразитической политики являются капиталисты; но те же самые мотивы оказывают действие и на специальные разряды рабочих. Во многих городах самые важные отрасли промышленности зависят от правительственных заказов; империализм центров металлургической и кораблестроительной промышленности зависит в немалой степени от этого факта»¹.

Комментируя Гобсона, Шульце-Геверница и других исследователей британского империализма, Ленин говорит далее: «Империализм имеет тенденцию и среди рабочих выделять привилегированные разряды и откалывать их от широких масс пролетариата. Необходимо отметить, что в Англии тенденция империализма раскалывать рабочих и усиливать оппортунизм среди них сказалась гораздо раньше, чем конец XIX и начало XX в. Ибо две крупные отличительные черты империализма имели место в Англии с поло-

¹ Ленин, Империализм, изд. 1918 г.; стр. 105—106;

вины XIX в.: громадные колониальные владения и монопольное положение на всемирном рынке. Маркс и Энгельс систематически, в течение ряда десятилетий, прослеживали эту связь оппортунизма в рабочем движении с империалистическими особенностями английского капитализма. Энгельс писал например Марксу 7 октября 1858 г.: «Английский пролетариат все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазия из всех наций хочет, повидимому, довести дело, в конце концов, до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат рядом с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно»... Здесь ясно указаны причины и следствия. Причины: 1) эксплуатация данной страной всего мира; 2) ее монопольное положение на всемирном рынке; 3) ее колониальная монополия. Следствия: 1) обуржуазение части английского пролетариата; 2) часть его позволяет руководить собой людям, купленным буржуазией, или, по крайней мере, оплачиваемым ею»².

Ленин прибавляет: «Отличие теперешнего положения состоит в таких экономических и политических условиях, которые не могли не усилить непримиримость оппортунизма с общими и коренными интересами рабочего движения... раздел мира доведен до конца, а с другой стороны, вместо безраздельной монополии Англии мы видим борьбу за участие в монополии между небольшим числом империалистических держав, характеризующую все начало XX в. Оппортунизм не может теперь оказаться полным победителем в рабочем движении одной из стран на длинный ряд десятилетий»³.

Прогноз Ленина и данная им характеристика положения дела полностью подтверждаются для современной Англии. С одной стороны, указанные им явления развиваются и составляют социальную базу социал-фашизма, с другой — процесс экономического загнивания Англии и потеря ею монопольного положения, резкое обострение всех трудностей и противоречий в эпоху всеобщего кризиса капитализма создают новые течения, подтверждающие положение Ленина о том, что оппортунизм не может теперь оказаться полным победителем.

Ленин отмечает, что «процент производительного населения в Англии понижается» и в частности убывает удельный вес «рабочих в главных отраслях промышленности». И в современных условиях цифры полностью подтверждают прогноз Ленина, показывают очень значительное уменьшение удельного веса рабочих тяжелой промышленности наряду с огромным ростом того, что в Англии называется «*distributive trades*». Старые отрасли тяжелой промышленности, развившиеся в XIX в., находятся в катастрофическом состоянии не только в период настоящего кризиса, но и в течение всего послевоенного периода, давая огромный процент безработицы. Старые промышленные районы страны депопулируются, отмирают. В растущих новых промышленных районах на юго-востоке страны развиваются, правда, на базе военной промышленности некоторые новые отрасли промышленности. Тут мы имеем яркое выражение неравномерного развития и отчетливое доказательство того, что вопреки положениям троцкизма техническое загнивание совершается отнюдь не автоматическим путем. Химическая промышленность и электрификация дают некоторый рост наряду с падением угольной индустрии, металлопредприятий старого типа (в особенности судо- и машиностроительных) и текстильной промышленности. Но главное развитие идет все же не по линии промышленных отраслей, а по линии торговли и обращения. Растет число лиц, занятых в отраслях, обслуживающих паразитические слои Англии, и отчасти профессии, связанные с развитием новых отраслей

² Ленин, Империализм, изд. 1918 г. стр. 111—112.

³ Там же, стр. 112—113.

промышленности. Но основные старые профессии составляют ядро хронической безработицы, которая даже в период относительного благополучия — между кризисом 1921 г. и современным — стояла на уровне предвоенных кризисов Англии.

В этом отношении большой интерес представляют помещаемые ниже таблицы. В первой таблице сравнивается довоенная и послевоенная безработица по официальным, преуменьшенным данным (в процентах):

	Предвоенные кризисы		Послевоенное благополучие, 1927 г.	Современный кризис, 1932 г.
	1892 г.	1908 г.		
Март	8,2	6,4	9,9	20,8
Июнь	7,9	7,9	8,9	22,1
Сентябрь	9,3	9,3	9,4	22,7
Декабрь	9,1	9,1	9,8	21,7

Как видим, послевоенное благополучие стоит на кризисном уровне; иначе говоря, мы имеем тут дело с застойной безработицей.

Вторая таблица сопоставляет общий процент современной безработицы с процентом ее в «старых» отраслях промышленности:

	Угольная	Сталь и железо	Машиностроение	Судо-строит.	Хлопчатобум.	Шерстяная	Общий %
1932 г.							
Март	26,9	46,7	27,2	58,6	23,4	15,3	20,9
Июнь	40,7	48,2	27,8	62,9	32,3	27,0	22,1
Сентябрь	38,8	47,1	29,4	63,9	34,8	21,4	22,7
Декабрь	29,2	45,1	29,2	63,5	29,3	19,0	21,7
1933 г.							
Март	31,2	43,2	28,6	61,2	26,0	18,7	21,9
Июнь	36,8	38,0	23,9	56,8	24,3	14,0	19,4
Сентябрь	33,8	31,4	22,3	54,1	23,7	22,3	18,4

Еще больший интерес представляет таблица, сравнивающая количество занятых рабочих в 1923 г. и 1932 г. (высшая точка кризиса) ⁴:

Увеличение + (1923=100)		Уменьшение — (1923=100)	
Электрическое оборудован.	+ 110,6	Добыча свинцовой и медной руды	— 61,2
Строит. обществ. здан.	+ 88,0	Морское машиностроение	— 57,8
Искусственный камень и цемент	+ 87,5	Доменные печи	— 57,4
Шелк и искусствен. шелк	+ 67,1	Добыча железн. руд	— 54,2
Трамвай'и автобусы	+ 67,0	Судостроение и судоремонт	— 53,6
Электрическая аппаратура и кабели	+ 58,5	Угольная промышлен.	— 47,3
Спортивные и увеселительные предприятия	+ 56,5	Сталелитейные и прокатные заводы	— 46,0
Торговля	+ 49,0	Джут	— 43,7
Лаки и краски	+ 44,0	Постоян. ж.-д. служ.	— 34,4
Гостиницы и пансионны	+ 41,8	Шерстян. промыш.	— 29,3
Электротехника	+ 41,4	Общее машиностроение	— 22,7
Дорожный транспорт	+ 38,5	Доки, порты, каналы	— 16,2

⁴ По данным «Ministry of Labor Gazette» за 1923 г.

Правая часть таблицы показывает резкое снижение старых отраслей тяжелой промышленности; в левой мы видим рост электрификации и производства искусственного шелка, под которым скрывается военно-химическая промышленность, и шарка с этим увеличением числа занятых в торговле на 49%, в гостиницах и пансионах—на 42%, в спортивных и увеселительных предприятиях—больше чем на 55%. И если хроническая безработица и отчаянное положение старых промышленных районов создают условия для борьбы с оппортунизмом в рабочем движении, то рост «distributive trades», непосредственно обслуживающих паразитические слои населения и гораздо меньше затронутых безработицей, наоборот, дает новое основание для укрепления оппортунистических традиций.

Но каковы бы ни были изменения в структуре рабочего класса Англии, традиции профбюрократии все еще доминируют в английских тред-юнионах. Компартия и так называемое Движение меньшинства слишком слабы еще для решительной победы над этой твердыней оппортунизма рабочего движения Англии. Требуется длительная, упорная, огромная работа для свержения ее. В настоящее же время можно было бы привести целую статистику предательства забастовок, практикуемого профбюрократией. Ряд крупных забастовок против рационализаторских приемов—введение системы Бэдо или переход на большее количество станков—упирается в наличие этой профбюрократии, играющей решающую роль при разрешении конфликтов.

Вот типичный пример. При переходе на большее количество станков на текстильных фабриках компании Нельсон (Ланкашир) забастовавшие рабочие естественно подняли вопрос о том, хватит ли им работы при новой системе, принимая во внимание, что последняя обуславливала рост интенсивности труда почти на 40% (увеличение количества обслуживаемых станков на 50% при уменьшении быстроты их движения—числа ударов в единицу времени—лишь на 7,5%). В то же время при общем сокращении расценок сохранение заработной платы на прежнем уровне (или ничтожное увеличение ее на 2—3 шилл. в неделю, отнюдь не покрывающее возросшей затраты рабочей силы) становилось возможным лишь при условии полной рабочей недели. Поэтому основным требованием выдвигался гарантированный минимум оплаты fallbackwage. Частичная безработица давала себя чувствовать уже до введения новой системы, не говоря уже о том, что с введением ее значительная часть рабочих переходила полностью в резервную армию. Из 160 тыс. ткачей 50 тыс. сокращались с места в карьер, для остальных частичная безработица возрастала. И вот в этих условиях представители тред-юнионов за спиной у рабочих вырабатывают и подписывают вместе с представителями предпринимателей соглашение, на основе которого при работе на большем числе станков происходит уменьшение всех расценок и в котором ни слова не говорится о том, на чем больше всего настаивали забастовщики,—о гарантированном минимуме в случае недостатка работы. Это соглашение было подписано уже во время забастовки. Это типичный пример поведения современной профбюрократии. Новые элементы, проникающие в правления тред-юнионов, очень быстро поддаются все еще чрезвычайно сильному влиянию старых традиций, в особенности обработке их лейбористскими организациями.

Надо также сказать, что два лейбористских правительства оставили чрезвычайно скверное наследство, усиливающее социал-фашистские элементы в тред-юнионах. Лейбористская партия вобрала в себя в период лейбористского правительства значительное количество буржуазных элементов, примкнувших к ней ради политической карьеры. Достаточно вспомнить, что, когда в 1924 г. было сформировано первое лейбористское правительство, некий аристократический полк заявил, что он никоим образом не будет

подчиняться военному начальнику рабочего происхождения. Тогда Макдональд постарался и разыскал некоего обедневшего лорда, не сумевшего за-получить должностишку ни у консерваторов, ни у либералов. Лорд сделался членом лейбористской партии, аристократическая военщина приняла его, и все устроилось к обоюдному удовольствию. Но это был далеко не единственный случай. Таких лейбористских лордов и лейбористских политиков два министерства Макдональда наплодили довольно много. Проникнув в тред-юнионы и политические организации лейбористов, эти элементы усиливают оппортунистические течения и сопротивление новым радикальным течениям в массах.

Идеологически лейборизм вобрал в себя остатки течений мелкобуржуазного социализма в Англии. Но книги и публикации лейбористов и резолюции их съездов наглядно показывают, как постепенно отбрасывается все, что хотя бы внешне похоже было на критику капитализма и борьбу с ним. Даже при сравнении книги Макдональда, изданной в 1921 г., с книгой Коля, изданной в 1932 г., эта разница бросается в глаза. Всякая внешне революционная фразеология отпадает. Эпоха «мира в промышленности» и «конструктивного социализма» уступает место периоду разговоров о «реконструкции капитализма». Открыто проповедуется необходимость прямого закабаления пролетариата, готовится идеологически почва для соответствующих мероприятий правительства. Иначе говоря, прокладывается дорога фашизму.

В то же время два лейбористских правительства в Англии не были «правительствами большинства». Оба правительства были «правительствами меньшинства», к которым английская буржуазия прибегла как к социальному громоотводу против подъема забастовочного движения в послевоенной Англии. Огромные трудности эпохи загнивания заставили английскую буржуазию прибегнуть к этому своеобразному буферу. И делалось это настолько откровенно, что не понадобилось даже пресловутого парламентского большинства. Оба «рабочих» правительства были организованы, официально, «по приглашению короля» и имели своим специальным назначением усилить оппортунистические иллюзии в рабочем классе и всячески задержать рост радикализации масс. Это было, так сказать, маневрирование буржуазии именем рабочих. Одновременно, как мы увидим далее, одной из специальных функций лейбористской партии и особенно лейбористской партии, находящейся у власти, является поддержание иллюзий о возможности нового промышленного расцвета и завоевания новых рынков. Во что обходится английскому пролетариату распространение таких иллюзий, мы увидим ниже. Но самый факт распространения таких иллюзий является добавочным орудием к оппортунистическому затемнению сознания широких масс.

Таковы вкратце важнейшие моменты, определяющие социальные корни британского лейборизма. Будучи в основном продолжением и развитием моментов, намеченных уже Марксом, Энгельсом и Лениным, они в еще большей степени выявляют тенденции, отмеченные Лениным. Английская буржуазия и ее верный слуга — английская лейбористская партия — становятся на защитную позицию, боясь подъема масс. Так создается политическая база социал-фашизма. Процесс фашизации лейбористской партии идет весьма быстро.

II. Лейбористы как критики Маркса

Английское рабочее движение никогда не считало себя марксистским вплоть до образования КПВБ, и лишь некоторые элементы его, незначительные количественно, претендовали быть «марксистами». Впрочем английская независимая рабочая партия и издательство «Плебс» до сих пор пре-

тендуют на марксизм. Но, не говоря уже о качестве этого марксизма, эти элементы никогда не имели влияния на массовое рабочее движение. Что же касается лейбористов, то вплоть до последнего времени они сознательно игнорировали марксизм или отреклись от него при случае. Марксизм стал их интересовать лишь после русской революции и укрепления пролетарской диктатуры в СССР. Для них критика марксистской теории есть критика победы пролетарской революции в СССР и влияния этой победы на широкие массы английских рабочих. Вот почему Макдональд в 1924 г., Ласки в 1927 г. и позже и наконец Коль в 1932 г. считают долгом говорить о Марксе и выпускают работы, посвященные Марксу и коммунизму. Главным объектом их критики является конечно теория неизбежности пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Попутно критикуются теория стоимости Маркса и теория исторического материализма.

Общим для всех авторов является тот факт, что, утверждая единогласно неправильность марксовской теории, они в то же время заявляют, что сила Маркса не в его теориях, а в его революционном влиянии на массы. Так например Макдональд пишет: «Солидность его экономических теорий более чем сомнительна. То же можно сказать и об его исторической философии. Но так же, как это имело место и для всех великих религиозных руководителей, это ни в коей мере не уменьшает почета, которым он пользуется, и не уничтожает попыток рассматривать его слова как самое важное, что когда-либо было сказано. Такое положение завоевывается однако лишь на серьезных основаниях, и нетрудно найти причины, обуславливающие необыкновенную славу, завоеванную Марксом. Он был первым, который дал рабочему классу надежду завоевать свободу, если рабочие примут определенную политику. А политика, которую он предлагал им, поднимала их настроение, взывала к их разуму и определяла линию их борьбы именно так, чтобы вдохновить их и привести в повышенное боевое настроение»⁵. И далее: «Таким образом Маркс стал воплощением революционной борьбы рабочего класса против капитализма и его борьбы за социализм»⁶. Макдональду необходимо расписаться в признании влияния Маркса на рабочий класс, и само признание это конечно показывает, что даже и для английских лейбористов наступил момент, когда они не могут больше безмятежно игнорировать Маркса.

Но в связи с признанием влияния Маркса стоит конечно задача—парализовать это влияние. Первым приемом является обвинение Маркса в плагиате, и поэтому Макдональд пишет: «Экономический критицизм Маркса не заключает в себе ничего нового и, если плагиаторство заключается в том, чтобы повторять то, что сказали другие, то необоснованное обвинение Маркса в плагиатах из его английских предшественников оказывается правильным»⁷. Таким образом оказывается, что прибавочную стоимость открыл раньше Маркса Томсон⁸ и тот же Томсон открыл то, что Макдональд называет «экономическим детерминизмом», якобы исповедуемым Марксом.

Степень невежества, проявленная генерал-предателем английского пролетариата, вполне гармонирует с его собственным пониманием «конструктивного социализма».

«Для социалиста,—утверждает Макдональд,—эволюция капитализма есть объективное проявление неизбежного развития, которое в конце концов приведет к высшей ступени общественного благосостояния и свободы. Для него проблема состоит не в том, чтобы задуть или ограничить это

⁵ Ramsay MacDonald, *Socialism: critical and constructive*, p. 46;

⁶ *Op. cit.*, p. 47.

⁷ *Op. cit.*, p. 47.

⁸ Вильям Томсон (1785—1833) — английский экономист, приверженец учения Оуэна. Цитируется Марксом в гл. XII т. I и гл. XVII т. II.

развитие, но контролировать его... Для него это есть имманентное развитие (developing out of itself), становящееся организованной системой функций, а не прибывлей»⁹.

Это говорится в главе, посвященной «производству». В главе же о «социалистическом» обществе вопрос ставится еще откровеннее:

«Социализм включает в себя идеалы, которые защитят общество от извращений переходного периода. Ибо социализм нельзя объяснить полностью как возмущение труда против капитализма. Социализм—это такая концепция общества, в котором противоречия, лежащие в основе этого возмущения, приходят к гармонии»¹⁰.

В таком елейно-подленьком тоне написана вся книга. Нужно убедить рабочих, что их дело не «возмущаться» против агрессивного английского капитала, наступающего на труд, а видеть в капитализме «организованную систему функций». Хроническая безработица, рационализация, бешеный рост эксплуатации, образование целой группы послевоенных миллионеров,—ничего подобного не существует. Ведь капитализм превратился в «систему функций, а не прибывлей». Не душите и не ограничивайте этого «имманентного развития». Понятно поэтому, что без какой бы то ни было критики теории Маркса объявляются «сомнительными» и явно ненужными для современного «конструктивного» социализма. «Слава Маркса, — говорит Макдональд— и его положение объясняются не его теориями или объяснениями, ибо все они подчинены ограничениям мысли, знания и политики того времени и связаны с его собственными заблуждениями»¹¹. А в заключение объявляется, что марксизм должен умереть, Маркс же как личность переживает марксизм.

На теориях Макдональда по сути дела останавливаться много не приходится. Его пустяковая болтовня о Марксе—просто логическая деталь его программы социального предательства, за которое его так основательно вознаградила английская буржуазия и за которое даже лейбористская партия вычистила его из своих рядов.

На более обоснованную критику Маркса претендует теоретическое светило английского и американского лейборизма Гарольд Ласки. Он выпустил 2 книжки, посвященные критике марксизма. Первая так и называется «Карл Маркс», вторая же носит название «Коммунизм». Одна дополняет и выдает другую, вскрывая подлинную цель и смысл борьбы Ласки с марксизмом. Как и Макдональд, он тоже считает, что Маркс был великим человеком и симпатизировал рабочим, хотя и проповедывал абсолютно ложные теории. Он тоже обвиняет Маркса в плагиате. «Коммунистический манифест», утверждает он в книге «Карл Маркс», был заимствован у французского демократа Консидерана¹². Что касается теории стоимости, то «она представляет в основном чрезвычайно узкую интерпретацию некоторых неопределенных положений Рикардо»¹³. Он перечисляет еще целый ряд источников, якобы спланированных Марксом, а затем наш «ученый» автор приступает к критике в собственном смысле слова. При этом в одной из своих книг он прибегает к методу грубого отрицания, а в другой—к методу искажения. «Не стоит,—говорит он в книге «Карл Маркс»,—тратить много времени на марксову теорию стоимости. Эта теория не выдержала испытания критики»¹⁴. Далее следует передежка. «Маркс,—говорит Ласки,—подразумевает под человеческим трудом недифференцированный человеческий труд, и следовательно у него речь шла о количественном, а не о качественном равенстве»¹⁵.

⁹ Kamsay Macdonald, Socialism, critical and constructive p. 415.

¹⁰ Op. cit., p. 264.

¹¹ Op. cit., p. 53.

¹² H. L a s k i, Karl Marx, p. 53.

¹³ Op. cit., p. 27.

¹⁴ Op. cit., p. 27.

¹⁵ Op. cit., p. 27.

При этом ни одного слова не говорится о марксовом понимании общественно необходимого труда, и вся тирада производит такое впечатление, как будто бы Ласки никогда не видел Маркса в подлиннике. Ссылки и подстрочные примечания он делает только на буржуазные источники, Маркса же он излагает совершенно свободно, не считая себя обязанным приводить соответствующие указания на книгу, главу, страницу и т. д. Цитировать же подлинные слова Маркса он позволяет себе довольно редко, в порядке исключения.

«Маркс, — говорит он все в той же книге, — нигде не упоминает также... что все товары для того, чтобы иметь стоимость... должны удовлетворять минимальной человеческой потребности»¹⁶. Опять-таки здесь ничего не говорится о марксовых категориях потребительной и меновой стоимости. По мнению Ласки, стоимость продуктов определяется «не средними издержками производства, а предельными издержками. Маркс же, — говорит он, — не понял этого ограничения»¹⁷. И далее: «Маркс не принял также во внимание характера колебания спроса. Он очевидно предполагал, что спрос есть нечто статическое, и наталкивается поэтому на все трудности, которые подчеркивают Бем-Баверк и австрийская школа»¹⁸. И тут Ласки заключает свою критику теории стоимости Маркса следующими словами: «Теория стоимости Маркса неприемлема не только на теоретической основе, но и на основе анализа фактов деловой жизни»¹⁹. Конечно ссылка на австрийскую школу делает вполне ясными политические позиции Ласки.

Но в книге «Коммунизм» Ласки снова возвращается к критике марксовой теории стоимости. Этому посвящена особая глава, именуемая «Коммунистическая экономика», и в ней в противоположность утверждениям, сделанным в книге «Карл Маркс», упоминаются и различие между потребительной и меновой стоимостью и «общественно необходимое время». И обе марксовы концепции искажаются.

Чтобы исказить понятие меновой стоимости и стоимости вообще, Ласки прибегает к следующему выверту, сильно напоминающему концепции Рубина и Реннера. «Стоимость, — говорит Маркс, — определяется количеством общественно необходимого труда, воплощенным в товаре; это количество фиксируется (is fixed) в процессе обмена. Но когда процесс обмена функционирует, уравнение включает повидимому большее число членов, чем это казалось Марксу».

Поскольку стоимость «фиксируется в процессе обмена» и эта концепция навязывается Марксу, то можно позволить себе и следующую нелепую передержку:

«Ясно, что если мы утверждаем:

1) что стоимость товара зависит от количества воплощенного в нем общественно необходимого труда,

2) что это количество выявляется (is discovered) в процессе обмена,

3) что коэффициент обмена (exchange rate) определяется стоимостью товара, то мы тем самым говорим, что стоимость определяется стоимостью»²⁰:

Иначе говоря, трудовая производственная база марксовой теории в голове Ласки не уместается. Ее побеждает меновая концепция, стоимость фиксируется или выявляется в процессе обмена, т. е. совсем как у Реннера: судьей, оценивающим количество общественно-необходимого труда, воплощенного в товаре, является рынок, и тогда конечно «стоимость определяется стоимостью». Иначе говоря, с точки зрения концепции Ласки—Рен-

¹⁶ Op. cit., p. 28.

¹⁷ Op. cit., p. 28.

¹⁸ Op. cit., p. 29.

¹⁹ Op. cit., p. 30.

²⁰ L a s k i, Communism, p. 96.

нера—Рубина обмен определяет *post factum* количество затраченного рабочего времени или цена определяет стоимость. Если цена была ниже или выше стоимости, то выходит, что и рабочего времени было больше или меньше. Итак, реальные факты перестают существовать, произведенное не существует, а непроедленное начинает существовать в социал-фашистском сознании, рабски отражающем сознание операторов рынка. Но стоит только исключить из трех «утверждений» Ласки второе, и «коэффициент обмена» сразу подчиняется стоимости товара, определяющейся именно общественно необходимым рабочим временем. Обмен сразу займет должное, подчиненное положение по отношению к производству.

Ловкость рук Ласки именно в том и заключается, что он навязывает Марксу второе утверждение, а затем, учинив такую передержку, он уже свободно апеллирует к «спросу и предложению». Оказывается, что «отношение между спросом и предложением является существенным фактором при определении стоимости. А это конечно означает, что стоимость является не только функцией труда»²¹. Это якобы подтверждает сам Маркс, так как «ему, видимо, стало ясно, что перепроизводство может уменьшить цену, поскольку оно приводит к такому снабжению рынка, при котором предложение превышает спрос»²². В доказательство он приводит следующую вырванную из контекста цитату из Маркса: «Слишком большая часть совокупного труда общества была затрачена в форме ткачества». Если бы не ловкость рук, выражающаяся в умении вырывать из контекста, если бы Ласки хотел или умел цитировать Маркса честно, он должен был бы привести следующее место из III тома «Капитала»:

«Та часть общества, которой при разделении труда приходится затрачивать свой труд на производство определенного товара, должна получить эквивалент в форме общественного труда, заключенного в товарах, удовлетворяющих ее потребности. Но между совокупным количеством общественного труда, затраченного на производство какого-нибудь общественного продукта, т. е. между соответствующей частью совокупной рабочей силы, затраченной обществом на производство этого товара... и, с другой стороны, между размерами, в которых общество должно удовлетворить потребность, удовлетворяемую данным продуктом, не существует никакой необходимой связи; последняя может быть лишь случайной». Несколькими строками далее Маркс прибавляет: «Только в том случае, когда производство находится под действительным, соответствующим заранее намеченному плану, контролем общества, последнее может создать связь между количеством общественного рабочего времени, затрачиваемым на производство определенных товаров, и размерами общественной потребности, удовлетворяемой этим продуктом».

И. потому в силу анархии, присущей капиталистическому производству, «если определенный товар производится в объеме, превышающем существующую общественную потребность, часть общественного рабочего времени расточается даром, и товарная масса представляет тогда на рынке значительно меньшее количество труда, чем она содержит в действительности». И это несмотря на то, что «каждый отдельный продукт... может воплощать лишь потребный для его производства общественный труд»²³.

Итак, вот о чем говорит на самом деле Маркс. Трактую вопрос о «рыночных ценах и рыночных стоимостях», он прибавляет завершающий штрих к теории стоимости, анализируя последнюю с точки зрения анархии капитали-

²¹ L a s k i, Communism, p. 96.

²² Op. cit., p. 96.

²³ «D a s K a p i t a l», Dritter Band, Erster Teil, Uerlag A.—G., Zürich, 1933, S. 212—213.

стического производства, приводящей к расточительству общественного труда, продукт которого не может быть реализованным на рынке.

Эклектик Ласки заканчивает это очередное искажение марксовской теории следующей лицемерной тирадой:

«Это не значит, что труд не является существенным элементом цены; но это значит, что и другие факторы должны быть приняты во внимание»²⁴.

Надо еще остановиться на методах, которыми Ласки критикует марксовскую теорию прибавочной стоимости. Сначала он совершенно резонно замечает:

«Однако именно на этой основе, рассматривая труд как единственный источник стоимости, Маркс построил свою теорию прибавочной стоимости, являющуюся душой его экономической теории»²⁵.

А далее, отказываясь «входить в тонкости этой теории» и излагая ее лишь на 2—3 страницах, он останавливается на ее «центральном тезисе». Последний же состоит, по его мнению, в том, что то, «что Маркс называет постоянным капиталом—здания, сырье, машины, — не производит ничего». А это значит, что все те, «кто не отдает своей рабочей силы» для производства, «не производят стоимостей... Маркс поэтому отрицает, что прибыль получается благодаря капиталисту, который ссужает свои деньги, или торговцу, который руководит процессом обмена»²⁶.

Это же самое ставит в вину Марксу глава современной английской буржуазной политэкономии Альфред Маршал. Он с пафосом рассуждает о том, что стоимость есть результат «труда и ожидания» (т. е. ожидания получения процента на затраченный капитал). А кто этого не признает, тот-де не понимает законного права капиталиста на прибыль²⁷. Но Ласки желает быть оригинальнее Маршала, и поэтому он начинает свою критику Маркса с другого конца. «Если, — рассуждает он, — прибавочная стоимость создается переменным капиталом, то отсюда следует, что чем выше доля переменного капитала в данном предприятии, тем выше должна быть его прибавочная стоимость, и наоборот. Верно ли это? Ведь Маркс сам указал, что согласно неизменному закону хозяйственных предприятий норма прибыли стремится к равенству»²⁸.

И чтобы окончательно поразить врага, Ласки приводит из I тома «Капитала» цитату, делая это следующим образом:

«Закон прибавочной стоимости, как говорит Маркс, «явно противоречит всему опыту, основанному на наблюдении на-глаз» (auf den Augenschein)²⁹.

Вся ирония этой фразы и весь глубочайший смысл этой иронии для Ласки—книга за семью печатями. Он ничего не знает о том, что Маркс весь анализ I тома «Капитала», где речь идет о производстве прибавочной стоимости, строит, исходя из предпосылки, что товары продаются по стоимости, и ничего не знает о том, как построен анализ распределения прибавочной стоимости. Он игнорирует даже фразу Маркса, сказанную через несколько строк после цитированной:

«Для разрешения этого видимого противоречия требуется еще много звеньев, так же как с точки зрения элементарной алгебры требуется еще много звеньев, чтобы понять, что $\frac{0}{0}$ может представлять реальную величину»³⁰.

²⁴ Op. cit., p. 97.

²⁵ Op. cit., p. 97.

²⁶ Op. cit., p. 99.

²⁷ M a r s h a l, Principles of Economics, p. 587.

²⁸ «C o m m u n i s m», p. 99—100. Ласки именно говорит здесь о равенстве — equality, а не об уравнении — equalisation.

²⁹ Op. cit., p. 100; цитата из «Das Kapital». Erster Band, Verlag Genossenschaft ausländischer Arbeiter in der USSR, Moskau, 1932, S. 321.

³⁰ «Das Kapital», Op. cit., S. 321.

Все изложение производит такое впечатление, как будто Ласки сам не читал Маркса, а поручил кому-то надсргать подходящих цитат. «Как же примирить это кажущееся противоречие, — продолжает он. — При жизни Маркса разрешение не было найдено. Если он смог опубликовать только I том своего большого труда, то два других тома были изданы по его материалам его верным коллегой Энгельсом. Объяснение противоречия, предлагаемое Марксом, появилось в III томе. Там оно приписывается влиянию конкуренции»³¹.

Далее он приводит следующую цитату из Маркса:

«Отдельные капиталисты являются здесь, поскольку дело касается прибыли, как бы акционерами, пайщиками акционерного общества, в котором участие в прибылях производится равномерно на каждую сотню вложенного капитала, и поэтому различаются для отдельных капиталистов лишь соответственно величинам, вложенным в общее предприятие капиталов, т. е. соответственно величине доли каждого в этом общем предприятии или числу акций, которыми он владеет»³².

Приведя цитату, он заявляет: «Итак, хотя прибыль в целом равна прибавочной стоимости в целом, индивидуальная цена производства не изменяется с изменением отношения постоянного капитала к переменному в данном предприятии. Но тенденция развития такова, что закон становится все более и более правильным по мере развития. Ибо это развитие синхронично с непрерывным увеличением постоянного капитала и уменьшением переменного по мере роста механизации промышленности. Это уравнивает среднюю норму прибавочной стоимости и объясняет приближение прибыли к равенству»³³.

Как и чем можно объяснить эту нелепую отсебятину, не имеющую ничего общего с теорией Маркса? Очевидно тем, что Ласки что-то смутно слышал о законе тенденции нормы прибыли к понижению, но, как видно, «слышал звон, да не знает, где он», и попал пальцем в небо, т. е. в «приближение прибыли (не нормы прибыли, а именно прибыли—М. С.) к равенству по мере «роста механизации промышленности».

Вся эта чудовищная и наглая безграмотность не мешает Ласки заявить: «Ясно, что такое объяснение вряд ли удовлетворительно»³⁴. Прежде, мол, Маркс утверждал, что «стоимость товаров определяется количеством труда, требующимся для их производства, а потом Энгельс извлек из Маркса теорию цен производства. Выходит, значит, что «прибыль является,—как это допускает сам Маркс,—не только функцией прибавочной стоимости, но и конкуренции». И чтобы подтвердить то, что Маркс писал о «наблюдении на глаз», Ласки апеллирует к эмпиризму и заявляет: «Мы ведь на деле ничего не знаем о прибавочной стоимости до тех пор, пока мы не знаем стоимость, выраженную в цене, полученной за данный товар»³⁵. Совершенно как если бы кто-нибудь заявил для критики законов, установленных астрономической наукой, что ничего не знает о вращении земли вокруг солнца, а видит только, как солнце вращается вокруг земли.

Но Ласки нужно как-нибудь объяснить, почему марксова теория имеет влияние на рабочие массы, и он пытается представить Маркса демагогом, утверждающим неправильную, но соблазнительную для рабочих теорию, и в доказательство цитирует «дружеского критика» Маркса—Веера, сказавшего: «Марксова теория прибавочной стоимости имеет скорее значение политического и социального лозунга, чем экономической истины»³⁶.

³¹ «Das Kapital», Erster Band, S. Op. cit., p. 100.

³² «Das Kapital», Berlin, 1929, III Band, I Teil, Verlag A.—G., Zürich, 1933, S. 183.

³³ Op. cit., S. 101.

³⁴ Op. cit., p. 101.

³⁵ Op. cit., p. 102.

³⁶ Цитир. по Ласки, Op. cit., p. 109.

Сам Ласки заявляет, что выводы, «сделанные Марксом из его теории прибавочной стоимости, в значительной мере верны, хотя трудовая теория стоимости ошибочна»³⁷.

Почему выводы верны и при каких условиях? Потому, что «факты распределения несовместимы с общественной справедливостью», и потому, что «отсутствует справедливость при распределении продукта»³⁸.

И эта распределительная точка зрения навязывается Марксу. Маркс, по мнению Ласки, «искал критерия справедливого распределения в таком обществе, где человек получает за товары, которые он производит, идеальную стоимость, ему причитающуюся»³⁹. Лассалья или Прудона Ласки при этом не цитирует, хотя и повторяет их мысли, но ссылается на Локка, который-де этого же самого добивался. Правда, Локк этим способом «защищал частную собственность, доказывая, что человек имеет право на то, с чем связан его труд»⁴⁰. Маркс же говорит уже об «экономических отношениях» капиталистического общества, чего не было у Локка, но зато это было у Смита, Рикардо и «в особенности у Мак-Куллоха; они использовали трудовую теорию стоимости, чтобы изучить сложное общество, в котором они жили... они предполагали, иначе говоря, что между продавцами и покупателями рабочей силы существует полнейшее равенство; каждый класс получал то, что он заработал»⁴¹. Правда, им эта теория нужна была главным образом для «оправдания прибыли», Маркс же использовал ту же теорию во имя социализма, «ибо исторический анализ капитализма» показал «несправедливости» распределения: «Ясно, что в основе марксовых взглядов лежит этический критерий стоимости»⁴². Для него стоимость—это «естественное право», а индивидуалистическое общество, в котором он жил, было отрицанием такого взгляда»⁴³.

И конечно рабочий «соглашается с Марксом, что его ограбили».

Так излагает Ласки теорию Маркса, сделав из него мелкобуржуазного философа на манер Прудона.

И делает он это так, как будто Маркс имел в виду общество мелких товаропроизводителей, ни слова не говоря ни о пролетариате как классе, ни об овладении им средств производства, которыми после социалистической революции он должен владеть коллективно.

Ласки не читал «Нищеты философии» и не знает, что писал Маркс о «справедливом распределении в обществе, где человек получает за товары идеальную стоимость, ему причитающуюся».

Послушаем Маркса: «Итак—одно из двух: или вы хотите правильных соотношений прошлых веков и в то же время средств производства нашей эпохи; тогда вы утопист и реакционер одновременно.

Или вы хотите прогресса без анархии; тогда во имя сохранения производительных сил откажитесь от индивидуального обмена.

Индивидуальный обмен совместим лишь с мелким производством прошлых веков и его логическим дополнением—«правильным соотношением»; или же с крупным производством со всей его свитой нищеты и анархии.

В конце концов определение стоимости рабочим временем, т. е. формула, которую г-н Прудон выдает за будущее возрождение, есть лишь научное выражение экономических отношений современного общества, как это доказал ясно и точно Рикардо задолго до г-на Прудона»⁴⁴.

³⁷ Op. cit., p. 112.

³⁸ Op. cit., p. 112.

³⁹ Op. cit., p. 114.

⁴⁰ Op. cit., p. 114.

⁴¹ Op. cit., p. 120.

⁴² Op. cit., p. 116.

⁴³ Op. cit., p. 117.

⁴⁴ «Misère de la philosophie», Paris, 1922, p. 62—63.

Итак, Маркс считает «определение стоимости рабочим временем» или «идеальную стоимость» г-на Ласки выражением отношений современного, т. е. капиталистического, общества.

А вот что Маркс говорит о социализме в «Критике Готской программы», где он критикует лассалевский «неурезанный трудовой доход», который весьма сродни «идеальной стоимости» Ласки:

«Внутри товарищеского общества, основанного на общественном владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов. Столь же мало выступает здесь труд, затраченный на производство продуктов, как с т о и м о с т ь этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что и теперь в противоположность капиталистическому обществу индивидуальный труд существует как составная часть совокупного труда уже не каким-то окольным путем, но непосредственно»^{44а}. И тут же показывает, как из «совокупного общественного продукта» будет вычитаться то, что необходимо для расширенного воспроизводства средств производства, для удовлетворения общественных потребностей (школы, санатории и т. п.), для создания резервного или страхового фонда и т. д., и только оставшаяся «часть средств потребления» может распределяться «между отдельными производителями».

Заставив таким образом говорить Маркса вещи, диаметрально противоположные тому, что утверждал он, Ласки самоуверенно заключает:

«Легко конечно доказать, что в этой простой форме, которую Маркс придал своим взглядам, его доктрина незащитима. Он иногда заявлял даже, что обмен не может создать стоимости, хотя он очень хорошо знал сам, что это неверно»⁴⁵. А то, что он «напал на неравенство существующего режима»⁴⁶, не спасает дела. «Надо прибавить, что и это объяснение не дает возможности защитить марксову теорию стоимости как экономический анализ»⁴⁷. И чтобы еще раз подтвердить свою правоту, Ласки рассуждает о том, что при наличии общественного разделения труда «мы не можем проследить, что вносит каждый человек индивидуально в общую сумму производства». А помимо того «разделение труда включает и такие функции, самая природа которых разбивает предпосылки трудовой теории стоимости и делает следовательно самую теорию бесплодной»⁴⁸, т. е. снова возвращаются на сцену капиталист и его присные, которые ведь тоже вносят свою лепту в производство,—старая теория, с которой мы уже знакомы. Новых аргументов Ласки не нашлось. Вся его «критика» сводится таким образом к следующим аргументам: 1) капиталист имеет право на прибыль; 2) он зарабатывает это право не только в процессе производства, но и в процессе обмена; 3) рабочим выгодно было конечно верить Марксу, и он знал, что его теория неверна, и занимался дешевой демагогией.

Классовая природа этой критики совершенно очевидна. Ласки думает, что он изобрел новую форму апологии капитализма, хотя на самом деле повторяет давно известные аргументы буржуазных экономистов.

Излагая в книге «Карл Маркс» марксов «закон концентрации капитала», Ласки утверждает, что этот последний «стоит на несколько более прочной основе», чем теория стоимости, и даже позволяет себе привести цитату из XXIV главы I тома, включая слова: «Бьет час капиталистической собственности, экспроприаторов экспроприируют». Но, утверждает Ласки, «нам отнюдь не нужно принять выводы, к которым приходит Маркс, для того

^{44а} «Критика Готской программы», русское изд., 1932 г., стр. 25.

⁴⁵ Op. cit., p. 119.

⁴⁶ Op. cit., p. 120.

⁴⁷ Op. cit., p. 120.

⁴⁸ Op. cit., p. 121.

чтобы признать значение положений, которые он развивает». Неприемлемыми же выводы Маркса являются для него по двум основаниям: 1) потому, что Маркс — плохой гегельянец и плохо использовал Гегеля в построении экономической аргументации, и 2) потому, что «имеются очень важные ограничения этой столь упрощенчески изложенной Марксом теории... Ведь капитализм развивает монополии, которые непосредственно подводят общество к тем или иным формам государственной администрации». Важнейшие аргументы против марксовой теории концентрации, доказывающие ограниченность ее значения, состоят, по мнению Ласки, в следующем: 1) акционерные предприятия увеличивают количество лиц, заинтересованных в получаемой прибыли; 2) мелкое производство отличается огромной живучестью; 3) рабочие начинают требовать от государства какого-то номинального стандарта существования, так же как и национализации некоторых более важных отраслей индустрии. И так же, как когда-то, говорит он, в 30 и 40-х годах прошлого столетия английское государство вынуждено было в результате обследования положения рабочих провести фабричное законодательство, так «и в настоящее время угольная комиссия 1919 г. и обследование положения докеров в 1920 г. могут положить предел сдержанности (sic) частного предпринимательства». Ласки ничего не говорит конечно о том, что фабричное законодательство 30 и 40-х годов XIX в. является по словам Маркса «продуктом продолжительной... гражданской войны между классом капиталистов и рабочим классом... Английские фабричные рабочие были профессиональными борцами не только английского, но и всего вообще современного рабочего класса, тогда как их теоретики впервые бросили перчатку теории капитала»⁴⁹. И конечно он не упоминает ни полсловом и о том, что назначение правительством угольной комиссии есть тоже результат забастовочной борьбы английских углекопов, начиная с 1908 г., тогда как забастовка докеров привела к правительственному обследованию в 1920 г. И наконец, чтобы окончательно покончить с «упрощенчеством» теоретических взглядов Маркса, Ласки заявляет: «Если рассматривать дело в таком свете, то мы никоим образом не приходим к теории революции, которую Маркс рассматривает как необходимое следствие капиталистической концентрации. Эта последняя совсем не обязательно приводит к переходному периоду, к социализму». Самое большее, что она может сделать, — это привести к национализации некоторых отраслей промышленности, «важных для благосостояния всего общества»⁵⁰.

Иначе говоря, теорию концентрации можно еще принять во имя организованного капитализма, но никоим образом не в ее революционных выводах.

Итак, все средства хороши в борьбе с марксизмом, в борьбе с теорией, которая доказывает необходимость социалистической революции. Передержки и сознательные искажения снова пускаются в ход, когда речь идет о теории концентрации и всех ее последствиях. Маркс, видите ли, упустил из виду, что, имея в своих руках такой надежный буфер, как лейбористская партия, английская буржуазия может спасти положение и никоим образом не допустить перехода к социалистическому строю. Стоит только обследовать, создавать комиссии и провозглашать «национализацию». Что именно английские лейбористы понимают под национализацией, с этим мы познакомимся дальше подробнее, но что целевой установкой такого рода демагогических разговоров является борьба с

⁴⁹ К. М а р к с, *Das Kapital*. Band I, Verlag Genossenschaft ausländischer Arbeiter in der USSR, 1932., S. 313.

⁵⁰ Н. Л а с к и, *Karl Marx*, p. 31—33.

марксизмом как с теорией пролетарской революции — это вполне ясно уже сейчас.

С теорией Маркса необходимо расправиться, для того чтобы убедить английских рабочих в том, что пролетарская революция не необходима и невозможна. Покончив с экономическими теориями Маркса, мистер Ласки принимается с этой же целью за его философские взгляды и заявляет: «Столь же очевидно, что твердая уверенность Маркса в возможности объяснить все явления на основе экономики в корне неверна». И далее идут разглагольствования о всевозможных человеческих переживаниях и психологических стимулах, за которыми несомненно лежит неэкономический фактор. «Однако,—говорит Ласки,—для Маркса экономический фактор является не только решающим вообще, но и решающим в специфической форме»⁵¹. Этой специфической формой является классовая борьба, приводящая к революции. Здесь Ласки цитирует «Коммунистический манифест»: «Капитализм производит своих собственных могильщиков». Он не хочет полностью отрицать классовую борьбу, ибо это «сделало бы невозможным понимание истории», и гораздо раньше Маркса о классовой борьбе говорили Гизо во Франции и Мадисон в Англии, но они смотрели на это дело с ужасом и искали пути освобождения от опасностей классовой борьбы, тогда как для Маркса классовые конфликты являются основным, решающим моментом. «У Маркса,—говорит Ласки,—не было никаких иллюзий насчет возможности демократического правления. Революция вызывает контрреволюцию. Пролетариат-победитель должен смотреть в оба. Все средства хороши для борьбы с контрреволюцией, ибо у пролетариата нет ни возможности, ни времени для снисхождения или раскаяния. Его задача заключается в том, чтобы путем террора довести своих противников до подчинения. Пролетариат должен разоружить своих противников путем казней, заключения в тюрьму, принудительного труда, контроля над печатью и т. д.»⁵². Так представляет себе Ласки пролетарскую революцию. И это-то и есть для него самое неприемлемое в теории Маркса. Однако общее положение вещей отнюдь не подтверждает, по мнению Ласки, теории Маркса. Современное государство слишком хорошо вооружено для защиты. Маркс верил в переворот с помощью оружия, но он теперь невозможен. Кромвель мог произвести переворот с помощью армии и флота, но для английских коммунистов это невозможно. Всеобщая стачка не может привести к революции, если армия не за нее. Так же обстоит дело и со снабжением революции. Снабжение восставшего пролетариата пищевыми продуктами может быть обеспечено только в сельскохозяйственных странах, но отнюдь не в Англии. Что же касается Америки, имеющей, так же как СССР, мощную агрикультуру, то ей придется иметь дело с другими трудностями — трудностями расстояния. Из Вашингтона нельзя контролировать американский континент и т. д. Кроме того Маркс позабыл еще о влиянии на умы религии и целый ряд других психологических воздействий со стороны буржуазии, а это есть, утверждает Ласки, «причина его общего неумения достаточно взвешивать сущность политических и психологических».

И еще одну опасность несет с собой теория Маркса: «Маркс не указывает длительность периода диктатуры, но ведь власть отравляет и разлагает носителей ее, и конечно марксистский диктатор будет не лучше других... а это будет фатальным для того строя, который Маркс имел в виду»⁵³.

Кроме того Маркс позабыл об этике. Он позабыл о том, что при суровой централизации, которую имел в виду Маркс, люди будут лишены возможности проявить свою личность. Освобождение творческих способностей че-

⁵¹ L a s k i, Karl Marx., p. 33—34.

⁵² Op. cit., p. 36.

⁵³ Op. cit., p. 42.

ловечества станет при таких условиях невозможным. «Зло, — заключает Ласки, — не может быть уничтожено через зло. Мы не можем рассматривать самих себя как жертв слепых и безличных сил... старые социалисты были правы, когда в основу своего учения они клали доктрину права, справедливости и братства, ибо право, справедливость и братство основаны на любви, а не на ненависти»⁵⁴. «Старые социалисты» — это Сен-Симон и Роберт Оуэн. Они никогда однако не занимались классовой апологией на манер Ласки. До такой пошлой болтовни о любви к буржуазии никто из них не спускался. Итак выходит, что, во-первых, невозможно подвезти пищу к Англии, если там разразится революция, во-вторых, Маркс не предвидел, сколько времени должна длиться диктатура пролетариата, а, в-третьих, все дело революции основано на ненависти, а не на любви и братстве. О классовой борьбе Ласки вспоминать не желает. Очевидно он думает, что для спасения от пролетарской революции можно пользоваться всякой аргументацией и что в капиталистической Англии, как она есть, буржуазия и пролетариат могут жить в дружбе и любви и, что самое главное, без классовой борьбы. Такова беззащитность этого лейбористского теоретика.

Так же как Макдональд, он утверждает, что «действительная сила Маркса состоит совсем не в том, в чем обычно она предполагается»⁵⁵. Суть дела в том, что Маркс первым «обличил моральные недостатки капиталистической цивилизации... где наиболее благородные человеческие качества не могут получить полного развития», и т. д. Однако «слабость и недостатки марксовой теории очевидны», а главная его ошибка заключается в том, что он считает «социальную катастрофу чем-то, к чему стоит стремиться, и подчеркивает, что в конечном счете катастрофа принесет благо»⁵⁶.

В выше цитированной книге «Коммунизм» Ласки вновь доказывает несостоятельность марксовой теории пролетарской революции, но особое внимание автор обращает на тот факт, что, «как показывает пример России, Маркс был не просто доктринером, но основоположником веры, которую оказалось возможным, хотя и совершенно неожиданно, воплотить в действительности»⁵⁷. Конечно, говорит Ласки, «в настоящий период сознательное использование государственной машины для смягчения социального неравенства становится необходимым». Но это не должно приводить к низвержению существующего строя. Гораздо лучше уповать на «уступки правящих классов, гораздо более обширные, чем когда бы то ни было в истории, при низвержении социального порядка»⁵⁸. Раз имеется такой выбор, то Ласки стоит конечно за «мирный компромисс», а, чтобы доказать необходимость такого «мирного компромисса», он по-своему изображает то, что происходит в СССР. Конечно он не идет путем простого грубого отрицания. Он знает, что к английскому рабочему нельзя уже теперь так подходить. Ласки даже заявляет: «Те, кто изображает большевиков как банды беспринципных искателей приключений, оплаченных германским правительством, оказывают плохую услугу делу анализа величайшего события в истории со времени реформации. Большевики применили на деле принципы Маркса в их самой крайней форме... их методы может быть и были тираническими, цена их успехов могла быть ужасна, но тем не менее незачем сомневаться в их честности и в их идеалах»⁵⁹.

А чтобы подтвердить свою тезу, он сравнивает ВКП с иезуитским орденом и занимается самой беззащитной клеветой.

⁵⁴ L a s k i, Karl Marx; 44.

⁵⁵ Op. cit., p. 44.

⁵⁶ Op. cit., p. 45.

⁵⁷ H a r o l d L a s k i, Communism, p. 22.

⁵⁸ Op. cit., p. 32.

⁵⁹ Op. cit., p. 45.

«Воспитательная работа превращается в обучение коммунистическим идеям. Выборы в различные органы манипулируются с такой грубой прямотой, которая может вызвать зависть самых могущественных организаций американских буржуа»⁶⁰. Конечно заслуга большевиков в СССР заключается в том, что они свергли царизм, но зато «новая и еще более мощная тирания заняла место последнего, хотя она введена в интересах народа»⁶¹.

«Повсюду там мы встречаем бедность и страдания, нигде не находим мы демократии и свободы в том смысле, как мы понимаем эти слова в Западной Европе»⁶². Но тем не менее большевики «живут надеждой на новые достижения... и добиваются своего с лихорадочной активностью»⁶³.

Конечно буржуазный апологет Ласки не может понять, что такое диктатура пролетариата и строительство социализма в СССР. Но увы! Все это писалось в 1927 г., а в 1933 г. Ласки, как мы увидим дальше, сам себя опроверг, заявляя совершенно иное. Наряду с такого рода изображением деятельности большевиков в СССР, наряду со сравнением Ленина с Муссолини Ласки опять вспоминает о Марксе, воодушевляющем большевиков, и критикует его за то, что он плохо понял Гегеля, был плохим его учеником. Ведь «Гегель настаивал на том, что мир человеческого опыта создан разумом»⁶⁴. Маркса же интересовал не «конечный результат, к которому пришел Гегель (прусское государство как воплощение всемирной идеи свободы), а метод»⁶⁵. И конечно сам Гегель отверг бы Маркса как своего ученика за такое позорное дело. «Так же как Фейербах и Штраус применили гегелевскую диалектику к разрушению христианства, так и Маркс применил ее к разрушению капитализма»⁶⁶. Итак, Маркс — основной виновник. О том, как Маркс поставил наголову учение Гегеля, о том, почему он взял у него именно диалектический метод, а не реакционное содержание, о том, что Маркс очистил диалектический метод от идеалистической шелухи и создал метод материалистической диалектики, Ласки ничего не знает. В его буржуазном мировоззрении такие вещи не находят себе отражения.

Но как же быть Англии или английскому пролетариату, чтобы не идти по пути СССР? У Ласки готов рецепт. Не следует игнорировать факта «наличия взаимозависимости социальных интересов двух классов... В каждом социальном конфликте несомненно имеется объективная возможность найти решение в интересах общества как целого». В качестве метода убеждения рекомендуется «критиковать марксову доктрину не столь в ее общем содержании, сколько останавливаясь на тех коммунистических пророчествах, которые развивались из этой доктрины»⁶⁷. Чтобы ослабить эти пророчества, каждая страна должна идти своим путем и найти свою собственную форму решения вопроса. Для промышленных стран такое решение состоит в «лучшей промышленной организации».

«Научные открытия могут легко привести к тому, что капитализм делается системой, способной удовлетворить основные требования рабочих». А что дало рабочим «научное» открытие, именуемое рационализацией, о том, как проклинаят английские рабочие «систему Бэдо» — научную систему потовыжимания, — об этом ни слова. Наоборот: «Капитализм не есть нечто неизменное. Возможностей улучшения при капитализме гораздо больше, чем это предполагают его критики»⁶⁸. И далее следуют разглагольствова-

⁶⁰ Harold Laski, *Communism*, p. 47.

⁶¹ *Op. cit.*, p. 50.

⁶² *Op. cit.*, p. 50.

⁶³ *Op. cit.*, p. 50.

⁶⁴ *Op. cit.*, p. 56.

⁶⁵ *Op. cit.*, p. 58.

⁶⁶ *Op. cit.*, p. 81.

⁶⁷ *Op. cit.*, p. 82—83.

⁶⁸ *Op. cit.*, p. 87.

ния о возможности повышения заработной платы, разглагольствования, идущие вразрез с очевидностью, но рассчитанные тем не менее на замазывание фактов последней. «Можно согласиться с Марксом, когда он утверждает, что капитализм погибнет, если он не окажется способным провести крупнейшие реформы». А исказив таким образом мысль Маркса, Ласки прибавляет: «Но это отнюдь не заставляет нас верить в то, что коммунизм сменит капитализм»⁶⁰. Конечно правящие классы до сих пор не делали во-время уступок, как это имело место например во Франции перед революцией 1789 г., но нельзя сказать с уверенностью, что так будет в будущем. «Те, которые владеют на сегодняшний день орудием экономического могущества, не меньше конечно стремятся удержать его, чем их предшественники... однако издержки революции в наше время так велики, что лишь немного найдется правительств, которые пойдут на риск революции, если только уступки могут спасти страну от нее»⁷⁰.

Увы, прошло 6 лет, и тот же Ласки пишет в 1933 г. книгу «Кризис демократии», где кричит в паническом ужасе о том, что капитализм «испробовал все методы саморазрушения и идет на катастрофу». Но в 1927 г. Ласки утверждал, что «между предсказаниями Маркса и положением капитализма прямой связи нет». Правда, другим может казаться, что она имеется. Поэтому надо предупредить возможность обнаружения такой связи. А «единственный путь, который ведет к этому,—это доказать с помощью социальной политики, что такая связь отнюдь не необходима»⁷¹.

Таковы приемы Ласки. Грубое невежество плюс наглое искажение марксизма, полное игнорирование природы строительства социализма в СССР служат базой демагогических приемов. Нужно во что бы то ни стало убедить английский рабочий класс, что он может надеяться на уступки правящих классов и не должен идти по пути революции. А для этого все средства хороши. Все это писалось в 1927 г., в момент относительного «благополучия». Но вот наступает кризис. Миллионы безработных в Англии и по ту сторону океана. Крушение фунта и доллара, валютный хаос, паралич промышленности. Для людей, подобных Ласки, начинается период того же панического маневрирования, которым начинают усиленно заниматься «левые» или внезапно полевевшие слои II Интернационала. Драгоценная демократия, в которую он так верил и которую так восхвалял в своих толстых книгах, увы, не выручила из положения, и вот охваченный паникой он пишет книгу «Кризис демократии». «Капиталистическая демократия,—заявляет он,—обнаруживает нерешительность, неопределенность, растерянность по отношению к стоящим перед ней проблемам»⁷². И далее: «Перед нами нет иной альтернативы, кроме смены конституционного правительства... победа одной системы принципов представляется их оппонентам чем-то вроде катастрофы, и если эту катастрофу можно предотвратить путем борьбы, то ведь борьба свойственна человеческой природе, даже английской человеческой природе... Длительный иммунитет от политического насилия привел нас к серьезному ослеплению, и мы не видим реального положения вещей»⁷³. Таков диагноз. Каковы же предложения? Возможны три исхода, говорит Ласки: 1) социалистическая победа на выборах, результатом которой будет попытка капиталистической диктатуры, а вслед затем всеобщая стачка; 2) возможно, что социалистическая победа на выборах приведет к возможности социалистического правительства и «революционный эксперимент станет и возможным и неизбежным». Наконец в качестве треть-

⁶⁰ Harold Laski, Communism, p. 87.

⁷⁰ Op. cit., p. 88—89.

⁷¹ Op. cit., p. 90.

⁷² Harold Laski, Democracy in crisis, p. 219.

⁷³ Op. cit., p. 220.

его исхода он представляет возможность «мирного принятия социализма правящими классами». Это и будет «самый удовлетворительный и самый рациональный исход»⁷⁴. Это писалось в начале 1933 г. в надежде «убедить» правящие классы и тем предотвратить революцию.

Но, увы, никакого чуда не произошло. Положение капиталистического мира ухудшится с каждым часом. Паника в рядах предателей пролетариата растет. В Америке выходит сборник статей 21 автора, носящий симптоматическое название—«Спасение через революцию». Статья Ласки фигурирует в этой книге одной из первых, и в ней Ласки, забывая все, что он говорил, начинает заниматься самым отвратительным, самым лицемерным маневрированием. «Лейбористская партия,—говорит он,—стремится к превращению капиталистического общества в социалистическое. Она стремится поэтому напасть на собственников средств производства непосредственно через парламент... Но конфискация средств производства, принадлежащих правящим классам, редко имеет место без насилия»⁷⁵. Он, правда, предлагает компенсацию собственникам средств производства, но все же предвидит неизбежность борьбы и через несколько страниц почтительно цитирует Маркса: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма». 85 лет прошло с тех пор, как Маркс написал эти роковые слова»⁷⁶.

И об СССР изменилось его представление: «Развитие России представляет поразительный контраст капиталистическому миру. Пятилетний план дал ей организованность и целенаправленность, с которыми не могут соперничать никакие капиталистические страны. Производительность труда увеличивается замечательно быстрым темпом. Безработица исчезла, и если уровень жизни несколько ниже, чем уровень жизни в Великобритании или в Соединенных штатах, то он однако имеет тенденцию расти, а не падать... В то время как весь остальной мир смотрит в будущее со скептицизмом и отчаянием, Россия идет вперед с полной уверенностью... что она имеет право быть вполне уверенной в своем будущем»⁷⁷.

Но как же обстоит дело с коммунизмом, с диктатурой пролетариата? Очень просто: «В капиталистических странах социалистам придется стать коммунистами или же измстить социализму. Если же они станут коммунистами, то они невольно воспримут мрачную логику ленинизма, им придется принять диктатуру пролетариата... превращение капитализма в социализм означает революцию, а это включает опыт в духе того, через который прошла Россия»⁷⁸. Но это признается не только объективно, но и субъективно. «Я не вижу, как может разумный человек отрицать возможность... того... что коммунисты вполне правы. Над нашим обществом нависла угроза войны, но война неизбежно приведет к революции во всем мире; если же эта революция примет форму фашизма, то коммунизм будет ее неизбежным антитезисом»⁷⁹. Далее, словно вынося приговор своим собственным писаниям, он заявляет: «Капиталистическое общество испробовало в послевоенный период все возможные методы саморазрушения... оно может отодвинуть свое поражение, но оно не может избежать его в конечном счете. Попытаться найти равновесие, ища вслепую согласования конкурирующих интересов,— это значит идти на катастрофу... Такое общество не может устоять перед вызовом коммунизма»⁸⁰.

Таково это паническое маневрирование насмерть перепуганного присяж-

⁷⁴ Harold Laski, 'Democracy in crisis', p. 241.

⁷⁵ Recovery through Revolution, p. 68.

⁷⁶ Op. cit., p. 75.

⁷⁷ Op. cit., p. 76.

⁷⁸ Op. cit., p. 82.

⁷⁹ Op. cit., p. 83.

⁸⁰ Op. cit., p. 88.

ного защитника правящих классов. На всякий случай он сжигает свои корабли, ни словом не упоминая о том, что он писал раньше. На случай революции у него одни произведения, на случай реакции — другие.

В истории бывают примеры, когда люди, не принадлежащие к классу — носителю революции, могут быть ему полезными объективно или субъективно, перейдя на его сторону. Так, Франсуа Кенэ был придворным врачом Людовика XVI и субъективно убежденным монархистом; объективно же он был чрезвычайно полезен своими экономическими трудами делу буржуазной революции во Франции. Клара Цеткин в своем докладе VI конгрессу Коминтерна об интеллигенции анализирует случай с крупными буржуазными специалистами, инженерами или врачами, которые, разочаровавшись в возможности творческого труда в условиях капитализма, войдя в конфликт с этим последним, сознательно перейдут на сторону пролетариата и по своим объективным данным могут быть полезны делу пролетарской революции. Но, увы, не так обстоит дело с мистером Гарольдом Ласки. Экономист Кенэ, или крупный инженер, или серьезный врач, если эти последние пришли в своем творчестве в конфликт с капиталистической действительностью, являются людьми, способными выполнить нечто объективно полезное для пролетарской революции. Но что объективно полезного дал Гарольд Ласки? Недобросовестные книжки о Карле Марксе и коммунизме, которые он писал, не имея ни малейшего понятия ни о теории Маркса, ни о практике коммунизма? Толстый том, посвященный «Грамматике политических наук», где водянисто и многословно воспевались прелести американской демократии? Или его недавняя паническая работа о «Кризисе демократии», где он умоляет правящие классы одуматься и угрожает им революцией? Пролетариату нечего делать со всей этой бумажной продукцией. Жалкие потуги господина Ласки маневрировать остаются жалкими лицемерными потугами — не больше. И после социальной революции в Англии, как и до нее, его нужно считать сознательным и активным врагом английского пролетариата.

III. Программа реконструкции капитализма

Ласки, теоретик демократии, ограничивается в вопросах экономики лишь общими рассуждениями. Будучи лейбористом, он не занимает однако внутри этой партии того положения, какое занимает в ней экономический оратор ее Джон Коль. Ласки занимается теорией вообще, а на долю Коля выпадают писание экономических и политических программ, выработка конкретных мероприятий.

В этом отношении огромный интерес представляет его книга «Ближайшие 10 лет британской социально-экономической политики»⁸¹, изданная в 1929 г. — в момент, когда формировалось второе лейбористское правительство. Книга намечает в основном программу действий будущего лейбористского кабинета и поэтому представляет больший интерес, чем какие бы то ни было его другие работы. Правда, в прошлом Коль был известен как теоретик пресловутого гильдейского социализма, который программа Коммунистического интернационала справедливо называет «эклетической» попыткой объединить «революционный» синдикализм и буржуазно-либеральные теории фабианцев, анархистскую децентрализацию и госкапиталистическую централизацию, узость средневековых ремесленных корпораций и современный капитализм». Гильдейский социализм объявляет «безнравственной» систему наемного труда, но предлагает уничтожить ее не путем пролетарской революции, а путем контроля промыш-

⁸¹ «The next ten years of british social and economic policy».

ленности объединениями рабочих данной отрасли промышленности. Эти объединения должны вовлечь всех рабочих и служащих каждой отрасли, объединяя их в «промышленные гильдии», которые и должны в рамках капиталистического строя превратиться в органы управления промышленностью. Парламентская и вообще политическая деятельность пролетариата как класса на деле отрицается. Вся эта реакционная теория естественно пролагает дорогу «корпоративному государству» фашистов и может быть использована растущим в Англии фашистским движением.

Однако в настоящее время Коля, как мы увидим дальше, признает, что гильдейский социализм на основе выборности и рабочей демократии составляет его «*mea culpa*»⁸². На современном этапе эта теория является наиболее характерной для лейборизма. Его теоретики изобрели теорию «реконструкции капитализма», а реконструированный капитализм — это английский вариант организованного капитализма.

В книге, изданной в 1932 г. и носящей претенциозное название «Путеводитель разумного человека по мировому хаосу», Коля утверждает, что капитализм (британский) может существовать и развиваться при условии, что он 1) найдет новые рынки сбыта при достаточно высоком уровне прибыли и 2) убедит английских рабочих работать как можно лучше. Перед нами, говорит он, стоят «две основные проблемы: финансовая и психологическая. Первая состоит в том, чтобы иметь возможность продавать производимые товары с достаточной прибылью». Вторая заключается в нахождении «соответствующих побудительных мотивов, которые могут убедить различные человеческие элементы давать как можно больше. Если эти две проблемы могут быть разрешены, то нет почти никакого предела возможного развития количества вырабатываемых продуктов и уровня жизни западного мира»⁸³. Но чтобы достичь такого блага, надо реконструировать капитализм.

Короче говоря, перед английскими лейбористами стоят две возможности: или итти к социализму или попытаться реконструировать капитализм. Но это не 2 исхода, а 3 исхода; утверждает Коля, ибо если капитализм не будет реконструирован или заменен «новой, радикально отличной от него экономической системой, то может наступить хаотическое разложение настоящего порядка. Если же этот третий исход будет иметь место, — а никто не может сказать с уверенностью, что этого не произойдет, — тогда мир должен готовиться к черным дням». Поэтому нужно попытаться создать «новый мировой Капитализм — Капитализм, имеющий мировые горизонты, вместо старого секционного, конфликтующего капитализма»⁸⁴. Эта книга Коля была издана 4 изданиями в сентябре — ноябре 1932 г., т. е. в период съезда лейбористской партии в Дейстере, на котором был принят целый ряд предложений, составляющих программу «реконструкции» британского капитализма.

Реконструкция британского капитализма начинается конечно с «социализации» обращения. Неизвестно, кто у кого учился: Реннер у Коля или Коля у Реннера, но для Коля, который в отличие от Реннера никогда не претендовал на марксизм, меновая концепция — примат обращения и глобификации банков — является основой его экономического мировоззрения. Наблюдая явления экономической жизни лишь на поверхности, не будучи в состоянии проникнуть сколько-нибудь глубоко в анализ производственных отношений, в природу антагонистического развития производительных сил при капитализме, Коля во всех своих экономических работах реагирует прежде всего на явления обмена, представляющиеся ему краеугольным камнем современной экономики. Таким образом уже в книге 1929 г. он следую-

⁸² «The next ten years of british social and economic policy», p. 171.

⁸³ The interlligent man's guide through World chaos, p. 42—43.

⁸⁴ Op. cit., p. 53; капитализм с большой буквы в подлиннике.

щим образом формулирует предложения, относящиеся к «социализации» обмена. «Необходимо социализировать банковую систему, включая Английский банк, который контролирует преимущественно объем кредитов, а также и акционерные банки, которые контролируют главным образом распределение кредитов между отдельными претендентами на него. Социализированным Английским банком должны управлять эксперты под конечным контролем правительства. Что же касается акционерных банков, то они должны оставаться, как существуют в данное время, но работать полностью под контролем государства»⁸⁵.

Чтобы понять суть этого предложения, обратимся к Марксу, который когда-то с такой беспощадной ясностью анализировал положение Английского банка. Описывая положение дел в период кризиса и мероприятия, проведенные Робертом Пилем в 1844 г. и действовавшие в Англии вплоть до последнего времени, Маркс говорит: «Крупнейшая сила в лондонском мире капитала — это конечно Английский банк; но благодаря своему положению полугосударственного учреждения, он не имеет возможности проявлять свое господство столь суровым образом. Тем не менее в его распоряжении, особенно со времени банковского акта 1844 г., имеется достаточно средств и путей для того, чтобы выйти сухим из воды»⁸⁶.

И далее: «Во всяком случае, он как официальное учреждение, пользующееся покровительством государства и государственными привилегиями, не может использовать эту свою силу с такой беспощадностью, как это позволяют себе частные предприятия... тем не менее, для делового мира является весьма серьезным событием, когда Английский банк в период угнетения начинает, выражаясь ходячим термином, «взвинчивать процент», т. е. уровень процента, перешедший свою норму, поднимает еще выше»⁸⁷.

Это полуофициальное положение Английского банка Коль предлагает изменить не то в порядке реконструкции капитализма, не то в виде меры «конструктивного социализма». В брошюре, написанной вместе с Бевинем, видным тред-юнионистским заправилкой, и посвященной кризису, Коль опять-таки настаивает на том, что социализация Английского банка спасет Англию от кризиса⁸⁸.

В книге, изданной в 1932 г., он говорит: «Лейбористская партия Великобритании давно защищала социализацию Английского банка, который является в настоящее время, как мы видим, своеобразной независимой частной корпорацией, находящейся в руках держателей акций. Социализация центрального банка даст конечно правительству силу регулировать выпуск бумажных денег и сделать тем самым более обильным кредит»⁸⁹.

Под регулированием выпуска бумажных денег явно подразумевается неограниченная возможность инфляции. Но как же обстоит дело с возможностью «взвинчивать учетный процент» и т. п.? Теряет ли Английский банк согласно проекту Коля эти драгоценные возможности, становясь не полу-, а вполне официальным учреждением? Увеличится или уменьшится его «беспощадность» после «национализации» его по лейбористскому методу? Ни одного слова не говорится однако ни Кодем, ни его соратниками о потере Английским банком его драгоценных прав. Пусть он станет законным органом буржуазии, и пусть ему будет предоставлена полная свобода действий. Таков смысл этих проектов.

В вопросе об инфляции и расширении кредита лейбористы идут полностью за своим либеральным учителем Кейнсом, который считает, что стоит лишь

⁸⁵ The next ten years etc., p. 429, 430.

⁸⁶ «Das Kapital», Band III, Teil II, S. 71, Verlag, 1929 г.

⁸⁷ «Das Kapital», Band III, Teil II, S. 73.

⁸⁸ «The Crisis», p. 38.

⁸⁹ «The intelligent man's etc», p. 622, 623.

дать английским капиталистам кредит, они вновь пустят полным ходом свои предприятия, и в стране не будет безработицы. Даже пресловутый вопрос о рынках совершенно исчезает при такой постановке вопроса. Создадим кредит, а остальное все приложится. При этом кредит и денежное обращение нуждаются в «регулировании», и поэтому Коль предлагает: «Денежное обращение и кредит должны регулироваться в соответствии с производительной способностью нации. Такое регулирование может практиковаться, не вызывая инфляции или подъема цен, если только будут приняты соответствующие мероприятия для того, чтобы стимулировать продукцию». Это писалось в 1929 г.⁹⁰ в порядке программного требования.

Но в 1932 г. теория «регулируемого денежного обращения» (пресловутая теория «managed currency») фигурирует уже как таковая вне связи с производством. Правда, Коль заявляет, что он не принадлежит к числу так называемых «currency cranks» или «обращенческих идиотов», но, говорит он, и помимо «обращенческих идиотов» имеется целый ряд весьма разумных людей, которые приписывают значительную долю наших трудностей трудностям денежной системы и считают, что реформа денежного обращения скорее вернет нас на дорогу процветания, чем какие бы то ни было другие мероприятия⁹¹. И на сцену является совершенно идеалистическая и апологетическая теория, согласно которой денежное обращение можно регулировать вне всякой связи с товарным обращением и золотым запасом. Эта теория широко открывает двери инфляции.

Чтобы понять в чем дело, мало выявить теоретическую сумбурность этой «теории». Нельзя забывать, что окончательное развитие теории «managed currency» получила уже в связи с крушением золотого фунта. Две капиталистических группы боролись между собой в этот период: держатели заграничных инвестиций и промышленно-экспортная группа. Как мы уже отмечали, начиная со второй половины XIX в., внешнеторговый дефицит покрывался в платежном балансе страны доходами от экспорта капитала. Экспортеры капитала отстаивают конечно всячески золотой стандарт, ибо отмена его автоматически обесценивает их капитал, помещенный в колониях и за границей. Что же касается экспортеров товаров, то последние боролись за отмену золотого стандарта, в особенности до крушения американского доллара, ибо стабильный доллар давал обширную возможность спекулировать при экспортных операциях нестабильным фунтом. Конец капиталистической стабилизации в Англии выразился там экономически именно в факте отрицательного платежного баланса 1931 г. и следовательно уменьшения доходов с заграничных инвестиций, так же как и уменьшения банковских доходов (комиссионных и прочих), и доходов от судоходства, получаемых Англией в международном масштабе (см. табл. на стр. 121). Именно в этот момент либералы и лейбористы особо настойчиво выдвигают теорию «managed currency» как путь к экономической стабилизации. А так как в том же 1931 г. после ряда восстаний в английском флоте, сигнализировавших конец капиталистической стабилизации политической, Франция и другие страны, державшие свое золото в Английском банке, начали усиленно выкачивать его из Англии, то теория отмены золотого стандарта и «регулирования» денежного обращения показала особенно соблазнительной.

Здесь невольно вспоминается то, что говорит Маркс при анализе противоречий денег, выявляющихся во время кризиса в условиях кредитной системы:

«С развитием кредитной системы капиталистическое производство непрерывно стремится разрушить указанный выше барьер — металлический

⁹⁰ «The next ten years etc.», p. 430.

⁹¹ «The intelligent man's etc.», p. 217.

Платежный баланс Англии
(в млн. фунтов)

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Пере́вес импорта над экспортом товаров и серебра	381	386	411	289
Доходы правительства, получаем. из-за границы	24	19	16	7
Доходы от судоходства	130	105	75	65
Чистый доход от заграничных инвестиций	250	220	170	150
Доходы от краткосрочных займов и комиссий	65	55	30	25
Доходы из других источников	15	15	15	17
Итого доходов	484	414	306	264
Баланс	+103	+ 28	-105	-25
Пере́вес экспорта (+) золота над импортом (-)	+ 15	- 5	+ 35	-18

барьер — этот одновременно и вещественный и фантастический барьер богатства и его движения; но все снова и снова разбивает себе голову об этот барьер»⁹².

Итак, лейбористские заправилы всячески стараются спасти английский капитализм от неизбежности «разбить себе голову о металлическую границу». Но раз налично факт, что голова, увы, еще раз разбита, на этот раз сильнее, чем когда-либо, — надо выдумать такую теорию, при которой «металлическая граница» объявляется несуществующей, а голова следовательно — уцелевшей.

На экономической конференции в Лондоне ряд стран проявил свои аппетиты к твердой валюте в других странах при отмене золотого стандарта в своей собственной. Такого рода откровенное торговое жульничество лейбористы возводят однако вслед за Кейнсом в теорию не то реконструкции английского капитализма, не то пресловутого «конструктивного социализма»; о том, что за инфляцию должен расплачиваться рабочий класс падением реальной зарплаты, лейбористы умалчивают.

Таким образом лейстерский съезд принял следующую резолюцию: «Английский банк должен перейти в общественную собственность и под общественный контроль. Управляющий Английским банком должен назначаться правительством и подчиняться общему руководству одного из членов правительства, который в свою очередь будет отвечать перед Палатой общин по вопросам банковской и кредитной политики». Кроме того правительство должно назначить «особый комитет, который должен работать под руководством соответствующего министра в тесном сотрудничестве с Английским банком и контролировать денежную эмиссию и рынок капиталов таким образом, чтобы без его санкции новая эмиссия была невозможна».

Однако на съезде дело не обошлось без некоторого инцидента. В рядах делегатов нашлись протестанты. Так, депутат от Чезлехерстского района предложил выпустить из резолюции слова «ввиду крушения золотого стандарта», ибо, заявил он, «крушение относится не к золотому стандарту, а к капиталистическому строю». Другой депутат внес предложение выкинуть слова «стабилизация оптовых цен», ибо «никакая реформа денежного обращения или кредитной системы не может изменить факта эксплуатации рабочих». Но конечно лейбористский съезд отверг эти две поправки огромным большинством голосов. Было внесено и третье предложение, которое заключалось в распространении проекта национализации Английского банка на важнейшие акционерные банки. Это предложение шло в унисон с ма-

⁹² «Das Kapital, Band III, Teil II, S. 100, Berlin 1929».

невприваннем Коля, который считал возможным «национализировать» и акционерные банки, но говорил об этом в своих книгах в самых неопределенных и ни к чему не обязывающих выражениях.

Однако Бевин резко выступил против этого предложения. «Я,—заявил он,—представляю себе социалистическую систему финансов, которая сохраняет существующую систему акционерных банков». И это потому, что «система акционерных банков уже отживает» и лейбористскому правительству незачем спасать ее. «Дайте мне Английский банк и право контроля над его денежным запасом и банковскими операциями, и мне не нужны устаревшие акционерные банки, не соответствующие требованиям социалистических методов». Не оставалось и тени сомнения в том, что за этими пышными фразами об «устаревшей системе» и т. д. скрывается не что иное, как полная протрация перед силой знаменитой «большой пятерки», пяти крупнейших банков, финансирующих по принципу краткосрочного кредитования промышленные предприятия Англии. Конечно нельзя и мыслить об их национализации. Но лейбористская партия, это — вторая крупнейшая буржуазная партия Англии, поэтому Бевин горделиво заявляет: «Промышленное и муниципальное строительство связано с долгосрочным кредитованием, а не с краткосрочным. Разве нам не следует думать о крупной промышленности, непосредственно организованной под общественным контролем и снимающей ростовщическое посредничество, которое столько лет парализовало нас?» Совсем в духе фашистов, которые тоже претендуют бороться с ростовщичеством. И хотя это демагогическое заявление было покрыто аплодисментами, при голосовании (по числу представленных членов) оно получило лишь небольшой перевес: 1 141 тыс. голосов против 984 тыс., т. е. не собрало требуемой уставом $\frac{2}{3}$ голосов.

Ко времени съезда в Гастингсе осенью 1933 г. позиции однако изменились, и акционерные банки были «включены» в число учреждений, «созревших для национализации». «Созревание» это полностью совпало однако с борьбой за голоса на некоторых добавочных выборах, хотя официально опять шла речь о кредитовании промышленности.

Чтобы понять весь смысл этих разглагольствований о «крупной промышленности, непосредственно организованной под общественным контролем», посмотрим, что понимают лейбористы под социализацией промышленности. В своей книге (1929 г.) Коля заявляет: «Принимая во внимание характер современных капиталистических организаций, старая идея о социализации должна быть решительно пересмотрена. Социалисты совершенно не хотят социализировать всех отраслей промышленности, но требуют только, чтобы промышленная система в целом работала под эффективным общественным контролем. Так как многие самые крупные и наиболее успевающие капиталистические концерны выходят за пределы собственно промышленных предприятий, является весьма нежелательным, социализируя такие концерны, тем самым разбить их». И далее: «Не следует проводить резкой линии между социализацией и государственным контролем. Последний является в очень многих случаях удобной полумерой для завершения социализации»⁹³. Это говорится в заключительной главе книги, где формулируется программа конкретных политических мероприятий. В этой же книге автор разбирает «старые идеи социализации», которые теперь уже недействительны, и развивает практически систему субсидирования некоторых отраслей промышленности с гарантированным на ряд лет спросом. В этом-то и состоит по существу государственный контроль над индустрией. Так например, нельзя «социализировать» угольные шахты в старом

⁹³ «The next ten years... etc.», p. 426.

понимании этого слова, ибо это означало бы нарушить интересы крупных вертикальных концернов металлопромышленности, можно предложить собственникам копей проект технической реорганизации их, которая должна быть проведена... за счет государства, т. е. путем долгосрочного займа, практически сводящегося к субсидии. Одновременно предлагается создать соответствующую «государственную» комиссию на манер существующей «центральной электрической» комиссии⁹⁴. Несомненно проведение сети электрификации (grid system) прошло в Англии в самое последнее время в порядке борьбы с бесконечной отсталостью страны в этом отношении в значительной мере под давлением государственных инстанций в порядке своеобразного госкапиталистического начинания⁹⁵. Развитие химической индустрии и электрификации на базе военной индустрии является как бы запоздалым приобщением Англии к промышленному развитию XX в. Большинство старых промышленных отраслей ее — это типичные отрасли XIX в. Промышленные центры мигрируют по направлению преимущественно к юго-востоку страны: вокруг Лондона вырастает новый стратегический и промышленный район. Загнивание капитализма отнюдь не является автоматическим и равномерным процессом. Но такое «развитие» проходит однако под знаком резких конфликтов капиталистических интересов. Например некая техническая комиссия высчитала, что электрификация транспорта в Англии дала бы огромную экономию угля. Но конечно такой экономии отчаянно сопротивляются владельцы и акционеры угольных шахт, не находящие сбыта для добываемого угля.

Лейбористская партия желает сказать свое слово и в этом направлении. Нужно заставить отсталую угольную индустрию подняться на более высокую ступень, — говорит она, санкционируя подачки угольным магнатам. Нужно примирить интересы этих последних с интересами транспорта. Необходимо «планировать» транспорт, — заявляет одна из резолюций лейбористского съезда в Лейстере. Нужно поднять на более высокий технический уровень ряд отсталых отраслей. Пусть государство окажет им денежную помощь с правом контроля над ними. Конечно если японские хлопчатобумажные изделия продаются в Манчестере дешевле, чем ланкаширские изделия, то нужно поддержать отсталых технически, реакционных британских текстильных предпринимателей. В этом-то и состоит социализация. «Есть это или не есть социализация?» — патетически спрашивает Коля в 1929 г. в своей книге. Согласно старым идеям — нет, потому что она оставляет промышленность в частном владении. Но что действительно важно для нас, так это не владение, а контроль над промышленной политикой⁹⁶. Таков смысл проекта социализации. Основное предложение Коля сводится к созданию «центральной комиссии по капитальным вложениям», но однако нужно сделать так, чтобы капиталисты не испугались «надвигающегося пришествия социализма и не отказались давать ссуды государству», иначе они вложат свои деньги не в Англию, а за границей и этим нарушат возможность выполнить «национальный экономический план»⁹⁷.

На съезде в Лейстере была проведена резолюция о национализации угольных копей, требовавшая «объединения владельцев копей под управлением и контролем центральной власти». Поговорили также о научных достижениях, но ни слова не сказали о действительном положении дел в угольной промышленности и в особенности о положении рабочих в ней. На отдельные робкие замечания о положении рабочих, высказанные представителем Эн-

⁹⁴ Central Electricity Board.

⁹⁵ Надо отметить конечно, что отстроенные станции не могут быть полностью нагружены, точнее являются сильно недогруженными.

⁹⁶ «The next ten years... etc.», p. 142.

⁹⁷ The intelligent man's... etc., p. 625.

фильда, последовал циничный ответ: «Единственное решение проблемы заключается в акционерном управлении копиями и принятии мероприятий по соглашению с другими странами по регулированию добычи, сбыта, цен и длины рабочего дня».

Предлагаемая Колем «Центральная комиссия по капитальным вложениям» должна конечно в первую очередь помогать отсталым капиталистам и гарантировать определенный уровень прибыли всем видам капиталистического предпринимательства. Картина совершенно ясна.

IV. Рабочая политика лейбористов

Но самым характерным для Коля как теоретика лейбористской партии являются его откровения в области рабочей политики. В книге, изданной в 1929 г. в момент, когда формировалось второе лейбористское правительство, Коль — когда-то теоретик гильдейского социализма — занимается своеобразной самокритикой. «Я вполне уверен в том, — пишет он в главе «Рабочий контроль», — что в настоящей главе мне придется отказаться от многого, что я говорил, притом с огромным убеждением в своей правоте, в прошлом... Когда я смотрю назад, на мои прежние книги, то мне кажется, что я писал их под влиянием идеи о необходимости управлять страной в порядке моральной дисциплины. Хорошо быть свободным, рассуждал я, и поэтому надо сделать людей свободными, хотят ли они этого или нет. Это я скажу и теперь, но в тот момент я развивал свою доктрину до таких логических выводов, которые, как это представляется мне в данное время, не могут дать солидной базы для построения практической политики»⁹⁸. И поскольку основная идея гильдейского социализма состояла в организации всех рабочих данной отрасли промышленности в единую «гильдию», долженствующую организовать данную отрасль, Коль аргументирует: «Я игнорировал тот факт, что повседневная работа большинства людей — скучная работа... и что они не хотят видеть в ней господствующего интереса в их жизни, какой я нахожу в своей работе». И объявляя гильдейский социализм утопией, он прибавляет: «Все, что остается живого и здорового от гильдейской идеи, — это прежде всего настояние, чтобы рабочий как рабочий рассматривался как человеческое существо, а не только как фабричная машина»⁹⁹. Мы увидим однако дальше, что это означает на практике.

Далее, в той же главе «Рабочий контроль» Коль утверждает, что заслуга старой теории гильдейского социализма состояла в том, что она «убила и справедливо убила» прежние представления о коллективизме, но, говорит он, «сторонники гильдейского социализма допустили ошибку, желая, чтобы государство управлялось исключительно на основе рабочей выборности»¹⁰⁰. С такой «демократией» пора покончить и перейти к «современным» представлениям о «социализации». «Новая социализация, — говорит он, — опирается на советы экспертов или комиссии, составленные из администраторов, находящихся на постоянной службе»; эти комиссии могут лишь «контролироваться или руководиться низовыми организациями, причем последние состоят в значительной мере из выборных членов».

Это-то и есть все, что остается «ценного от планов гильдейских социалистов для организации промышленности под общественным контролем»¹⁰¹. Что же касается «теории рабочего представительства, доведенной до абсурда», то она-то и была отчасти колевской «*mea culpa*»¹⁰².

⁹⁸ «The next ten years... etc.», p. 160.

⁹⁹ Op. cit., p. 161.

¹⁰⁰ Op. cit., p. 172.

¹⁰¹ Op. cit.

¹⁰² Op. cit., p. 171.

Признав таким образом свою ошибку, он излагает в главе «Безработица» новую теорию, предлагая создать так называемые «национальные корпуса труда». Таковые должны быть в распоряжении правительства, которое может мобилизовать их на любую работу. При этом он поступает согласно французской поговорке: *Qui s'excuse, s'accuse*¹⁰³, и всячески доказывает, что корпуса труда не будут организованы по-военному. «Корпусы труда, как я их себе представляю, не будут похожи на военную организацию, это скорее организованные отряды рабочих того типа, которые построили великие железнодорожные пути змного шара или вырыли Панамский канал... Их члены должны быть готовы к тому, чтобы в случае необходимости жить в палатах или хижинах, построенных ими самими по соседству с местом их работы. Они должны быть готовы к тому, чтобы приложить свои руки ко всякого рода работам и принимать с легким сердцем известное количество трудностей и тягот при жизни в довольно примитивных условиях. И, разумеется, им придется, работая в таких условиях, подчиниться лагерной дисциплине не потому, что неподчинение последней вызовет взыскания военного образца, а потому, что наказание за неприятие такой дисциплины явится возврат, гораздо менее присмльмый, к существованию безработного, выкинутого за пределы корпуса»¹⁰⁴.

И далее: «Ведь вся система построена на принципе добровольного участия»¹⁰⁵.

В конце книги в специальной главе «Бюджет лейбористского правительства» он делает расчет о тарифах заработной платы, по которым лейбористское правительство сможет оплачивать рабочих, указывая, что средняя норма оплаты будет 2 фунта в неделю для взрослого человека. Но так как рационализация позволит широко привлекать труд подростков, а последних можно оплачивать лишь по 1 фунту в неделю, то на этом деле можно сэкономить. «Конечно, — говорит Коль, — 2 фунта в неделю — это отнюдь не соответствует понятию прожиточного минимума (*living wage*) для главы семейства»¹⁰⁶. Тут он начинает давать дмагогические обещания обсудить вопрос о надбавках на членов семьи, а затем переходит к следующей аргументации. «При данной экономической системе рабочий, как правило, остается безработным, если стоимость его работы обходится предпринимателю дороже, чем стоимость произведенной им стоимости»¹⁰⁷. Следовательно лейбористскому правительству в качестве предпринимателя придется предложить безработным работать по более дешьвым ставкам, «если это диктуется необходимостью».

Это заявление вполне гармонирует с утверждением, сделанным еще в главе «Безработица» о том, что члены корпуса должны быть оплачиваемы по общему тарифу, не считаясь с требованиями тред-юнионов, и только высококвалифицированные специалисты могут быть оплачиваемы по ставкам тред-юнионов. «Конечно, — восклицает Коль, — многие сторонники старого тред-юнионизма в ужасе поднимут руки, читая эти страницы»; тем не менее он надеется однако, что более молодые безработные, огромная масса их не поддастся искушению и не будет критиковать по существу «социалистических принципов».

Такова программа лейбористского рая, которую Коль формулирует в связи с пришествием к власти второго лейбористского правительства, фактически открывающая дорогу фашизму. Короче говоря, это была программа проведения принудительного труда, которую второе правительство Мак-

¹⁰³ Кто извиняется — обвиняется;

¹⁰⁴ Op. cit., p. 52.

¹⁰⁵ Op. cit., p. 56.

¹⁰⁶ Op. cit., p. 400.

¹⁰⁷ Op. cit., p. 401.

дональда под давлением буржуазии выразило языком законодательных актов, вступив тем самым на путь фашизма.

«Национальная федерация британской промышленности» выработала еще раньше программу, которую даже напечатавший и защищавший ее журнал «Экономист» назвал программой «суровых и неприятных мер» (drastic and unpleasant measures). В этот же период (весна 1931 г.) «Экономист» напечатал ряд статей, требующих «закрыть кассу» для безработных, иначе говоря, лишить их социального страхования и открыть ее только на условиях «обязательного труда».

«Их право на общественную помощь, — пишет орган английских промышленников (февраль 1931 г.), — в случае н у ж д ы н е о с п о р и м о... но такая помощь должна быть обусловлена тем, чтобы получающие ее взялись за выполнение в случае необходимости: 1) л ю б о й р а б о т ы (any work), общественной или частной, с оплатой по рыночным ценам и 2) работы, даваемой в качестве вспомоществования и о п л а ч и в а е м о й п о с т а в к а м б е з р а б о т н ы х» (подчеркнуто в тексте). «Любая» работа означает на языке «Экономиста» не что иное, как работа штрейкбрехера. Оплата по «ставкам безработицы» дается тем, кто выполняет работы, «даваемые в качестве вспомоществования», ибо, как объясняет дальше передовая статья «Экономиста», следует избегать «всеобщей деморализации» и не раздавать пособий, не заставляя работать. Одновременно в том же «Экономисте» была выражена надежда, что лейбористское правительство «поймет необходимость таких мероприятий и окажется на высоте положения».

И Сноуден, член лейбористского правительства Макдональда и тогда еще сам лейборист, «понял» и очутился «на высоте положения». Ибо до этого он на каком-то митинге выступал весьма либерально насчет недопустимости таких мер. Но когда «Экономист» в следующей статейке апеллировал к его политической мудрости, он понял, чего требует хозяин, и выступил с покаянной речью.

После этого все пошло гладко. Была организована специальная «королевская комиссия», которая должна была установить меры, «испытывающие желание работать». Комиссия эта издала специальный циркуляр, обращенный к местным органам призрения, который предлагает разделить всех получающих вспомоществование на три категории. Лишь первая из этих категорий относится к безработным, получающим страховое пособие. Вторая категория — это так называемый «переходный класс», который уже выводится из разряда страхуемых и подвергается всякого рода «испытаниям». И наконец третья категория — это те, которые «нуждаются в помещении в рабочие дома или в карательные колонии» (Labour detention and labour colonies). Так подготовило «рабочее» правительство почву для мероприятий, полностью примененных теперь «национальным правительством», или, как его обычно называют, «правительством голода и войны». В настоящее время согласно последнему закону, опубликованному в декабре 1933 г. и получившему кличку «билия о рабстве», вторая и третья категории объединены и объявляются категориями принудительного труда. Сюда входит обязательство принимать «любую работу»: работу штрейкбрехера, работу домашней прислуги, работу в других отвратительных и неприемлемых условиях. И сюда же относится «помощь» через «рабочие дома и карательные колонии», иначе говоря, обязательство жить в учреждениях тюремного образца. Эта категория безработных находится на попечении так называемых «комиссий общественного призрения», также введенных вторым лейбористским правительством. Выполняя очевидно теоретические указания Коля, министерство здравоохранения издало еще в 1930 г., т. е. на год раньше кампании, поднятой «Экономистом» и «Таймсом», циркуляры, обращенные к комиссиям общественного призре-

ния и требующие изыскания мер, «заставляющих работать всех трудоспособных мужчин, получающих вспомоществование, или предусматривающих обучение их какому-нибудь полезному труду в специальных учреждениях воспитательного характера»¹⁰⁸. Эти учреждения «воспитательного характера» именно и приняли потом форму «рабочих домов и карательных колоний», о которых речь шла выше. Тогда началась практика отказа в воспомоществовании, в случае если принимающий его отказывается идти в этого рода учреждения, где он обязан жить в тюремном режиме и носить «присвоенную им одежду».

Последний «биль о рабстве» ставит точку над «и» и создает целую систему концентрационных лагерей и принудительного труда для безработных.

Такова жуткая страница, вписанная в историю английского пролетариата коллегами и учениками Коля. Но это далеко не все, ибо Коль подготовил своими «теориями» почву для политического нападения на тред-юнионы. Анализируя влияние механизации труда и современных форм рационализации его на тред-юнионы, Коль делает некоторые объективно правильные констатации. Верно конечно, что современные формы рационализации и механизации труда через конвейер, узкую специализацию и систему «подгоняния» ведут к деквалификации труда, к огромному уменьшению кадров квалифицированных рабочих. Так, рационализация угольных копей в Шотландии и отчасти в Южном Уэльсе почти уничтожила путем введения врубовых машин и электрической откатки старого квалифицированного забойщика. Доставка же угля на поверхность через конвейер и механизация «грохотов» для отсева продолжили дело. Несколько возросло, правда, количество механиков, контролирующих работу вновь введенных машин, но это увеличение во много раз меньше, чем уменьшение кадров квалифицированного труда. Те же явления имеют место и при переходе ряда металлообрабатывающих предприятий Шеффилдского района и ряда других районов центральной Англии (Midlands) на систему конвейера. Деквалифицированный труд, как это отметил уже Маркс в «Записках о заработной плате», гораздо легче поддается переброске из одной отрасли в другую. Для Маркса это существенный аргумент при построении теории неизбежности обнищания рабочего класса. Коль же делает из этого следующий вывод: «Возможность переброски является в наше время фактором в пользу предпринимателя, а не против него»¹⁰⁹. А в главе, именуемой «Новый капитализм», Коль пространно доказывает, почему именно ослабляются позиции организованных групп квалифицированного труда, каким являлся по существу старый английский тред-юнионизм.

«Как повлияет это изменение, — спрашивает Коль, — на позиции тред-юнионов, на возможность заключать коллективные договоры? На тред-юнионизм этот новый фактор повлияет конечно неблагоприятно. Ибо наиболее сильные и наиболее устойчивые тред-юнионы извлекают немало выгод именно из своей узости. Связи, обусловленные общей профессией, или связи общей работы влияли на них гораздо сильнее, чем идеи классовой солидарности»¹¹⁰.

Идея классовой солидарности! Можно подумать, что Коль пришел к правильному выводу, что он, как это сделал бы на его месте марксист, стал бы говорить о необходимости для тред-юнионов организовать на новой базе. Ничуть не бывало. Его понимание классовой солидарности другого образца. Пролетариат обязан, по его мнению, проявить классовую солидарность, чтобы служить буржуазному государству. Тред-юнионисты обязаны при-

¹⁰⁸ «The next ten years... etc.», p. 56.

¹⁰⁹ Op. cit., p. 101.

¹¹⁰ Op. cit., p. 101.

нять новое положение, для того чтобы подчиниться политике буржуазного правительства и всем его мероприятиям, в особенности если такое буржуазное правительство называется лейбористским. Поэтому в заключительной главе книги, резюмируя главу «Новый капитализм», он говорит: «Возможность быстро перебрасывать труд из одной области в другую подрывает силу монопольных объединений квалифицированных рабочих. Это приводит к упадку экономической мощи секционных тред-юнионов и должно привести к росту большей солидарности не только между отдельными профессиями, но и для всей массы промышленных рабочих... Проблемы заработной платы, рабочих часов и условий труда становятся таким образом неизбежно политическими проблемами и должны решаться главным образом политическими способами... Тред-юнионам придется таким образом стать просто лишь организациями экспертов, в особенности поскольку дело будет касаться условий труда на производстве в связи с изменением технических и производственных методов. Важнейшие же промышленные проблемы будут решены политическим путем»¹¹¹. Это уже четко выраженная фашистская установка. Циничная формулировка Коля является лишь литературной и политической надстройкой над определенно выраженным стремлением английской буржуазии отнять у английских тред-юнионов последние остатки их традиционных прав. Вот что означает конкретно призыв Коля к классовой солидарности.

Британский вариант организованного капитализма включает конечно и оправдание колониальной эксплуатации. Уже в своей книжке в 1929 г. Коля настаивает на том, что если даже эксплуатация в колониях и существует, то уничтожение «политического контроля» английского империализма над колониями является все же «политически невозможным»¹¹². Конечно Коля признает наличие эксплуатации, но ведь «британский капиталист ничуть не хуже местного капиталиста... Этим я не хочу защищать империализм, — говорит он, — но только подчеркнуть, что отрицательные стороны его не могут быть устранены отказом Британии от своего политического могущества. Судьба индусских фабрик была бы вероятно хуже, а не лучше, если бы Британия отказалась внезапно от политического контроля над Индией»¹¹³. Конечно лейбористское правительство должно стремиться к тому, чтобы устранить злоупотребления и т. д., но колониальные владения Англии — это незыблемый принцип, от которого отказаться нельзя.

Еще более четко говорит он по этому поводу в книге в 1932 г. «Являются ли заграничные инвестиции благом? — спрашивает он. — Да, конечно это очень хорошо, когда более богатая и лучше организованная страна помогает развитию более отсталых стран»¹¹⁴. А это достигается с помощью экспорта капитала и того, что Коля называет «экономическим империализмом». Экономическое развитие отсталых стран — это миссия благого человека, ибо «только лучший человек» может обучать отсталые народы. Этот старый лозунг английского империализма находит теперь новый отзвук у международного социаль-фашизма. «Национальное самоопределение будет следовательно правильно только для тех народов, глаза которых достаточно открыты на возможности их экономического развития». И далее следует вывод: «Недопустимо, чтобы сентиментальные взгляды на национализм мешали цивилизаторскому шествию промышленной системы»¹¹⁵, — это определяет программу действий лейбористского правительства, оправдание всей его усмирительной политики в колониях.

¹¹¹ «The next ten years... etc.», p. 425.

¹¹² Op. cit., p. 295.

¹¹³ Op. cit., p. 294.

¹¹⁴ «The intelligent man's... etc.», p. 124.

¹¹⁵ Op. cit., p. 125—126.

V. Волей народа или волей короля

Таковы вкратце важнейшие моменты политической программы лейбористского правительства, сформулированной Кодем. На лейстерском и частинском съездах все это называли «конструктивным социализмом» или «решительной социалистической политикой». Конечно эти фразы о «решительной социалистической политике» и т. п. есть лишь разновидность левого маневрирования, дешвая демагогия, пытающаяся предотвратить взрыв недовольства среди низовых масс лейбористов.

Политически именно лейстерский съезд провозгласил свою надежду на возможность третьего лейбористского правительства, которое на этот раз будет правительством большинства, иначе говоря, лейбористы получат большинство голосов на ближайших выборах. Тогда-то лейбористское правительство большинства будет, с одной стороны, регулировать денежное обращение и кредит в интересах буржуазии, т. е. субсидировать эту последнюю и помогать превращать ее из технически отсталой в технически передовую, а с другой — вводить принудительный труд в метрополии и «без сантиментальности» продолжать традиционную колониальную политику Англии в пределах Британской империи.

Правда, тут же, на съезде, указывалось, что самое вероятное, что, не дожидаясь большинства голосов, третье лейбористское правительство будет создано «по приглашению короля», т. е. волей буржуазии. Гендерсон в своем выступлении на съезде заявил: «Среди нас есть люди, утверждающие, что парламентская деятельность слишком медленна и неэффективна и что лейбористская партия должна отказаться от своих конституционных методов. Методы лейбористской партии, говорят нам, должны сделаться революционными... Однако, насколько я понимаю, до сих пор ничего не произошло такого ни для партии вообще, ни для ее избирательных возможностей в частности, что могло бы оправдать как нашу политическую программу, так и революционизирование наших методов». А раз это так, то не все ли равно, пригласит ли король или пригласит народ!

Все это имело место в конце 1932 г. Тогда Коль в области левого маневрирования занимался лишь невинными пустяками вроде допущения возможности национализировать акционерные банки, а главное — весьма и весьма расшаркивался по адресу СССР, признавая рост социалистического строительства и высказываясь против «антикоммунистической истерики британских социалистов», но в то же время утверждая, что для западных социалистов «русские методы» пока что не приемлемы. Однако события развивались, и 1933 год не только не привел лейбористскую партию к власти волею народа или волею короля, но принес огромное разочарование массам английских тред-юнионистов и сделал еще более шатким положение лейбористских лидеров. Грозный шум голодных походов и рост стачечного движения нарушают их спокойствие. На съезде в Гастингсе в 1933 г. при сохранении всех старых позиций «левые» фразы являются особым приемом маневрирования, и Коль, так же как Ласки, участвовал в сборнике 21 автора, о котором мы уже говорили выше и который называется «Спасение через революцию».

В своей статье в этом сборнике Коль заявляет: «Социал-демократические и рабочие партии никогда не предполагали, что они будут стоять лицом к лицу с необходимостью сразу разрешить проблему выбора между революцией и политикой защиты прежних завоеваний; последнее — ценой помощи капиталистической системы, чтобы она смогла удержаться на ногах»¹¹⁶. Ибо теоретики лейборизма и организаторы такой помощи были

¹¹⁶ «Recovery through Revolution», p. 26.

уверены, что капитализм обладает необычайно большими способностями к «сопротивлению и умиротворению»¹¹⁷. А вот теперь приходится констатировать, что «капитализм не может процветать, если внутренний рынок капиталистических стран не будет расти; этого капитализм добиться однако не сможет... 1) в силу конкурентной борьбы между странами... 2) благодаря тому, что для расширения внутреннего рынка необходимо поднять заработную плату, а это означало бы... ослабить данную страну в ее борьбе с другими капиталистическими странами. Капитализм пришел таким образом в тупик»¹¹⁸. Поэтому Коль боится, что наступит период «беспорядочной катастрофы капиталистической системы», тогда как можно было бы притти к социализму «путем согласованного международного действия и сознательного планирования мировой экономики». Но, увы, эта идиллия не удалась, и Коль в панике: он боится, что «падение капиталистической системы в одной стране за другой приведет к полному ужасу и страданий переходному периоду», ибо, говорит он, «Россия переживает в настоящее время ужасы такого переходного периода... и возможно, что целому миру придется воспроизвести тяжелый опыт России, но в расширенном масштабе»¹¹⁹.

Этот полный ужаса крик перепуганного буржуазного апологета явно обращается к буржуазии, стремится предупредить ее, сигнализировать опасность, найти какую-то возможность неревolutionного исхода.

И все же он не уверен в возможности такого исхода. Всды «согласованные международные действия» явно провалились. И вот приходится возлагать надежды на ту же Россию, несмотря на «ужасы», которые она переживает. «Россия послужит объединяющим началом для всех ныне рассыпанных и дезорганизованных сил международного пролетариата. Правда, Россия переживает в настоящее время слишком много своих собственных внутренних трудностей, чтобы быть в состоянии помочь другим... но самый факт ее существования как социалистической страны является гарантией того, что, если другие страны возьмутся серьезно за дело строительства социалистической системы, то они не будут изолированы в капиталистическом мире». Далее он возлагает также надежду на то, что Советский союз (который он упорно называет Россией) в качестве аграрной страны поможет индустриальным странам, «в которых великий социалистический эксперимент будет вероятно иметь место в ближайшее время»¹²⁰. Проще говоря, авось СССР покормит Англию в случае революционных событий там. Впрочем о революции Коль не решается говорить, а говорит только о «социалистическом эксперименте».

Итак, СССР должен объединить вокруг себя «разбросанные и дезорганизованные силы международного пролетариата». Очевидно Коль в эти «разбросанные и дезорганизованные силы» включает и партии, входящие во II Интернационал, в том числе и лейбористов, даже если они снова придут к власти «волсю короля». Он не говорит об этом прямо, но в качестве человека, который одной рукой давал теоретическое обоснование легального закабаления рабочего класса, а другой — писал приветствия СССР, он старается так сманеврировать, чтобы в случае чего его подвиги по части закабаления английских и колониальных рабочих были забыты, а его комплименты по адресу СССР выручили его из беды. Но думается, что по отношению к нему, так же как и по отношению к Ласки, вопрос должен быть поставлен совершенно одинаково. Какова была объективная роль его как теоретика лейбористской партии? Все его работы дают такой определенный,

¹¹⁷ «Recovery through Revolution», p. 38.

¹¹⁸ Op. cit., p. 40.

¹¹⁹ Op. cit., p. 41.

¹²⁰ Op. cit.

точный и ясный ответ на этот вопрос, что никакие заигрывания с СССР и истерические выкрики о «социалистическом эксеперименте» ему не помогут¹²¹.

Лейбористы повернулись спиной к пролетариату и лицом к фашизму столь решительно и сделали для английской буржуазии таким надежным орудием угнетения трудящихся масс метрополии и колоний, что для них час маневрирования и заигрывания с СССР давно уже прошел. В качестве социального буфера они могут еще притти к власти «волею короля», но опираются они преимущественно на те элементы «рабочей аристократии» и профбюрократии, которые специфичны для современного этапа британского империализма. Влияние же их на рабочие массы держится главным образом благодаря окостенелым организационным формам рабочего движения в Англии.

Понять эту ситуацию и бороться с лейбористами политически и организационно за влияние на широкие массы трэд-юнионистов—такова задача, выдвинутая КПВБ на ее последнем съезде.

«Завоевание масс» — таков лозунг XII пленума ИККИ. А чтобы завоевать массы, братским компартиям придется вести упорную борьбу с международной социал-демократией идеологически и организационно.

¹²¹ В числе его теоретических подвигов числится также и предисловие к одному из переводов «Капитала» на английский язык, где он искажает и «обезвреживает» Маркса в том же духе, что и Ласки.

М. ЮГОВ

(Секретарь парткома Электрозавода)

ЭЛЕКТРОЗАВОД В БОРЬБЕ ЗА УПЛОТНЕННЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ И ВЫСОКУЮ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА

Исключительные успехи, которые имеет наша страна во всех областях социалистического строительства, являются результатом упорной и неуклонной борьбы партии за реализацию ленинского завета о достижении высшей производительности социалистического труда. Партия исходит из ленинского положения о том, что «производительность труда—это в последнем счете самое важное, самое главное для победы нового общественного строя... Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда».

За осуществление этого ленинского завета наша партия неуклонно боролась под твердым, железным руководством своего ленинского ЦК и всегда пролетариата и трудящихся всего мира т. Сталина. Все решения съездов партии, партийных конференций и пленумов ЦК, все решения ЦК по различным вопросам социалистического строительства мобилизуют и организуют массу на подъем производительности труда. Январский пленум ЦК и ЦКК в своих решениях по итогам первой пятилетки дал ясную и боевую программу борьбы: «Всем хозяйственным, партийным и профессиональным организациям сосредоточить в 1933 г. главное внимание на полном выполнении заданий по поднятию производительности труда и снижению себестоимости, степень осуществления которых будет в первую очередь учитываться при оценке деятельности каждого предприятия и треста».

За выполнение этих боевых задач боролись под руководством партии миллионы промышленных рабочих и колхозников нашей страны. Достились мы величайших исторических побед потому, что миллионы поднялись на борьбу за бесклассовое, социалистическое общество. Тов. Сталин на январском пленуме ЦК сказал: «Где те основные силы, которые обеспечили нам эту историческую победу, несмотря ни на что? Это прежде всего активность и самоотверженность, энтузиазм и инициатива миллионных масс рабочих и колхозников, развивших вместе с инженерно-техническими силами колоссальную энергию по разворачиванию социалистического соревнования и ударничества. Не может быть сомнения, что без этого обстоятельства мы не могли бы добиться цели, не могли двинуться вперед ни на шаг».

Вот почему из года в год растет производительность труда у нас. Высокий рост производительности труда есть результат великой созидательной и творческой работы руководимых ленинской партией масс.

Наиболее ярко и наглядно это можно видеть на примерах отдельных передовых заводов. В их жизни и борьбе отражается борьба всей пролетарской страны за великое дело построения бесклассового, социалистического общества. В настоящей статье мы осветим, как московский Электрозавод — первенец первой пятилетки — боролся и борется за высокую производительность труда.

Как обстояло и обстоит дело с ростом производительности труда на заводе за последние годы? Это можно видеть из следующей таблицы¹:

Г о д ы	Стоимость выпускаемой продукции (в тыс. руб.)	Выработка одного рабочего в месяц	Выработка одного рабочего в год	Рост в % к предыдущему году	Зарплата	Рост (в %)
1927/28 . .	9 419,3	516,75	6 211,00	—	95,61	—
1928/29 . .	22 962,3	796,97	9 563,64	154,2	103,69	108,5
1929/30 . .	59 579,7	1 113,79	13 359,48	139,7	112,20	108,2
1931	141 778,9	1 138,78	13 664,16	102,3	130,60	116,4
1932	187 512,6	1 260,17	15 122,04	110,7	145,67	111,5
1933 за 9 мес.	174 158,4	1 555,29	18 663,48	123,4	150,36	103,2

За 5 лет производительность труда выросла в 3 раза. Характерно, что производительность труда систематически обгоняла рост заработной платы при абсолютном росте последней.

Выполняя решения январского пленума ЦК и ЦКК, Электрoзавoд особенно повысил производительность труда в текущем году. Если в 1932 г. выработка за один месяц составила на одного рабочего 1 260 р. 17 к., то в среднем высшая выработка за 9 мес. 1933 г. составила 1 555 р. 29 к.—рост на 23,5%

Такой бурный рост производительности труда обусловлен многими причинами. Укажем основные из них.

Оборудование. За последние годы значительно выросло количество имеющегося на заводе оборудования, и значительно изменилось его качество. Вместо простых, «допотопных» станков завод приобрел первоклассные автоматы, полуавтоматы, механизмы. Установили конвейеры и организовали поточное производство; во многих производствах ручной и полуручной труд механизирован.

Парк оборудования на Электрoзавoде рос таким образом: на 1 января 1931 г. числилось всего 1 394 станка (токарные, револьверные, сверлильные, фрезерные, строгальные, шлифовальные, зуборезные, прессы, молоты и пр.), к 1 января 1932 г. имелось уже 2 144, а на 1 января 1933 г. количество станков составило 3 060. Стоимость оборудования выросла с 2 974,7 руб. в 1927/28 г. до 16 283,2 руб. на 1 сентября 1933 г., т. е. в 5,5 раза, что весьма значительно увеличило техническую вооруженность Электрoзавoда.

Для большей наглядности приведем несколько примеров.

В 1932 г. на токарных станках растачивали 5 остовов в смену, а теперь на специальных расточных станках растачивают 100 штук в смену. По Ламповому заводу работница при наивысшей нагрузке давала от 1 500 до 2 500 электродов в смену. Автоматы же дают теперь при значительно более высоком качестве продукции от 16 тыс. до 18 тыс. электродов в смену.

Рационализация производства является второй причиной, вызвавшей рост производительности труда. Капиталистическая рационализация стремится выжать из рабочего последние соки для обогащения капиталистов, в то время как социалистическая рационализация, улучшая процессы работы, стремится всячески улучшить и облегчить условия работы рабочего, поднять его культурный, технический и материальный уровень жизни. Такова рационализация на Электрoзавoде.

¹ Таблица дается в ценах 1926/27 г.

На Электрозаводе вопросам рационализации уделялось и уделяется много внимания. Рационализаторская работа идет различными путями: и путем, намечаемым хозяйственным руководством завода, и путем массового творческо-рационализаторского изобретательства. Остановимся на последнем. Тысячи предложений, которые вносят рабочие, способствуют повседневному улучшению производства.

Первое общество изобретателей в РСФСР было организовано на Электрозаводе. Со времени организации — с 1928 по 1933 г. — число членов общества выросло с 50 до 3 915 чел. Изобретательская инициатива рабочих, выразившаяся в могучем потоке рабочих предложений, переросла намеченные планы. Если в 1932 г. план поступления предложений составлял 11 100, то фактически за этот год поступило 13 429 предложений, давших экономию в 3 884 тыс. руб., а за 5 лет — с 1928 г. по май 1933 г. — экономия от поступивших рабочих предложений составила 13 млн. руб.

Коммунисты и лучшие беспартийные рабочие явились застрельщиками изобретательского движения, передовиками творческой мысли. Из числа поступивших за последнее время предложений отметим следующие.

В целях снижения брака введен способ восстановления цоколей. Годовая экономия — 62 тыс. руб. (т. А в т ю ш к о в — Ламповый завод). Экономия по введению гофры весом в 80 г вместо 130 дала 124 тыс. руб. (т. К о н н и к о в — Ламповый завод).

Введена новая конструкция радиаторов, что дало экономию в 40 тыс. руб. (инженер К р а н г а у з — Трансформаторный завод). Изменены нормы расхода слюды. Экономия — 16 тыс. руб. (т. Р о ж д е с т в е н с к и й — миканитовый отдел).

Исключительные образцы рабочего изобретательства показали: коммунист О л ь ш е в с к и й (Трансформаторный завод), давший до 100 тыс. руб. экономии своим предложением; коммунист Г р а ч к о в (завод АТЭ), сэкономивший 60 тыс. руб.; беспартийный рабочий В а с к е в и ч (Ламповый завод), сэкономивший до 250 тыс. руб.; член ИТР т. К а л и н (Трансформаторный завод), давший экономии на 336 тыс. руб., и многие другие, активно участвовавшие в изобретательском деле.

Т е х н и ч е с к а я у ч е б а является третьей причиной, имеющей исключительное значение в деле борьбы за высокую производительность труда. Мы уже указывали, что парк оборудования значительно вырос, причем вырос главным образом за счет первоклассных станков. Для освоения этого оборудования нужны высококвалифицированные и во всяком случае хорошо натренированные на массовых операциях поточного производства рабочие. Бурно развивавшийся завод впитывал в свои ряды сотни и тысячи рабочих каждый год. За последние годы приток рабочих составлял в среднем от 2 тыс. до 2,5 тыс. рабочих ежегодно.

Откуда шли эти рабочие? Часть пришла из школ ФЗУ — дети рабочих, а в абсолютном своем большинстве — дети колхозников, выходцы из деревни. Вся эта масса новой рабочей молодежи требовала обучения ее производственным навыкам, технической грамотности. Тяжелая, а вместе с тем и почетная задача ложилась на старые кадры рабочих. Они ее с честью выполнили. По установлению быстроходных сложнейших агрегатов потребовалось обучение также и старых рабочих. Многие старые рабочие, в частности в ламповом производстве, десятилетиями работали ручным трудом или на примитивных машинах. Благодаря всему этому совершенно исключительное внимание было уделено техучебе и техминимуму.

По всем заводам Электрокомбината (Электрозавод) работают 303 кружка техминимума, ими охвачено 5 566 рабочих, что составляет 43,2% к общему количеству рабочих. Кроме этого Электрозавод имеет сеть пунк-

тов-консультаций. На сегодняшний день работают 42 таких пункта. Только благодаря исключительному вниманию организаций Электrozавода к делу техучебы удалось в сравнительно короткий срок помочь рабочим овладеть техникой и освоить оборудование. Техучеба сыграла и продолжает играть несомненно решающую роль в борьбе за высокую производительность труда. Об этом говорят и высказывания самих рабочих.

Так, рабочий А б р а м о в заявляет: «Я работаю в механическом цехе на р.вольверном станке с 1930 г.; занимаясь в кружке, я узнал, как построен станок, как расположены шестерни, как пользоваться расчетами. Я хорошо научился ухаживать за станком и своим рабочим местом».

Рабочий В и л е н к и н говорит: «Техника перестала для меня быть чем-то далеким и туманным. Я ознакомился с чертежами, усвоил дробь, имею представление о металлах».

Краснознаменец-рабочий И в а н о в, имеющий за плечами 39 лет производственного стажа, высказался о техучебе так: «До объявления техминимума я никак не мог освоить подбор шестерен для нарезки резьбы любых размеров, не мог освоить припуска. Стал посещать техучебу, сразу у меня поднялись знания в подборе шестерен на любую резьбу, освоил припуск на прессовую посадку, научился высчитывать конуса и усвоил многое другое, технически важное и необходимое в производстве».

Б о р ь б а з а п р а в и л ь н у ю о р г а н и з а ц и о н н у ю с т р у к т у р у з а в о д а — четвертая причина, которая влияла и влияет на рост производительности труда.

Вопрос об организации рабочей бригады — это один из узловых и решающих вопросов. Раньше на Электрозаводе было почти 1500 бригад, причём в одном случае бригада состояла из 3 или 4 рабочих, в другом — из 15 или 20, а было и немало совершенно законченных мастерских, с бригадами рабочих внутри этой мастерской, причём вся мастерская считалась бригадой. Во многих, буквально в сотнях, бригадах различных производств (штамповка Трансформаторного завода, сборка и т. д.) были освобожденные бригадиры, в то время как это не вызывалось необходимостью.

В целях правильной организации труда и укрепления хозрасчета в бригадах произведена большая работа по сокращению производственных бригад. Вместо 1500 производственных бригад было создано около 400 с более рациональной структурой, улучшающей технологический процесс производства и способствующей лучшей организации труда в бригаде. В этой области однако предстоит еще большая и упорная работа, в дальнейшем.

То же положение было с цехами. На Электрозаводе в конце 1932 г. было такое множество цехов, что даже сами руководители завода не знали их точного количества. Назывались разные цифры цехов: 185, 145 и 35, и все же, пока за это дело серьезно не взялись, не было правильной организации труда в цехах. В этом отношении совершенно исключительна заслуга т. Кагановича, который в 1932 г. на пленуме МГК ВКП (б) в своей речи о партийно-массовой работе дал четкое указание о необходимости уменьшить количество цехов и ячеек на предприятиях для организации более оперативного руководства низовым и средним звеном завода.

Выполняя установку т. Кагановича, на Электрозаводе вместо бывших 186 цехов создали 32 укрупненных цеха. Укрупнение цехов как по линии производственной, так и по линии партийной целиком и полностью себя оправдало. Укрупненным цехом стало значительно легче руководить, были уничтожены обезличка и распыленность в руководстве. Но все

же борьба за правильную организацию труда и организационную структуру была по существу закончена лишь после вынесения ЦК решений по углю и транспорту.

Электрозавод был в конце первого полугодия 1932 г. реорганизован в Электрокомбинат с 4, а теперь 5 заводами с самостоятельными контокоррентными счетами в банке и балансами.

Это по существу явилось решающим мероприятием, которое помогло двинуть дело борьбы за промфинплан и высокую производительность труда. До этого — в 1931 г. и во второй половине 1932 г. — завод не выполнял своих количественных и качественных показателей и не выполнял плана по производительности труда. И только после реорганизации резко улучшилась вся система работы и усилилась борьба за высокую производительность труда. Результат быстро сказался.

Переброска инженеров в цехи также явилась одной из важнейших причин роста производительности труда. Раньше абсолютное большинство инженерно-технических работников работало в аппарате, а цехи оставались без инженеров.

Потребовались решения ЦК партии и Совнаркома по углю и транспорту, чтобы и в других отраслях промышленности и на заводах, в частности на Электрозаводе, был поставлен всерьез вопрос о насыщении цехов инженерами. В результате реализации этого решения мы имеем значительный прирост. Уже перебросено из аппарата в цехи 49 инженеров, главным образом в ведущие цехи, где отсутствовали раньше инженеры. Всего намечается перебросить 91 инженера и 85 техников.

Это мероприятие сказалось на резком подъеме производительности труда и резком улучшении качества продукции.

«Рабочий коллектив непосредственно чувствует оперативное руководство инженеров, спущенных в цехи.

«Если раньше, когда встречались неполадки в производстве, приходилось вызывать инженера, то сейчас все разрешаем на месте. Особенно это сказалось на производственных процессах сварки, вводимых впервые на заводе» — так отзываются рабочие-сварщики о руководстве инженеров.

По заводу АТЭ в связи с переброской инженеров в цехи брак в механическом цехе по ротерам и другим деталям уменьшился. Ускорено освоение спецмашин. Пущен импортный автомат системы «гондул». Производительность мастерской обмотки повысилась на 80—100%. В штамповке АТЭ освоен корпус пускового вскрытеля, что освобождает нас от импорта. Освоены осадочные станки в автоматном-револьверном цехе и производство осадочных матриц.

В цокольном цехе лампового завода освоен цоколь № 26, уменьшился брак продукции. Выполняется программа в вакуумном цехе. Переброска инженеров в цехи весьма положительно сказалась на выполнении программы цехов, поднятии производительности труда, улучшении качества продукции.

Укрепление трудовой дисциплины — это по существу неразрывная часть вопроса о высокой производительности труда. Не может быть высокой производительности при плохой дисциплине, при расхлябанности и недобросовестном отношении к труду. Совершенно естественно, что борьба за высокую производительность труда включала и борьбу за высокую трудовую дисциплину. Трудовая дисциплина — это прежде всего максимум использования рабочего времени и загрузка рабочего дня, результатом чего явилось выполнение и перевыполнение заданий, отсутствие прогулов и опозданий.

Как обстояло дело с прогулами за эти годы?

Невыходы рабочих по Электrozаводу составляли (в процентах к календарному рабочему времени):

Г о д ы	Всего не- выходов	В т о м ч и с л е			
		отпуска по болезни	выполнение общ. и гос. обязанно- стей	прогулы по уважитель- ным причи- нам	прогулы по неуважи- тельным причинам
1927/28	7,65	4,96	0,88	0,78	1,08
1928/29	8,24	5,35	1,41	0,74	0,74
1929/30	7,60	4,60	1,81	0,64	0,55
Особый квартал	7,42	5,12	1,30	0,35	0,65
1931	7,43	5,58	0,85	0,34	0,66
1932	7,30	4,94	0,82	0,65	0,89
1933 за 9 мес.	5,22	3,82	1,08 ¹	0,25	0,07

Приведенная таблица наглядно указывает на значительные сдвиги, происшедшие на Электрозаводе в деле борьбы с прогулами, особенно за 1933 г.

Если прогулы в процентах к календарному рабочему времени составляли в 1932 г. 0,89 при 0,2 дня на одного рабочего, то уже за 9 мес. 1933 г. они значительно сократились и дошли до 0,07, или 0,02 дня на одного рабочего, т. е. прогулы уменьшились в 10 раз в результате практического проведения в жизнь постановления Совнаркома о борьбе с прогульщиками, летунами и дезорганизаторами производства путем большой массово-разъяснительной работы на заводе, что способствовало значительному укреплению трудовой дисциплины и поднятию производительности труда.

Уволены с завода сотни лодырей, саботажников, злостных прогульщиков, которые своей дезорганизаторской работой срывали выполнение промфинплана.

Инженер П е ч е р с к и й работал в автоматноревольверном цехе АТЭ, уволен администрацией завода как дезорганизатор производства, злостный прогульщик, как шкурник, рвач (работа стоила не больше 20 руб., а он брал 100—130 руб.). Его выселили из предоставленной ему заводом квартиры. Общественный суд осудил его как нарушителя трудовой дисциплины, как шкурника.

Рабочий Ш м а к о в, столяр ремонтномонтажного цеха Проекторного завода, уволен как дезорганизатор и злостный прогульщик, не раз срывавший выполнение производственной программы.

Рабочий сборочного цеха Трансформаторного завода К р ы м а н, быв. кандидат ВКП(б), пролез в партию и при вступлении скрыл свое социальное происхождение — сын торговца, уволен как дезорганизатор, прогульщик.

М а т е р и а л ь н о - б ы т о в ы е у с л о в и я являются важнейшим фактором, влияющим на производительность труда. Поэтому нельзя бороться за высокую производительность труда и одновременно не вести упорной, систематической работы по улучшению бытовых условий рабочих. Тов. Сталин в своих шести исторических условиях указал: «Надо исходить не из прошлого, а из растущих потребностей рабочих в настоящем. Нужно понять, что условия существования рабочих изменились у нас в корне. Рабочий ныне не то, что раньше. Нынешний рабочий, наш советский рабочий, хочет жить с покрытием всех своих материальных и культурных потребностей и в смысле продовольственного снабжения, и в смысле жилищ, и в смысле обеспечения культурных и всяких иных потребностей».

За первую пятилетку Электрозавод обеспечил рабочих, ИТР и служащих жилплощадь в размере 23 522,98 кв. м. Всего вселено до 2 тыс. ра-

¹ Сюда вошли командировки в совхоз.

бочих. Имеется 6 детских садов на 435 детей, арендованы детясли в 5 районных отделах здравоохранения на 228 мест.

Обслуживание курортами и домами отдыха систематически улучшается из года в год. Особенно это относится к 1933 г., когда на курорты, в санатории и дома отдыха было послано 4 870 чел., что составляет к общему количеству работающих 26% против 24% прошлого года.

В 1931 г. Электрозавод имел всего одну столовую. В текущем году мы имеем отдельно столовые для ИТР, для лучших ударников, в лит. йном цехе и по заводам — всего 7 столовых. Вместо 8 буфетов в 1929 г. мы имеем в 1933 г. 49.

В 1931 г. было всего 2 магазина. В 1933 г. их стало 9. Палаток не было совсем, теперь мы имеем 4.

Электрозавод имеет свой совхоз «Раменское» на площади 6 977 га, в том числе посевной 1 889 га. В текущем году до 8 октября собрано 2 643 тонны капусты, картофеля, моркови, огурцов и т. д.

Имеется также огород на 10,5 га. Он дал в текущем году 154 т овощей.

Со II квартала 1933 г. введено дифференцированное снабжение отдельных категорий: ведущая профессия разбита на две категории — ударники и неударники. Снабжение ударников по сравнению с общим рабочим снабжением было увеличено в среднем на 15%.

Проведенная борьба за улучшение материально-бытового положения рабочих во многом повлияла на повышение производительности труда и в то же время еще раз доказала большевистскую истину, что в стране, где пролетариат является хозяином, рост производительности труда сопровождается улучшением условий жизни рабочих.

Борьба за высокую производительность труда по всем линиям велась на основе социалистического соревнования и ударничества, и это обеспечило возможность преодоления всех трудностей. Несмотря на то, что Электрозавод добился больших успехов в деле борьбы за высокую производительность труда, оказалось еще много неиспользованных резервов. Использование этих резервов пошло по линии борьбы за уплотненный рабочий день.

Несмотря на большие успехи в борьбе за освоение новых производств, за резкое снижение накладных расходов, несмотря на выполнение всех количественных и качественных показателей в 1933 г., достигнутых благодаря большевистской борьбе за реализацию решений январского пленума ЦК и ЦКК, все же немало потерь, и довольно значительных, было и есть на заводе, особенно в рабочем времени.

Наиболее резко это показала чистка партийной организации.

Борьбу с потерями рабочего времени мы начали с широко развернутой подготовительной работы по выявлению потерь. Партком завода возглавил эту борьбу, подняв весь коллектив рабочих и ИТР. На всех цеховых рабочих собраниях, на бюро заводских и цеховых ячеек, на партийных группах были заслушаны очередные доклады директоров, нач. цехов и мастеров о том, как загружен рабочий день. Более 300 хозяйственников докладывали рабочим о потерях, и рабочие массы это активно обсуждали. В целом потоке ценнейших предложений рабочие указывали пути борьбы с потерями рабочего времени. Так, слесарь Самойлов заявил, что он считает основными причинами неуплотненного рабочего дня следующее: 1) не организовано рабочее место, из-за чего приходится рабочему бегать за инструментом, деталями и т. д.; 2) заниженные нормы, вследствие чего рабочий выполняет норму ранее обусловленного срока, а остальное время прогуливает; 3) излишние хождения в курилку, разговоры, выполнение общественных нагрузок во время работы.

Большую и активную работу по борьбе с потерями рабочего времени

развернул комсомол. Комсомольцы взялись за борьбу по уплотнению рабочего дня. Они на всех партийных собраниях отчитывались, как работают комсомольцы и как борются за уплотнение рабочего дня. Доклады комсомольцев на 65 партийных цеховых собраниях приковали еще большее внимание как партийной организации, так и комсомольской и всей 10-тысячной массы рабочей молодежи к борьбе с потерями рабочего времени.

Комсомольцы Электрoзавoдa чeрeз «Комсомольскую правду» обратились к рабочей молодежи СССР с призывом «беречь каждую минуту, работать от гудка до гудка, поднять ярость молодежи против расхитителей рабочего времени». Они же в порядке рейда по всем цехам по проверке загрузки рабочего дня рабочих вскрыли, «что комсомольцы Б о р и с о в, Г р я з н о в и А н т р о п о в приступают ежедневно к работе через 15 мин. после звонка. На разговоры у них уходит еще 25 мин. Кончают они работу за 5 мин. до срока», и это было правильно политически квалифицировано как разгильдяйство, как ежедневное воровство у государства.

Рассказывая о вскрытых недостатках, комсомольцы обязались перед молодежью всего Союза вести упорную борьбу за экономию каждой минуты рабочего времени, принадлежащего социалистическому государству, ибо в этом заключается сейчас основное звено борьбы за повышение производительности труда.

Большую работу провели инженеры и техники завода. Дружно включившись в подготовительную работу, они взяли на себя основную задачу — изучить причины потери времени. Более 500 инженеров активно взялись за эту работу; были проведены так называемые фотографии нескольких сот рабочих и ИТР, отдельно каждого, затем фотографии целых бригад, цехов и смен.

Приведенные нами факты дают действительную картину расхищения рабочего времени.

Рабочий Д о б р и н с к и й имел простой 2 ч. 48 м. и только 1 ч. 56 м. полезной работы, рабочий С а т а л к и н имел 1 ч. 30 м. вынужденного простоя.

Замтехнического директора проводит 49% рабочего дня на совещании у технического директора.

Потери рабочего времени происходят из-за задержек рабочих у кладовой при получении инструмента, в отдельных случаях достигающих 14 мин. на каждого рабочего.

Газета-многотиражка «Электрoзавoд», со всей своей рабкоровской армией включившись в борьбу за уплотненный рабочий день при помощи организации рейдов проверки ночных смен в инструментальных кладовых, столовых и т. д., дала ценнейший материал.

Значительные потери времени мы имеем и по причинам, связанным с заболеваниями рабочих, а иногда из-за недобросовестного отношения отдельных рабочих, являющихся постоянными посетителями медпунктов. Для изжития этого было созвано совещание более 200 рабочих актива и всего персонала врачей, сестер, обслуживающих завод. Совещание обеспечило исключительную помощь подготовке к предстоявшей конференции по борьбе с потерями рабочего времени и подняло на значительную высоту авторитет этой группы работников завода.

В результате большой и плодотворной подготовительной работы мы уже до конференции имели значительные и резкие сдвиги в работе завода в борьбе за уплотненный рабочий день; об этом рассказывали начальники цехов, мастера, бригадиры на специальном совещании, проведенном в подготовительный период конференции.

Конференция по борьбе с потерями рабочего времени

Итогом длительной подготовительной работы явилась большая партийно-техническая конференция, которая в течение 2 дней работала над тем, чтобы намтить пути борьбы с потерями рабочего времени, за уплотненный 7-часовой рабочий день, за высокую производительность труда. Прежде всего мы дадим цифры, характеризующие конференцию: из выбранных по цехам 650 делегатов на конференции присутствовало 633. По гостевым мандатам присутствовало 70 чел. На конференции присутствовало 498 мужчин и 135 женщин. По социальному положению: рабочих — 447, или 70% к составу делегатов, ИТР — 58, или 13%, служащих — 128. По производственному стажу: от 3 до 8 лет — 181 чел., от 8 до 15 лет — 187 чел. и от 15 лет и выше — 265 чел. По партийному стажу с 1930—1932 гг. — 347 чел., с 1925—1930 гг. — 210 чел., с 1917—1925 гг. — 43 чел., до 1917 г. — 33 чел.

На первой партийно-технической конференции Электростанции обсуждались вопросы: как на Электростанции загружен 7-часовой рабочий день, чем объясняется ходячие по цехам во время работы, организация рабочего места на Электростанции, организация приема и передачи смен, состояние проверки выполнения норм на Электростанции, влияние организации заработной платы на уплотненный рабочий день.

Более 318 чел. выступило в прениях как на пленуме, так и в специально организованных сессиях конференции, причем в основном это были очень важные, деловые, исключительно содержательные выступления на основе острой развернутой большевистской самокритики. Об этом свидетельствует выступление хотя бы рабочего-сварщика т. Филиппова, который говорил: «Услыхав, что у нас будет техническая конференция об уплотнении рабочего дня, я поставил вопрос перед собой, могу ли я уплотнить рабочий день, дать больше ценности? Я проделал следующие мероприятия: я стал хорошо ухаживать за своей горелкой, и оказалось, что я как сварщик, выполняющий всегда свою норму, не давал государству того, что начал давать теперь. Я всегда давал 2 кожуха в день, перевыполнял при этом свою программу. Но когда я стал лучше ухаживать за своим инструментом, не стал тратить время на пустые разговоры, занимался только производственным делом, я стал выработать гораздо больше».

Подготовительная работа к конференции и конференция подняли весь завод на высшую ступень борьбы за высокую производительность труда, за новые формы социалистического соревнования и ударничества. Труды этой конференции есть вклад в сокровищницу нашей богатой практической работы по социалистической организации труда.

Отклики на призыв завода

Опытом проделанной работы электростанционцы поделились с рабочими фабрик и заводов СССР, призвав своим обращением, опубликованным в «Правде», последовать их примеру.

В этом обращении они писали: «Мобилизуя весь наш коллектив на борьбу с преступной растратой государственного рабочего времени, мы обращаемся с призывом ко всем партиям и к многомиллионному активу рабочих и инженеров наших заводов последовать нашему примеру. Подавляющее большинство рабочих наших заводов тратит еще непродуктивно 2—3 часа своего рабочего времени. Какая огромная масса утраченных, непроизведенных ценностей для трудящихся, для родины мировой пролетарской революции! Полностью загружая свой рабочий день, мы выставляем десятки новых показателей социалистического соревнования и обязуемся поднять ударничество на новую, более высокую ступень».

Только тот ударник, кто ни одной минуты не тратит зря, в ущерб производству, в ущерб качеству и количеству продукции. Плохое качество продукции — это щели для проникновения классового врага. Потерянные минуты на производстве — это отсрочка выполнения плана социалистического строительства, это меньше средств для обороны от империализма, это ослабление темпов роста материального и культурного благосостояния рабочих.

Никаких потерь рабочего времени! Работать все 420 мин. в смену с полной нагрузкой!

Самый короткий в мире рабочий день должен быть самым производительным!».

Десятки писем и запросов присланы на Электростанцию. Делегации с различных фабрик и заводов приехали, чтобы изучить наш опыт и использовать его у себя. Спустя 2 недели после конференции на Электростанцию были делегации от заводов: № 39, № 12, № 9, «Гознак», «Красный пролетарий», шахты им. Артёма, от клуба научных работников, Подольского завода, Армавирского комбината, Донбасса и ряда других.

Перед Электростанцией стояла и стоит почётная и трудная задача — выполнить взятые на себя обязательства в борьбе за уплотнённый рабочий день.

Организационное закрепление достигнутых успехов

После партийно-технической конференции со всей большевистской напряжённостью мы взялись за работу.

Партком специальным решением по итогам конференции намётит конкретные мероприятия по реализации решений конференции.

В каждом цехе и бригаде началась кропотливая, упорная работа. Целью явилось увеличение выпуска продукции в сентябре по сравнению с августом при том же количестве рабочих. Задача была решена — вместо 19 млн. руб. продукции в августе Электростанция дал при наличии весьма серьёзных трудностей со снабжением сырьём на 22,5 млн. руб. продукции (магнито, электрооборудование, трансформаторы, лампы, прожекторы, победит, вольфрам и различные машины).

Соревнование развинулось внизу — в бригадах и цехах. Лучшая бригада Минаява на Машиностроительном заводе рапортовала: «Бригада загружена все 420 мин., план выполняют на 135%, увеличилась зарплата рабочих. Я, бригадир Минаяв, вызываю всех бригадиров комбината на соревнование по загрузке рабочего дня полностью на 7 час. Добиваясь работы полных 420 мин. в смену, мы увеличиваем программу и заработок рабочих. Больше и лучше сделай — больше и заработай. Вот лозунг в моей бригаде. Жду ваших откликов, товарищи бригадиры».

И ответ последовал. «Бригада Наумова отвечает тебе: 20% уже завоеваны», — так ответила через заводскую газету бригада Наумова малой сборки Трансформаторного завода. «Если в выполнении программы до конференции бригада не шла дальше 100%, то на сегодняшний день выполняем ее на 120%. Зарботок наш изо дня в день увеличивается. Сейчас он повысился на 20%. Бригадир на работу приходит за полчаса до звонка, рабочие — за 10 мин. Нами подано два коллективных рабочих предложения, благодаря этому мы экономим 7 час. в день, в результате чего один человек сейчас лишний в бригаде. Рабочий день нашей бригады сейчас загружен полностью. Мы объявляем свою бригаду ударной по загрузке рабочего дня. Вызываем на соревнование бригады Миронова, Петухова и Толдова».

Так изо дня в день в низовом и среднем звеньях Электростроительного завода идет борьба за выполнение взятых перед страной обязательств в обращении, опубликованном в «Правде».

На специально проведенном семинаре комвуза секретарей партячеек был намечен ряд мероприятий и предложений по уплотнению рабочего дня.

Специально проведен расширенный пленум райкома электриков и райбюро ИТС Электростроительного завода, на котором выступавшие товарищи уже отметили общий подъем выполнения плана.

Тов. А р д я н к и н рассказал о новых методах работы: «На Ламповом заводе в процессе подготовки к конференции создали тройки, которые проверяли, насколько уплотнен рабочий день. На каждом участке были намечены точки, где проводились соответствующие мероприятия. В результате умного использования рабочей силы Ламповый завод выполнил сентябрьскую программу на 129%».

Укажем основные мероприятия, проведенные после конференции по уплотнению рабочего дня по заводам Электрокомбината:

В порядке подготовки к партийно-технической конференции по уплотнению рабочего дня было произведено много фотографий работы рабочего.

Через месяц после конференции проведена вторичная фотография по тем же цехам и бригадам, что и в первый раз, доказавшая эффект в работе цехов и бригад.

По фотографии раздаточного окна инструментальной кладовой механического цеха магнето завода АТЭ до партийно-технической конференции на выдачу инструмента затрачивалось 0,95 мин. на одного рабочего. Сейчас затрачивается 0,41 мин.

По раздаточному окну инструментальной кладовой № 523 Трансформаторного завода раньше затрачивалось на одного рабочего 1,4 мин; теперь — 0,7 мин.

По раздаточному окну инструментальной кладовой механической мастерской Лампового завода раньше по двум инструментальным окнам тратилось на одного рабочего 2 мин., теперь — 1,30 мин. Сокращено 38% времени.

По Машиностроительному заводу потери до конференции составляли 18%, после — 15%. В том числе потери по вине рабочего до конференции — 8%, после — 4,7%.

По Ламповому заводу потери до конференции составляли 7,7%, после — 5%; потери по вине рабочего до конференции — 2,2%, после — 1,9%.

По Трансформаторному заводу потери до конференции составляли 16,7%, после — 11,6%; потери по вине рабочего до конференции — 5,5%, после — 4,3%.

По АТЭ: потери до конференции составляли 10,85%, после — 7,75%; потери по вине рабочего до конференции — 2,40%, после — 2,48%.

По Трансформаторному заводу на основе решений конференции проделано следующее:

Установлен график одновременного обеденного перерыва производственных цехов с перенесением обеда функциональных отделов на другое время. Это дало возможность сократить потери рабочего времени по личным делам рабочих и простои по причине разноразличия обеденного перерыва.

На основании произведенных фотографий сокращены подсобные рабочие, и уплотнен рабочий день основных рабочих. Во всех цехах введен сменный журнал, что сокращает затраты времени на подготовку заказа. Раньше подготовка заказа занимала 20 — 25% всего рабочего времени; теперь — 10 — 15%, что дает 50 час. экономии в день только на этом участке.

Мастера приходят за полчаса до начала работы; нет никаких совещаний, заседаний в рабочее время. Вводится сигнализационная система для вызова мастеров и бригадиров; наряды, не обеспеченные инструментом и при-

способлениями, в работу не пускаются. Закончена работа по составлению номенклатуры нормального рабочего инструмента. Мастера и бригадиры несут ответственность за несвоевременное обеспечение рабочих мест полуфабрикатами и инструментом. Введена диспетчеризация по контролю выполнения заданий отдельными цехами и выхода трансформатора со сборки. За неправильность чертежа установлена ответственность технического отдела. Для приемки из ремонта оборудования создана квалифицированная комиссия. Установлены приемка по узлам и гарантийный срок работы станка после ремонта. Отпуска оформляются в нерабочее время. ОТК запрещено производить приемку работы без рабочих листков, а также по неправильно оформленным рабочим листкам.

Установка ножей и штампов проводится до начала работы смены, что сокращает простой рабочих. Склад комплектования работает вечером и заранее комплектует работу для дневной смены.

Совместно с мастерами выявлены и исправлены нормы, не стимулирующие уплотнения рабочего дня.

Проведено укрупнение норм: вместо действующих с сентября 1933 г. 21 005 сейчас имеется 12 583 — сокращение на 40%. Большие прожектора переведены на систему поточной сборки, производительность труда повысилась на 12%. Инженеры, мастера и бригадиры приходят на полчаса раньше. Введены сменные журналы по передаче смены смене. Установлен новый график перерыва на обед. Конструктора, технологи вызываются в цех по необходимости, что изживает беготню рабочих по техническим неполадкам. Буфеты кончают работу до начала работ. Руководящий персонал цеха не уходит из цеха без ведома начальника производства.

По Машиностроительному заводу упорядочена заготовка чертежей на инструменты и приспособления, ликвидированы простои по этой причине. Склад пополнен новым инструментом, даны 1 тыс. ножовочных полотен, развертки, сверла и т. д. Заготовительный склад производит заготовку материалов до спуска деталей на станок. Сдача и получение работы производятся через нарядчика. Без указания нормы не выдается рабочий листок на место.

Лучшей по монтажно-сварочному цеху является бригада Минаева. Все приходят заранее, обсуждают оперативный план, а по окончании подводят итог. За инструментом ходит один человек для всей бригады.

Лучшими ударниками по уплотнению рабочего дня являются Лобанов и Кривов из механосборочного цеха. При повторной фотографии они показали 98—99% загрузки рабочего дня.

По заводу АТЭ заготовлены альбомы чертежей, и проводятся мероприятия, обеспечивающие перевод завода на централизованную заточку инструмента. Вводится централизованная заточка инструмента впредь до организации центральных заточных пунктов. Введена световая сигнализация в инструментальном цехе, это дало уплотнение рабочего времени на 22%, что в разрезе цеха означает экономию в 12 рабочих. Опыт инструментального цеха по организации световой сигнализации распространяется на остальные цехи завода со сроком ввода в действие не позднее 1 января 1934 г.

В результате унификации и укрупнения норм, по трем цехам (штамповка, автоматноревольверный и сборочный) количество последних доведено до 2 153 вместо прежних 6 405 норм. Осуществленная в автоматноревольверном цехе предварительная комплектная подготовка инструментария для настройки деталей на автоматах снизила количество потерь и дала время настройки детали в среднем 7 вместо 11 час.

В сборочном цехе благодаря проведению правильной планировки рабочего места закрепление работы по отдельным операциям в мастерской пусковых ускорителей дало возможность увеличить выпуск с 400 до 800 шт. в смену.

То же в отношении механического цеха в алюминиевой мастерской, где благодаря произведенной перестановке оборудования по принципу потока на ряде операций повысилась выработка, например по передней крышке магнето норма перевыполняется на 35%, по корпусу магнето (операция — обработка передней стороны корпуса) выработка увеличена на 22,3%.

Организованная подножка материалов к прессам в штамповочном цехе увеличила выработку на прессах «толledo» с 19 тыс. до 24 тыс. шт. (железо, якоря) и с 30 тыс. до 35 тыс. шт. (полюс).

Таким образом еще до проведения основных базовых мероприятий минимальные организационно-технические мероприятия, выполненные заводом в течение истекшего после конференции месяца, уже дали уплотнение рабочего времени на 3,1%, т. е. вместо 13,4% потерь, имевших место ранее, мы имеем на сегодня 10,3%, что означает уменьшение потерь в день на 1 тыс. час., т. е. освобождает 143 чел.

Благодаря всем перечисленным мероприятиям и ряду других потери по всему заводу, как показали повторные фотографии, снятые в сентябре, снизились с 10,85 до 7,75%.

По Л а м п о в о м у з а в о д у. Производственная программа сентября выполнена на 7 456 тыс. руб. (126,3% плана), выпуск увеличен против августа на 23,9%, месячная выработка одного рабочего составляет 1 629 руб., или 131,33%, производительность труда увеличена на 20,5% против августа. Это достигнуто благодаря проведению целого ряда мероприятий по уплотнению рабочего дня, как-то: раздатчики инструментальных кладовых выходят на работу раньше на 20—30 мин. Склад комплектных заготовок заранее подвозит материал на агрегаты. Уплотнен рабочий день вспомогательных рабочих. Для настройщиков ремонтных бригад обед установлен в разное с производственными рабочими время. Введены кольцевая подача колб, уборка решет и отвозка готовой продукции. Проведены укрупнение норм выработки — вместо 6 541 на заводе осталось 3 767 норм — и целый ряд других мероприятий. Все это увеличило полезное время рабочего с 92,3 до 95%. Потери с 7,7% уменьшились до 5%. Потерь по причине организационно-технического порядка вместо 3,6 стало 2,9%; по вине рабочих — вместо 2,2 стало 1,9%. Бесплезная работа вместо 1,9 стала 0,2%.

Все это свидетельствует о том, что Электрозавод — это «настоящая пролетарская крепость побеждающего социализма» («Правда»).

16-ю годовщину Октябрьской революции и XVII партийный съезд Электрозавод встретил еще одной большой победой — значительно уплотненным рабочим днем, и его пример должен быть подхвачен всеми предприятиями Союза.

ОБНИЩАНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ В СВЕТЕ МАРКСО-ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИИ

Открытый Марксом и развитый дальше Лениным всеобщий закон капиталистического накопления является обоснованием неизбежности революционного краха капитализма. Содержание этого закона можно свести к следующим пяти моментам: 1) рост и развитие органического состава капитала; 2) процесс концентрации и централизации капитала и производства; 3) образование и развитие промышленной резервной армии труда; 4) абсолютное и относительное ухудшение положения рабочего класса; 5) возрастание материальных предпосылок социализма в форме капиталистического обобществления труда² и обострение классово-партийной борьбы пролетариата против капитализма.

Только все эти моменты, взятые вместе в их связи и взаимодействии, дают нам правильное, законченное понимание всеобщего закона как обоснования железной необходимости социализма.

Общим выражением взаимодействия всех этих моментов является процесс капиталистического обобществления труда² и вместе с этим ухудшение положения рабочего класса.

Капиталистическое обобществление труда в своей основе неотделимо от положения рабочего класса и его революционной борьбы против капиталистического общества. Положение рабочего класса в наиболее концентрированном виде представляет все противоречия капитализма, ибо каждое противоречие в отдельности и все противоречия, взятые вместе, обращены против рабочего класса. Именно поэтому Энгельс в своей книге «Положение рабочего класса в Англии» писал: «Положение рабочего класса есть действительная основа и исходный пункт всех социальных движений современности». Ничто другое не вскрывает с такой силой всей обреченности капитализма, неизбежности его революционного краха, как положение рабочего класса и его революционная борьба. Потрясающая картина обнищания рабочего класса, этой главной производительной силы общества, самого передового и прогрессивного класса нашего времени, прямо зовет к свержению гниющего и умирающего капитализма.

Совершенно не случайно поэтому мы наблюдаем в настоящее время оживление «теоретической» работы фашизма и социал-фашизма вокруг этого вопроса. Мы имеем в виду появление ряда брошюр, журнальных и газетных статей в буржуазной и социал-фашистской прессе о положении рабочего класса. Укажем на недавно вышедшую книгу «левого» социал-фашиста Ф. Броквея «Голодная Англия», дискуссию на страницах социал-фашистских Журналов по вопросу о теории обнищания Маркса, статьи к 50-летию со дня смерти Маркса (1933 г.) и др.

Налицо явные попытки «сманеврировать» и на этом участке. Совсем недавно социал-фашистские теоретики писали и внушали рабочим, что «теория обнищания Маркса ни теоретически, ни эмпирически не обоснована» (Б р а у н т а л ь), «Бедность не есть экономическая необходимость, но лишь социальная болезнь, излечение которой без сомнения возможно в рамках капиталистического хозяйства» (Т а р н о в). А сегодня социал-фашисты, оставаясь теоретически на своих старых позициях, под воздействием кричащей действительности, голода, вымирания рабочего класса пишут слезницы о положении рабочего класса, говоря о его нищете. Но не пишут только о борьбе за революционный выход из этого состояния нищеты, голода, вымирания, не организуют этой борьбы, а, напротив, ведут рабочий класс с головой в буржуазию. В этом заключается классовый смысл последних маневров социал-фашистских лакеев буржуазии, не на жизнь, а на смерть связанных с капиталистическим обществом. На деле они попрежнему ведут свою предательскую работу по расколу рабочего движения, борющегося за единый фронт против наступления капитала на жизненный уровень рабочего класса.

Прямая задача нашей коммунистической печати противопоставить всем этим попыткам еще раз спасти капитализм подлинно научное освещение действительного положения рабочего класса, разоблачить фальсификацию буржуазной статистики, вскрыть на основе марксо-ленинской теории действительные пружины того сдвига на край пропасти, голодной смерти, к которой капитализм привел рабочий класс даже в самых богатых капиталистических странах. В этой связи необходимо отметить появля-

ше книги Аллена Хатта «Положение рабочего класса в Британии» (Лондон, 1933 г.) и книг нашей советской печати—М. Смит «Положение рабочего класса капиталистических стран в свете теории обнищания Маркса», и Н. Загорского «Обнищание рабочего класса в капиталистических странах».

Рецензируемые работы тт. Загорского и Смит дают чрезвычайно богатый конкретный материал, рисующий положение рабочих в САСШ, Германии, Англии, Франции, Италии и других странах. Однако следует заметить, что со стороны подбора и самостоятельной обработки конкретного материала работа т. Смит находится на более высоком уровне, чем работа т. Загорского. Тов. Смит вносит некоторые новые приемы в обработку статистического материала (вычисление реального дохода рабочих с учетом безработицы), приводит ряд человеческих документов, — показания самих рабочих, выясняющих ужасающую картину бедствий и лишений, голода и нищеты рабочего класса.

Наиболее ярким выражением ухудшения положения рабочего класса является колоссальный рост интенсификации труда в эпоху империализма, в особенности в период всеобщего кризиса капитализма в результате капиталистической рационализации. Искусство выжимать из рабочего вдвое больше труда за один и тот же рабочий день монополистический капитализм довел до виртуозности. «Выматывают безжалостно все его (рабочего) силы, высасывают с утроенной скоростью каждую каплю нервной и мускульной энергии наемного раба. Умрет раньше? — Много других за воротами» (Ленин). Буржуазная статистика естественно не ставит себе задачей освещать этот процесс. Гигантский рост производительности труда, фиксируемый ею, содержит в себе по существу двойкий источник: рост производительности труда в результате технического прогресса и в результате усиления интенсивности труда.

Оба эти процесса конечно связаны между собою, но в то же время необходимо их строго различать. Сопоставление роста физического объема производства, числа занятых рабочих, мощности первичных двигателей и производительности труда совершенно отчетливо вскрывает усиление процесса интенсификации труда в сравнении с ростом техники, в особенности в послевоенный период. Так например, в САСШ за период 1899—1914 гг. прирост мощности первичных двигателей за год в среднем составлял 8%, ему соответствовал годовой прирост производительности труда в 0,5—0,75%. В период 1919—1927 гг. первый показатель дает 3,5%, второй—6%. Этот небывалый в истории американского капитализма темп роста производительности труда не идет ни в какое сравнение с замедленными темпами роста технического вооружения рабочей силы.

Мускульная и нервная энергия рабочего класса—вот «открытый» современными магнатами финансового капитала источник обогащения в наше время. Ускорение хода машин и станков, система поточного производства, хронометраж, новая система оплаты труда, открытая «гениями» буржуазной науки — Фордом, Тэйлором, Эмерсоном, Хэлсом и др. — вот что более всего характеризует новые методы рационализации производства, ведущие к хищнической эксплуатации рабочей силы, нарушающей самые элементарные условия ее воспроизводства. Средняя продолжительность жизни рабочего резко сократилась (с 40 до 30 лет). Происходит резкая декалфикация рабочей силы. Квалифицированный труд вытесняется неквалифицированным, мужской труд—женским трудом. В целом процент женщин в промышленности капиталистических стран поднялся с начала XX в. по 1925 г. с 14 до 20—22%. Растет число смертных и несчастных случаев на производстве.

Аналогичную картину мы наблюдаем во всех капиталистических странах. В Германии например число несчастных случаев в промышленности поднялось с 5% к числу застрахованных в 1924 г. до 10% в 1929 г. Трудно все же весь этот процесс колоссального роста эксплуатации, изобретения все новых и более зверских форм изобразить в цифрах. Но его хорошо знает каждый рабочий капиталистической фабрики на своей шкуре. «Когда смотришь на людей, возвращающихся из шахт,—пишет один английский рабочий,—то кажется, что это процессия людей, возвращающихся из военного госпиталя. Некоторые идут на обеих ногах, некоторые на одной с палками и костылями. Руки, ноги, глаза — посмотришь на них—прямо-таки парад калек» (Смит, стр. 99).

Важнейшим синтетическим показателем жизненного уровня рабочего класса является соотношение активной и резервной армии. «Из 1 тыс. одинаково искусных рабочих,—пишет Маркс,—зарплату определяют не 950 занятых, а 50 незанятых». Безработица — неизбежный результат и вместе с тем необходимое условие существования капиталистического способа производства. Особенно резкий, прямо катастрофический рост безработицы мы наблюдаем в послевоенные годы. Безработные стали уже не столько резервной армией капиталистического производства, сколько застойной, постоянной армией миллионов рабочих, выброшенных из производства уже в течение десятка лет. Основа этого процесса — снижение темпов расширенного воспроизводства в эпоху всеобщего кризиса капитализма, как это хорошо показал т. Загорский.

Если в довоенные годы безработица в капиталистических странах во время кризисов достигала в среднем 6—7% рабочих, опускалась в период подъема до 2—3%, и в среднем была на уровне 4—5%, то в послевоенные годы безработица поднялась до уровня 10—15%, т. е. увеличилась в 2—3 раза. Даже в наиболее благоприятные годы она не опускалась, например в САСШ, ниже 12%, в Англии—10%, в Германии—10%. В переводе этих процентов на живых людей, это означает десятки миллионов рабочих, лишенных абсолютно всяких средств к существованию и обреченных со своими семьями на голодную, мучительную смерть. Соцстрахование на случай безработицы, там где оно существует, лишь растягивает этот срок страданий, ни в какой степени не избавляя от них. За сухими цифрами официальной статистики безработицы, кстати говоря преуменьшенными, скрываются трудно поддающиеся описанию ужасы голодной смерти и тщетных поисков выхода. Один американский рабочий рассказывает, как у завода Форда ночи напролет дежурят десятки тысяч рабочих в ожидании работы. «20—30 тысяч безработных мерзнет целую ночь у ворот фордовского рая в надежде попасть утром по ту сторону ворот. Но вот наступает утро, и после быстрой процедуры отбора место в раю находится только для 400 рабочих» (С м и т, стр. 34).

Безработица, висящая тяжелой гирей на шее рабочего класса, резко понижая жизненный уровень рабочего класса в целом, обуславливает возможность для капиталистов еще больше повышать эксплуатацию активной, занятой в производстве части рабочего класса, что в свою очередь ведет к еще большему увеличению безработицы. «Обречение одной части рабочего класса к вынужденной праздности чрезмерным трудом другой его части и наоборот становится средством обогащения отдельных капиталистов и в то же время ускоряет производство промышленной резервной армии» (Маркс, Капитал, т. I, стр. 507). Как велико хищническое расточение рабочей силы, видно из того, что если бы труд был ограничен рациональными размерами, то, по словам Маркса, наличного рабочего населения оказалось бы абсолютно недостаточно. Тем более это справедливо в наше время гигантски возросшей интенсивности труда.

З а р п л а т а. Буржуазная статистика явно фальсифицирует данные о величине зарплат. Обычно она берет зарплату высоко оплачиваемой части рабочих, исчисляет ее по ставкам тарифных договоров, значительно превышающих фактическую зарплату. Официальные индексы стоимости труда, которыми измеряют реальную зарплату, основаны на устаревших, довоенных бюджетных обследованиях, подгонявших уровень потребления рабочих к нормам солдат, не учитывая вовсе культурных и политических расходов рабочего и т. д. Рост интенсивности труда, объем безработицы также в расчет не принимаются. «Официальная статистика,—пишет Маркс,—становится все более обманчивым показателем действительных размеров пауперизма по мере того, как с накоплением капитала развивается классовая борьба». Но даже и по этим данным заработок рабочего далеко не достигает того, что предусматривала для него официальная буржуазная статистика. По исчислению Ю. Кучинского, американский рабочий класс в целом получал только одну треть прожиточного минимума. Еще более ярко выраженный характер носит снижение реальной заработной платы в Англии. Рабочий класс Англии получал в 1924 г. меньше, чем в конце XIX в., на 14% и на 4% ниже 1914 г. (З а г о р с к и й, стр. 107).

Так же обстоит дело и в Германии и в других капиталистических странах.

Картину абсолютного и относительного обнищания рабочего класса необходимо было бы дополнить (чего по существу не сделали оба автора) данными падения доли рабочего класса в национальном доходе, удлинением рабочего дня, уничтожением последних остатков социального страхования, завоеванного рабочим классом в период революционного подъема 1918—1919 гг., огромным ростом жилищной нужды, скученности в рабочих кварталах, этих «рудниках нищеты» (Маркс), ухудшением санитарных условий, резким падением норм душевого потребления рабочего класса, ростом налогового бремени и т. д.

Все это дало бы более полную картину жизненного уровня рабочего класса.

В этом отношении работа Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» является непревзойденным образцом исследования положения рабочих.

М и р о в о й э к о н о м и ч е с к и й к р и з и с, переваливший на пятый год своего развития, сбросил рабочий класс на самое дно пропасти голода и вымирания. Буржуазия перекладывает всю тяжесть кризиса на плечи рабочего класса, пытаясь за его счет найти выход из кризиса, равного которому не было в истории капитализма. За истекшие 4 года рабочий класс понес величайшие материальные потери, которые пока еще трудно подсчитать.

Процесс интенсификации труда, усиление степени эксплуатации, принял еще более острый характер. Косвенным показателем этого могут служить следующие данные буржуазной статистики по САСШ: за период июль 1932 г.—май 1933 г. число рабочих и сумма выплаченной зарплаты выросли на 5%, а объем производства увеличился на 25% (журнал «Конъюнктура мирового хозяйства» № 8—9 за 1933 г.).

Безработица достигла небывалых в истории размеров. Число промышленных безработных перевалило, по данным Профинтерна, в 1932 г. за 50 млн. В САСШ, где нет официальной статистики безработицы, имеются данные только в отношении организован-

ных в профсоюзы, т. е. приблизительно $\frac{1}{10}$ американского пролетариата; наиболее квалифицированной и лучше оплачиваемой части. В мае 1933 г. там числилось 33% безработных, или $\frac{1}{3}$. Общее число безработных не меньше 15 млн. чел. У строителей—безработных 68%, в металлопромышленности—46%. Англия. В январе 1933 г. безработных среди застрахованных было 23,1%, или 2 955 тыс. чел. У судостроительных рабочих—63,3%, железо- и сталелитейных—44,9%, машиностроение—30,1%, каменноугольная—28,2%, хлопчатобумажная—23,9%. Зато в производстве взрывчатых веществ безработица составляла только 10,1%. Германия. В январе 1933 г. полная безработица охватывала 46,2% рабочих, или 6 млн. чел. Частичная безработица—23,7%. 70% или почти $\frac{3}{4}$ рабочих, охвачены полностью или частично безработицей! В металлопромышленности полная безработица составляет 47,7%, строительная—90,6%, деревообделочная—69,9%, обувная—36,4%, текстильная—30%, химическая—32,8%.

Фашистский «бум» относительно сокращения безработицы означает лишь новую фальсификацию учета безработицы—исключение из «поля зрения» сотен тысяч безработных, снимаемых с пособия вообще или отправляемых в трудовые лагеря. Что дает такая занятость рабочих, можно видеть из письма одного рабочего о жизни в лагере Альтенар, Рурской области: «До того как на бирже труда меня принудили «добровольно» включиться в трудовую повинность, я получал еженедельное пособие в 8,50 марок. Сейчас я, не считая жалкого питания и места для ночлега, получаю 2,10 марки в неделю. Жизнь здесь хуже смерти. Это—медленная агония. Нас держат в холодных, вонючих, грязных, темных и кишмя киш паразитами бараках. Работать заставляют с 5 час. утра до позднего вечера. Пища скверная, мы постоянно голодны».

Зарплата рабочего класса во всех капиталистических странах за годы кризиса упала в среднем вдвое.

В САСШ потери рабочего класса на зарплате составляли, по подсчетам буржуазного экономиста Лейдерсона, в 1930 г. 10 млрд. долл., в 1931 г.—16—17 млрд. (Загорский, стр. 133).

По другим данным потери рабочего класса по зарплате составляли за 1930—1932 гг. 48,3 млрд. долл.

В Англии, по исчислениям проф. Флукса, при пятипроцентной безработице рабочий класс ежегодно теряет на зарплате 130 млн. ф. ст., следовательно при трехмиллионной безработице—650 млн. ф. (40,6% фонда зарплаты). Рабочий класс Англии за 4 года кризиса следовательно потерял не менее 2 600 млн. ф. ст. («Мировая конъюнктура» № 8—9, стр. 40).

В Германии, по вычислениям Кучинского, общие потери промышленных рабочих на зарплате с июня 1929 г. по июль 1932 г. составили 18 млрд. марок.

Только по этим трем странам за 3 года кризиса рабочий класс потерял (весьма грубый подсчет) 125—130 млрд. руб.!

Широко проводимая почти во всех капиталистических странах инфляция означает все большее ухудшение жизненного уровня рабочего класса и трудящихся масс города и деревни.

«Всю жизнь я боролся за то, чтобы выбраться из трущоб,—пишет один английский безработный,—а теперь я должен вновь туда вернуться».

Тов. Смит дает интересный анализ новых форм легализованного капиталистического рабства, применяемого в капиталистических странах:

- 1) контрактация и ввозной труд;
- 2) арест, торговля безработными;
- 3) система предприятий-лагерей.

Всей этой ужасающей картине кризиса, голода, нищеты рабочего в капиталистическом мире противостоят бурный рост социализма в СССР и систематический, неуклонный рост жизненного уровня рабочего класса и колхозного крестьянства. Основные результаты наших успехов состоят, «во-первых, в уничтожении безработицы и ликвидации неуверенности в завтрашнем дне среди рабочих. Они состоят, во-вторых, в охвате колхозным строительством почти всей крестьянской бедноты, в подрыве на этой основе расслоения крестьянства на кулаков и бедняков и в уничтожении в связи с этим обнищания и пауперизма в деревне» (Сталин). За годы первой пятилетки вдвое выросла численность рабочего класса, выросла среднегодовая зарплата пролетариата больше чем вдвое, в огромных размерах выросли обобщественные фонды зарплаты (соцстрах, просвещение, культобслуживание, здравоохранение и др.). Перешли на 7-часовой рабочий день, которого нет нигде в мире. В текущем году сделан огромный шаг в деле реализации лозунга вождя партии т. Сталина—сделать всех колхозников зажиточными. Две системы, два мира—два разных итога. Путь СССР—путь для всего мирового пролетариата.

Все эти факты и цифры, характеризующие положение рабочего класса, полностью подтверждают теоретический анализ, данный Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным, и в свою очередь только и могут быть правильно поняты в свете теории марксизма-ленинизма. Вобружить партийный актив глубоким пониманием марксо-ленин-

ской теории обнищания и в этом свете показать весь конкретный материал — такова главная задача исследователя положения рабочего класса. У т. Смит это не вышло. Свет теории обнищания в изложении автора вышел явно тусклым, недостаточным. Эта часть работы — наиболее слабое место. Получилось это прежде всего потому, что автор, излагая теорию обнищания, совершенно не поставил ее в связь с ленинской теорией империализма. В последней мы и имеем дальнейшее развитие учения Маркса о положении рабочего класса.

Маркс и Энгельс жили в доимпериалистическую эпоху. Они дали гениальное открытие законов движения капитализма и в области положения рабочего класса. Но они не могли предусмотреть в деталях, как пойдет этот процесс обнищания в новой исторической обстановке монополистического капитализма, в каких конкретных формах, какими темпами. Ленин в своей теории империализма поставил и разрешил эту проблему. Во всей своей работе т. Смит ограничился привлечением всего лишь двух-трех положений Ленина: 1) о научной системе выжимания пота рабочих (стр. 98) и 2) о наделении сельских рабочих землей (стр. 114), хотя в подборе конкретного материала по безработице и зарплате т. Смит неплохо показала эпоху империализма и всеобщего кризиса капиталистической системы. Но весь этот материал не освещен светом ленинской теории империализма.

Гораздо лучше обстоит дело с теоретическим освещением конкретного материала в работе т. Загорского. Так например автор довольно удачно разбирает теоретически и практически тезис буржуазной политической экономии, что сокращение рабочей силы в старых отраслях производства перекрывается увеличением занятости рабочей силы в новых отраслях промышленности. Действительная роль новых отраслей промышленности такова, по совершенно правильному утверждению автора, что «рост новых отраслей не может послужить «компенсацией» для выброшенных на мостовую рабочих из других отраслей, потому что процесс вытеснения из промышленности идет быстрее процесса втягивания в новые отрасли» (стр. 29).

Заслуживает особого внимания положение автора, что причиной безработицы в послевоенном капитализме наряду с ростом органического состава капитала являются падение темпов капиталистического воспроизводства, все растущая интенсивность труда и массовая пролетаризация промежуточных слоев населения (стр. 13, 21). Чрезвычайно интересна у автора постановка вопроса о механизме, при помощи которого накопление ведет к росту относительного и абсолютного обнищания рабочего класса, несмотря на ошибочный тезис о понижении стоимости рабочей силы (стр. 61).

Но и у т. Загорского имеются большие прорехи в области теоретического освещения конкретного материала, поскольку он систематически не проследил влияния монополии на положение рабочего класса. По мнению т. Загорского, монополии являются одним из факторов наряду с другими, оказывающими влияние на положение рабочего класса. По т. Загорскому, влияние монополии на положение рабочего класса выражается только в том, что «они (монополии) оказываются бессильными выполнить регулирующую роль в общественном масштабе, в связи с чем они вызывают резкие нарушения в общественном разделении труда» (стр. 17).

Колоссальное усиление и ускорение обнищания пролетариата в эпоху империализма должны получить теоретическое освещение на основе учения Ленина о монополистическом капитализме.

Закон обнищания рабочего класса, подобно всем законам капитализма, приобретает в эпоху империализма качественно новый характер (в смысле конкретных форм и темпов обнищания), целиком обусловленный господством монополии в народном хозяйстве. Как влияет монополия на обнищание рабочего класса?

Во-первых, господство монополии благодаря гигантским сверхприбылям усиливает накопление капитала, и в связи с этим мы наблюдаем гораздо более быстрый по сравнению с эпохой классического капитализма рост органического состава капитала. Этот убыстренный рост органического состава капитала объясняется и тем, что монополия пытается развить крайне обострившиеся противоречия при помощи довольно частых изменений в технике и организации производства. Это убыстренный рост органического состава капитала подтверждается тем, что монополия обозначает собой совершенно новый тип крупных предприятий — комбинатов — и гигантское, доведенное до краевых пределов обобществление труда.

Этот более ускоренный рост органического состава капитала означает относительное сокращение рабочей силы, создание резервной армии труда в количественно больших масштабах, чем при капитализме свободной конкуренции.

Во-вторых, господство монополии приводит к тому, что концентрация и централизация капитала и производства совершаются в основном уже не в индивидуальных формах, а в формах монополистических объединений, в связи с чем она совершается еще более усиленными темпами и в более грандиозных масштабах. Если крупное предприятие самой совершенной техники

в период капитализма свободной конкуренции складывалось постепенно, в течение целых десятилетий, то теперь предприятия-гиганты, сверхгиганты — складываются в какие-нибудь несколько лет. В результате этих обстоятельств растет резервная промышленная армия труда. То же самое означает и другой процесс, которым сопровождается производство и накопление в условиях империализма. Речь идет о гигантском росте интенсивности труда, в результате которого происходит огромное вытеснение рабочей силы из процесса производства. Это особо ярко обнаруживается сейчас например так называемой кризисной рационализации в САСШ и Германии.

Далее, благодаря действию монополии на простых товаропроизводителей ускоряется во много раз процесс их разорения, и следовательно в более возросшем количестве они выбрасываются в ряды резервной армии труда. Таким образом по всем этим линиям в условиях империализма создается резервная армия труда в количественно больших масштабах. Но монополия не только обостряет действие законов капитализма, обуславливающих образование резервной армии, она вместе с этим вызывает к жизни загнивание капитализма, которое по мере развития империализма и перехода последнего в фазу всеобщего кризиса становится ведущим фактором роста и образования резервной армии и превращения ее в постоянную. Монополия в форме загнивания обуславливает собой все большую и большую невозможность «соединения вещественных и личных двигателей производства». В каждой отрасли и во всей промышленности значительная часть «вещественных и личных двигателей производства» больше не соединяется.

В-третьих, господство монополии обуславливает гигантское обострение обнищания рабочего класса вместе с возникновением новых его форм. Это обусловлено не только гигантским возросшей и ставшей постоянной безработицей, но в первую голову теми изменениями, которые монополия вносит в процесс производства прибавочной стоимости. Прежде всего монополия вносит ряд существенных изменений в акт купли и продажи рабочей силы. Монополия не отменяет рынка товара — рабочей силы, — как особого подразделения товарного рынка. Основные производственные отношения, на которых базируется акт купли и продажи рабочей силы, остаются неизменными. И в эпоху империализма, как и в период капитализма свободной конкуренции, на рабочем рынке выступают капиталист — владелец средств производства — и рабочий, лишенный этих средств производства. Монополия вносит лишь существенные изменения в те отношения, которые складываются непосредственно на рынке между покупателем и продавцом.

В условиях промышленного капитализма наемному рабочему как продавцу рабочей силы противостоял индивидуальный капиталист. Теперь же, в условиях монополистического капитализма, лицо покупателя значительно изменилось. Это уже в основном не индивидуальный капиталист, а коллективный, объединенный в монополию, капиталист. В качестве покупателя рабочей силы выступают монополистические объединения капиталистов, вооруженные сетью всеобщих предпринимательских организаций и силой государственного аппарата. Таким образом рабочему как продавцу рабочей силы противостоят концентрированная сила монополистического крупного капитала и его государство. Следовательно рабочему классу противостоят: 1) монополия, 2) предпринимательские организации монополистического капитала, 3) государство как исполнительный комитет по делам крупного монополистического капитала и 4) реформистские профсоюзы как орудие борьбы крупного капитала против рабочего класса.

С другой стороны, рабочему классу как продавцу рабочей силы приходится действовать в обстановке количественно и качественно изменившегося соотношения спроса и предложения рабочей силы. Постоянная армия безработных означает постоянное превышение предложения рабочей силы по сравнению со спросом на нее со стороны капиталистических монополий. Специально о спросе необходимо заметить следующее: 1) прогрессивный рост производительности труда и главным образом интенсивности труда сокращает спрос на рабочую силу; 2) широкое распространение в эпоху империализма тэйлоризма, фордизма и автоматического труда значительным образом меняет характер спроса на рабочую силу, так как спрос все более и более перемещается в сторону простого, малоквалифицированного труда; 3) характер спроса изменяется в том смысле, что широкое применение получают в производстве хуже оплачиваемые рабочие вообще и из отсталых стран в частности.

В этой связи чрезвычайно интересно замечание Ленина на проект программы партии т. Сокольников. Ленин писал: «Как раз для империализма такая эксплуатация труда хуже оплачиваемых рабочих из отсталых стран особенно характерна. Как раз на ней основан в известной степени паразитизм империалистических, богатых стран, подкупающих и часть своих рабочих более высокой платой при безмерной и бесстыдной эксплуатации труда «дешевых» иностранных рабочих». Экономическая сущность этих изменений состоит в том, что монополии покупают рабочую силу по монопольным ценам, по ценам ниже стоимости рабочей силы.

Таким образом рабочий класс экономически и политически поставлен под прямой удар монополистического капитала. Классовая борьба в процессе купли и продажи рабочей силы, свойственная капитализму, принимает в эпоху империализма особые

острую форму. Чрезвычайно интересно в связи с этим отметить, что если в условиях капитализма свободной конкуренции сфера обращения в большей мере прикрывала фактическую неравноправность капиталиста и наемного рабочего, представляя их на рынке в форме равноправных товаровладельцев, то эпоха господства монополий и в сфере обращения в большей мере разоблачает этот фетишизм и показывает в «езде прирожденных прав» фактическую неравноправность капиталиста и наемного рабочего. Здесь уже в большей мере исчезает видимость того, что «покупатель и продавец товара — рабочей силы — подчиняются лишь велениям своей свободной воли». Здесь со всей наглядностью выступает всесила монополии по отношению к рабочему классу. В этой связи следует заметить, что господство монополии приводит к тому, что наемный труд и по своей внешней форме становится трудом принудительным. Об этом красноречиво свидетельствуют фашистские методы, применяемые в настоящих условиях в Германии.

Господство монополии вносит существенные изменения в динамику стоимости рабочей силы и заработной платы. Если в условиях капитализма свободной конкуренции господствующей и определяющей тенденцией являлось понижение стоимости рабочей силы, то в условиях империализма и всеобщего кризиса капитализма господствующей, определяющей тенденцией становится повышение стоимости рабочей силы. Повышение стоимости рабочей силы объясняется следующими причинами: 1) Господствующим методом производства прибавочной стоимости стала чрезмерная интенсификация труда. Чрезмерная интенсификация труда в свою очередь означает, что растет снашивание рабочей силы и сокращается средняя продолжительность жизни рабочего. Все это приводит к тому, что для восстановления рабочей силы требуется гораздо больше средств существования. Маркс писал: «Снашивание рабочей силы, а следовательно и стоимость рабочей силы растет, если растет продолжительность ее функционирования, и притом ее дневная стоимость растет в пропорции более быстрой, чем продолжительность функционирования». 2) В условиях монополистического капитализма товары продаются по монопольным ценам, следовательно средства существования рабочего класса обложены данью сверхмонополистической прибыли. Маркс писал: «Стоимость рабочей силы сводится к стоимости определенной суммы средств существования. Она изменяется поэтому с изменением стоимости этих средств существования». Вздоорожение средств существования вследствие монопольной цены ведет к повышению стоимости рабочей силы. К этому же приводит сильный рост цен на коммунальные и прочие услуги. 3) Из производства вытесняются члены семьи рабочего. Количество работающих в семье сокращается, а это ведет к повышению стоимости рабочей силы основных работников, поскольку в стоимость рабочей силы включаются средства существования семьи.

Динамика заработной платы такова, что мы имеем все возрастающий разрыв между стоимостью рабочей силы и заработной платой. Стоимость рабочей силы движется с положительным знаком, а заработная плата — с отрицательным знаком. Это движение можно изобразить в виде все растущего раствора ножниц, в котором восходящая линия — это стоимость рабочей силы, а нисходящая линия — это заработная плата. Это противоположное движение стоимости рабочей силы и заработной платы выражает процесс расхищения и разрушения рабочей силы, так как заработная плата возмещает лишь ничтожную часть стоимости рабочей силы.

«Цена рабочей силы и степень ее эксплуатации перестают быть соизмеримыми величинами» (Маркс).

Известны два метода производства прибавочной стоимости, которые применяет и монополистический капитализм, но с той только разницей, что переносит центр тяжести на производство абсолютной прибавочной стоимости. Благодаря монополии производство абсолютной прибавочной стоимости выступает в качестве основной, направляющей формы производства прибавочной стоимости, и это выражает сущность монополий как тормоза развития техники, как фактора опустошения, растраты и расхищения главной производительной силы общества — рабочего класса. Тов. Куусинен на X пленуме ИККИ доказал, что в эпоху империализма основным методом производства прибавочной стоимости является рост интенсивности труда. Показателем того, что монополистический капитализм переносит центр тяжести на производство абсолютной прибавочной стоимости, является широкое развитие тэйлоризма, фордизма и автоматического труда, развитие в эпоху империализма различного рода премиальных систем оплаты труда и т. д.

В-четвертых, монополия означает рост полярности капиталистического общества и углубления пропасти между рабочим классом и буржуазией. Монополия как гигантское обобществление труда означает концентрацию рабочего класса, т. е. концентрацию его силы, мощи, роста, организованности, сознательности, роста и развития классовой борьбы против капиталистического общества. Растут возмущение рабочего класса, его сплоченность, революционность. Рабочий класс готовится к роли диктатора и строителя нового общественного строя. Таким образом монополия означает крайнее обострение борьбы труда с капиталом. Буржуазия отвечает на это ростом фашизма,

политического террора, разгромом революционных организаций рабочего класса, что является также чрезвычайно важным показателем, характеризующим уровень жизни рабочего класса.

В итоге мы можем сказать, что качественно новый характер закона обнищания состоит в том, что рабочий класс экономически и политически подводится непосредственно к революции, к борьбе за революционный выход из капиталистической системы, рабства и нищеты. Именно поэтому т. Сталин писал: «Империализм есть всеиллие монополистических трестов и синдикатов, банков и финансовой олигархии промышленных стран. В борьбе с этим всеиллием обычные методы рабочего класса — профсоюзы и кооперативы, парламентские партии и парламентская борьба — оказались совершенно недостаточными. Либо отдайся на милость капиталу, прозябай по-старому и опускайся вниз, либо берись за новое оружие — так ставит вопрос империализм перед миллионными массами пролетариата. Империализм подводит рабочий класс к революции».

Серьезным недостатком работы т. Смит в противоположность работе т. Загорского является совершенно неудовлетворительная критика ревизионистов и социал-фашистов по вопросу об обнищании пролетариата при капитализме. Вся суть оппортунистических извращений теории Маркса со стороны Каутского и Бернштейна заключается, по мнению т. Смит, в том, что они были догматиками и эмпириками. Бернштейн — «эмпирик и упрости́тель», он «не может понять теоретически обоснованного подхода к вопросу» и стремится «обобщить конкретные, эмпирические наблюдения» (стр. 6) без теоретического анализа.

Объяснение оппортунистической теории Бернштейна автор видит в том, что Бернштейн жил в период повышения зарплаты рабочего класса. «Специфические, конкретные моменты могут конечно обуславливать возможность повышения зарплаты в определенные периоды. Бернштейн и жил именно в такой период, и так как он эмпирик и механист, то он и утверждает, что Маркс ошибался...» (стр. 6). Все эти утверждения т. Смит ошибочны, а критика у нее носит абстрактный, а не партийно-классовый характер. Оппортунизм Бернштейна и Каутского при всем их различии заключается в том, что они взяли «эмпирику», верхушки рабочего класса, обуржуазившейся рабочей аристократии, подкупленной монополистическим капиталом, и отождествили ее положение с положением рабочего класса в целом. Оппортунизм их заключается, далее, в том, что под эту «эмпирику» они подвели и теоретический фундамент — создали теорию возможности подъема жизненного уровня пролетариата при капитализме.

Бернштейн проделал эту ревизию Маркса открыто и прямо, Каутский — в более замаскированной и прикрытой форме. Оппортунистические искажения Маркса со стороны Бернштейна и Каутского своими классовыми корнями уходят в рабочую аристократию, появившуюся с переходом к империализму и в Германии, как и во всех империалистических странах. Эту сторону дела и подчеркнул Ленин, когда говорил: «Тресты, финансовая олигархия, дороговизна и проч., позволяя подкупать горстки верхов, все сильнее давят, губят, мучают массы пролетариата и полупролетариата».

В плену каутскианской теории относительного обнищания оказалась и Роза Люксембург. Признавая тенденцию к обнищанию пролетариата, свойственную капитализму, Роза однако допускала возможность подъема жизненного уровня рабочего класса: «Жизненный уровень рабочих сам по себе абсолютно может последовательно повышаться, в то время как их доля в общественном продукте по сравнению с другими классами может падать».

На каутскианские позиции по вопросу о положении рабочего класса скатился по существу и т. Бухарин, на IV конгрессе Коминтерна утверждавший, что жизненный уровень европейского и американского пролетариата повышается за счет отчуждения колониальных народов; на этих же позициях стоял т. Варга на X пленуме ИККИ.

Мы видим таким образом чрезвычайную живучесть каутскианской ревизии марксизма, отсюда — большую политическую актуальность правильной критики каутскианства. А это можно сделать, только вскрыв связь оппортунизма с империализмом, который создал новую классовую базу для оппортунизма и создал его новые формы. Тов. Смит обошла эту сторону вопроса, поэтому и критика у нее вышла абстрактной академичной.

Критика социал-фашизма у т. Смит получилась крайне неполной. Весьма основательно разоблачив социал-фашизм — и германский, и французский, и английский — по вопросу об отрицании неизбежности существования резервной промышленной армии и по вопросу о рационализации, т. Смит не подвергла критике взгляды социал-фашистов по вопросу о неизбежности обнищания пролетариата и особенно их маневры теперь, в обстановке мирового экономического кризиса. А было бы весьма поучительно и интересно показать эволюцию Каутского к прямому отрицанию обнищания пролетариата, привести современные высказывания социал-фашистов об обнищании пролетариата (Тарнов, Браунваль, Нельтинги и др.).

С этой точки зрения весьма характерна например дискуссия по теории обнищания, которая имела место на страницах социал-фашистского журнала «Gesellschaft» в прои-

ном году (сентябрьский номер). Некая Наталия Мошковская взяла под обстрел открытое отрицание обнищания рабочих у Браунталя, автора учебника политической экономии для с.-д. партшкол. Отрицая абсолютное обнищание, она заявляет в то же время, что «относительное обнищание угрожает теперь, в период позднего капитализма, оборотиться в абсолютное» (стр. 241).

Браунталь вынужден был сдать некоторые свои позиции, так как, по его словам, трудно теперь отрицать обнищание пролетариата, и пытается выкрутиться таким образом, что он лишь против теории абсолютного обнищания, а относительное он признает, только, дескать, термин этот — «относительное» — неудачен (там же).

Так теперь маневрируют социал-фашисты, прикрываясь левыми фразами, ибо жизнь жестоко разбила их социал-фашистские теории об улучшении положения рабочего класса при капитализме и доказала правильность теории марксизма-ленинизма о неизбежности обнищания. Марксо-ленинская теория обнищания вплотную подводит рабочий класс к необходимости борьбы за революционный выход из состояния рабства и нищеты.

Остановимся теперь кратко на отдельных ошибках т. Загорского.

Тов. Загорский допускает крупную принципиальную ошибку, когда он утверждает, что для эпохи империализма и всеобщего кризиса характерно понижение стоимости рабочей силы (стр. 64). Выше мы показали противоположное, поэтому не будем повторяться. Укажем только на то, что утверждение т. Загорского находится в противоречии со всем содержанием его работы, которая рисует абсолютное обнищание рабочего класса. Тезис о понижении стоимости рабочей силы в эпоху империализма означает: 1) отрицание чрезмерной интенсификации труда как основной формы эксплуатации рабочего класса в период империализма; 2) отрицание влияния монополии на производство прибавочной стоимости; 3) отрицание действия абсолютной цены на рабочий класс как продавца рабочей силы и как потребителя и 4) отрицание чрезмерного разрыва и противоположного движения заработной платы и стоимости рабочей силы, характерного для империализма.

В период капитализма свободной конкуренции понижение стоимости рабочей силы при контртенденции ее повышения за счет интенсификации труда имело место благодаря понижению стоимости средств существования рабочих, но это не было отрицанием абсолютного обнищания, так как законом капитализма является понижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы. В этих условиях абсолютное обнищание не носит еще такого резко катастрофического характера. В связи с этим мы должны отметить и другое положение т. Загорского, а именно, что закон абсолютного обнищания проявляет свои действия в масштабе десятилетий. Это положение является по крайней мере неточным, так как оно может неправильно ориентировать в том направлении, что есть периоды в развитии капитализма, когда нет абсолютного обнищания. Поскольку заработная плата всегда находится ниже стоимости рабочей силы, постольку капитализму свойственно абсолютное обнищание в той или иной форме, в той или иной мере. Но нельзя представить себе капитализм без абсолютного обнищания.

Неверным является и такое утверждение автора, что «в промышленном капитализме в периоды подъемов происходило почти полное исчезновение безработицы» (стр. 6). Резервная армия в трех своих формах присуща капитализму на протяжении всего цикла. Речь может идти только о преобладании той или иной формы в той или иной фазе цикла.

Тов. Загорский сделал попытку доказать возникновение тенденции уменьшения численности рабочих, занятых в производстве, в эпоху всеобщего кризиса.

«Основная задача, — пишет он, — состоит следовательно в том, чтобы вскрыть те качественные изменения, в силу которых в период всеобщего кризиса капитализма возникает тенденция к абсолютному уменьшению численности рабочих, занятых в производстве» (стр. 17).

Мы полагаем, что автор лишь повторяет попытку т. Варги вывести общий закон или общую тенденцию абсолютного уменьшения числа рабочих, попытку, осужденную X пленумом ИККИ.

«Я не согласен с попыткой т. Варги, — говорил т. Куусинен на X пленуме ИККИ, — выводить отсюда общий закон или общую тенденцию к абсолютному уменьшению числа рабочих» (из стенограммы пленума, стр. 11). «Мне кажется, что необходимо покончить с этой теорией, для того чтобы такая путаница не наделала вреда» (там же, стр. 439). X пленум ИККИ, как известно, происходил в 1929 г. За истекшие 4 года, по нашему мнению, не произошло никаких событий, которые бы заставили изменить эту оценку и согласиться с т. Варгой или отказаться от характеристики его теории как вредной путаницы, ибо эти истекшие годы были годами экономического кризиса, когда хотя действительно и происходит абсолютное сокращение числа рабочих, но это не дает основания для открытия нового закона. Нужно полагать, что Марксу было известно это кризисное явление, однако такого закона у Маркса мы не находим. Да и сам т. Загорский в своей аргументации не пользуется данными кризисных лет.

Совершенно бесспорно сокращение темпов капиталистического воспроизводства

в эпоху всеобщего кризиса, как это утверждает т. Загорский. Верно и то, что в САСШ имеет место абсолютное уменьшение числа рабочих. Однако, говоря словами т. Куусинена, «одно дело констатировать сокращение числа рабочих в определенных отраслях производства или даже в целой стране, другое дело говорить об общей тенденции понижающейся численности рабочих» (стр. 439).

По отношению к Англии и Германии т. Загорский не доказал тезиса об абсолютном уменьшении числа рабочих. Приведенные им цифры неубедительны, так как не охватывают всех отраслей производства.

Вся эта теория т. Варги, по характеристике т. Куусинена, есть буржуазное дитя, завернутое в пеленки марксистской фразеологии. Тов. Загорский постарался лишь приготовить более нарядные пеленки.

В современной обстановке эта путаница сродни теории автоматического краха. В самом деле, абсолютное уменьшение числа занятых рабочих как закон послевоенного капитализма должно неизбежно привести к чисто экономической невозможности расширенного воспроизводства.

В таком случае неизбежен автоматический крах капитализма.

В заключение заметим, что все изучающие и интересующиеся положением рабочего класса в условиях капитализма не могут пройти мимо работ тт. Смит и Загорского которые дают богатейший фактический материал. Вместе с тем крайне необходимым является издание массовой брошюры в общедоступной и популярной форме, знакомящей наших читателей — рабочих и крестьян — с положением рабочего класса и крестьянства в капиталистических странах. Этот пробел должен быть как можно скорее выполнен.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ „ТЕОРИЯ“ ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА

(Критика «теоретических» построений Дитриха Кляггеса)

1. Сущность и задачи германского фашизма

Фашизм зародился в период революционной бури 1918—1919 гг. Он возник и развился как *ultima ratio* умирающего капитализма, как последнее средство спасения буржуазного господства.

Новый этап обострения общего кризиса капитализма, связанный с окончанием стабилизации капитализма, привел к ускоренному процессу фашизации буржуазии, особенно в Германии.

Фашизм есть результат общего кризиса капитализма. Он представляет специфическое явление эпохи непосредственной борьбы за власть между пролетариатом и буржуазией, борьбы между мировым империализмом и страной победоносного социализма, эпохи пролетарских и колониальных революций.

С возникновением общего кризиса капитализма господство буржуазии, выражаясь словами Маркса, «должно было непременно обратиться в терроризм буржуазии».

Определенные организационные и идеологические формы фашизма служат созданию массовой базы для укрепления диктатуры буржуазии путем привлечения мелкой буржуазии, деклассированных элементов и даже известной части рабочих под знамена фашизма. Вместе с тем фашизм есть форма объединения различных фракций господствующего класса под руководством верхушки монополистического капитала. Непосредственные руководители фашистского движения — наемные приказчики финансовой и отчасти землевладельческой аристократии.

Фашизм как государственная форма империализма есть террористическая диктатура крупного финансового капитала. Капитализм сбрасывает с себя одежду парламентаризма, буржуазной демократии. От «демократического» способа порабощения пролетариата капитализм переходит к методу открытого физического насилия.

Фашизм есть комбинация казарменного и террористического режима управления с антикапиталистической фразеологией, шовинистической пропагандой и с обещаниями всеобщего земного рая в будущем «корпоративно-сословном государстве». Эти идеологические формы создают для оголенной диктатуры фашистской буржуазии необходимую опору в мелкобуржуазных массах. Другой фактор, использованный крупным капиталом при создании фашистского движения, — разочарование масс предательской политикой социал-демократии перед лицом острейшего экономического кризиса.

Фашизм означает новую ступень сращивания финансового капитала с государственным аппаратом. Главная задача фашизма в политике — уничтожение революционного авангарда пролетариата и разгром всех массовых организаций рабочего класса. Другие важнейшие политические задачи фашизма — организация крестового похода против Советского союза и передел мира путем новой империалистической войны и интервенции.

В области же экономической главная задача фашизма — добиться скорейшего капиталистического выхода из кризиса путем уничтожения классовой боеспособности пролетариата, добиться восстановления стабилизации капитализма и создания каторжно-крепостной системы капиталистической эксплуатации, опирающейся на государственно-организованный блок всех фракций господствующего класса.

Кризис капиталистической системы особенно глубоко поразил германский капитализм. Отсюда понятно, почему фашизация буржуазии в Германии имеет столь острый масштаб и столь резко выраженные формы. Корни германского фашизма лежат в специфических трудностях послевоенной Германии, ставшей одним из самых слабых звеньев мирового империализма. Но как партия крайней империали-

стической реакции германский фашизм имеет политических предшественников в партиях довоенного империализма Германии.

Такова «консервативная партия» аграриев, требовавших «устранения привилегий крупного капитала», ограничения роста акционерных обществ, укрепления ремесла и мелкой торговли, восстановления цеховых организаций, ограничения операций универсальных магазинов, поддержания «среднего сословия», расширения колоний и исключительного закона против социалистов. Антисемитизм был характерной чертой агитации этой партии. Национал-социализм использовал для своей шарлатанской пропаганды в мелкобуржуазных слоях наследие консервативной партии за исключением лозунга о «социальном законодательстве» Бисмарка.

Еще более родственна германскому фашизму бывшая партия «свободных консерваторов», партия пушечного короля фон Штумма и других крупных промышленников, части земельных магнатов, высшего чиновничества и офицеров, с ее резким шовинизмом, аннексионизмом, с ее исключительно острой ненавистью к экономическим и политическим организациям пролетариата. То же надо сказать и об антисемитской «христианско-социальной партии», во главе которой стояли придворный поп Штёккер и профессор Адольф Вагнер. Наконец отметим «немецкую партию реформ», отличавшуюся требованием энергичной политики колониальных захватов и особенно резким антисемитизмом. После окончания войны непосредственными предшественниками, вернее первоначальными ячейками фашистских организаций, явились контрреволюционные банды фондер Гольца, социал-демократа Носке, социал-демократа Виннига и др., созданные в 1919 г. для борьбы с революцией из офицера, демобилизованных и деклассированных солдат, буржуазных студентов, кулацких дружин. В 1919 г. в мелкобуржуазной Баварии при поддержке Людендорфа из обломков основанной в 900-х годах национал-социалистской партии (эти обломки равнялись 6 чел.) Гитлер начал создавать партию. После 1923 г. партия Гитлера соединилась с группой выходцев из консервативной партии.

Поражение революции и предательство социал-демократии загнали в лагерь контрреволюции значительную массу мелких буржуа и даже отсталых рабочих. Гитлер сумел использовать антикапиталистическую фразеологию и антисемитскую пропаганду. Впервые расцвета своего влияния Гитлер добился в 1923 году который был годом оккупации Рура и инфляции. Капиталисты щедро оплачивали «гитлеровские ударные отряды» контрреволюции.

Стиннесовские директора Феглер и Мплиц играли здесь главную роль; затем Людендорф с его связями и влиянием. Но когда Гитлер попытался сделать больше, чем ему поручил монополистический капитал, именно захватить власть в Баварии, он потерпел фиаско. «Мавр сделал свое дело...» После 1923 г. гитлеровское движение утратило прежнее значение для буржуазии и пошло на убыль. Наступил период относительной стабилизации капитализма.

Монополистический капитал вновь призвал Гитлера на службу с развалом капиталистической стабилизации и приближением нового тура империалистических войн и пролетарских революций.

Феглер, Сименс, Тиссен, Крупп фон Болен, Детердинг, Крейгер, Шахт, угольные магнаты Рура и другие капиталисты щедро платили Гитлеру и его партии. И вот хозяин снова позвал своих верных слуг.

«В условиях чрезвычайного обострения экономического и политического положения в Германии, когда, с одной стороны, коммунистическая партия уже стала громадной силой в рабочем классе и быстро назревала революционная ситуация, когда, с другой стороны, обнаружилось глубокое противоречие в самих господствующих классах и фашистская диктатура в форме правительства Папена и Шлейхера оказалась не в состоянии приостановить рост коммунизма и найти какой-либо выход из все обостряющегося экономического кризиса, германская буржуазия передала осуществление открытой фашистской диктатуры фашисту Гитлеру и его «национал-социалистской партии» (из резолюции президиума ИККИ по докладу т. Геккерта).

Фашистский переворот в Германии 30 января мог совершиться лишь благодаря прямой помощи социал-демократии как путем политики раскола пролетариата и разгрома его революционных организаций, так и путем прямой поддержки фашизации буржуазного государства.

Надобно учесть коренное отличие обстановки прихода Гитлера к власти от условий в Италии 1922 г., когда пришел к власти Муссолини. Тогда налицо была повышательная конъюнктура, и капитализм шел к стабилизации. Теперь монополистический капитал облек фашистское правительство Гитлера диктаторскими полномочиями в поисках эффективного и быстрого капиталистического выхода из экономического и общенационального кризиса путем комбинации кровавого террора и разгрома рабочих организаций с бешеным наступлением на жизненный уровень трудящихся.

С помощью разнузданной шовинистической, якобы народно-освободительной, даже «антикапиталистической» пропаганды

фашизм сумел временно привлечь на сторону загнивающего капитализма массового союзника из обнищавших слоев мелкой буржуазии города и деревни, из различных деклассированных элементов и части обманутых рабочих и безработных. Фашизм сулит массам завоевание «пространства и места в жизни для нации». Рабочим он обещает установить регулярный заработок; участие в прибылях и приобретение собственности; крестьянам — землю, сокращение налогов, освобождение от банковской кабалы, обеспечение высоких цен на с.-х. продукцию; сельхозработчим — землю и собственное хозяйство; мелкой буржуазии в целом — экспроприацию банков и ликвидацию крупной торговли, оживление мелкой торговли; фабрикантам и помещикам — дешевую и покорную рабочую силу, субсидию, льготы, значительные таможенные тарифы, высокие цены, «сильное государство и здоровое хозяйство».

Крупнейшую роль в пропаганде германского фашизма играет демагогия о борьбе за ликвидацию плана Юнга и версальской системы. Фашизм ловко раздувает шовинизм, милитаристический психоз, идеи реванша, агитацию за возрождение былой мощи германского империализма, за создание «Великогермании» и господства «северогерманской расы».

Проводя внутри страны гражданскую войну против пролетариата, германский фашизм предлагает Антанте свои услуги в качестве аппарата и орудия антисоветской интервенции в обмен за передел мира в пользу германского империализма.

Гитлеровская диктатура, как и всякий другой вид фашистской диктатуры, не сможет ни развязать узел противоречий современного капитализма, ни приостановить их обострение. Наоборот, она ускорит приближение не избежного краха. Она не в состоянии не только приостановить рост антагонизма между буржуазией и пролетариатом, но и устранить трения в лагере самой германской буржуазии, а также противоречие между побежденным германским империализмом превосходящим его по своим силам версальским блоком. Нужда и нищета масс возрастают с каждым днем. С каждым часом фашистская диктатура обнаруживает свое лицо чрезвычайного террористического орудия спасения монополистического капитализма перед лицом надвигающейся пролетарской революции. Иллюзии массовых участников фашистского движения разбиваются в пух и прах. Вместо земли, хлеба и работы они получают декреты об окончании «национальной революции» и роспуске бунтующих штурмовых отрядов, карательные экспедиции и новые обещания. Они начинают сознавать, что спасение находится по ту сторону баррикад, в революционной борьбе под руководством компартии.

«Каждый новый день будет все яснее показывать, что Гитлер ведет Германию к катастрофе... Установление открытой фашистской диктатуры, разбивая все демократические иллюзии в массах и освобождая массы из-под влияния социал-демократии, ускорит темп развития Германии к пролетарской революции» (резолюция президиума ИККИ).

Идеологическое порабощение масс путем политической, политико-экономической, националистически-расовой и прочей пропаганды является одним из важнейших устоев фашистского движения и гитлеровской диктатуры. При этом задачи этой пропаганды весьма усложнились с установлением открытой фашистской диктатуры в лице правительства Гитлера. Весь декорум обещаний, щедро раздававшихся национал-социалистскими вождями, повисает в воздухе и поворачивается своей тыловой стороной. Поэтому фашизм поставил своей задачей — заставить все участки науки и культуры служить целям оправдания, идеализации и увековечения устанавливаемой каторжной системы капиталистическо-помещичьей эксплоатации.

Другая классовая задача, которую ставят капиталисты перед своими дипломированными лакеями, — это разработка и составление рецептов «оздоровления» и «процветания» данной экономической системы. Разумеется, что со времени разложения классической школы политэкономии советы буржуазных ученых своим правительствам оставляют желать много лучшего. Банкротство буржуазных экономистов перед сфинксовой загадкой современного экономического кризиса — лучшая тому иллюстрация. Национал-социалистские теоретики бессильны предотвратить катастрофу, к которой с неизбежностью идет фашистская диктатура.

В деле выполнения этих двух задач — задач апологии и укрепления фашистской диктатуры — особенно выдающаяся роль принадлежит национал-социалистским теоретикам-экономистам. Политическая экономия германского фашизма находится еще в процессе своего формирования, хотя уже явственно намечены ее основные контуры. Ее важнейшие элементы сложились в ходе развития агитации и пропаганды фашистов. Эти элементы не представляют ничего принципиально нового и уходят своими корнями как в программы и принципы реакционных партий довоенной империалистической Германии, так и в писания самых консервативных и ограниченных оте-

чественных буржуазных теоретиков, начиная с Адама Мюллера и Фр. Листа. Но что здесь нового, так это соединение старых основных принципов вульгарной экономии с элементами современной фашистской программы и пропаганды в более или менее единую систему экономической идеологии «национал-социализма».

Г-н Кляггес прославился не как бог слов, хотя он и здесь применяет свои таланты¹, не как теоретик политической экономии, а как бравый национал-социалистский министр внутренних дел Брауншвейга, первый поднявший руку на «Сталинский шлем»². Но это — большая историческая несправедливость, которая должна быть немедленно исправлена. Полицейские заслуги Кляггеса не должны заслонить его геростатовски-смелой попытки произвести коренной переворот в политической экономии.

Г-н Кляггес не скрывает своих намерений. «Настоящая работа, — пишет он, — имеет целью помочь создать основы, с помощью которых будет возможно социальное регулирование хозяйства в пределах народного хозяйства при сохранении строя собственности»³ (предисловие, стр. VIII).

«В момент, когда следует начать это регулирование, становятся также очевидными недостаточность и беспомощность современной политической экономии в отношении этой новой задачи» (стр. VIII). Если для Маркса и Ленина социализм есть уничтожение классов, то, по Кляггесу, «социализм есть стремление осуществить необходимое регулирование народного хозяйства по потребностям национального общества» (стр. VIII). Подменив социализм понятием капитализма, урегулированного в национально-государственных рамках, Кляггес, чтобы не оставить неясностей, добавляет: «Речь идет лишь о том, должен ли и может ли быть он осуществлен при сохранении строя собственности, к тому же в пределах самостоятельного народного хозяйства, как этого хочет национал-социализм, или по марксистским принципам с уничтожением собственности и в пределах единого мирового хозяйства» (стр. VIII).

Констатируя беспомощность современной вульгарной экономии, Кляггес принимает за построение основ и системы новой буржуазной политической экономии, которая должна быть такой же точной, как и естественно-технические науки. «Главным препятствием для построения точной экономической науки до сих пор, по его мнению, служили либерализм, теория невмешательства» (стр. VIII). Причем в главе у г л а этой новой науки должен быть положен «с в я щ е н и ы й» и «в е ч н ы й» принцип частной собственности, верным стражем которой объявляет себя национал-социализм.

Ниже мы увидим, как разделяется г-н Кляггес со всем историческим развитием экономической теории. А сейчас ознакомимся с собственными «научными» открытиями высокоученого фашистского министра в Брауншвейге.

2. „Новая“ теория стоимости и денег

Г-н Кляггес задался целью развить и построить цельную политико-экономическую систему. Считая себя чем-то вроде Адама Смита или Рикардо фашистской политической экономии, г-н Кляггес начинает с теории стоимости и далее, через ряд звеньев, увенчивает свою «систему» проблемами современного кризиса и будущего общественного строя.

Подобно Ньютону, г-н Кляггес свои «открытия» выражает в сжатой форме. «С т о и м о с т и, — говорит он, — суть энергии или силы» (стр. 20). «Почему мы едим хлеб? — глубокомысленно спрашивает г-н брауншвейгский министр. — Очевидно потому, что он содержит пропитательную стоимость. Следовательно (!) эта пропитательная стоимость есть подлинная стоимость хлеба... Составные частицы хлеба, попадая в организм, доставляют силы, служащие для поддержания нормальной температуры в 37°C. В чем следовательно состоит стоимость хлеба? Ни в чем ином, как в энергии, которую мы из него извлекаем» (стр. 8). «Каждый предмет стоит столько, сколько он доставляет или сберегает силы» (стр. 10).

Таким образом политическая экономия сразу превращается в точную науку. «Хозяйственная стоимость приведена к естественному понятию, и она также стала считаемой и измеримой, поскольку речь идет не о духовной стоимости. Точно так же, как работа исчисляется естественными науками в силе на единицу времени, хозяйственная работа есть стоимость на единицу времени (Wert malzeit) (стр. 13). Больше

¹ См. Dietrich Klägges. Das Urvangelium Iesu der deutsche Glaube. 1936, Leipzig).

² В «Азбуке национал-социализма» (ABC des National-Sozialismus von Dr Kurt Rosten, 1933, Berlin (в числе «сормтников всегда» фигурирует г-н Кляггес и дана его биография).

³ См. Dietrich Klägges. Reichtum und soziale Gerechtigkeit. Grundfrage einer national-sozialistischen Volkswirtschaftslehre, Leipzig, 1932 г. Armanen Verlag. Работы Кляггеса «Kampf dem Marxismus» пока в Москве не имеется.

того: «Поскольку стоимость есть сила, то и она следует закону сил, прежде всего закону сохранения энергии» (стр. 13).

Далее г-н Кляггес анализирует разные «виды стоимости». Посмотрим, как преломляется в его «теории» двойственная природа товара.

1 кг антрацита при совершенном сгорании доставляет 8 тыс. калорий тепловой энергии. Это и есть, по Кляггесу, полная стоимость (Vollwert) угля. Допустим, что при данном уровне техники при сгорании 1 кг угля получается только 2 тыс. калорий. Это, говорит Кляггес, потребительная стоимость угля. «Одна лишь потребительная стоимость увеличивает богатство, она есть подлинная хозяйственная стоимость» (стр. 15). «Третий вид стоимости, который строго отличается от потребительной стоимости и от полной стоимости, есть меновая стоимость или цена» (стр. 15). Она определяется соотношением «сил власти, находящейся в распоряжении покупателей и продавцов» (стр. 16).

В примере Кляггеса меновая стоимость равна 60 калориям. Издержки производства равны 30 калориям. Разница между обеими категориями образует «частнохозяйственную прибыль», равную 30 калориям. Разница между потребительной стоимостью и издержками — «народнохозяйственная прибыль» — равна 1970 калориям.

Наконец г-н Кляггес особо исследует «возникновение стоимости».

«Источник богатства — природа и человеческий труд». «Богатство, — по Кляггесу, — совокупность потребительных стоимостей, а они и есть стоимости». Следовательно источники стоимости не один, а два: «1. Естественные источники стоимости (источники энергии). 2. Человеческий труд (энергия превращения формы)». Причем во втором стоимостеобразующем факторе надо, по Кляггесу, различать: «А. Непосредственное человеческое действие живой рабочей силы человечества (труд). В. Посредственный труд (капитал)» (стр. 21).

Больше того. «Лишь потребление может завершить стоимостедобывание. Таким образом обнаруживается, что так называемое «производство», или, лучше, изготовление, отнюдь еще не представляет законченного стоимостедобывания. Наоборот, оно есть лишь частичное явление общественного процесса стоимостедобывания, за которым потребление должно выступить как вторая, не менее важная его половина» (стр. 59).

«Следовательно купеческая деятельность сама по себе есть необходимая составная часть добывания стоимости и поэтому безусловно является стоимостеобразующей, следовательно «производительной» (стр. 59).

Свою новоявленную «гениальную» теорию автор справедливо называет «теорией потребительной стоимости» и «силовым учением о стоимости».

Перед нами фантастически нелепая переделка старой вульгарной теории трех факторов Сэя и К^о.

О «пропитательной стоимости» хлеба, так же как об отопительной стоимости дров и т. п., говорил Бем-Баверк.

Потребительная стоимость поставлена во главу угла теории стоимости австрийской школы.

Но, несмотря на наличие сходных черт, теория Кляггеса представляет шаг назад даже в сравнении с теорией стоимости австрийской школы. У Кляггеса стоимость сведена к потребительной стоимости как таковой, а эта последняя растворяется в абстрактном понятии энергии. У австрийцев стоимость рассматривается как отношение людей к вещам. Что же касается нашего автора, то у него стоимость рассматривается просто как природное свойство вещей *an und für sich*.

Меновая стоимость оказывается частью потребительной стоимости, что ставит наголову все понимание меновых отношений, причем часть эта постоянно колеблется в водовороте рыночной конкуренции. Цены не вращаются вокруг стоимости, как учили еще классики, никогда не могут ей соответствовать и независимы от нее.

По существу эта теория означает уничтожение теории стоимости. Стоимость растворена в понятии потребительной стоимости. От категории относительной стоимости как выражения собственной стоимости одного товара в определенной меновой пропорции с другим товаром автор отказывается. А меновая стоимость объявлена синонимом рыночной цены.

Таким образом получается, что товар обладает лишь потребительной стоимостью, представляет собою некий аккумулятор известного рода энергии, с одной стороны, и в процессе рыночной борьбы приобретает цену, с другой стороны. В таком понимании товара нет ничего нового. Достаточно здесь напомнить вульгарного экономиста Бейли. Стоимость как закон общественных связей людей остается скрытой за ее натуральной и денежной формами.

Теперь обратимся к тому «великому» открытию г-на Кляггеса, что стоимость есть энергия.

В 1931 г. вышла книга фашиста Аберта «Денежный капитал как *restitut mobile*» с предисловием известного физико-химика и натурфилософа Вильгельма Оствальда. В этом предисловии Оствальд разде-

ляет символ веры германского фашизма — теорию «процентного рабства» — и поощряет натуралистически-энергетический подход автора к проблемам политической экономии.

Подобно Кляггесу, Аберт стремится превратить стоимость в категорию «точной науки», смешивает стоимость с потребительной стоимостью и сводит стоимость к энергии.

Новоявленные теории стоимости Кляггеса и Аберта представляют прямой продукт так называемого «энергетического мировоззрения» Оствальда, который был охарактеризован Лениным как «путаный агностицизм, спотыкающийся кое-где в идеализм».

В своей «Натурфилософии» Оствальд стремится подвести все явления природы и общества под один принцип энергии. Ленин прямо писал «о неразрывной связи реакционной гносеологии с реакционными потугами в социологии». Поддержка 80-летним Оствальдом фашистских теоретиков блестяще подтверждает этот вывод Ленина.

Критикуя Богданова, Ленин писал: «Можно ли себе представить что-нибудь более бесплодное, мертвое, схоластичное, чем подобное наизывание биологических и энергетических словечек, ровно ничего не дающих и не могущих дать в области общественных наук?.. Вся эта попытка от начала до конца никуда не годится, ибо применение понятия «подбора», «ассимиляции и дезассимиляции» энергии, энергетического баланса и пр. и т. п. в применении к области общественных наук есть пустая фраза. На деле никакого исследования общественных явлений, никакого уяснения метода общественных наук нельзя дать при помощи этих понятий... приемы этого подгонянья, этой «социальной энергетике» сплошь фальшивы и ничем не отличаются от приемов Ланге»¹.

Энергетический монизм есть затушевывание качественных различий, специфичности законов естественных и общественных. Он увековечивает эти последние и представляет грубую буржуазную апологетику, прикрытую нарядом естественнонаучной терминологии.

Что может дать закон сохранения энергии в теории стоимости кроме подмены анализа исторически данных производственных отношений людей «ковыранием палкой в тумане», как говорит немецкая пословица? Только одно: самую беспардонную защиту капитализма. Как увидим ниже, г-н Кляггес специально, ad hoc, сконструировал изложенную теорию стоимости, чтобы объявить источником капиталистической прибыли природу и средства производства.

Несостоятельность «новой» теории стоимости ясно обнаруживается при первой попытке приложить ее к отношениям буржуазного общества.

У Кляггеса получается, что с развитием техники и с ростом производительности труда собственная стоимость товаров возрастает, а не падает.

Далее, если статья на точку зрения теории Кляггеса, исчезнет основа измерения стоимости товаров, ибо нельзя же принимать всерьез тезис автора об определении величины стоимости физическими мерами. Раз стоимости сведены к потребительным стоимостям, то где tertium comparationis, без которого немисливо приравнивание товаров друг к другу? Не по количеству же зарядов электронов сравнивать товары!

Почему 1 кг золота дороже 1 кг хлеба? Потому, ответит наш автор, что оно доставляет человеку больше энергии. Это ли не клоунада?!

На стр. 8 Кляггес заявляет, что одежда не только сберегает, но и доставляет силы (повышает настроение и пр.). Но это уже переворот не только в политической экономии, но и в медицине, психологии и физиологии!

Нелепость «новой» теории стоимости обнаруживается далее в том, что цену Кляггес ставит в связь с затратами труда на производство товара, а стоимость его объявляет абсолютно независимой от этих затрат.

В примере с углем оказывается, что потребительная стоимость представляет лишь часть полной стоимости. В других же примерах (машина, одежда и пр.) эти категории представлены как равновеликие. Универсальной формулы, как уверяет Кляггес, у него не получается.

В вопросе об источнике стоимости Кляггес воспроизводит взгляды Сэя и других вульгарных экономистов, а отчасти и физиократов. Это — копия буржуазно-апологетической «теории производительных услуг» трех факторов: природы, капитала и труда. Но в отличие от прежних вульгарных экономистов Кляггес маскирует свой тезис о производительности капитала рассуждениями о капитале как застывшем, но действующем труде.

Не представляют ничего нового рассуждения Кляггеса о потреблении как стоимостеобразующем факторе и о производительности торгового капитала. Старые, избитые истины вульгарной экономии от Николая Барбона до Бем-Баверка!

¹ Соч., т. XII, изд. 3-е, стр. 268.

Кроме всего прочего апологетичность «новой» теории состоит в том, что она отрицает внутреннее противоречие товара и двойственный характер труда, исключительную роль человеческой, рабочей силы как источника стоимости и роль товарной формы как зародыша всех противоречий капитализма.

Как мы увидим ниже, «самоошейшая» фашистская теория стоимости задумана и сконструирована исключительно: 1) с целью квазинаучного обоснования задачи террористического удушения революционного авангарда пролетариата и неслыханного ухудшения жизненного уровня рабочих, возложенной умирающим капитализмом на национал-социалистскую партию; 2) с целью придать научную видимость социальной демагогии и всем шарлатанским обещаниям пророков «третьей империи».

Из оригинальных открытий г-на Кляггеса в теории денег необходимо отметить его предложение: золото как мерило стоимости заменить счетом в единицах энергии.

«В бумажных деньгах масштаб стоимости взят еще от золота, хотя само оно уже более не является средством обмена. При современном состоянии менового хозяйства это есть отсталость. Вместо золотых знаков стоимости теперь было бы целесообразно применять масштаб стоимости, который выражал бы стоимость в ее действительных единицах, именно в единицах энергии, киловаттах, килограммо-метрах, калориях или работах. Хозяйство будущего, которое будет регулироваться на основе математически естественно-научного учения о хозяйстве, безусловно будет обладать также и математически-естественно-научной мерой стоимости как средством обмена» (стр. 84).

Эта «гениальная» идея сродни теории энергодоллара американских «технократов», возглавляемых Говардом Скоттом. Проповедники этой идеи хотят излечить капитализм от всех раздирающих его недугов путем замены золотого эквивалента счетом в единицах энергии. Трудно сказать, чего здесь больше, — шарлатанства или невежества.

В сущности этот проект воспроизводит в модернизированном виде старую романтическую утопию трудовых бон. Конечно в наш век электричества и атомной физики рабочие свидетельства приняли вид энергодолларов. Кроме того если рабочие деньги Грея, Брея, Прудона и др. были утопией мелкобуржуазного социализма, то «энергетические» деньги нынешних теоретиков буржуазии — утопия знахарей и телохранителей умирающего капитализма. «Энергетические» деньги означают уничтожение самой основы буржуазного производства, отмену товарной природы денег и превращение рабочего времени, заключенного в товарах, в непосредственно обобществленное рабочее время. Прежде чем ввести плановое распределение продуктов согласно новому критерию, необходимо уничтожение частной собственности на средства производства. Господа капиталисты это понимают, и поэтому американские технократы встречены в штйки самым монополистическим капиталом.

Фашистские политико-экономы всячески превозносят Адама Мюллера в качестве Адама национальной экономической науки. Мюллер писал: «По нашему представлению каждый независимый суверен имеет право назначать известный металл деньгами, присвоив ему общественную номинальную стоимость, разряд, положение и название». По поводу этого Маркс говорит: «Что касается названия, господин надворный советник прав, он забывает только о содержании... Было два обстоятельства, которые давали А. Мюллеру специальное право на так называемое высшее понимание политической экономии. Это, с одной стороны, его большое невежество в области экономических фактов, с другой — его чисто дилетантское мечтательное отношение к философии» («К критике политической экономии»).

Идея романтического Адама Мюллера по сути дела одинакова с идеей г-на брауншвейгского министра. Но в чем не может быть заподозрен г-н фашистский министр, так это в мечтательности. Не те времена!

3. Фашистская теория капитала, прибыли и зарплаты

Несмотря на все свое отрицательное отношение к классикам, г-н Кляггес вслед за Рикардо рассматривает капитал как накопленный труд. По его мнению, капитал — это «посредственный труд», «кристаллизованная человеческая рабочая сила». Разумеется, фашистский теоретик обходит тот доказанный Марксом факт, что капитал есть накопленный неоплаченный труд рабочих, а не труд капиталиста.

Наоборот, автор рассматривает капитал как «сбереженную стоимость» и «запас стоимости», приближаясь здесь к буржуазно-апологетической теории воздержания Сениора и К^о.

В то же время, для того чтобы создать видимость критики капитализма, г-н Кляггес заявляет, что «средства труда, находящиеся в частной собственности, еще не суть капитал, а просто машины, сырье и т. д., которые необходимы для стоимостедобывания». Они становятся капиталом лишь потому, что свободная капиталистическая конкуренция (1) не только придает их собственникам власть, но, наоборот, даже вынуждает употреблять их собственность во вред совокупному сообществу стоимостедобывания

и его отдельным звеньям» (стр. 81). «Следовательно причина капиталистической несправедливости лежит не в существовании строя собственности, а в неограниченном господстве хозяйственной силы, как она связана с безграничной конкуренцией и с вытекающей отсюда капиталистической анархией» (стр. 81).

Итак, дело не в монополии капиталистов на средства производства, а в конкуренции и в «хозяйственной силе», которая неизвестно откуда возникает, во всяком случае, по Кляггесу, не из капиталистической частной собственности.

Кляггес различает две формы труда: «текучий капитал заведения» (Betriebskapital), который «состоит из предметов потребления всякого рода», и «основной капитал» (Anlagekapital), который «состоит из различных средств труда (машины, сырье и т. д.)» (стр. 52). Как видит читатель, здесь мы имеем яркий образец невежественной путаницы элементарных понятий: сырье у Кляггеса попало в основной капитал, а оборотный капитал оказывается в форме средств потребления. Г-да Крупп и Тиссен едва ли могут быть довольны квалификацией своих ученых агентов! Впрочем для них г-н Кляггес более важен в другой роли — как министр внутренних дел одного из крупных промышленных районов Германии.

Что касается теории прибыли, то здесь г-н Кляггес воспроизводит эвзевскую теорию услуг. Прибыль есть плата за услуги капитала в производстве и обращении. «Прибыль капиталиста есть доля, приходящая за услуги посредственного труда (средства труда, капитал)» (стр. 159). Функция капитала отождествляется с функцией труда, и апологетическая цель фашистского теоретика достигнута.

«Без поддержки посредственным трудом и его потребления прямой человеческий труд не может превратить естественные стоимости в хозяйственные потребительные стоимости».

«Поэтому, — пишет автор, — этот потребляемый посредственный труд столь же участвует в добывании хозяйственной потребительной стоимости, сколь и потребляемый при этом непосредственный труд. Поэтому он имеет право не только на возмещение, но и на прибыль» (стр. 97).

«Где остается хозяйственная прибыль? — спрашивает г-н Кляггес. — Как владетель хозяйственной силы, собственник средств труда, товаров и денег вообще в состоянии сверх издержек и зарплаты присваивать прибыль, которая соответствует находящемуся в его распоряжении капиталу?» (стр. 97).

Надо отметить, что, по Кляггесу, избыток стоимости над издержками происходит из двух источников: из услуг капитала и природы. Частнохозяйственная прибыль определяется разницей между ценой и издержками, а превышение над издержками есть часть потребительной стоимости, доставленной природой и трансформированной при посредстве капитала (стр. 15, 23 и др.).

Это — «неоплаченная потребительная стоимость».

Таким образом не капиталистическое присвоение неоплаченного труда рабочих, не эксплуатация пролетариата, а эксплуатация природы оказывается жизненной основой капитализма.

Как же определяет г-н Кляггес стоимость рабочей силы и заработную плату?

Если «продавец совершенно безвластен, — говорит Кляггес, — то он постоянно должен продавать по своим собственным издержкам труда. В этом положении находятся все немущие, которые могут продавать лишь свою рабочую силу... за заработную плату, которая достаточна лишь для воспроизводства их собственной рабочей силы» (стр. 15).

Стоимость рабочей силы г. Кляггес определяет, исходя из голого физиологического минимума и в калориях, как будто уже общество осуществило «остроумный» проект нашего изобретателя насчет замены золотого мерила стоимости калориметрическим. Он определяет стоимость рабочей силы в 17 393 калории в среднем ежедневно.

«Следовательно это количество энергии (!), — заявляет автор, — составляет среднюю зарплату рабочего, доставляющего силу» (стр. 92).

Кляггес замазывает «морально-исторический» элемент, входящий составным моментом в воспроизводство рабочей силы. Стоимость рабочей силы различна для разных этапов развития буржуазного общества. Социально-культурные потребности, кроме потребности в пище, одежде, жилище, обуславливают возобновление и развитие рабочей силы.

Теория физиологического минимума в руках идеологов фашизма служит для оправдания того неслыханного наступления капитала на жизненный уровень рабочего класса, которое организует фашистская диктатура. Не удивительно, что за этой теорией следуют все остальные элементы так называемого «железного закона заработной платы», зачатки которого мы находим у Тюрго и Рикардо, закона, который был поставлен в основу агитации Лассалья, «закона», который ныне мобилизован национал-социалистским «теоретиком» для

о оправдания кровавой фашистской реакции и для увекочевения системы капитализма.

Преподнося старую теорию «железного закона», приукрашенную «энергетической» терминологией, г-н Кляггес обосновывает тезис о тщетности борьбы рабочего класса за улучшение своего экономического положения.

Зарплата будет превышать, говорит Кляггес, сумму в 17 393 калории, если спрос рабочей силы выше ее предложения, пока увеличение прироста рабочего населения не приведет к обратному положению.

Но г-ну Кляггесу и этого мало. Чтобы окончательно доканать зловредную марксистскую «теорию классово́й борьбы», фашистский министр развивает оригинальную теорию потребительной стоимости рабочей силы. Г-н Кляггес пишет: «Меновая стоимость, цена или плата рабочего движется между издержками труда и потребительной стоимостью» (стр. 18). Далее оказывается, что потребительная стоимость рабочей силы гораздо ниже издержек ее воспроизводства.

«Превышает ли потребительная стоимость человеческой рабочей силы издержки труда?» — спрашивает г-н Кляггес. Вопрос поставлен ребром. Маркс дал определенное решение: потребительная стоимость рабочей силы состоит в ее способности создавать стоимость, превышающую ее собственную стоимость, откуда капиталист и извлекает прибыль.

Иначе смотрит на вопрос бравый теоретик национал-социализма: «Потребительная стоимость хозяйственного блага равна количеству энергии, которое она доставляет или сберегает... Опыт говорит, что рабочий при однообразной профессиональной работе (завивка свай) в 10 час. в среднем доставляет 300 калорий. Следовательно, если рассматривать человека как силу, доставляющую хозяйственное благо, как силовую машину, как товар, то его потребительная стоимость в 300 калорий гораздо ниже его издержек труда в 17 393 калории» (стр. 94).

Отсюда вывод: «По закону обмена соразмерно силе плата за человеческую рабочую силу должна стремиться падать ниже ее собственных издержек труда, поскольку сама потребительная стоимость лежит гораздо ниже ее и меновая стоимость вообще движется между издержками труда и потребительной стоимостью» (стр. 95). «На том факте, что у человека как доставителя сил в противоположность большинству других стоимостей потребительная стоимость ниже издержек труда, основано особенное хозяйственное бессилие человеческой рабочей силы в капиталистическом конкурентном хозяйстве» (стр. 95).

Весь этот бред увенчивается следующим сногшибательным заявлением: «Следовательно человек, рассматриваемый как чисто хозяйственный силовой фактор, есть нуль. Если сложить много нулей вместе, то мы опять всегда получим лишь один нуль... Тем самым разрешена задача, почему рабочие массы, объединенные в международные профсоюзы, ничего не значат и не могут ничего значить как хозяйственная сила в капиталистической системе» (стр. 95—96; разрядка моя—В. Б.).

Если физиократы считали произведенных рабочих непроизводительными, то Кляггес объявляет непроизводительным труд всех рабочих. Оказывается, рабочие даже не возмещают средств их существования. Отсюда, из этого «вечного», «естественного» закона, вытекает невозможность какой-либо борьбы рабочих за улучшение их материального положения (см. особ. стр. 93). Все эти рассуждения зарвавшегося апологета представляют подлинный шедевр в истории вульгарной политической экономии.

Теория «железного закона заработной платы» и бесплодности живого труда есть обоснование нового похода капитала на жизненный уровень рабочих, стремление доказать незыблемость и вечный, естественный характер капиталистической системы эксплуатации, нищеты и голода, стремление деморализовать рабочие массы, подымающиеся на борьбу против капитализма.

Если Кляггес объявляет непроизводительным труд рабочих, то он другого мнения о «труде» промышленников капиталистов. «Изобретатели и организаторы (читай — предприниматели — В. Б.) суть почти чистые сберегатели силы. Поэтому их хозяйственная потребительная стоимость особенно высока» (стр. 19).

Сопоставляя ссудный капитал, промышленный капитал и пролетариат, Кляггес дает такую диспозицию: «Исключительная сила в руках ссудного капитала, предприниматели распоряжаются умеренной силой, в то время как неимущие рабочие противостоят этим обоим слоям капиталистов бессильными» (стр. 93).

Кляггес, как и все фашисты, пытается изобразить в качестве главного зла ссудный капитал, с тем чтобы оправдать ту форму капитала, в которой он непосредственно эксплуатирует пролетариат. Больше того, сам промышленный капитал изображается как объект угнетения и насилия со стороны банковского капитала. «Хозяйственная сила предпринимателей лишь незначительна в сравнении с силой ссудных или финансовых капиталистов; поэтому мы не должны удивляться, когда и предприниматель собственник и доставитель посредственной создающей рабочей силы

не может удержать прибыль, а вынужден благодаря процентному рабству отдавать большую часть ее финансовому капиталисту» (стр. 101).

Крупп, Тиссен, Сименс в роли эксплуатируемых и обиженных!

Но развивая национал-социалистскую демагогию о «процентном рабстве», г-н Кляггес не забывает разъяснить законности требований денежного капитала на известную прибыль в размере премии за риск, компенсации за обесценение капитала и за «услуги» денежного капиталиста. «В той мере следовательно, в какой он будет подвергнут опасности убытков, в той мере, в какой капитал будет обесценен благодаря росту успехов хозяйства, будет потреблен посредственный труд, содержащийся (!) и в финансовом капитале, в такой же мере денежный капиталист имеет право участвовать в общей хозяйственной прибыли» (стр. 97—98).

Весь свой «анализ» доходов Кляггес завершает выводом: «Капиталистическая несправедливость состоит следовательно не в том, что собственник средств труда и денег вообще получает сверх возмещения его благ долю хозяйственной прибыли, а в том, что создающий труд как доставитель непосредственной рабочей силы благодаря своему хозяйственному бессилию совершенно отстранен от такого участия» (стр. 98).

Выходит: капитализм хорош, «несправедливо» лишь неучастие рабочего в прибыли.

Причину «несправедливости» капитализма Кляггес усматривает в конкуренции и распределении прибыли по «хозяйственной силе». «Причину всех этих неблагоприятий надо искать в том факте, что капитализм благодаря объявлению безграничной конкуренции свел распределение совокупной хозяйственной прибыли исключительно к функции хозяйственной силы. Хозяйственное кулачное право, которое покоится на этом, есть настоящее канново клеймо капитализма и причина капиталистической несправедливости» (стр. 98).

Таким образом, замазывая все основные противоречия капитализма, заложенные в производственных отношениях пролетариата и буржуазии, Кляггес ограничивается лишь моральной квалификацией капитализма, указывая на «капиталистическую несправедливость».

Кляггес обвиняет капитализм в том, что он уничтожил «национальную хозяйственную самостоятельность» и создал «угрозу безопасности национальной жизни». Это — одна сторона капиталистической несправедливости против общего блага». Далее, г-н Кляггес указывает на бесплановость производства, сводя к этому объяснение периодических кризисов (стр. 79). Другое проявление «капиталистической несправедливости», по Кляггесу, — конкуренция и классовая борьба. «Не товарищество, а вражда, не сотрудничество, а классовая борьба были до сих пор лозунгом. Это разрушение органического сообщества... есть капиталистическое предательство человечества, капиталистическая несправедливость в особенности» (стр. 79).

По Кляггесу, не что иное, как «либеральная хозяйственная анархия, поныне представляет причину бесчисленных хозяйственных кризисов, причину нищеты производителей» (стр. 3).

В чем коренится угнетение пролетариата при капитализме? Г-н фашистский теоретик отвечает на этот вопрос так: «Настоящую причину капиталистического угнетения производителей надо искать в том факте, что вследствие безграничной конкуренции во всех хозяйственных делах решает одна хозяйственная сила, которой не соответствует никакое право. Капитализм не есть строй собственности, он не есть хозяйство собственности, капитализм есть возведенное в принцип хозяйственное кулачное право» (стр. 81).

«Хозяйственная сила и собственность отнюдь не совпадают, — заявляет этот оголтелый апологет. — Правда, хозяйственная сила может быть связана с собственностью, но все же владеющий имуществом нередко хозяйственно бессилён, например тогда, когда его произведения оказываются непроданными или когда он приводит в действие хозяйственную силу при помощи государственной власти (домовладелец)... С другой стороны, может и не имеющий собственности при известных обстоятельствах пользоваться хозяйственной силой, например счастливый изобретатель или государственный чиновник» (стр. 81).

Г-н Кляггес вьетя ужом, чтобы скрыть действительные причины классового антагонизма между буржуазией и пролетариатом и основное противоречие капитализма — противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением. Грубая защита капиталистической собственности ярко показывает цену фашистской демагогии насчет «несправедливости» капитализма.

4. Капиталистический кризис и фашистский план его преодоления

В своем объяснении «сущности кризиса» г-н Кляггес оперирует тремя понятиями: потребность, производительность и покупательная сила. Если эти три величины равны, то народное хозяйство в целом здорово (стр. 119). Далее фашистский теоретик различает 3 типа «больных хозяйств».

А м е р и к а: богатое, но больное хозяйство. Здесь «потребности равны производительности, а покупательная сила меньше обеих». Т у р ц и я: бедное, но здоровое хозяйство. Здесь производительность меньше потребности и равна покупательной силе. Г е р м а н и я. «Хозяйство бедное и больное одновременно. Здесь производительность меньше потребности, покупательная сила меньше производительности» (стр. 120).

«Прежде всего, — поясняет автор, — мы страдаем из-за узкого пространства и отсутствия некоторых важных естественных ценностей благодаря ограблению» (стр. 120).

Далее. «Наш хозяйственный кризис со всей ясностью представляется как кризис капитала» (стр. 121). «Причина кризиса не в недостаточной возможности труда, а в недостаточном запасе стоимости, в недостатке капитала. В общем он основывается на недостатке капитала вообще, в особенности на несоответствии, которое существует между основным капиталом и оборотным капиталом не в пользу последнего» (стр. 128).

Фашистский министр утверждает, что в Германии перепроизводство лишь кажущееся. «Запас предметов потребления, — говорит он, — недостаточен, чтобы полностью содержать всех соотечественников, пока могут быть проданы изготовленные ими продукты. Кажущийся избыток этих вещей получается следовательно лишь от того, что покупательная сила еще меньше, чем запас стоимости». Это рассуждение столь же остроумно, как если бы было сказано, что мировой экономический кризис есть лишь кризис по видимости, ибо потребности миллионов голодающих безработных громады и все товарные запасы были бы потреблены, если их предоставить нуждающимся. Г-н Кляггес со своими рассуждениями о кажимости перепроизводства напоминает страуса, прячущего голову в песок. Разница только в том, что страус это делает «от чистоты душевной», чего нельзя сказать о нашем «великом» теоретике национал-социализма,

Теория недостатка капитала затушевывает глубочайшую причину капиталистических кризисов, коренящуюся в противоречии между общественным характером производства и частнокапиталистическим характером присвоения. Объяснение кризисов недостатком капитала — ходячая теория буржуазных экономистов, особенно после Туган-Барановского. В действительности и в Германии мы имеем перепроизводство капитала, выражающееся в омертвлении основного капитала благодаря отсутствию платежеспособного потребления, анархии и обостренной конкурентной борьбы на мировом рынке. Америка не может жаловаться ни на недостаток «пространства», ни на недостаток капитала, но она тоже поражена глубочайшим кризисом.

«Причина, — говорит Кляггес, — которая разрушила покупательную и потребительную силу германского рынка и вместе с тем сильно сократила производство против уровня производительности, — репарации, контрибуции, проценты за границе, неограниченный ввоз» (стр. 123). Сюда присоединяются «хозяйственная анархия», неправильное кредитование промышленности, «нецелесообразная и избыточная связь нашей валюты с золотом» (стр. 124).

Все эти рассуждения должны, по мысли их автора, вести к выводу, что не капитализм виновник кризисов и безработицы, а лишь поражение германского империализма и его политические последствия и что в национал-социалистском царстве, несмотря на сохранение капиталистического строя, исчезнут кризисы, проблема рынка, нищета и безработица. Другой вывод, который делает Кляггес из теории недостатка капитала, — необходимость форсированного накопления, разумеется, исключительно путем еще более бешеной эксплуатации и ограбления пролетарских масс.

В главе о «Сущности кризиса» г-н Кляггес развивает безграмотную и нелепейшую теорию кругооборота общественного капитала.оборотный капитал в форме средств потребления — «главный кругооборот». Основной капитал в форме средств труда — «вспомогательный кругооборот». Расширение первого идет за счет второго и пр. и т. п. Вся эта ужасающая чепуха ярко характеризует теоретический уровень «самоновейшей» политической экономии национал-социализма.

Перейдем к проблеме выхода из кризиса. Автор формулирует две задачи национал-социализма: 1) «вести общее оздоровление народного хозяйства путем преодоления хозяйственного кризиса», 2) забота об оплате «соотечественников» по их «народно-хозяйственной услуге» (стр. 118).

Первая задача, по мнению автора, должна быть решена прежде всего путем увеличения производства средств потребления. Его Кляггес считает «главным кругооборотом», могущим в отличие от I подразделения быстро дать занятие рабочим, уменьшить безработицу и довести потребительную силу до уровня наличной производительности.

Все закономерности воспроизводства здесь поставлены наголову.

За дымовой завесой «теоретических» рассуждений о необходимости начать с расширения II подразделения, неожиданно обнаруживается тот действительный

план выхода из кризиса, который служит руководством к действию для фашистской диктатуры. В главе о «Методике оживления хозяйства» г-н Кляггес указывает: «Поэтому первая задача хозяйственного оздоровления означает не создание возможностей труда, а создание капитала, чтобы смочь пустить в ход труд. Создание капитала в народнохозяйственном смысле возможно лишь путем создания нового запаса стоимости, который должен вырасти из фактического производства, следовательно из труда» (стр. 128). Разумеется, о том, как выжать из труда эти новые «запасы стоимости», г-н Кляггес дипломатично умалчивает.

В будущем строе капитализма, исправленного на фашистский образец, «всякому увеличенному капиталу должно противостоять соответствующее увеличение дохода труда, чтобы смочь пригласить для использования возросшей производительности увеличенную потребительную силу и избежать нового кризиса» (стр. 129).

Кроме того должно быть, заявляет автор, регулирование накопления и распределения капитала разных предприятий и отраслей народного хозяйства. Но как это сделать? Единственным ответом на этот вопрос служат такие заявления: «Мы не можем оставить распоряжение нашими хозяйственными резервами в руках евреев. Управление ими должно быть передано общепольному кредитному институту». «На место капиталистического кулачного права будет поставлен национал-социалистский правовой порядок» и т. д. и т. п. (стр. 129, 130). Разводя эту демагогию, Кляггес подчеркивает, что «национал-социализм принципиально отрицает переход производства благ в руки государства. В этой области менее всего следует отказываться от личной энергии и предпринимательского духа, раз будет стремиться к наибольшей плодотворности труда» (стр. 131). Далее. «Не может быть речи о том, чтобы «отбросить» какую-либо из форм вознаграждения: прибыль, арендную плату и процент. В противном случае «сделался бы невозможным труд в его культурной форме» (стр. 132).

Наоборот, национал-социализм «должен усматривать свою задачу в создании системы, благодаря которой производительные силы будут приняты во внимание при распределении стоимости по справедливому единому масштабу... Этим масштабом может быть лишь народнохозяйственная услуга... Речь идет о том, чтобы определить Leistungslohn, Leistungspreis и Leistungszins. Каждая должна состоять из двух частей: 1) издержки, подлежащие возмещению, 2) «доля полученной народнохозяйственной прибыли» (стр. 132).

Таким образом национал-социалистские лекари капитализма, отказываясь от вмешательства в управление производством, обещают устранить все противоречия капиталистического способа производства путем установления новой, «справедливой» системы распределения национального дохода. Но как это возможно при сохранении тех производственных отношений, простым отражением которых являются отношения распределения? «Цены товаров, — читаем мы дальше, — устанавливаются так, что кроме всех издержек производства и других расходов в них содержится норма прибыли, которая составляет 10% на необходимые вложения и текущий капитал» (стр. 133).

Ясно, что о таком регулировании не может быть и речи в условиях капиталистической системы и что это сплошная демагогия, рассчитанная на идеологическую обработку мелкой буржуазии и отсталых рабочих.

Но выяснив, как возможно осуществление указанного распределения дохода, г-н Кляггес доказывает выгоду этой системы решительно для всех: для предпринимателей, банкиров, мелкой буржуазии и рабочих.

Предпринимателю он обещает ограничение притязаний ссудного капитала, освобождение от убытков, умеренный, но обеспеченный доход и вытекающую отсюда же возможность существования такого количества предприятий, «которое было неизвестно в капиталистическом хозяйстве» (стр. 135).

Денежному капиталисту в обмен за ограничение прежних возможностей обогащения Кляггес обещает освобождение от опасности потери капитала.

«Наконец живая услуга труда получает теперь свою долю прибыли, в которой она нуждается. Она будет равна одной трети прежней заработной платы» (стр. 135).

Кляггес дает пример распределения прибыли на одной фабрике: «Прибыль, учтенная (!) в ценах», составляет 10% на капитал. Из нее капиталу отдается 21 700 марок, а рабочим (их всего 100 чел.) сверх зарплаты Кляггес щедро дарит 58 300 марок. Даже 300 марок не забыты! Какие добрые люди фабрикант и его советник, г-н брауншвейгский министр!

И все это имеет своей высшей целью со временем превратить рабочих в капиталистов или в мелких буржуа — в зависимости от способностей каждого.

Из-под пера вдохновенного г-на Кляггеса льется музыка национал-социалистского будущего: «Правильное распределение хозяйственной прибыли между всеми участниками, как к этому стремится национал-социализм, сделает затем возможными социальное преобразование капиталистических отношений собственности. Установленная добро-

вольно (1) доля прибыли даст также и рабочему возможность приобрести собственность; будь то дом с садом и какое-нибудь поле или доля владения в предприятии, в котором он работает, будь то сбережение, положенное на хранение в официальном кредитном учреждении под ответственность народного целого» (стр. 136).

Мало того: «Благоприятное действие нового строя даст себя знать в предприятиях в улучшении рабочей морали всего коллектива рабочих. Противоречие интересов, которое до сих пор столь сильно проявляется во вред делу, будет отменено (стр. 136—137). Да здравствуют классовая гармония и всеобщее процветание!

Кляггес разводит канительную возню с «формулой справедливой зарплаты». Формула $\sqrt{A \cdot G}$ означает на собственном тарбарском языке Кляггеса корень из произведения «стоимости труда» на «потребительную стоимость» (стр. 144 и др.). Формула $A\sqrt{S}$ означает произведение «стоимости труда» на корень из «специфической стоимости». Полная формула: $\sqrt{x} \cdot \sqrt{y} \cdot \sqrt{AG}$, где взяты средние услуг и результатов по данному предприятию и отраслям.

«За высшую услугу высшее вознаграждение» — таков, по Кляггесу, лозунг распределения дохода (стр. 147). Различия в «хозяйственном положении» вопреки «либерально-марксистским убеждениям» останутся, и «будут особенно тонко разработаны ступени различий вознаграждения». Стоит только применить «ученые» формулы г-на Кляггеса! «Раз плата непосредственных и посредственных услуг труда по отношению к определенному товару установлена, то цена товара получается как сумма вычисленных величин» (стр. 154). Убийственная конкуренция заменится свободным и здоровым соревнованием, «хозяйственная сила — социальным правом», «ход хозяйственного развития будет более постоянным».

«Собственность на средства труда отныне не сможет капиталистически злоупотребляться» (стр. 156). «Но она отнюдь не утратит своего значения» и т. д. и т. п.

Далее г-н Кляггес говорит об обеспечении «права на труд» и о «необходимости регулировать процент, цены и зарплату, чтобы сохранить равновесие между производительной и потребительной силой» (стр. 157).

Автор ретиво отстаивает принцип автаркии — этот гвоздь экономической программы фашизма. «То, что мы называем мировым хозяйством, — заявляет фашистский теоретик, — есть клубок изменчивых народно-хозяйственных отношений, но не организм» (стр. 63). Отстаивая реакционную теорию убывающего значения внешнего рынка, г. Кляггес призывает в качестве «благородного» свидетеля социал-фашистский орган «Форвертс». «Национал-социализм, — говорит автор, — хочет внутри страны построить народное хозяйство соответственно жизненным потребностям нашего народа и для увеличения его силы, а затем присоединить к нему необходимые хозяйственные отношения с другими народами» (стр. 64).

Лозунг национал-социалистов об обеспечении экономической независимости Германии от мирового рынка есть пустая демагогия. Пока Германия является капиталистической страной, всякие заявления об освобождении от влияния мирового рынка, от подчинения законам мирового капиталистического хозяйства есть живые фразы, рассчитанные лишь на агитационный эффект. Только диктатура пролетариата, как это блестяще показывает опыт СССР, может обеспечить подлинную независимость от остального капиталистического мира. Под лозунгом автаркии фашисты хотят протащить утверждение, что после гитлеровского переворота принципиально изменилась социально-экономическая структура германского народного хозяйства. В действительности же установление открытой фашистской диктатуры ни на iota не изменяет факта господства закона капитализма в Германии и ее подчиненности общим связям мирового капиталистического хозяйства.

Кляггес конструирует особое понятие «национал-социалистской справедливости», что означает обеспечение «самостоятельности и безопасности народа», «покрытие всех жизненных потребностей в собственной стране» (автаркия!), организацию «успешного стоимостедобывания», «поддержание равновесия производства и потребления» и вообще «упорядочение народного хозяйства» (стр. 73—76 и др.).

Эта «социальная справедливость в хозяйственной жизни может быть введена лишь окольным путем через политическую власть, если она находится в руках производящего народа и его творческого вождя» (стр. 159).

Одним словом, ясно, как «дважды два четыре», что путь к описанному земному раю лежит через диктатуру Гитлера и его приспешников.

Г-н Кляггес старательно подчеркивает: «Чтобы социально конституировать отчисления собственности, не нужно никакой конфискации собственности, так же как, с другой стороны, не рекомендуется никому ничего дарить. Совершенно достаточно, чтобы ежедневно вновь создаваемую стоимость так распределять, чтобы возможно было новообразование собственности производителей на средства труда... путем организации новых мелких предприятий... и путем участия во владении крупными предприятиями.

особенно в капиталистических обществах» (стр. 159). «В 10 лет, — уверяет автор, — совокупный капитал предприятий перейдет в руки рабочих» (стр. 159).

Таким образом «капиталистическое общество нетрудящихся превратится в социалистическое товарищество сотрудников». Это было бы фактом уже сейчас, если бы соответствующие мероприятия были начаты с 1918 г. Но все дело в предательстве «марксистов» и в интригах «еврейского капитала» и пр. и т. п. (стр. 159).

Вся эта разнузданная фашистская демагогия заканчивается рекомендацией национал-социалистического хозяйственного строя для САСШ (стр. 164) и «скромным» заключением автора, что его «учение о потребительной стоимости не только напоминает забытую, цель: создать гармонию общей пользы с собственной.. оно вместе с тем ясно и точно предрекает путь активно действующему вождю» (стр. 179).

5. Критика классиков и марксизма

Вся книга Кляггеса пронизана типичной для фашистов антисемитской демагогией и бешеными нападка на Маркса и классиков. С Марксом и Рикардо господин министр разделяется легко. Достаточно установить, что оба — евреи. Евреи — «торговый народ». Отсюда вывод: «Либерально-марксистское учение есть чуждая немцам еврейская идеология и орудие, при помощи которого еврейский капитал добивается миродержавия». Не выходит схема с Адамом Смитом. Но тут г-н Кляггес находит другое объяснение: «Англия была передовой торговой нацией, и отсюда — школа либерализма и «теория меновой стоимости» (стр. 29).

В «Немецкой идеологии» Маркс говорит: «Одному молодцу пришло однажды в голову, что люди тонут в воде только потому, что ими овладела мысль о тяжести». Г-н Кляггес и его коллеги рассуждают подобным же образом. «Учение Смита — Маркса, господствующее ныне в головах как предпринимателей, так и рабочих, как правителей, так и подданных, как стяжателей, так и созидателей, со всех сторон толкает к той роковой классовой борьбе, которая является подлинной причиной нашей национальной нужды» (стр. 25). Итак, классовая борьба есть продукт «учения Смита — Маркса»!

Кляггес усматривает у Смита две кардинальные ошибки. Первое то, что Смит отрицал роль природы как источника стоимости и «переоценил поэтому значение, которое имеет человеческий труд для образования богатства» (стр. 25). Второе то, что Смит «занимался лишь меновой стоимостью, совершенно пренебрегая потребительной стоимостью» (стр. 26).

Таким образом г-н Кляггес обвиняет Смита в том, что он преодолел натуралистический взгляд физиократов (наш критик едва ли знает, что у Смита, как отмечал Маркс, кое-где сохранилось влияние физиократов) и стал на прочную почву трудовой теории стоимости. Г-н Кляггес обвиняет Смита в недооценке потребительной стоимости, хотя Смит не виноват в том, что движущим стимулом буржуазного общества является не потребительная, а меновая стоимость.

По мнению фашиста Кляггеса, «Смит рассматривал хозяйство не с точки зрения народного целого и общего блага, а лишь с точки зрения собственной пользы частного торговца» (стр. 27). «Классическая политическая экономия, — авторитетно заявляет г-н Кляггес, — не была подлинным учением о народном хозяйстве, наоборот, она была теорией частного хозяйства. И даже не охватывала учение о хозяйстве, а лишь учение о торговле» (стр. 27).

Так теоретик загнивающего и умирающего капитализма третирует научную буржуазную политическую экономю эпохи зарождения капитализма. В предисловии к тому I «Капитала» Маркс писал, что беспристрастные изыскания классиков уступили место наемным писакам, которые сообразуются лишь с полицейскими интересами капитала. Фашистский министр Кляггес непосредственно и буквально соединяет в своей персоне функции вульгарного политико-эконома и начальника полиции.

Марксову теорию стоимости неистовый г-н Кляггес называет «учением индивидуализма о стоимости». Маркс, по утверждению Кляггеса, подходил к вопросу и д и в и д у а л и с т и ч е с к и. Далее, «у него не было, с одной стороны, понимания огромного значения потребительной стоимости в хозяйственной жизни, с другой стороны, он был еврей; следовательно как принадлежащий к чисто торговому народу не имел никакого стимула к тому, чтобы заменить истинным учением о хозяйстве учение о торговле Смита и Рикардо, называвшееся тогда теорией народного хозяйства». Поэтому все исследование Маркса «посвящено исключительно меновой стоимости» (стр. 133).

Далее г-н Кляггес критикует теорию стоимости Маркса, утверждая, что не только труд, но и природа являются стоимостеобразующим фактором. Единственно, на чем базируется его критика, это уверения самого г-на Кляггеса, что «стоимость суть энергии или силы». На этой основе он пытается опровергнуть

теорию прибавочной стоимости, этот краеугольный камень всего экономического учения Маркса.

«Человеческий труд, — говорит г-н Кляггес, — есть не что иное, как превращение одной формы энергии в другую. Но по несокрушимоу закону природы при таком превращении на обеих сторонах сохраняется одинаковое количество энергии, не больше и не меньше.

Теперь если человек способен своим трудом доставить вдвое больше энергии, чем было израсходовано в его собственном производстве, то здесь имеются лишь две возможности объяснения этого: либо здесь перед нами чудо «творения из ничего», или мы должны предположить, что возникшая стоимость получилась не только из человеческого труда, но отчасти и из другого источника. Но так как мы едва ли будем удовлетворены объяснением в смысле чуда, то серьезнее оставить исследование лишь па втором пути, на пути теории двух источников. Но вторым источником стоимости может быть только природа. К этому выводу приводит вопрос о происхождении прибавочной стоимости, если додумать его до конца» (стр. 36).

Эта замечательная аргументация апологета капиталистической эксплуатации напоминает рассуждение итальянского физиократа П а о л е т т и: «Дайте повару, — говорил он, — известное количество гороха, из которого он должен приготовить вам обед. Он подаст вам его на стол хорошо сваренным и приготовленным, но в том же количестве, в каком он его получил. Дайте то же количество садовнику, чтобы он доверил его земле. Когда придет время, он отдаст вам по крайней мере вчетверо более того, что получил. Вот истинное и единственное производство».

Ошибка физиократов и демагогия фашистских теоретиков основываются на смешении стоимости с потребительной стоимостью. Г-н апологет абстрагировался как от специфической общественной формы труда в капиталистическом производстве, так и от самой сути простого процесса труда, от особой роли живой человеческой рабочей силы.

Нелепа самая попытка аргументировать законом сохранения энергии и. Если было бы правильно класть его в основу теории стоимости, тогда вообще надо было бы сказать, что никакой новой стоимости не создается. В стоимость товаров не входит ни одного атома их природного материала, ибо сама стоимость есть абстрактный общественно-необходимый труд, кристаллизованный в вещах.

Впрочем у г-на Кляггеса есть другие «аргументы» против Маркса. «Как для еврея, — пишет он, — для него было достаточно следовать за ошибочными положениями классиков» (стр. 36).

Далее, цитируя «Азбуку коммунизма», Кляггес заявляет, что и «большевизм теоретически основывается на либерально (!) - марксистской теории стоимости» (стр. 39).

Что касается физиократов, то их г-н Кляггес тоже обвиняет в индивидуализме. Затем он указывает на то, что физиократы не понимали роль труда в процессе производства. Они, по мнению фашистского теоретика, впали в другую крайность в сравнении с классиками. Они «не видели, что не только природа, но и труд является источником стоимости».

Г-н Кляггес уверен, что единственно ему принадлежит высшее понимание политической экономии: «Теория предельной полезности, несмотря на свое противоречие, не сумела освободиться от меновой стоимости. Венская школа столь же мало смогла достичь удовлетворительной теории стоимости, как и классики» (стр. 43).

Отметив заслуги Листа и Тюнена, имена которых используют фашистами в их демагогии, г-н Кляггес открывает неизвестного доселе «гения» Эдуарда Захера, «гениального директора австрийской семинарии», который произвел «переворот в политической экономии». Кляггес ссылается на работу Захера «Очерки механики общества» (1881 г.) и др. и, как видно, здесь почерпнул все свои великие «открытия».

Но оставим этого светлого «гения» и обратимся к критике, которой г-н Кляггес подвергает учение Маркса — Энгельса о коммунизме. Здесь фашистский теоретик повторяет старые, давно битые доводы против коммунизма, на которые был дан сокрушительный ответ еще в «Коммунистическом манифесте».

«Если, — говорит г-н Кляггес, — при коммунизме каждый будет получать по потребностям, а не по услуге, то собственная польза как побудительная сила будет исключена. Как будет коммунизм посылать людей (!) на работу» при отсутствии необходимости трудиться? Как будет обеспечено улучшение средств и методов труда?»

Фашистский теоретик представляет себе только две формы организации труда: работу на капиталистов на основе экономической необходимости (но это «марксистский либерализм!») и работу на капиталисте же в концентрационном фашистском лагере. Кроме того Кляггес сознательно замалчивает учение марксизма-ленинизма о первой фазе коммунизма, которая должна выработать новое, коммунистическое отношение к труду.

Демагогия г-на Кляггеса достигает кульминационного пункта, когда он начинает страшать рабочих картиной всеобщей лени, которая якобы будет господствовать при коммунизме. «Коммунисты, — заявляет Кляггес, — дают индивидам возможность потреблять без указания соответствующей трудовой услуги. Этим они достигнут того же состояния, которое ввел и капитализм. Что однако возможно при капитализме лишь для владельцев большой хозяйственной силы... то коммунизм хочет позволить каждому. Так, в коммунистической хозяйственной жизни на место стяжания установится лень. Коммунизм есть капитализм с обратным знаком и более сильного пагубного действия» (стр. 106).

Вообще, заявляет г-н Кляггес «либерально-марксистское учение о меновой стоимости есть просто чистое учение о частной торговле, а отнюдь не учение о народном хозяйстве». А отсюда — «не способность проникнуть во внутреннюю анатомию национального общества стоимости добывания» и невозможность понимания «требований общепольного хозяйственного регулирования» и т. д. и т. п. все в том же замечательном стиле (стр. 108).

Далее, ок зывается, что «марксизм в отношении к народному обществу индивидуалистичен и анархичен».

Г-н фашистский министр не мыслит себе управления общественным производством без министерств, без полиции, без совещаний во главе с Тиссенами и Круппами.

Демагогия продолжается. «Марксизм не обеспечивает безопасности и самостоятельности национального общества стоимостедобывания» — пугает г-н Кляггес (стр. 111). Германские рабочие хорошо видят, как обеспечивают их безопасность и самостоятельность национал-социалистский министр внутренних дел Кляггес и его коллеги. Что же касается способности страны социализма защищать себя, то в этом отношении г-н Кляггес обнаруживает явное невежество в знании сил и мощи революции и коммунизма.

* * *

Таким образом мы видим, какова «новейшая», «точная», «математически-естественно-научная» политическая экономия, которую самосильно сконструировал национал-социалистский теоретик и брандмейстер Дитрих Кляггес. Мы видим, с каким идейным багажом выступает национал-социализм против марксизма и классической политической экономии. Мы видим, какова цена фашистской «науки». Политическая экономия фашизма есть отравленное демагогическое орудие террористической диктатуры умирающего капитализма.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА И ПРАКТИКА НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА

(Обзор литературы)

При изучении германского национал-социализма больше всего поражает та скудость идеологических средств, то исключительное убожество идеологического оружия, при помощи которого монополистический капитал в Германии мобилизовал для своей террористической диктатуры и бросил против революционного пролетарского движения широкие слои мелкой буржуазии в городе и деревне и массы всевозможных деклассированных элементов.

И если это бросается в глаза при ознакомлении с общей «философией» и «социологией» национал-социализма, с его расовой теорией и т. д., то тем более это поразительно при анализе его «экономической теории» и экономической программы. О ней, кстати сказать, очень мало писалось в советской литературе, и разбор нескольких национал-социалистских книг и статей по этому вопросу даст возможность советскому читателю составить себе некоторое представление об «экономическом учении» национал-социализма.

Главным и общепризнанным теоретиком национал-социализма в этой области является «дипломированный инженер», как он сам себя величает, Готфрид Федер. Его книга «Der Deutsche Staat auf nationaler und sozialer Grundlage» признана «самим вождем» Адольфом Гитлером как вполне адекватное изложение целей и стремлений национал-социализма. В предисловии к ней Адольф Гитлер пишет, что «Готфрид Федер в своей книге изобразил наши цели ясно, просто и понятно для всякого. Надежды и чаяния миллионов получили в ней форму и сильное выражение. Литература нашего движения приобрела в ней свой к а т е х и з и с».

Но этого мало. Говоря в своей книге «Mein Kampf» об авторе этого «катехизиса» национал-социализма, «великий вождь» Адольф Гитлер признает, что именно Готфрид Федер раскрыл ему глаза на окружающую действительность, научил его понимать скрытые пружины экономической жизни. В 1919 г., будучи солдатом, Гитлер случайно попал на лекцию Федера для солдат. Эта лекция стала для него откровением. «Когда я прослушал первую лекцию Федера, — пишет он, — у меня тут же промелькнула мысль, что я нашел наконец путь к одной из основных предпосылок создания 13-й партии. В моих глазах заслуга Федера заключалась в той беспощадной жестокости, с какой он выявлял спекулятивный и вредный для народного хозяйства характер биржевого и ссудного капитала и обнажал его извечную предпосылку — процент. Его доказательства были во всех основных вопросах настолько правильны, что критики не столько оспаривали теоретическую правильность идеи, сколько сомневались в практической возможности ее осуществления...» В особенности понравилась «вождю» основная идея Готфрида Федера — о «разрушении процентного рабства». О ней Гитлер отзывался в своей книге восторженно: «Когда я выслушал первую лекцию Федера о разрушении процентного рабства, я сейчас же понял, что здесь дело идет о теоретической истине, которая приобретает неимоверное значение для будущего германского народа. Резкое разграничение между биржевым капиталом и национальным хозяйством давало возможность выступить против интернационализации германского хозяйства, не подвергая в то же время опасности основы народной независимости и самостоятельности борьбы против капитала вообще.

Готфрид Федер, учитель «великого вождя», был впоследствии автором всех программных заявлений национал-социалистской партии по экономическим вопросам и руководил IV (экономическим), а впоследствии IV «А» (государственно-экономическим) отделом национал-социалистской партии.

Все это делает необходимым взять в качестве исходного пункта для характеристики экономической теории и программы национал-социализма сочинения Готфрида Федера и в особенности его книгу «Der Deutsche Staat auf nationaler und sozialer Grundlage».

Как и полагается резонирующему мещанину, Готфрид Федер начинает изложение основ своего «учения» с моральных постулатов и притом постулатов самого примитивного свойства. «Общее благо выше личного блага» — гласит высочайший закон национал-социализма — заявляет он. С точки зрения этого высочайшего закона он подвергает моральной оценке существующие отношения собственности. Признаваемое якобы современным законодательством неограниченное право собственности выражается Федером в формуле: «Все принадлежит одному». «Марксизм противопоставляет этой формуле другую, а именно: «Все принадлежит всем», ибо «основной идеей этой хозяйствен-

ной формы является отрицание частной собственности». Для характеристики феноменального невежества Готфрида Федерера достаточно следующей его фразы: «Марксистское учение заходит так далеко, что называет собственность прямо-таки воровством (Прудон)». Разбив наголову «марксиста» Прудона, Федерер торжественно декларирует «основной хозяйственный идеал национал-социализма», противоположный «вышеописанному экономическим крайностям марксистского социализма и крупнокапиталистического маммонизма западных демократов». В чем же заключается этот «великий», «основной» идеал? В лозунге «Каждому свое». С этим «лозунгом» Федерер носит, как с писаной торбой, припоминает изречение Фридриха Великого: «Всякой заслуге ее вознаграждение», и прибавляет к этому: «Всякому преступнику его наказание», и, как полагается человеку с умственным кругозором королевско-прусского лейтенанта, подчеркивает, что лозунг «*Suum suique*» красуется на «величайшем орденом отличии за воинские доблести» — на придворном ордене Черного орла.

Изложив моральные постулаты, Федерер переходит к «экономическим основам» своего учения. Он противопоставляет хозяйство, основанное на стремлении к личной наживе, хозяйству, основанному на удовлетворении потребности. Первое создано хищническим духом (*der raffende Geist*), а второе — творческим (*der schaffende Geist*). Хищнический дух является порождением еврейства, а творческий — особенностью арийской расы.

В настоящее время над всем миром господствует хищнический дух еврейства, которое пользуется марксизмом, выдумавшим классовую борьбу, для еще большего подчинения себе всех народов вообще и германского в особенности.

Как же возникло и как осуществляется это порабощение всего мира еврейством? Тут мы попадаем, так сказать, в самую гущу экономической «теории» Готфрида Федерера.

Деньги являются свидетельством на получение любых чужих услуг или продуктов, говорит наш «теоретик». И если я, продавши что-нибудь, получаю взамен этого деньги, то этим оборот денег еще не закончился. Нужно еще, чтобы я эти деньги истратил. Но не всякий желает расходовать свои деньги сейчас же по их получении. Есть такие, которым хочется копить деньги. Это, по Федереру, нехорошо. Копить деньги не следует. «Сущности денег соответствует обязанность их расходовать» — заявляет он на стр. 73 своего «труда». А уж если кому хочется копить, то пусть копит всякие вещественные ценности — картины, книги, домашнюю утварь и т. п.

Тем, что одни люди задерживают деньги у себя и не пускают их в оборот, создается недостаток в деньгах у других людей. Отсюда возникает у сберегающих стремление извлечь выгоду из своих денег. Они предпочитают не тратить их, а отдавать займы. По Федереру, это еще не так плохо. Но вся беда в том, что за сужаемые деньги их владельцы требуют вознаграждения в виде процентов по ссуде, и это уже совсем плохо.

В этих своих рассуждениях присяжный теоретик национал-социализма повторяет все, что еще 80 лет тому назад писал тот самый экономист, которого по своему непроходимому невежеству Готфрид Федерер причислил к «марксистам», а именно Прудон. О нем Маркс писал: «Ссуда кажется Прудону злом, потому что это не продажа»¹. «Все должно продаваться, не одалживаться. Другими словами, как он хотел иметь товар, но не хотел, чтобы он стал «деньгами», так он здесь хочет иметь товар, деньги, но чтобы они не развились в капитал. Если снять все фантастические формы, это означает лишь то, что от мелкого мещански-крестьянского и ремесленного производства не следует переходить к крупной промышленности»².

Однако вернемся к рассуждениям Федерера. Ссудой денег в рост занимаются евреи. Благодаря торговле деньгами и всевозможными ценными бумагами евреи подчинили себе всю промышленность, торговлю, сельское хозяйство, государственные финансы и т. д. и сделались властелинами мира. Современные государства, вынужденные прибегать к займам, находятся в полнейшем подчинении у евреев. По сути дела эти государства не что иное, как сборщики податей, поступающих еврейскому ссудному и биржевому капиталу в виде процентов. Вот в этом и заключается «процентное рабство» современных народов. От него идут все бедствия. Так как промышленностью и торговлей распоряжаются банки и притом еврейские банки, которые стремятся исключительно к наживе, то промышленность не считается с потребностями населения. Так как государство подчинено еврейскому ссудному капиталу, то оно выжимает из народа последние соки посредством прямых и косвенных налогов. В особенности тяжелы международные долги, проценты по которым являются данью, собираемой всеветным еврейским капиталом, стремящимся лишь к одному — ко всемерному укреплению и поддержанию своего могущества, своей власти над миром. Под игом еврейского капитала находятся одинаково все — и промышленники, занимающиеся творческим изготовлением товаров, и ремесленники, и крестьяне, и рабочие. «Созидательная и творческая работа сделалась рабом, а хитроумно-хищнический, вечно подвижной иудейский ростовщический дух владеет над миром. Это — вымогательство, возможное только благодаря вызыванию искусственной нужды посредством экономически

¹ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 534.

² Там же, стр. 375.

недопустимого задерживания денег. И это признается в настоящее время правом, правом, которого никто не осмеливается коснуться, ибо это вовлечет его в конфликт с господствующей над миром силой крупного ссудного капитала» (стр. 75).

Отсюда следовало бы как будто, что для борьбы со всем этим мировым злом надо запретить сберегать деньги и предписать всем тратить их немедленно по получении. Однако Федер на этот путь не становится, понимая повидимому при всем своем невежестве, что его сочли бы за сумасшедшего. Он предлагает нечто гораздо более величественное: сломить «процентное рабство» («Brechung der Zinsknechtschaft»).

Что для этого нужно сделать? Для этого существует два пути: один внешнеполитический и, так сказать, мировой, а другой—внутренний.

На внешнеполитический путь уничтожения процентного рабства Готфрид Федер выходит с такой помпой, с таким треском и шумом, что у читателя захватывает дыхание: вот-вот разразится мировой переворот.

«Процентное рабство народов означает господство банков и биржи. Сломить процентное рабство является величайшей и труднейшей задачей национал-социализма»— заявляет Федер (стр. 96), выходя на бой с ссудным капиталом. Чтобы определить размеры этого сражения, он поясняет: «Разрешение проблемы процента есть разрешение еврейского вопроса». Это ни более, ни менее, как «уничтожение иудейского всесветного владычества, ибо оно разбивает мощь мирового иудейства — его денежную силу. Более того, разрешение проблемы процента означает в положительном смысле разрешение социального вопроса» (стр. 41). Несколькими страницами раньше Федер несколько не скрывает перед читателем всех ужасных «трудностей», которые при этом придется преодолеть: «Национал-социалистское государство вполне сознает всю силу иудейства. Но так как мы это знаем, то мы выходим с полнейшей уверенностью в победе на этот величайший бой мировой и истории» (стр. 136; разрядка моя — *Ред.*).

В чем же будет состоять этот «величайший бой»? В том, что «национал-социалистское государство» откажется платить проценты по своим долгам. Федер предвкушает при этом мысль об отчаянной борьбе, которую поведут евреи против таких «героических» и «всемирно-исторических» мероприятий. «С бешеным упорством поведет иудей эту борьбу, так как здесь дело идет об «его чести», ибо старик Ротшильд сказал: «Мои деньги — это моя честь, и кто отнимает у меня мои деньги, тот отнимет у меня мою честь» (стр. 136). Но храбрый Федер спешит успокоить старика Ротшильда и «мировой ссудный капитал»: их денег он у них не отнимет; «у владельцев государственных долговых обязательств ни в коем случае не будут отняты их деньги, будут только аннулированы те юридические требования, которые своим воздействием оказывают величайшую несправедливость по отношению ко всему народному целому» (стр. 136). Более того, в другом месте Федер прямо говорит, что иностранным держателям государственных займов будут полностью возвращены их деньги и что это вряд ли вызовет с их стороны какие-либо возражения. «Нельзя ожидать ни с чьей стороны серьезного сопротивления, если национально-германское правительство объявит об аннулировании процентов по всем твердопроцентным ценным бумагам при одновременном превращении этих бумаг в беспроцентные обязательства государственных банков или почтовых чековых касс» (стр. 139). «Величайший бой в мировой истории» свелся, оказывается, к уплате долгов «всесветному иудею», а «уничтожение процентного рабства» — к практикуемому с древнейших времен освобождению должника от уплаты процентов посредством... возвращения кредитору занятой суммы. «Старик Ротшильд» и мировой ссудный капитал могут быть спокойны, их деньги в надежных руках «национал-социалистского государства», управляемого преданным учеником великого экономиста Готфрида Федера.

Так обстоит дело с внешнеполитическим «сокрушением процентного рабства». Внутри страны Федер предлагает три епособа уничтожения этого «процентного рабства» и освобождения государства от необходимости прибегать к займам. Способы эти основаны на использовании трех проявлений государственного суверенитета: права требовать безвозмездных услуг (Leistungshoheit), монетной регалии (Münzhoheit) и права вводить налоги (Finanzhoheit). По мнению Федера, трудовая и гужевая повинность для населения гораздо легче и приятнее, чем необходимость уплачивать лишние налоги для погашения процентов по займам. В качестве достойных подражания примеров того, как благодетельны трудовая и гужевая повинность, Федер приводит постройку великой китайской стены, возведение укреплений вокруг средневековых городов и т. п. Чувствуя однако, что благодарное население современной Германии вряд ли примет с энтузиазмом замену «процентного рабства» самым настоящим рабством азиатского типа, Федер спешит перейти к следующему спасительному средству, к «монетной регалии». Тут дело ему представляется очень простым и легко осуществимым. Для производства крупных общественных сооружений, например железных дорог, электрических станций и т. д., государство создает особый «социальный строительный и хозяйственный банк», который выпускает беспроцентные «строительно-кассовые свидетельства», которые явятся не чем иным, как бумажными деньгами. Этими деньгами государство расплачивается со своими поставщиками, служащими и рабочими.

А когда предприятие вступит в эксплуатацию, то «строительно-кассовые свидетельства» будут постепенно погашаться из текущих прибылей.

В 1931 г. в дискуссии с социал-демократическим профессором Нельтингом, который при всем своем социал-фашистском уважении к великому теоретику национал-социализма выразил сомнение, не вызовет ли такое мероприятие инфляцию, Федер заявил: «Такого рода создание денег из собственного права несомненно допустимо и не поведет к проявлениям инфляции, ибо мы создаем новые ценности» (стенограмма в книге «Kampf gegen die Hochfinanz», стр. 288). Апломб и невежество преподносятся здесь в совершенно неподражаемом сочетании.

Наконец третьим путем сокращения «процентного рабства» является «новая» налоговая система. Если глава о выпуске бумажных денег названа Федером «Новые пути», то глава о налоговой системе носит широковещательное заглавие «Государство без налогов». Содержание главы является прямым опровержением этого заглавия, которое, по мысли автора, должно служить национал-социалистским лозунгом. Федер отвергает только налоги для уплаты процентов по займам, а затем заявляет, что «налоги допустимы для покрытия государственных расходов на производительные цели, на управление, судопроизводство, армию, полицию» и т. д. Кроме того налоги допустимы во время войны. Прямые налоги предпочтительны. Но и косвенные налоги возможны, например на предметы роскоши. И в тот момент, когда недоумевающий читатель спрашивает, в чем же тут состоит идея «государства без налогов», Федер для успокоения еще раз повторяет: «Принципиально налогово-финансовая политика должна стремиться к конечной цели «государства без налогов», так как задачей государства является вовсе не вытягивать деньги из своих граждан, чтобы увековечивать в корне ложную государственную систему займов, а поднимать вообще благосостояние народа. Государство существует вовсе не для того, чтобы быть сборщиком процентов для крупного ссудного капитала, а для того, чтобы охранять личность и собственность своих граждан и ставить на службу всему обществу естественные богатства страны» (стр. 134).

Таковы основы «экономической теории» национал-социализма. Их создателем является «великий ученый» Готфрид Федер. Он же является автором программы экономических требований национал-социалистской партии или, вернее, двух программ: одной, написанной в 1920 г., и другой — относящейся к 1932 г. Программы эти находятся на такой же теоретической «высоте», как и само экономическое учение Готфрида Федера. Но в них в еще большей степени сказывается та непосредственная, конкретная цель, которой эти программы должны служить, а именно мобилизация мелкой буржуазии в городе и деревне под внешне антикапиталистическими лозунгами, но на защиту монополистического капитала — против революционного пролетариата.

Приведем из первой программы, текст которой напечатан в брошюре Федера «Das Programm der NSDAP und seine weltanschaulichen Grundgedanken», изданной в 1930 г. в Партийном издательстве, ее основные экономические пункты:

13. Мы требуем огосударствления всех (до сих пор) уже обобществленных (трестов) предприятий.

14. Мы требуем участия в прибылях крупных предприятий.

15. Мы требуем широкого развития обеспечения престарелых.

16. Мы требуем создания здорового среднего сословия и его сохранения, немедленной муниципализации крупных универсальных магазинов и сдачи их в аренду по дешевым ценам мелким ремесленникам, самого заботливого привлечения всех мелких ремесленников к поставкам государству, областям и коммуна.

17. Мы требуем земельной реформы, соответствующей нашим национальным потребностям, издания закона о безвозмездном отчуждении земли на общепользные цели, отмены земельной ренты и предотвращения всякой спекуляции землей.

20. Чтобы предоставить всякому способному и прилежному немцу возможность получения высшего образования и продвижения на руководящие должности, государство должно позаботиться об основательной перестройке всего дела народного образования».

Целеустремленность программы ясна. Ее демагогические «требования» рассчитаны прежде всего на мелкую городскую и сельскую буржуазию. Но в то же время она шеголяет и «социалистическими» лозунгами огосударствления трестов, участия в прибылях и т. п., рассчитанными на уловление отсталых слоев рабочих. Однако демагогичность программы встретила самих вождей, которые забеспокоились, как бы не напугать истинных хозяев движения, крупных промышленников и аграриев. Поэтому в 1928 г. Адольф Гитлер сделал официальное заявление, что значащееся в пункте 17 программы «безвозмездное отчуждение земли» направлено «в первую очередь против еврейских спекулятивных земельных обществ». В остальном однако программа была сохранена и на генеральном собрании членов партии 22 мая 1926 г. была признана «неизменной».

Прошло несколько лет. Потребности неожиданно под влиянием кризиса выросшей национал-социалистской партии требовали пересмотра и дополнения программы, в особенности усиления ее демагогической части. И вот 17 сентября 1932 г. Федер по

приказанию Адольфа Гитлера пишет дополнительную программу национал-социалистской партии. Эта программа, являющаяся «единственным официальным документом», помещена в сборнике статей Федера «Gegen die Hochfinanz», вышедшем в 1933 г. в партийном издательстве Franz Eher Nachf. В программе содержатся самые широко-вещательные требования:

1. Создание работ на 2 млн. чел., на что должно быть ассигновано 5 млрд. марок.
2. Создание кредитов на 3 млрд. марок Рейхсбанком, главным образом жиральных денег, и только на 300—500 млн. наличных денег.
3. Огосударствление всего денежного кредитного дела, включая жиральные деньги и развитие государственной системы безналичных расчетов.
4. Перестройка долгов (Umschuldung) всего германского хозяйства посредством централизации всех публичных и частных долговых отношений в одном генеральном долговом институте.
5. Всеобщее понижение процента в духе нашей великой цели сокрушения процентного рабства, считаясь при этом с индивидуальными условиями хозяйства.
8. Урегулирование экономических отношений с границей, выдвигая на первый план жизненные потребности внутреннего рынка, но принимая также во внимание необходимый для Германии экспорт.

В таком же духе идут требования «восстановления государственного кредита», «помощи сельскому хозяйству», «плановой реконструкции промышленного и ремесленного производства» и т. д. и наконец огосударствления железных дорог, которые, как всем известно, давно уже принадлежат государству, но формально объединены в акционерное общество.

Под знаменем программы 1920 г. и ее дополнений, сделанных в 1932 г., шла мобилизация широких масс мелкой буржуазии, направленная на поддержку исключительной по своей жестокости и средневековому варварству террористической диктатуры монополистического капитала. Под ее знаменем шли удушение и разгром рабочего движения.

Если автор и обоснователь программы Готфрид Федер был основоположником всего экономического «учения» национал-социализма, то другие партийные и околопартийные «теоретики» «развивали» и «углубляли» это, с позволения сказать, учение.

К числу таких комментаторов национал-социалистских экономических теорий принадлежат «братство Эрнст Вурхе», выпустившее среди других «культурно-политических» книг сборник статей под заглавием «National-sozialistisches Denken und Wirtschaft».

В этом сборнике Рудольф Гейндель посвящает специальную статью «хозяйству и хозяйственному мышлению», направленную против «биржевого капитала». Ссылаясь на Зомбарта, автор описывает возникновение и роль «еврейского» ссудного капитала. Самым печальным созданием этого «еврейского капитала» является «денежное мышление». Характеризуя современный кризис, автор говорит: «Производство и труд стали рабами финансового капитала, в руках которого теперь находится движимый капитал. Так как ни одному государству не удалось воспрепятствовать этому развитию, то отсюда кризис государства. Так как либерализм и демократия не только не задержали этого развития, но и способствовали ему, то отсюда кризис либерализма и демократии. Так как (европейский) производственный капитализм подчинился (еврейскому) финансовому капитализму, то отсюда кризис «капитализма». Так как традиционный социализм боролся с «предпринимателем», а не с капиталом (с крупными финансистами), то отсюда кризис «социализма» (марксизма) (стр. 60).

Здесь мы видим ту же самую «идеологию», что и у Федера, но только в изложении, рассчитанном на более интеллигентного читателя. Вывод у автора такой же, как и у Федера: «Еврейскому вопросу надо уделять не меньше внимания, чем проценту. Это кажется нам одним из основных уроков прошлых столетий» (стр. 62). Однако в противоположность Готфриду Федеру и его смехотворной «величайшей в мировой истории» борьбе против еврейского финансового капитала посредством уплаты долгов автор никаких практических выводов не делает и расплывается в туманных рассуждениях на тему о том, что надо научиться мыслить «порядками», а не «системами», отказаться от конструкций и обратиться к явлениям (феноменам). «Если нам не удастся на место требования (прибыли) поставить жертвенную службу (обществу), то придется поставить памятник Освальду Шпенглеру не только как знаменитому философу-историку, но и как пророческому прорицателю «заката» (стр. 64).

Другой участник сборника, Вильгельм Линк, посвящает свою статью германской внешней политике. Он выступает защитником автаркии. «Германия, — говорит он, — вышла на арену мирового хозяйства» слишком поздно и это непоправимо. Автаркия и объединение средневропейского хозяйства являются нашими возможностями. Они должны стать нашим оружием против Версаля.

Статья Эрика Шмиделя посвящена одному из важнейших вопросов национал-социалистской программы — созданию сословно-корпоративного строя. Автор намечает целую систему «сословных» организаций, в которые наряду с трестами и синдикатами входят союзы предпринимателей, профсоюзы служащих и рабочих, крестьян-

ские организации и т. д. Вся сословная структура возглавляется имперской «сословной палатой», совещательным органом, призванным доводить до сведения национал-социалистских вождей мнение «хозяйственных кругов». От осуществления сословного строя автор ожидает улучшения положения мелких ремесленников и торговцев, так как их объединениям при поддержке национал-социалистского законодательства легче будет справиться с конкуренцией крупных промышленников и торговцев, в частности с конкуренцией универсальных магазинов. «С этой стороны», — говорит автор, — удобнее будет взяться за проблему универсальных магазинов. Если к тому же и законодательство обратит особое внимание на универмаг и сделает для него теперешнее его положение невозможным, то сами универмаги вынуждены будут сократиться до разумных размеров» (стр. 106).

Много внимания проблеме сословно-корпоративного строя посвящает другой «теоретик» национал-социализма — Ганс Рейпке. В своей книжке «Der Nationalsozialismus und die Wirtschaft» (Berlin, Verlag Elsner 1931, S. 68) он выступил между прочим против рассуждения Федера о борьбе с международным финансовым капиталом и за это был дезавуирован национал-социалистской партией. Но в то же время Ганс Рейпке обладает значительным влиянием, так как совмещает сотрудничество в центральном органе национал-социалистской партии «Фелькишер беобахтер» с видной должностью в имперском союзе германских промышленников.

Рейпке выступает в роли защитника «сословного экономического строя», которому он отводит три сферы: социально-политическую, производственно-политическую и финансово-политическую.

В социально-политической сфере должны действовать организации предпринимателей и рабочих, основанные на паритетных началах. Государственное социальное страхование на случай болезни и безработицы должно быть отменено. Но зато должно быть расширено социальное обеспечение престарелых, так как лозунг социального обеспечения стариков имеет, по признанию Рейпке, «неимоверную пропагандистскую силу».

Вторая — производственно-политическая сфера относится всецело к союзам предпринимателей. Правда, «в имперской сословной палате» и рабочие могут получить некоторое влияние на общие линии производственной политики, но внутри отдельного предприятия за хозяином сохраняется полный авторитет и руководство производством поручается только ему одному.

Финансово-политическая сфера только тогда перейдет в ведение сословной системы, когда «когда-нибудь впоследствии налоги будут собираться самим хозяйством».

На основе сословного строя будет осуществляться плановое хозяйство. «Плановое хозяйство необходимо», — говорит Рейпке, — но не как государственный социализм в духе централизованного, бюрократически руководимого, систематического планового хозяйства, исключающего частную собственность на средства производства и частную инициативу, а на началах децентрализации и на частнокапиталистической основе».

Будучи прямым представителем и агентом предпринимательских организаций, Рейпке открыто выбалтывает то, что стараются более или менее завуалировать другие «теоретики» национал-социализма, а именно, что «сословная система есть не что иное, как превращение картелей, трестов и предпринимательских союзов в непосредственные государственные органы, в полновластных не только по существу, но и формально признанных хозяев всей экономической жизни Германии».

В том же духе высказывается о «сословной системе» другой «теоретик» национал-социализма Брейтигам в своей книжке «Wirtschaftssystem des Nationalsozialismus» (Berlin, Carl Heymann, Verlag 1932, S. 97). Брейтигам связывает сословную систему непосредственно с основным лозунгом национал-социализма, с «сокрушением процентного рабства». Чтобы освободиться от «процентного рабства», на основе которого создались современные монополии, надо, по мнению автора, сосредоточить всю кредитную политику и распоряжение капиталовложениями в руках государства, однако при обязательном сохранении частной собственности на средства производства. Предприниматели объединяются в корпорации или сословия (Stände), во главе которых стоят «сословные палаты». Обязанность этих «палат» — борьба с монополиями, регулирование зарплаты, распределение рабочей силы и т. д.

Между Рейпке и Брейтигамом имеется некоторое различие в нюансах. В то время как Рейпке открыто выступает за всемерное усиление власти монополистических объединений капитала картелей, синдикатов и трестов, Брейтигам притворяется, будто выступает против «монополий» и в защиту интересов ремесленников и мелких предпринимателей, которым «сословные палаты» якобы должны помочь в их борьбе против конкуренции крупного капитала.

Надо отметить, что национал-социалистская партия, не стеснявшаяся в средствах благодаря притоку огромных сумм от тайных и явных «жертвователей» из среды крупных промышленников, банкиров и аграриев (см. очень интересное разоблачение в книге Richard Lewinsohn «Das Geld in der Politik», Berlin, Verlag, S. Fischer, 1931) развила огромную кампанию пропаганды своей программы. В этой кампании очень большое место занимали ее экономические пункты и их «теоретическое»

обоснование. В бесчисленном количестве брошюр, в газетных и журнальных статьях и отдельных книгах излагалось экономическое учение национал-социализма. Это делалось как официально, от имени национал-социалистской партии, так и в «беспартийных» и «независимых» органах вроде ежемесячного журнала «Die Tat» и т. п.

Чем ближе дело подвигалось к переходу государственной власти в руки национал-социалистской партии, тем усиленнее развивалась пропаганда и тем сильнее подчеркивалось, что национал-социалистская программа, в частности ее экономическая часть, остается незабываемой. Еще в феврале 1933 г., т. е. непосредственно во время прихода национал-социалистов к власти, в официальном экономическом журнале национал-социалистской партии «Die deutsche Volkswirtschaft» была помещена статья von Dragffu «Die Wirtschaftspolitik des Dritten Reiches», в которой автор, передавая содержание статьи венгерского экономиста д-ра Андреаса Финера о хозяйственной политике третьей империи, пишет:

«После краткого описания понятий «третья империя» и «междоусобица» автор указывает на то, что экономическая программа NSDAP согласно партийному уставу и неоднократно заявляемым вождя неизменна» (стр. 61).

В действительности дело обстояло совсем не так. По выданным демагогическим векселям национал-социалистская партия, придя к власти, не хотела и не могла платить, ибо это значило бы отказаться от своего истинного классового содержания — партии, осуществляющей диктатуру монополистического капитала. Партии не оставалось ничего иного, как лавировать: с одной стороны, продолжать разглагольствования о своих основных экономических принципах «сокрушения процентного рабства», борьбы с «еврейским» финансовым капиталом, о создании «сословной системы», о вреде универсальных магазинов, о «создании работы», а с другой — вносить все больше и больше оговорок и поправок в основную программу, не только не проводя ее на практике, но и поступая прямо противоположно ее требованиям. В национал-социалистской литературе периода после прихода к власти представлены обе эти стороны политики гитлеровского режима.

Сейчас же после прихода к власти правительства Гитлера начались разговоры о «спасении германского сельского хозяйства». Говорили о крестьянстве, об «истинно германском крестьянине», но думали и старались помочь кулакам и помещикам, «Помощь» мыслилась и была довольно быстро осуществлена в форме дальнейшего повышения ввозных пошлин, введения запретительных тарифов на жиры и издания закона об обязательной примеси германского масла к маргарину.

Официальный экономический журнал национал-социалистской партии «Die deutsche Volkswirtschaft» посвящает в № 3 за 1933 г. редакционную статью германскому сельскому хозяйству. В ней говорится, что для правительства Гитлера «первой задачей является спасение германского крестьянина для поддержания питания и следовательно основы нации». Рецепт «спасения» являются следующие мероприятия:

1. Принципиальная перестройка нашей торговой политики.
2. Помощь развитию крестьянского хозяйства.
3. Неприведение в исполнение судебных решений о продаже земельных участков и освобождение германского сельского хозяйства от долгов.

Что касается отсрочки продажи с аукциона земельных участков (Vollstreckungsschutz), то она была проведена и существовала еще до прихода к власти Гитлера. Требования «освобождения сельского хозяйства от долгов» и «помощи развитию крестьянского хозяйства» настолько общи, что под них можно провести любое мероприятие. Остается «перестройка торговой политики». Автор статьи мыслит эту перестройку как «автаркизацию германского хозяйства»: «следует во всяком случае поддержать правительство в его стремлении сделать сельское хозяйство рентабельным и побудить горожанина к предпочтению германских товаров. Германские кожи, германское полотно, германская целлюлоза, германские жиры должны предпочтаться иностранным продуктам. Если добровольность не поможет, нужно прибегнуть к государственному принуждению».

Автор связывает «помощь» сельскому крестьянству с проблемой автаркии. В том же номере журнала помещена статья Карла Августа Фишера, специально посвященная автаркии: «Gedanken zur Autarkiefrage». Автор ссылается на доклад генерал-лейтенанта Муфф, сделанный в «Обществе Листа», на тему об автаркии в условиях войны Германии с ее соседями. Сам автор делает различие между автаркией мирного времени и автаркией военной.

Автор останавливается подробно на конкретных особенностях военной автаркии. «Для Германии, — говорит он, — проблема усложняется особым положением Восточной Пруссии, защита которой делает необходимой провинциальную автаркию в отношении обеспечения людьми, продуктами питания и оружием». Поэтому Муфф считает вполне правильной широкую политику заселения (Siedlungspolitik) в Восточной Пруссии, а также усиленное насаждение промышленных предприятий в этой области. Сделав эти весьма ценные признания, проливающие яркий свет на смысл и содержание дискуссии об автаркии и на цели переселенческой политики правительства Гитлера, автор переходит к мирной автаркии. Для него она — панацея от всех зол, в том числе

и от безработицы. Возражения о том, что автаркия вызовет контрмеры со стороны других государств, сократит германский экспорт и тем самым вызовет рост безработицы, автор считает неправильными: «Возросшие затруднения ввоза дешевых иностранных продуктов... вызовут повышение цен на внутреннем рынке и тем самым, по мнению противников (автаркии — *Ред.*), упадок нашего хозяйства. Почему именно? Во всяком случае решающим для нас теперь явится вопрос, насколько при такой политике удастся знять больше рабочих масс, чем при другом направлении политики. Поддержать и приветствовать ее надо было бы уже по моральным и этическим основаниям, не говоря уже о повышении издержек производства, а также соответствующем снижении социальных расходов». В еще большей мере автор защищает политику автаркии в отношении сельского хозяйства. По его мнению, автаркия вполне осуществима в деле снабжения Германии зерновыми продуктами, мясом и овощами. Хуже дело обстоит с фруктами, жирами и волокнистыми растениями. В этой области нужна перестройка сельскохозяйственной политики в смысле побуждения крестьян и новых поселенцев к разведению дефицитных культур. Смысл проповедуемой национал-социалистским «автором мирной автаркии» ясен. Это подготовка к «военной автаркии».

В связи с этим особенно оживленная дискуссия идет на страницах «Die deutsche Volkswirtschaft» по вопросу о возможности германской автаркии в области снабжения жирами. В № 3 журнала помещена статья проф. Эскухен (Гамбург), доказывающая возможность такой автаркии. В № 4 выступает Вальтер Гюбенер, руководитель «Имперского центра растительных и животных жиров», заявляющий, что Германия и в будущем будет находиться в зависимости от импорта жиров. С ответом на эту статью опять выступает проф. Эскухен в № 8 со статьей «Die Möglichkeiten einer Autarkie auf dem Fettmarkt für Deutschland».

Вопросу «жировой автаркии» посвящены также статьи Karl Ereky «Die deutsche Wirtschaft» в № 8 журнала. В ней автор, отставной венгерский министр продовольствия, советует устроить несколько грандиозных ферм для откорма свиней. По его вычислениям, перепроизводство мяса составит всего только 2%, но зато на все 100% отпадет импорт свиного сала. В том же номере журнала другой автор Walter Thilo, в статье «Die Deckung des Futterbedarfes als Grundlage für die deutsche Fettversorgung» советует консервирование кормов для скота как способ сокращения ввоза концентрированных кормов для скота и тем самым один из методов достижения автаркии.

В немецком экономическом журнале «Der deutsche Oekonomist», отражающем интересы крупной промышленности и банков и не совсем еще «унифицированном», д-р Курт А. Герман в ряде статей, озаглавленных «Autarkie und Kapitalgüterexport» и помещенных в № 12—16 журнала за 1933 г., сомневается в осуществимости и желательности автаркии в Германии. На основании подробного анализа данных экспорта и импорта важнейших товаров за последние годы Курт Герман приходит к выводу, что «автаркия в смысле полной или почти полной изоляции от мирового хозяйства является иллюзией. Даже ограниченное общее сокращение ввоза не только нарушит все связи, которыми сплетено германское хозяйство с мировым, но и сильно отразится на внутригерманском потреблении широких масс населения» (№ 15, стр. 467).

Неодобрительное отношение крупнокапиталистических кругов Германии к слишком открытой и резкой постановке вопроса об автаркии побудило «вождя» Адольфа Гитлера к вмешательству в дискуссию с успокоительными заявлениями. В № 4 журнала национал-социалистской партии «Die deutsche Volkswirtschaft» (за апрель 1933 г.) напечатана декларация Гитлера «Задача и путь имперского правительства», в которой по вопросу об автаркии говорится: «Мы знаем, что географическое положение бедной сырьем Германии не вполне позволяет осуществление автаркии для нашего государства. Надо еще раз подчеркнуть, что нет ничего более чуждого для имперского правительства, чем враждебное отношение к экспорту. Мы знаем, что нам необходима связь с миром и что работа на экспорт германских товаров во все страны мира кормит много миллионов наших соотечественников» (стр. 99).

Вопросы переселенческой политики ставятся национал-социалистами в связь не только с «реаграризацией» страны, с уменьшением безработицы и созданием крестьянства, стоящего крепко на земле (*bodenständiges Bauerntum*), но и с проблемой автаркии, а также, как мы видели, с вопросами подготовки к войне и экспансии на Восток. В этом отношении обращает на себя внимание статья в «Die deutsche Volkswirtschaft» в № 8 за 1933 г. Dr. L. Marten «Der deutsche Siedlungsgedanke».

Автор констатирует, что в послевоенной Германии имеется лишнего населения 20 млн. чел. В то же время пути для внешней колонизации закрыты. Остается только внутренняя колонизация. Наиболее подходящим как с политической, так и с экономической точки зрения объектом внутренней колонизации являются восточные провинции Германии с их редким населением и огромными латифундиями. Ссылаясь на национал-социалистскую программу, в которой говорится о борьбе против гигантских предприятий (концернов, синдикатов и трестов), автор приравнивает к ним и латифундии. Он делает вывод, что «целью коренной социальной аграрной реформы является поэтому создание здорового распределения земельных участков в восточных провинциях». Основной целью переселенческой политики должен стать «приток новой

крови к пустым пространствам Востока», ибо «без осознания нашей народности, воплощенного в национал-социалистическом движении, колонизация Востока не удастся».

Автора тревожит то обстоятельство, что абсолютный прирост 32-миллионного населения Польши не только догнал, но в последние годы и обогнал прирост вдвое более многочисленного населения Германии. В результате этого «положение нашего народа по отношению к его славянскому соседу является чрезвычайно неблагоприятным и опасным. Как долго еще будут эти слабо заселенные пограничные области выдерживать давление наступающей польской народности?» Автор требует поэтому возможно более широкой и спешной колонизации Восточной Пруссии и Восточной Силезии как из экономических, так и из чисто стратегических соображений. «Великое германское переселение на Восток является прежде всего средством противодействия захватническим польским намерениям в отношении Восточной Пруссии и Восточной Силезии. Его (национал-социализма—Я. С.) требованием является создание человеческой плотины из немецких крестьян на угрожаемом Востоке и в то же время предстоящий отказ странствующим польским рабочим во въезде. Всюду, где будут основываться немецкие крестьянские деревни, будет закрываться вход для соседнего славянства» (стр. 235).

В качестве «программы-минимум» автор выдвигает требование переселения в восточные провинции в течение 5 лет 100 тыс. средних крестьян на участки от 10 га и выше, 50 тыс. мелких крестьян на участки от 5 до 10 га, 120 тыс. с.-х. рабочих и 30 тыс. ремесленников для обслуживания крестьянских колоний.

Программа колонизации восточных провинций будет, по мысли автора, способствовать автаркизации германской промышленности: «Наша промышленность будет процветать только в том случае, если нам удастся сохранить жизненную силу и экономическую мощь нашего крестьянского сословия» (стр. 236).

Одной из основ экономической программы национал-социализма является создание сословно-корпоративного государства. Как известно, в первое время после прихода к власти национал-социалисты рьяно принялись за перестройку всех организаций в Германии по сословному признаку. Под лозунгом такой перестройки были уничтожены все профсоюзы, вместо которых был создан «рабочий фронт». Об успехах реорганизации всей хозяйственной структуры Германии весьма красочно повествовал главный редактор национал-социалистского журнала «Die deutsche Volkswirtschaft» д-р Гунке в № 5 журнала за 1933 г. Гунке пишет: «Организационная перестройка германского хозяйства в духе новой сословной структуры пошла с невероятной энергией. 2 мая начались реорганизация профсоюзов, включение германских работников в германское государство, 3 мая было создано «имперское сословие германского ремесла», в котором объединились все имперские союзы специалистов, все союзы ремесленников и все палаты ремесла, объявив своим патроном Адольфа Гитлера, 4 мая возникло «имперское сословие германской торговли», сплотившее все до сих пор борющиеся между собой течения в германской торговле: розничную торговлю, оптовую и заморскую торговлю, странствующих торговцев и объединение германских владельцев гостиниц и ресторанов. В то же время началась перестройка имперского союза германской промышленности. Еще за несколько недель до этого все сельскохозяйственные организации сплотившись под национал-социалистским руководством в единую корпорацию (Führerring). Таким образом сейчас заложены основы сословного хозяйства: сельское хозяйство, промышленность, ремесло и торговля стоят, сформировавшись, по-новому, друг возле друга».

Свою хвастливую болтовню о почти мгновенных «достижениях» национал-социалистского режима в деле коренной перестройки всего германского хозяйства д-р Гунке заканчивает словами, в которых сквозит тревога за судьбу сословного строя, основной задачей которого, по мысли его авторов, является «преодоление классовой борьбы» путем полного растворения рабочего класса в «сословных организациях».

«Теперь должно последовать укрепление сословий. Работодатели и работники должны совместно выполнять те задачи, которые перед ними поставлены. Об этом мы впоследствии поговорим подробнее. Однако мы считаем важным уже сейчас указать на то, что марксистское деление народа на работодателей и работников должно исчезнуть. Все мы работодатели и работники».

Однако втиснуть современное капиталистическое государство с его глубочайшими классовыми противоречиями в узкие рамки средневековой сословной организации является совершенно неосуществимой задачей. Объединению в одной корпорации предпринимателей с рабочими стали противиться прежде всего предпринимательские организации. К тому же углубление экономического кризиса, неуклонный развал и упадок промышленности и торговли, подгадываемые еще больше бездарной экономической политикой гитлеровского режима и неуклонным вмешательством отдельных национал-социалистских функционеров в хозяйственную жизнь, — все это увеличивало хаос в экономической жизни, расшатывало последние устои капиталистического строя в Германии, спасти который было призвано правительство Гитлера.

Приглашенный для руководства министерством имперского хозяйства представитель крупнокапиталистических кругов д-р Швидт выступил вскоре после своего назна-

чения на пост министра с декларацией, полностью приведенной во «Frankfurter Zeitung» от 14 июля 1933 г. В ней решительным тоном приказывается прекратить «перестройку хозяйства на сословных началах».

«Сословная перестройка, — заявил министр хозяйства, — которая должна, разумеется, осуществиться в нашем государстве и отсутствие которой именно теперь ощущается очень болезненно, в настоящий момент приостановлена и отложена не потому, что она не должна прийти, а потому, что существовала опасность, как бы целый ряд посторонних элементов не попытался производить эксперименты в этой области. Поэтому волей вождя является сначала провести здесь ясную линию и вступить на путь медленного и здорового развития».

В связи с этим распоряжением «вождя» специальный берлинский корреспондент «Frankfurter Zeitung» сообщил в том же номере, что «о сословной структуре... велось в последнее время среди хозяйственных организаций, в особенности промышленных и торговых палат, многочисленные переговоры, которые без сомнения содержали в значительной мере ценные предложения по поводу ведущихся в этой области работ. Однако в гораздо большей степени они дали повод к бесплодной дискуссии и отвлекли внимание от самой необходимой в настоящий момент задачи — продолжения стремлений к созданию работы. В соответствии с волей вождя в центре всего происходящего в настоящее время должно быть создание работы как таковое. Так как по распоряжению имперского министра хозяйства все работы в области сословного строительства, к которым в свое время еще вернутся, теперь пока должны быть приостановлены, то Германский совет промышленности и торговли отказался от созыва своего сословного комитета».

Отказ гитлеровского правительства от «перестройки германского хозяйства на сословных началах» свидетельствует о крушении одной из основ национал-социалистической программы, от одного из тех требований, вокруг которых шла мобилизация мелкой буржуазии и ее использование в качестве орудия монополистического капитала. Обещание повернуть колесо истории назад, к средним векам, к эпохе цехов и гильдий, оказалось невыполнимым, сколько бы ни замаскивался этот факт разговорами о том, что теперь еще не время, что впоследствии национал-социалисты еще вернутся к «сословному государству». Единственное «утешение», которое преподносится разочарованным немецким ремесленникам, мелким торговцам, трактирщикам и т. д., это то, что и в фашистской Италии корпоративная система еще не осуществлена и пока остается только на бумаге.

Но если в вопросе о сословном строе мы встречаемся только с отказом гитлеровского правительства от его осуществления, то в другом кардинальном пункте национал-социалистической программы мы видим нечто большее: тенденцию, прямо противоположную тем обещаниям, которые были в свое время даны массам. Так дело обстоит в вопросе о политике национал-социалистического правительства по отношению к монополистическим объединениям — картелям, синдикатам и трестам.

Мы уже указывали, что п. 13 первоначальной программы национал-социалистической партии предусматривал «огосударствление всех уже обобществленных предприятий». В других вариантах программы говорилось об «огосударствлении картелей и трестов», о «борьбе против картелей, синдикатов и трестов» и т. п. Этим требованием национал-социалистическая партия надевала на себя «социалистическую» маску для рабочих и старалась использовать недовольство вытесняемых конкуренцией мелких предпринимателей и ремесленников. Переход власти в руки национал-социалистов поставил вопрос о конкретной политике в отношении картелей и трестов. Какое направление получила эта политика, видно из целого ряда высказываний в печати. Так, № 10 журнала «Die deutsche Volkswirtschaft» почти целиком состоит из статей, посвященных вопросам картельной политики. Основным в них является не только отказ от «огосударствления» монополистических объединений, но и стремление доказать необходимость предоставления им гораздо больших прав и полномочий в национал-социалистическом государстве.

Так, Ганс Рубан в статье «Nationalsozialistische Forderungen an ein neues Kartellwesen» пишет: «Мы должны... попытаться придать существующей картельной системе новый тон — включения в общественное хозяйство. Это вряд ли будет особенно трудной задачей, ибо картина имеющейся картельной системы вовсе не представляется негодной грудой обломков. Мы должны наконец отдать себе отчет в том, что разнообразие, часто переходящие одна в другую организационные формы картелей, концернов, трестов, холдинг-компаний и т. п. имеют свой смысл существования». Автор ставит целый ряд требований законодательству о картелях. Первым из них является «создание возможности образования картелей в принудительном порядке для отраслей промышленности, находящихся в бедственном положении, и для устранения вредной борьбы картелей с посторонними предпринимателями». Такой закон уже издан. Все остальные требования сводятся к улучшению публичной отчетности, к «достижению» более тесного сотрудничества промышленных объединений с государством, к предложению не только карать предпринимателей за проступки против общественного благосостояния, но и награждать их за особые заслуги и т. д.

Помещенная в том же номере статья другого автора Альберта Мейера «Eingliederung der Kartelle in den Staat» подставляет вместо огосударствления (которое в программе национал-социалистской партии звучало как «национализация») другое понятие — «включения в государство». В качестве примера такого «включения» автор приводит итальянский закон от 30 апреля 1932 г. о создании принудительных картелей и высказывается за значительное расширение пределов компетенции картелей в Германии. «Картели, — говорит он, — не имели до сих пор власти целиком осуществлять пункты своих договоров, так как обход соглашений их членами не преследовался по суду как обман или недобросовестная конкуренция... В этом отношении можно рассчитывать в будущем на существенное усиление картельной идеи».

Не только член картеля, нарушающий соглашение, но и всякий потребитель, пытающийся склонить члена картеля к обходу картельного устава, будет подвергаться наказанию: «Картели в новом государстве будут брать на себя такие работы, от которых они до сих пор отказывались из боязни выйти за пределы своей компетенции по отношению к отдельным своим членам». Всемерное усиление полномочий существующих монополистических объединений капитала—такова, по мнению всех национал-социалистских экономистов, основная цель картельной политики в «новом государстве». В этом духе высказывается Беккер в статье «Grundzüge des neuen Kartellrechts» («Die deutsche Volkswirtschaft» за 1933 г., № 10), говоря, что «согласно национал-социалистскому принципу не нарушать того, что может принести какую-либо пользу народному целому, наша органическая хозяйственная политика стремится к тому, чтобы поддержать осуществляемые многими картелями (в особенности синдикатами в тяжелой промышленности) мероприятия в области организации хозяйства и техники».

Однако, чтобы установить хотя бы видимость какой-то защиты интересов мелких ремесленников и в то же время показать заботу о безработных, ряды которых возрастают от применения машин крупными предприятиями, правительство Гитлера запретило 1 июня 1933 г. на стекольных предприятиях, обслуживающих химико-фармацевтическую промышленность, установку новых стеклодувных машин. 15 июля была запрещена установка новых машин на сигарных фабриках. В распоряжение министра финансов была предоставлена сумма в 2 млн. марок для субсидирования сигарных предприятий, пользующихся ручным трудом. Этими ничтожными мероприятиями (обставленными вдобавок целой кучей оговорок, ограничений и изъятий), о которых с восторгом рассказывает Вернер Дейтерс в статье «Nationalsozialistische Wirtschaftsführung, Kartell und Maschine als Beispiel» («Die deutsche Volkswirtschaft» № 10), и ограничивается «защита» национал-социалистским правительством мелкого ремесла от конкуренции со стороны крупнокапиталистических предприятий.

Комментируя картельную политику национал-социалистского правительства, Оскар Круг в статье «Kartelle, Konzerne und Trusts im nationalsozialistischen Gemeinwesen» («Der deutsche Oekonomist» № 28 от 14 июля 1933 г.) дает отповедь тем мечтателям из среды мелкой буржуазии, которые надеялись на антимонополистические мероприятия и на поддержку мелких самостоятельных предпринимателей при приходе национал-социалистов к власти. «Германия — страна крупных предприятий и предпринимательских объединений. И при плановом капитализме остаются тенденция и необходимость в таких объединениях... Проблема заключается не в том, чтобы возродить капитализм мелких предприятий (Kleinkapitalismus), а в том, чтобы стремиться к возможно большей дешевизне и наилучшему качеству товаров не абсолютно (намак на аргумент сторонников мелкого ремесла, что ручной труд германских ремесленников создает высококачественные изделия—Я. С.), а в соответствии с потребностью—значит с точки зрения человека, а не интересов владельца капитала. Это однако означает в организационном смысле, что предпринимательская сфера должна быть действительно приспособлена к этой цели, а не так, чтобы ложно понимаемое стремление к самостоятельности осуществлять за счет экономической эффективности по отношению ко всему хозяйству в целом». Сквозь нарочито затуманенную, витиеватую формулировку ясно видна резко отрицательная позиция автора по отношению к тому самому «среднему сословию» (Mittelstand), о котором на словах проявляли и проявляют столько заботливости национал-социалисты.

В другой своей статье «Kartellpolitik», напечатанной в «Der deutsche Oekonomist» от 18 августа 1933 г., № 33, Оскар Круг излагает развитие картельного законодательства в Германии в послевоенные годы и особенно подробно останавливается на изданном правительством Гитлера законе от 15 июля 1933 г. о «принудительных картелях». Он вполне одобряет § 1 этого закона, предоставляющий имперскому у министру хозяйства право создавать в принудительном порядке «картели, синдикаты, конвенции и другие соглашения». Круг считает также вполне целесообразным § 5 этого же закона, предоставляющий тому же министру право запрещать создание новых предприятий в любой отрасли хозяйства и возлагающий тем самым на правительственную обязанность охранять монополистические объединения от возможной конкуренции со стороны «аутсайдеров». Оскар Круг рекомендует однако не останавливаться на полу-

мерах и расширить сферу действия закона также на концерны и тресты. Приветствуя издание закона, Оскар Круг считает его «только отправным пунктом, на котором должны быть построены дальнейшие практические мероприятия. Ибо при плановом капитализме главная инициатива остается в руках у предпринимателей в их унаследованной от либерального капитализма функции».

Картельная политика, проводимая министром хозяйства Шмидтом, и вся связанная с нею дискуссия показывают истинное классовое лицо национал-социалистской партии.

Судьба лозунгов «сокрушения процентного рабства» и «муниципализации универсальных магазинов» является лишь дополнительным штрихом в этой картине.

С приходом национал-социалистов к власти рассуждения о «сокрушении процентного рабства», раньше не сходявшие со столбцов партийной и околопартийной прессы, заметно сократились. Наоборот, голоса тех из национал-социалистов, которые считали этот по сути дела основной лозунг партии неправильным или неудобным (как например Ганс Рейнке в цитированной нами книге), стали раздаваться все чаще. Например национал-социалистский профессор Леман на страницах официального органа партии заявляет о сокрушении процентного рабства, что «не совсем удачно» в моих глазах формулировка этого пункта должна была вызвать много недоразумений. Но в практической жизни дело не всегда сводится к безупречной с рациональной точки зрения формулировке какой-нибудь мысли, а к тому, чтобы вообще интуитивно правильно воспринять данное явление» (статья «Die Strukturveränderungen der Wirtschaft und ihre wirtschaftspolitischen Konsequenzen, (Die deutsche Volkswirtschaft» № 4).

«Интуитивно-правильное восприятие» борьбы против «процентного рабства» и против «власти еврейского ссудного капитала» свелось к практическим рассуждениям о возможности конверсии займов. И тут в партийной национал-социалистской печати появился тон, совершенно непохожий на прежние демагогические вопли. В передовой статье, посвященной вопросу «органического снижения процента Organische Zinssenkung» в журнале «Die deutsche Volkswirtschaft» № 6 за 1933 г.) автор пишет: «Предпосылкой успеха сделки на рынке капиталов является доверие. Это доверие не должно нарушаться вмешательством какого-либо рода, например принудительными конверсиями, которые опрокидывают калькуляцию стоимости. Владельцы капиталов, ищущих помещения (Anleger), желают быть избавленными как сейчас, так и в будущем от ущерба их собственности в результате непредвиденных мероприятий или потребуют обратно свои деньги. Напугать их — это значит разрушить в настоящем и будущем рынок капиталов и удорожить процент».

Стоит только сравнить эти рассуждения с приведенными выше цитатами из национал-социалистского экономического «катехизиса» Готфрида Федера, чтобы установить, какую эволюцию проделала национал-социалистская партия в этом кардинальном вопросе ее экономической программы.

По вопросу о банковском учетном проценте журнал «Die deutsche Volkswirtschaft» помещает в № 9 за 1933 г. статью В. Клебба «Zum Thema «Zinssenkung», в которой автор анализирует те элементы, из которых складываются оперативные издержки банков, и старается установить, в какой мере возможно снижение банковского процента за счет уменьшения банковских расходов. Тут от национал-социалистской демагогии не остается уж и следа. Все рассуждения автора исходят из защиты интересов банков, тех самых банков, против которых национал-социалистская печать еще так недавно метала бутофорские громы и молнии.

Еще эффективнее оказалось банкротство национал-социалистов в вопросе о борьбе против «еврейских универсальных магазинов». Программа национал-социалистской партии предусматривает их «немедленную муниципализацию». В бесчисленных статьях и брошюрах доказывалось, какой колоссальный вред мелким торговцам наносит универмаги своей «нечистоплотной конкуренцией» (unlauterer Wettbewerb), и давалось обещание немедленной ликвидации универмагов и сдачи их помещений по частям мелким торговцам и ремесленникам. Это обещание было одной из главных приманок для городского «среднего сословия» во время предвыборной агитации, при вербовке в партию и т. п.

Как известно, с первых же дней после прихода правительства Гитлера к власти национал-социалистские союзы мелких торговцев и ремесленников развернули агитацию за бойкот еврейских магазинов и в особенности универмагов. Бойкот проводился не только с ведома и согласия правительства, но и при его непосредственном и деятельном участии.

Однако и до и после бойкота никаких мер к закрытию универмагов и превращению их в закрытые базары для мелких торговцев принято не было.

Статья д-ра Пауля Гилланда (Paul Hilland) «National-sozialistische Einzelhandelspolitik» в журнале «Die deutsche Volkswirtschaft» № 5 за 1933 г. повествует о проведенных мероприятиях правительства по защите мелкой розничной торговли. Таких мероприятий проведено два: закон о запрещении давать покупателям бесплатные премии при покупке и закон о запрещении открытия новых розничных магазинов

течение 6 мес. Что касается борьбы против универсальных магазинов, то здесь все предоставляется добровольным усилиям самих мелких торговцев. Журнал заверяет читателей, что борьба будет продолжаться. «Однако, — заявляет он, — оказалось необходимым в настоящее время приступать к делу с осторожностью. Руководящие промышленные круги обратились к министру хозяйства д-ру Гугенбергу с указанием, что немедленное запрещение универмагов сильно повредит целому ряду отраслей промышленности...» Автор статьи почтительно возражает «руководящим промышленным кругам», но считает все-таки, что их решению надо подчиниться. «Быть может, несмотря на это, считаясь с существующими в данный момент течениями в промышленности, будет умнее не устранять совсем универсальные магазины, а лишить их универсального характера и постепенно превратить в специализированные магазины».

Успехи, достигнутые в этом направлении, не особенно велики. Автор сообщает, что в Гамбурге один универмаг согласился ликвидировать одно отделение, в котором продавались прохладительные напитки, один универмаг во Франкфурте на Майне решил с 1 июля прекратить у себя продажу продовольствия и т. д. Все это не выходит за пределы обычных перестроек торгового дела в связи с изменением конъюнктуры, и неизвестно, что именно здесь нужно отнести за счет давления мелких торговцев на универмаги и что — за счет падения спроса на определенные товары.

В июле 1933 г. был проведен имперским правительством закон о запрещении универсальным магазинам иметь рестораны и парикмахерские.

Но не этими показными мероприятиями характеризуется политика национал-социалистского правительства по отношению к универмагам. Для иллюстрации истинной практической политики фашистской диктатуры в этом вопросе приведем один красочный факт. В приложении к № 42 журнала «Die deutsche Volkswirtschaft» от 21 июля 1933 г. помещена статья «Hermann Tietz», характеризующая состояние дел этой крупнейшей фирмы, обладающей десятками огромных универсальных магазинов в Германии и даже за ее пределами. Автор статьи уверяет, что «еще в 1932 г. фирма в финансовом отношении была здорова». Дела ее пошатнулись в результате бойкота (владельцы фирмы — евреи). Возникла опасность банкротства. Автор статьи указывает, что дело шло не только о судьбе фирмы «Герман Тиц». Неплатежеспособность этой одной фирмы несомненно повела бы к краху других универсальных магазинов. А так как обороты германских универмагов даже в 1933 г. при кризисе составили свыше 1 100 млн. марок и число служащих в них достигало 100 тыс., то имперское правительство, сохраняя свою принципиальную точку зрения, решило в данный момент борьбу против универмагов прекратить. 7 июля заместителем «вождей» по партийной линии Германом Гесс был издан приказ о прекращении борьбы против универмагов.

Что касается фирмы «Герман Тиц», то она была «санирована, причем ей был предоставлен кредит в 14,5 млн. марок из средств государственного учреждения — «Акцептного банка».

Трудно себе представить более позорное фиаско всей политики национал-социалистского правительства, чем это предоставление 14½-миллионного кредита фирме универсальных магазинов, пострадавшей от еврейского бойкота, организованного самим этим правительством.

Вообще после всей своей шумихи против «еврейского капитала» национал-социалисты сейчас бьют отбой по всей линии, обрушиваясь с тем большим ожесточением на еврейских ремесленников, врачей, адвокатов, журналистов и т. п.

Перемена их позиции по отношению к «еврейским фирмам» характеризуется национал-социалистским журналом «Die deutsche Volkswirtschaft» № 10 за 1933 г. в статье «Was ist eine deutsche Firma».

Автор рассуждает в ней следующим образом: с точки зрения истинного национал-социализма немецкой фирмой можно считать только такую, где владельцы и все служащие имеют по меньшей мере три поколения арийских предков и где капитал тоже принадлежит чистокровным арийцам. Однако «хозяйственные круги» считают, что такое толкование понятия «немецкой фирмы» слишком ригористично, и требуют только, чтобы на руководящих хозяйственных постах находились арийцы, а в отношении семитов соблюдалась процентная норма. Но и это более «либеральное» толкование оказалось неподходящим. «Имперское правительство, — пишет автор, — сконцентрировавшее в последние месяцы все свои усилия на том, чтобы посредством создания работы сделать миллионы безработных активными и сознательными немцами и членами национал-социалистского государства, озабочено прежде всего тем, чтобы целиком и полностью использовать аппарат хозяйства и устранить все, даже ничтожные, нарушения его хода, которые могли бы из-за увольнения рабочих поставить под угрозу осуществление программы работ. Поэтому согласно директивам правительства немецкие товары должны при всяких обстоятельствах предпочитаться всяким другим. Немецкими товарами считаются те, которые производятся немецкими рабочими из немецкого сырья».

Более того: «Немецкими фирмами могут считаться даже те иностранные фирмы, кото-

рые имеют свои отделения в Германии, нанимают немецких рабочих и перерабатывают немецкое сырье». «Поэтому, — заключает автор, — никакой бойкот против таких предприятий не будет терпим».

Редакционная статья в журнале «Die deutsche Volkswirtschaft» представляет собой материал, обязательный для национал-социалистических функционеров, и поэтому практического значения этой статьи нельзя недооценивать.

В то время как мелкобуржуазная демагогическая мишура быстро слетает с гитлеровского правительства и с каждым днем все больше и больше обнажается истинное лицо террористической диктатуры монополистического капитала, партийные «теоретики» продолжают свою болтовню о неизменности «основных принципов национал-социализма». В этом отношении характерны все многочисленные речи, произнесенные на национал-социалистском партийтаге в Нюренберге 1—4 сентября. Отчеты о них напечатаны в «Völkischer Beobachter» за эти дни.

Доклад по «теоретической экономике» был сделан на съезде Готфридом Федером на тему «Национал-социалистское хозяйство — технико-органическое мышление вместо либеральной болтовни».

Наиболее подробно Федер остановился на «сословном строе». Современное германское хозяйство представляется Федеру диким хаосом и смесью различных групп со взаимоперекрещивающимися интересами. Федер предлагает распределить хозяйственную деятельность между тремя сословиями, которые будут соответствовать потребностям людей, а не интересам банков. Потребности людей, по Федеру, целиком укладываются в трехчленную формулу: пища, жилище, одежда. Отсюда три основных области народного хозяйства и три самостоятельных «сословия». Остальные области — транспорт, техника, торговля, управление — являются функциями, производными от основных. На первое место в сословном строе Федер ставит сельское хозяйство, которое производит пищу, на второе — строительное дело. К третьей области относятся текстильная промышленность, портняжное ремесло, сапожное дело. Однако сам Федер замечает, что не все хозяйство укладывается в его трехчленную формулу. «Так, мне кажется, — говорит он, — что производство химических продуктов выросло в современном хозяйстве до степени самостоятельной области. В каменноугольной, горнорудной и металлургической промышленности мы тоже имеем самостоятельные области». «Для того чтобы определить, относится ли данная хозяйственная деятельность к основному сословному, или к подсобному «функциональному» ряду, надо ответить на вопрос: создает ли та или иная деятельность ценности и блага или является только функцией производственного процесса». Так например, министерство хозяйства не производит ценностей. Финансы и кредит тоже не создают ценностей и поэтому должны служить хозяйству, а не управлять им.

Создав таким образом целый ряд теоретических ценностей, Федер спускается с высот своего абстрактного скудоумия на грешную землю и указывает, какие «области» подготовлены для социализации. Таких областей только две: железнодорожный транспорт и почта. На очереди стоит коммунальное хозяйство. При этом Федер однако предостерегает, чтобы города, общины и провинции не присваивали себе отдельных промышленных предприятий, а то это будет похоже на «марксистское хозяйничанье».

В конце доклада Федер садится на своего конька — на «еврейский вопрос». Для евреев типично, что они сделали из торговли самостоятельную область, так как евреи по призванию торговцы. Они неохотно участвуют в производстве, но зато видят свою область в посредничестве между производством и потреблением, стремясь всемерно увеличить разницу между ценой производителя и ценой потребителя.

Таковы те экономические «откровения», до которых докатилась буржуазная мысль в Германии. То обстоятельство, что высшим авторитетом в экономической теории среди единственной правящей партии является Готфрид Федер, свидетельствует о всей глупине идеологического банкротства и падения германской буржуазии.

ПРОГРАММА* ПО ТЕОРИИ СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ НА 1933/34 УЧЕБНЫЙ ГОД

Отдел I

Тема 1. Диктатура пролетариата — основа экономического развития в переходный от капитализма к коммунизму период

1. Научный социализм Маркса—Ленина. Научный и утопический социализм. Марксизм и ревизионизм о социализме. Пролетарская революция и диктатура пролетариата. Переходный период как период революционного преобразования капитализма в коммунизм. Коммунизм и его фазы. Критика социал-фашистских (Каутский, Реннер и др.) «теорий» вращаения капитализма в социализм. Ошибки Р. Люксембург в теории пролетарской революции.

2. Закон неравномерного развития капитализма и возможность победы социализма первоначально в одной стране (Маркс, Ленин, Сталин). Критика троцкистов и правых уклонистов в вопросе о победе социализма в СССР. Победа социализма в СССР в результате выполнения первой пятилетки и ее международное значение.

3. Классы и формы классовой борьбы в переходный период на разных этапах. Экономические уклады. Проблема «кто—кого». Борьба между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом. Противоречия переходного периода между самой передовой — советской — властью и отсталой по сравнению с передовыми капиталистическими странами техникой, между крупной социалистической промышленностью и мелким крестьянским хозяйством.

4. Диктатура пролетариата как основа экономического развития в переходный период. Первенство политики над экономикой. Экономическая политика пролетарского государства и преобразование общественных отношений. Нэп как политика, рассчитанная на построение социалистического общества. Значение организационного вопроса. Задача поднятия организационной практической работы до уровня политического руководства. Критика троцкистских, правооппортунистических и левацких пониманий нэпа.

5. Плановый характер закономерностей социалистического строительства в СССР. Установки первой и второй пятилетки с. Расширенное социалистическое воспроизводство и уничтожение классов как содержание государственного плана в переходный период. Критика буржуазных, социал-фашистских и фашистских «теорий» планирования капитализма и их классовый смысл. Критика буржуазных теорий господства в СССР закона стоимости (Юровский и др.), «закона» первоначального социалистического накопления (Преображенский) и правооппортунистического «закона» трудовых затрат (Бухарин).

Тема 2. Этапы социалистического строительства в СССР. Итоги первой пятилетки. Вторая пятилетка

1. Необходимость изучения законов движения на разных этапах переходного периода. Изменение соотношения классовых сил и форм классовой борьбы и этапы переходного периода в СССР.

2. Первые мероприятия пролетарского государства в области переделки экономики страны — период от начала Октябрьской революции до военного коммунизма. Опыт Венгерской советской республики.

3. Экономика периода военного коммунизма. Возможность «военного коммунизма» в условиях пролетарской революции и гражданской войны в других странах.

4. Экономика восстановительного периода нэпа. Соотношение классовых сил и формы классовой борьбы на этом этапе. Социалистическая индустриализация и коллективизация страны (XIV и XV съезды ВКП(б) и переход к реконструктивному периоду).

5. Экономика реконструктивного периода. Изменение соотношения классовых сил и форм классовой борьбы. Переход к развернутому социалистическому наступлению по всему фронту. Последний этап переходной экономики и первый этап социализма.

* Часть тем проходит в порядке семинарской работы, остальные темы — в порядке лекций.

6. Пятилетка 1928—1932 гг. — этап реконструктивного периода. Создание экономического фундамента социализма.

7. Вторая пятилетка — завершение социалистической реконструкции страны. Ликвидация многоукладности экономики СССР и установление социалистического способа производства как единственного способа производства. Построение социалистического общества во второй пятилетке.

8. Борьба с оппортунизмом на два фронта на разных этапах. Правый уклон как главная опасность на данном этапе.

Отдел II

Тема 3. Введение. Социалистическое воспроизводство. Расширенное социалистическое воспроизводство

1. Капиталистическое и социалистическое воспроизводство. Расширенное воспроизводство в СССР как процесс социалистической реконструкции народного хозяйства. Расширенное воспроизводство социалистических отношений и уничтожение классов как содержание и результат воспроизводства в СССР.

2. Значение марксовой теории воспроизводства для переходного периода. Ленин и Сталин о воспроизводстве в СССР. Критика буржуазных и правооппортунистических теорий «равновесия» секторов. Критика троцкистской концепции воспроизводства в СССР.

3. Уничтожение основного противоречия капитализма в СССР и бескризисный характер воспроизводства в СССР. Трудности роста социализма в СССР и их природа. Критика теории о неизбежности кризиса в СССР (Базаров, Троцкий, Бухарин). Критика правооппортунистической «теории» плавного развития советской экономики.

4. Своеобразие воспроизводства в СССР в восстановительный период, в первой пятилетке и во второй пятилетке.

Тема 4. Индустриализация СССР и темпы социалистического воспроизводства

1. Учение Маркса и Ленина о крупной промышленности как материальной базе социализма. Развитие марксизма в учении Ленина об электрификации СССР.

2. Проблема завершения построения материальной базы социализма в СССР. Внутренние и внешние противоречия, вызывающие необходимость индустриализации СССР и ее ускоренных темпов. Преимущество советской системы, дающее возможность высоких темпов индустриализации.

3. Ведущая роль тяжелой промышленности. Превращение СССР из аграрной страны в индустриальную в первой пятилетке. Машиностроение — ведущее звено технической реконструкции. Электрификация всей страны. Критика троцкистов и правых оппортунистов в вопросе о темпах индустриализации страны.

4. Темпы первой пятилетки. Разрешение проблемы основных фондов в первой пятилетке. Проблема освоения новых основных фондов и новой техники во второй пятилетке. Возможность и необходимость перехода к менее ускоренным темпам, по крайней мере в первые два-три года второй пятилетки. Критика буржуазно-вредительской и оппортунистической теории затухающей кривой.

5. Индустриализация СССР в первой и второй пятилетках и ее влияние на развитие сельского хозяйства, транспорта в отсталых ранее районах. Техническое перевооружение всех отраслей народного хозяйства СССР во второй пятилетке. Задача увеличения вдвое и втрое производства предметов потребления. Развитие легкой индустрии во второй пятилетке. Роль местной промышленности.

Тема 5. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства

1. Маркс — Энгельс — Ленин — Сталин о взаимоотношении пролетариата и крестьянства в пролетарской революции и путях социалистической реконструкции сельского хозяйства.

2. Политика партии в условиях диктатуры пролетариата в СССР в области аграрных отношений на разных этапах. Значение национализации земли пролетарским государством.

3. Противоречия между крупной социалистической промышленностью и мелким крестьянским хозяйством в СССР. Социалистическая индустриализация как база социалистической реконструкции сельского хозяйства. Классовая борьба в деревне. Ленинский кооперативный план. Совхозы и колхозы.

4. Колхозы как социалистическая форма хозяйства. Борьба за большевистские колхозы. Значение МТС в социалистической реконструкции сельского хозяйства. Сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса. Колхозное крестьянство как опора советской власти.

5. Разрешение проблемы «кто — кого» в земледелии. Победа социализма в СССР в первой пятилетке. Переход основной части сельского хозяйства к расширенному социалистическому воспроизводству. Разрешение зерновой проблемы в первой пятилетке и задача разрешения животноводческой проблемы во второй. Рост посевных площадей и товарности сельского хозяйства в первой пятилетке. Организационно-хозяйственное и политическое укрепление совхозов и колхозов. Значение политотде-

лов в совхозах и МТС. Новые формы классовой борьбы в деревне на современном этапе.

6. Уничтожение классов и проблема ликвидации противоположности между городом и деревней в СССР.

7. Критика социал-фашистов, вредителей, троцкистов, правых оппортунистов и «леваков» в вопросах реконструкции сельского хозяйства.

Тема 6. Баланс народного хозяйства СССР

1. Баланс как отражение основных закономерностей расширенного социалистического воспроизводства. Соотношение между секторами I и II подразделений. Социалистическое обобществление. Соотношение производства, накопления и потребления. Динамика производительности труда, основных фондов и технической реконструкции. Возмещение общественного продукта в балансе народного хозяйства. Баланс как метод определения и нахождения путей преодоления узких мест. Город и деревня в балансе. Соотношение различных отраслей в балансе. Классовые сдвиги, классовая борьба и их отражение в балансе.

2. Основные установки партии по вопросу о соотношении производства и потребления в первой и второй пятилетках. Критика антимарксистских теорий по этому вопросу (Преображенский, Бухарин и др.).

3. Анализ расчетов важнейших балансов производства и потребления за истекшие годы: хлебофуражного, металла, топлива, строительных материалов, машин и оборудования. Критика вредительской и оппортунистической «теории» баланса.

4. Темпы накопления в капиталистических странах и в СССР. Источники накопления в СССР на разных этапах. Критика правых и троцкистов в вопросах накопления.

5. Методология исчисления накопления в народном хозяйстве в СССР. Накопление в промышленности, сельском хозяйстве, торговле и транспорте. Основные фонды, капитальные вложения и накопление. Накопление по секторам народного хозяйства в СССР за истекшие годы. Перераспределение народного хозяйства как фактор накопления в общественном секторе.

6. Марксова теория народного дохода. Ленинская критика народников и вульгарных экономистов в вопросах народного дохода. Народный доход в СССР и в капиталистических странах. Критика буржуазных и оппортунистических теорий народного дохода в СССР.

7. Методы исчисления народного дохода. Производительный и непроизводительный труд при капитализме и в СССР. Определение размеров народного дохода за годы первой пятилетки. Народный доход в ценах соответствующих лет и в неизменных ценах. Распределение и перераспределение народного дохода по секторам и отраслям.

8. Рост народного дохода и его распределение между классами СССР на различных этапах. Итоги первой пятилетки и народный доход во второй пятилетке. Народный доход стран капитализма в эпоху всеобщего кризиса капитализма и за годы мирового экономического кризиса.

Тема 7. Размещение производительных сил в СССР

1. Маркс — Энгельс — Ленин — Сталин о размещении производительных сил при капитализме и социализме. Социалистическая реконструкция народного хозяйства и размещение производительных сил. Критика троцкизма, правых уклонистов и буржуазно-вредительских «теорий» в вопросах реконструкции народного хозяйства СССР.

2. Крупная промышленность при капитализме и размещение производительных сил. Закон неравномерного развития капитализма при империализме и его влияние на размещение производительных сил. Капиталистическое размещение производительных сил (на примере дореволюционной России, современной Германии и Соединенных Штатов). Критика современных буржуазных теорий (Вебер и др.) размещения производительных сил. Принципиальное отличие социалистического размещения производительных сил от капиталистического.

3. Особенности социалистического размещения в условиях переходного периода в СССР. Социалистическое размещение производительных сил и уничтожение противоположности между городом и деревней и исторической отсталости национальных окраин. Значение энергетики, транспорта, сырья, рабочей силы. Размещение производительных сил в СССР. Комбинаты как форма размещения. Оборона страны. Издержки производства и размещение производительных сил.

4. Основные направления размещения производительных сил в первой пятилетке в СССР. Создание второй угольно-металлургической базы. Размещение электростанций, машиностроение.

Новая база текстильной промышленности. Химическая промышленность. Сельскохозяйственное производство. Перспективы размещения производительных сил во второй пятилетке и план электрификации. Изживание во второй пятилетке хозяйственной и культурной отсталости национальных республик и областей.

Тема 8. Основы технической реконструкции народного хозяйства СССР

1. Классовый характер развития техники при капитализме. Границы развития техники при капитализме, техническое загнивание капитализма в период империа-

лизма. Неравномерность развития техники при капитализме и обострение ее при империализме. Техническое загнивание в период всеобщего кризиса капитализма.

2. Закономерности развития техники в период социалистической реконструкции в СССР. Техническая реконструкция как важнейшее звено социалистической реконструкции. «Техника в период реконструкции решает все» (С т а л и н). Создание новейшей технической базы народного хозяйства. Задача догнать и перегнать передовые капиталистические страны в технико-экономическом отношении. Итоги первой пятилетки в области технической реконструкции и задачи второй пятилетки. Задача освоения техники.

3. Реконструкция в первой и второй пятилетках металлургии, машиностроения, химии, топливной промышленности, легкой и пищевой промышленности.

4. Реконструкция в первой пятилетке транспорта в СССР. Железнодорожный транспорт. Водный транспорт. Воздушный транспорт. Дорожный транспорт и связь.

5. Сырьевые ресурсы СССР. База промышленного и с.-х. сырья в СССР. Размещение сырья. Задачи и пути разрешения сырьевой проблемы. Сырье и освобождение СССР от иностранной зависимости. Социалистическая реконструкция с.-х. сырьевой базы. Основные линии реконструкции отраслей, добывающих промышленное сырье. Развитие сырьевых отраслей в первой пятилетке и перспективы развития во второй пятилетке.

6. Развертывание производства новых видов с.-х. сырья и организация новых промышленных производств. Химизация народного хозяйства СССР и реконструкция сырьевой базы промышленности. Проблема первичной обработки, суррогатирования и сочетания различных видов сырья. Комбинированная переработка сырья. Рационализация потребления сырья.

Отдел III

Организация и производительность социалистического труда

Тема 9. Социалистическая организация труда

1. Непосредственно общественный характер труда на социалистических предприятиях в СССР. Рабство наемного труда при капитализме и свободный труд в СССР. Ликвидация противоположности прибавочного и необходимого труда на социалистических предприятиях. Однотипность и различие в характере и организации труда на государственных и колхозных предприятиях СССР. Характер труда в мелкотоварном производстве СССР.

2. Противоположность капиталистической и социалистической кооперации труда. Коммунистическое отношение к труду. Соцсоревнование и ударничество, встречный промфинплан, хозрасчетные бригады. Единоначалие на социалистических предприятиях. Борьба за социалистическую дисциплину труда как форма классовой борьбы. Шесть условий т. Сталина.

3. Критика Марксом и Лениным мелкобуржуазной теории «права на полный продукт труда». Социалистический принцип распределения продукта по труду. Сущность зарплаты в СССР. Значение социалистической организации труда в росте производительности труда. Постановления ЦК и СНК по Донбассу и по транспорту (вопросы организации труда). Противоположность капиталистической и социалистической сдельщины. Критика правооппортунистических, троцкистских и левацких теорий о характере труда и зарплаты на социалистических предприятиях в СССР.

4. Мануфактурный период социалистической кооперации на первом этапе колхозного движения и рост механизации. Превращение во второй пятилетке с.-х. труда в разновидность индустриального. Распределение продуктов в колхозах по трудодням. Соцсоревнование и ударничество в колхозах. Классовая борьба вокруг организации труда в колхозах. Значение МТС и политотделов в организации труда. Критика буржуазно-вредительских «теорий» (Кондратьев, Чайнов и др.), троцкизма, социалфашизма (Каутский и др.) и правого оппортунизма в вопросе о природе колхозов.

Тема 10. Проблема кадров

1. Проблема кадров в реконструктивный период. Планирование воспроизводства рабочей силы в СССР. Организованный набор рабочей силы. Баланс труда в колхозах. Источники комплектования рабочей силы для социалистических предприятий в промышленности и сельском хозяйстве. Новая роль профсоюзов в связи с ликвидацией органов Наркомтруда.

2. Подготовка квалифицированных кадров для социалистического строительства. Подъем квалификации рабочих и специалистов как условие овладения техникой. Пути подъема квалификации и социалистической перedelки людей.

3. Путь к уничтожению различия квалифицированного и неквалифицированного труда через всестороннюю квалификацию. Процесс ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом на базе уничтожения классов.

Тема 11. Производительность труда и издержки производства

1. Марксистско-ленинское определение производительности труда. Социалистическая рационализация и противоположность ее рационализации капиталистической. Повышение производительности труда как центральная задача социалистического строительства. Социалистическая реконструкция народного хозяйства и рост производительности труда в первой пятилетке. Подъем производительности труда во второй пятилетке. Критика правых и «левых» оппортунистов в вопросе о роли профсоюзов в строительстве социализма.

2. Пути повышения производительности труда. Преимущества колхозов в области производительности труда и значение в этом МТС. Пути повышения урожайности.

3. Природа издержек производства на социалистических предприятиях. Издержки производства и себестоимость. Итоги борьбы за снижение издержек производства в первой пятилетке и задачи второй. Издержки производства в колхозах и их особенности, Критерий эффективности производства в СССР. Критика буржуазно-вредительской и оппортунистической «теории» рентабельности в условиях СССР.

4. Критика троцкизма, правого и «левого» оппортунизма и буржуазно-вредительских «теорий» в вопросах производительности труда.

Тема 12. Рост материального и культурного уровня рабочего класса и колхозников

1. Рост жизненного уровня рабочего класса и трудящихся СССР. Показатели роста жизненного уровня рабочего класса в СССР в первой пятилетке. Ликвидация безработицы и аграрного перенаселения, уничтожение нищеты и пауперизма в СССР.

2. Программа повышения материального и культурного уровня рабочих и крестьян во второй пятилетке. Задача превращения колхозников в зажиточных.

3. Критика буржуазных и вредительских «теорий» жизненного уровня рабочих в СССР.

Отдел IV. Обращение в СССР

Тема 13. Советская торговля

1. Марксизм-ленинизм о соотношении производства и обращения в процессе воспроизводства. Критика социал-фашистской «меновой» концепции. Природа и роль обращения в СССР. Характер товарной формы в СССР.

2. Торговля в условиях пролетарской диктатуры. Торговля в СССР на разных этапах. Советская торговля в условиях преобладания в СССР социалистических форм производства и ее отличие от прямого продуктообмена. Советская торговля и классовая борьба.

3. Советская торговля на современном этапе. Государственная и кооперативная торговля. Колхозная торговля. Роль частной торговли на разных этапах и ее вытеснение обобществленным товарооборотом. Борьба за уничтожение спекуляции на современном этапе. Итоги первой пятилетки в области товарооборота, задачи развертывания советской торговли во второй пятилетке и подготовка к отмене нормирования отпуска товаров.

4. Значение товарооборота между городом и деревней. Производственная и торговая смычка на современном этапе. Значение развертывания товарооборота во второй пятилетке. Положительные и отрицательные стороны колхозной торговли. Колхозная торговля на базе выполнения обязательства перед пролетарским государством. Система заготовок на разных этапах. Контрактация, заготовки, имеющие силу налога. Децентрализованные заготовки.

5. Классовый производственный принцип снабжения. Рабочее снабжение и его организация. ОРС. Закрытие распределители. Коммерческая государственная торговля. Централизованное и децентрализованное снабжение. Создание предприятиями собственной продовольственной базы. Ударность в производстве и снабжении.

6. Планирование торговли на разных этапах. Пути товародвижения, его рационализация. Техническая база советской торговли. Торговая сеть.

7. Критика правооппортунистических и левацких «теорий» в вопросах обращения и советской торговли.

Тема 14. Деньги в СССР

1. Условия уничтожения денег. Необходимость денег в СССР. Контроль диктатуры пролетариата над мерой труда и потребления и роль денег. Особая природа денег в СССР. Деньги как инструмент социалистического строительства. Деньги и борьба классов.

2. Деньги на разных этапах социалистического строительства.

а) Расстроенная денежная система как наследие власти буржуазии. Проекты укрепления рубля в 1918 г. Военный коммунизм и классовые задачи в области денежного обращения. Критика левацких и буржуазных «теорий» роли денег на этом этапе. «Левые» теории «тредов».

б) Нзп и денежное обращение. Необходимость стабилизации рубля. Создание червонца. Своеобразие условий советского строя, обеспечивающих крепость червонца. Денежная реформа. Борьба с троцкистской теорией по вопросам денежного обращения.

в) Независимость советской валюты от капиталистической валюты. Особый характер обеспечения советской валюты. Планирование денежного обращения и его база. Борьба с правыми теориями «золотого рубля». Роль денег в отношениях пролетариата и крестьянства в восстановительный период и в начале реконструкции.

г) Рост социалистических отношений и необходимость кредитной реформы. Роль Госбанка после кредитной реформы и укрепление червонца. Борьба с автоматизмом кредитования и денежное обращение. Критика левацких теорий «отмирания» денег на нынешнем этапе и право-левацких и буржуазных теорий инфляции в СССР. Отсутствие инфляции в СССР и финансовый кризис современного капитализма. Роль золотого и товарного обеспечения в деле укрепления советского рубля. Пути дальнейшего укрепления советской валюты. Отличие роли денег на нынешнем этапе от первого этапа нзп. Программа партии об условиях уничтожения денег.

3. Критика вредительских, социал-фашистских, троцкистских, правых и «левых» теорий денег.

Тема 15. Кредит в СССР

1. Задачи кредита как орудия пролетарской диктатуры. Особая природа кредита в СССР. Программа большевиков в области кредита в 1917 г.

2. Захват и национализация банков. Превращение банков в расчетные центры в период военного коммунизма. Роль Государственного банка на первом этапе нзп. Создание специальных банков. Кредитование и финансирование хозяйства в восстановительный период. Классовая роль кредитной системы на этом этапе.

3. Кредитная реформа. Извращение ее принципов на практике. Поправки к ней. Существующая система кредитования. Срочность, возвратность и обеспеченность кредита материальными ценностями. Новая система кредитования товарооборота и ее значение для развертывания советской торговли. Роль Госбанка как расчетного центра. Основные формы расчетов между хозорганами. Роль Госбанка в деле укрепления хозрасчета и в стимулировании социалистического накопления. Госбанк и отраслевые банки финансирования.

4. Критика буржуазных, правых и «левых» теорий советского кредита.

Тема 16. Цены и издержки обращения в СССР

1. Издержки обращения в СССР. Шесть условий в советской торговле. Качественные показатели в советской торговле.

2. Природа и роль цены в СССР. Отпускные и оптовые, заготовительные, розничные, коммерческие и конвенционные цены. Цена как фактор перераспределения народного дохода. Ценообразование на разных этапах. Господство организованного рынка и плановой цены в СССР.

3. Политика снижения государственных и кооперативных цен. Регулирование цен на базарах. Движение цен в первой и второй пятилетках.

4. Критика буржуазно-вредительских, троцкистских, правооппортунистических и левацких теорий в вопросах товарной формы и цены в СССР.

Тема 17. Советский бюджет

1. Советский и капиталистический бюджеты. Их классовая природа. Значение бюджета как орудия политики пролетарского государства.

2. Советский бюджет. Этапы его развития. Бюджет, кредит и денежное обращение. Финансирование пролетарским государством социалистического строительства.

3. Государственный и местный бюджеты. Анализ их приходной и расходной статей. Изменение структуры бюджета на разных этапах советской экономики.

Отдел V. Народнохозяйственное планирование

Тема 18. Планирование народного хозяйства

1. Невозможность планового хозяйства при капитализме. Основы плановой экономики: диктатура пролетариата, национализация командных высот, социалистическая собственность на средства производства. Критика современных буржуазных и социал-фашистских теорий, утверждающих возможность планирования в условиях капитализма.

Критика отдельных попыток хозяйственного «регулирования» в капиталистических странах.

2. Классовая борьба за план и партийность в планировании. Классовая сущность плана как плана построения социалистического общества — расширенное воспроизводство социалистических производственных отношений, обобществление средств производства, переделка мелкотоварного крестьянского хозяйства, борьба, вытеснение, а затем и ликвидация капиталистических элементов. Различные формы реализации плана в зависимости от того, идет ли речь о социалистических предприятиях или о враждебных классах. План как директива. Ленин и Сталин о плане. Планирование как живая практическая деятельность миллионов людей. О свободе и необходимости в переходный период и при социализме.

Основные звенья плана: классовые сдвиги, социалистическое накопление и капитальные вложения, техническая реконструкция, трудовые ресурсы. Единство революционной теории и практики в планировании.

Критика буржуазного объективизма в планировании: «генетического» метода вредителей, троцкистского понимания плана, оппортунистического равнения на узкие места, левацкого перепрыгивания через этапы.

3. Планирование на разных этапах переходной экономики. Характеристика плановых рычагов в период военного коммунизма. Планирование на первом этапе нэпа; методология плана ГОЭЛРО; контрольные цифры. Ленин о сочетании ближайших и перспективных задач планирования. Борьба с мелкобуржуазной и капиталистической стихией. Плановые рычаги в восстановительный период.

Планирование в реконструктивный период. Особенности планирования на первом этапе социализма. Опыт планирования в первую пятилетку и задачи второй.

4. План и хозрасчет. Хозрасчет как орудие планирования. Хозяйственный договор как форма планирования. Хозрасчет и договор. План и хозрасчет на разных этапах. Критика буржуазного, правооппортунистического и левацкого извращения хозрасчета.

5. Балансовый метод планирования. План и баланс. Проблема взаимосвязи и пропорциональности частей народнохозяйственного плана. Сводный баланс народного хозяйства и его элементы. Финансовый и материальный планы. Денежный и натуральный балансы и их внутренняя зависимость. Проблема ресурсов, потребностей и резервов в балансе. Критика вредительской и правооппортунистической «теории» и практики составления баланса.

6. Система планирования. Народнохозяйственное и отраслевое планирование. Встречное планирование и его формы. Планирование района, кооперированных отраслей, комбината. Промышленные предприятия. Изменение плана партией в ходе его выполнения. Проверка выполнения плана. Методы наблюдения за конъюнктурой.

Тема 19. Социалистический учет в СССР

1. Социалистический учет и план. Учет и статистика в условиях капитализма и в СССР. Основные черты единого социалистического учета. Учет денежный, натуральный, трудовой; соотношение между ними. Низовой учет. Социалистический учет и бухгалтерия. Критика буржуазного, оппортунистического объективизма в учете. Критика механистических и идеалистических теорий учета.

2. Проблема экономических показателей плана и учета; народнохозяйственная система показателей; система показателей по промышленности, сельскому хозяйству, транспорту и строительству. Качественные и количественные, денежные и натуральные, технические и трудовые показатели. Цены неизменные, плановые и фактические. Экономические показатели производительности труда, издержек производства, валовой и чистой продукции.

Отдел VI. Борьба двух систем

Тема 20. Борьба двух систем

1. Расширенное социалистическое воспроизводство в СССР и капиталистический мир. Кризис в капиталистических странах и рост социализма в СССР. Критика троцкистской «теории» о контроле мировым капиталистическим рынком экономики СССР.

2. Задача догнать и перегнать передовые капиталистические страны в технико-экономическом отношении максимум в 10 лет (итоги первой и задачи второй пятилетки). Укрепление экономической независимости СССР. Укрепление обороноспособности СССР.

3. Международное значение расширенного воспроизводства СССР в свете итогов первой пятилетки. Диктатура пролетариата в СССР как очаг международной пролетарской революции.

4. Монополия внешней торговли. Критика троцкистской (Троцкий) и правооппортунистической (Бухарин) ревизии монополии внешней торговли. Изменение структуры экспорта и импорта за первую пятилетку.

5. Мировой капиталистический кризис и обострение противоречий империализма и социализма. Кризис и торговые отношения СССР с капиталистическим миром.

Отдел VII

Тема 21. Предмет и метод политической экономии

1. Предмет политической экономии в «узком смысле» и политической экономии в «широком смысле» (Энгельс, Ленин). Критика буржуазного, гильфердинго-рубинского, богдановского, люксембургского и бухаринского понимания предмета политической экономии. Учение Маркса — Ленина об экономической формации.

2. Производственные отношения и производительные силы. Критика механицизма и идеализма по данному вопросу. Критика буржуазного, социал-фашистского, троцкистского и правооппортунистического понимания производственных отношений и производительных сил.

3. Теория советского хозяйства и теория планирования как единая наука. Экономическая политика пролетарского государства и содержание теории советского хозяйства.

4. Классы и классовая борьба при капитализме и в переходный период. Основные противоречия капитализма и переходной экономики.

5. Экономика и политика при капитализме и в переходный период. Критика каутскианства, троцкизма (Троцкий, Преображенский) и правого оппортунизма (Бухарин). Единство революционной теории и практики.

6. Принципиальное отличие закономерностей движения при капитализме и в условиях диктатуры пролетариата. Закон движения капиталистического общества и переходного периода.

7. Производство, обмен, распределение и потребление при капитализме и в переходный период.

8. Метод политической экономии. Диалектика в «Капитале». Применение материалистической диалектики к изучению советской экономики.

9. Критика метода классической школы (Смит, Рикардо). Критика метода исторической, австрийской, «социальной» и математической школ. Марксова критика буржуазной экономики. Критика Лениным буржуазной экономики. Революционный, партийный характер марксовой политэкономии.

10. Критика механистических и идеалистических извращений метода политической экономии. Рубинщина в политической экономии. Меншевиствующий идеализм в философии. Классовые корни и политическая сущность механистического и идеалистического извращения марксо-ленинской экономической теории. Механицизм и идеализм на службе контрреволюции.

11. Ленинский этап в политической экономии. Развитие Лениным марксовой политической экономии. Дальнейшее развитие ее в работах Сталина, решениях партии и Коминтерна.

Р е д к о л л е г и я: Бутев К. (ответственный редактор), Вознесенский Н., Гатевский Л., Кривицкий М., П. ригул С., Шурыгин В.

Сдано в производство 27/XI 1933 г.
Подписано к печати 20/1 1934 г.
Уполн. Главлита В—62743
Выпускающий М. Стр. льник: ва

Формат 72×105/16.
Партиздат № 959. Зак. тип. 3196
Объем 12 печ. лист. 61 000 зн. в п. л.
Тираж 16 505 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) — ПАРТИЗДАТ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1934 ГОД

НА ЖУРНАЛ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ КОМАНДЕМИИ

Ответственный редактор **Н. БУТАЕВ**

ГОД ИЗДАНИЯ 5-й ————— 6 НОМЕРОВ В ГОД

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА:

теоретическая разработка проблем социалистической реконструкции народного хозяйства СССР;

теоретическое освещение проблем современной фазы империализма, мирового экономического кризиса и проблемы взаимоотношений СССР с капиталистическими странами;

теоретическое разоблачение уклонов от ленинизма и генеральной линии партии;

борьба против буржуазной идеологии в области экономики СССР и капиталистических стран;

теоретическая разработка наименее разработанных сторон марксовой политэкономии.

Журнал рассчитан на экономистов, вузовцев и партактив.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на год — 24 рубля, на 6 месяцев — 12 рублей

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 4 РУБ.

Подписка принимается отделениями, магазинами и киосками Партиздата, уполномоченными по партпечать на предпринятых и в учреждениях, газетными бюро Союзпечати, всеми нисьмонсцами и почтовыми отделениями.

Подписку необходимо сдавать заблаговременно.